

С. Риуз-Короз

Эпопея Духа XX-го века.

Биография Рудольфа Штейнера

СОДЕРЖАНИЕ

Введение
Post scriptum

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. Годы ученичества

- I. Детство
- II. Юность
- III. Венские друзья
- IV. По путям Гёте
Пра-идея
- V. "Философия свободы" или Краеугольный камень
- VI. Первое приближение к науке: "Знакомые незнакомцы"
- VII. Второе приближение: Встреча с Геккелем
- VIII. Третье приближение: Знакомство с Ницше
- IX. Отъезд из Веймара
- X. "Литературный журнал"
- XI. Народный университет
- XII. Внутренний опыт переживания Христа

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. Начало дела учителя

- XIII. Теософская перспектива
- XIV. Основания науки о духе
- XV. Слияние с делом
- XVI. Ясновидение и управляемое исследование
- XVII. Каким его видели
- XVIII. В Париже в 1906 году
- XIX. "Разокультуривать оккультное"
- XX. То, что предвидел Розенкрейц:
  - A. *Западный оккультизм.*
  - B. *Усиленное сознание.*
  - C. *Ось эволюции: вступление Христа*
- XXI. Три конгресса

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. Осуществление

- XXII. Антропософское общество
- XXIII. Посланник духа
- XXIV. Драмы-Мистерии в Мюнхене
Художественные мастерские
Летние празднества
- XXV. "Johannes - Bau" (Иоханнес-Бау - Иоанново здание)
- XXVI. Август 1914 года
- XXVII. Мастер свершения
- XXVIII. "Дом слова"
- XXIX. От Иоаннова здания к Гетеанума
- XXX. Распад 1917 года и духовное решение
- XXXI. Борьба за Трехчленность
- XXXII. Испытание огнем
- XXXIII. Новый краеугольный камень
- XXXV. Импульс Михаила
- XXXVI. Чтобы все исполнилось
- Приложение 1. Хронологические данные
- Приложение 2. По поводу рукописей Барра
- Примечания

ВВЕДЕНИЕ

"Подлинная деятельность Рудольфа Штайнера откроется только тому историку, который будет призван написать историю этой величественной жизни. Только тогда поймут с глубоким удивлением все то, что эта жизнь незаметно свершила для всего человечества, какое основание для будущего развития положил этот вдохновенный ум в момент, когда наш век углублялся в мертвенную пустыню материализма".

Христиан Моргенштерн

Рудольф Штайнер! Кто из людей XX века был так почитаем своими последователями, и так поносим своими хулителями, защищаем одними и преследуем насмерть другими в той мере, в какой это выпало ему на долю? Его жизнь - это духовная эпопея. Эпической была и борьба вокруг его имени. Обширная литература на немецком и английском языках свидетельствует об этом. Личные воспоминания, комментарии, выдержки из его сочинений, вперемешку с еще не остывшей полемикой.

Во Франции, за исключением нескольких статей, разбросанных по разным журналам, еще почти ничего не существует. Широкой публике мало знаком образ этого предтечи будущего, вставшего на пороге XX века. Однако, среди людей, наиболее осведомленных о глубоких течениях современной мысли, некоторым известно, что его идеи обращаются в крови эпохи и его влияние несомненно, хотя и безымянно присутствует в тысячах проявлений нового духа времени. Почему же среди одних - незнание, среди других - тайный заговор молчания? Почему имя Рудольфа Штайнера сознательно замалчивается, хотя он находится у истока идей и понятий, которые воплотились в жизнь в формах искусства, сегодня утвердившихся, в технических процессах, у него заимствованных? Потому что Рудольф Штайнер совершенно выходит из рамок и нарушает правила, установленные эпохой. Он "видящий мыслитель". Рациональные мыслители испытывают священный ужас перед сверхчувственными откровениями, которые они априорно определяют как иррациональные. Мистики не знают, как им применить его философскую мысль. Церковники путаются силы его видений, не входящих в ортодоксальные представления.

"Если бы он не был оккультистом, - говорит Габриэль Трарьё, - Рудольф Штайнер считался бы выдающимся философом, об этом говорит его "Философия свободы" и его "Этюды о Гёте". Если бы он не был оккультистом, то сегодня была бы отдана дань социологу, ученому, гениальному психологу, которым он является, вдохновителю школ, клиник, обновленного театрального искусства, искусства слова, жеста, форм и красок... Несомненно, но ... он находится по другую сторону баррикады. Он видит существа и вещи в сверхчувственной реальности, нам не известной. Духовный мир, в котором он движется так же свободно, как мы в своих домах и улицах, для нас закрыт и кажется с первого взгляда не поддающимся контролю наших теперешних чувств и разума, на них основанного.

В то же время широта его взгляда внушает недоумение и тревогу. Эту универсальную компетенцию не признают здоровой, тогда как расчлененность привычного знания обеспечивает возможность его контролировать.

И, однако, то, что он утверждает, то, чему он учит, оказывается верным, благотворным и плодотворным, будучи перенесено в сферу практической деятельности.

В чем же кроется трагическое противоречие? В начале века, который принес человеческому сознанию одно из самых глубоких потрясений в его истории, появляется человек, в котором уже теперь пред осуществлены способности, могущие вывести за пределы кризиса. Этот человек черпает непосредственно из вечных источников той мудрости, без которой человеческая жизнь не может обойтись безнаказанно. Но столь необычная судьба делает этого человека одиноким в собственной среде. Он говорит языком, который может быть понят тогда, когда, следуя за ним, другие смогут его расшифровать. Он вынужден прокладывать свою собственную борозду в сознании своих современников. Он не популярный автор, в котором отражается эпоха, но провозвестник будущего, вызывающий беспокойство тем, что для него еще нет ни мерила, ни определения. Самый серьезный упрек, подлинный крик сердца, который бросают ему не признающие его: "немыслимо обладать способностями, о которых он говорит; если бы они были доступны человеку, почему же мы их не имеем?"

Правда, в наше время признают существование людей, обладающих сверхнормальной чувствительностью. Их признают, к ним прибегают в нужные минуты, но они вызывают беспокойство. Через них проявляются феномены, природа которых нам не ясна. Мы даже не способны разобраться в различных видах ясновидения, - того, что открывает глухие просветы ниже порога сознания, и того, что зажигает сверхсознанием высокое пламя духа. Гадалка, обладающая двойным зрением, например, не может его объяснить, да и слишком часто оно дается ценой потери физического и духовного равновесия. Что же касается ясновидящих, которые достигают грандиозных видений, подобных видениям Сведенборга или Вильяма Блэка, то они включают столь странные и необъяснимые элементы, что они отпугивают тех, кто увлекся было их красотой. Невозможно разобрать, где сияние истины, а где личное творчество автора.

Это недоверие и беспокойство вызывается нашим неведением в области сверхчувственного. Если бы у нас был какой-либо критерий, мы чувствовали себя свободнее.

В момент появления Рудольфа Штайнера казалось, что еще не возможно внести ясность научного метода в непосредственное познание духовного.

Сегодня эта вера пошатнулась. Элементы науки о сверхчувственном начинают медленно проникать в круг современных понятий. Они уже пускают ростки в философии. Может ли дух быть познан, осмыслен, понят? Эти вопросы начинают приобретать все больший смысл, и если мы начинаем давать утвердительный ответ на них, то это заслуга Рудольфа Штайнера. Возможно, что еще не везде отдают себе в этом отчет. Судьба вдохновителей, подобных ему, быть отрицаемыми в целом и обкрадываемыми в деталях. Время, однако, открывает их учение и выявляет могучую руку, держащую ключ от всего знания. Изучая постепенное развитие духовной науки, придется рано или поздно признать, что её основание заложено Рудольфом Штайнером. Его деятельность глубоко связана с судьбами XX века.

Он начинает своё учение в 1900 году и будет продолжать и развивать его в течение четверти века, до своей смерти 30 марта 1925 года. Но, может быть, только к концу того века, в который он вдохнул зарождающийся дух, люди разовьются настолько, что достигнут высоты поставленных им задач.

Сверхмерность, которая изолировала его среди его современников, была причиной того, что они не могли отвести ему должного места; она же вызвала клевету и ложные легенды, составляющие значительную часть того, что было написано за или против основателя антропософии.

Мы не собираемся здесь ни поучать доктрине, ни проповедовать, ни опровергать, мы просто хотим дать понять. Мы задались целью писать не апологию, а документальный рассказ, опирающийся на факты, даты, тексты, которыми мы располагаем. Мы надеемся этим способствовать тому, чтобы личность Рудольфа Штайнера вышла из легенды и вошла в историю. Только там она встанет во весь свой рост.

Для того, чтобы лучше следовать за ходом его жизни, мы были вынуждены, в той мере, в которой это было возможно, оставить в стороне изложение самого учения. Иначе повествование разрослось бы до размеров энциклопедии. Это же желание идти за последовательным ходом событий и за нитью судьбы заставило нас иногда придавать больше важности внешним событиям, чем они имели в глазах этого прокладывателя новых духовных путей. Это имело место, например, в теософском эпизоде. Его историческое развитие придало ему в нашем рассказе большее значение, чем он, возможно, имел для самого Штайнера, так как главной целью, привлекавшей его внимание в течение тех лет, которые связывают его с Теософским обществом, являлось его духовное учение, возможность его передачи людям. Мы не могли забыть, что в его жизни духовный опыт являлся стимулом действия, и должны были восстановить равновесие главами, исключительно посвященными раскрытию его внутренней жизни.

Мы опирались документально, главным образом, на писание самого Рудольфа Штайнера, считая, что он один умел выковыривать слова, годные для описания его внутренних переживаний, столь новых. Мы нигде не встречали в них описаний личной жизни, не потому, что он ее скрывал, но потому, что она была доведена до минимума и совершенно исчезла ко времени начала его служения, когда он принадлежал всем, кроме самого себя. Каждое его действие ткало историю духовного движения, которое он возглавлял, каждое его слово что-то вносило в его учение.

Его ученики узнавали о его прежней жизни из кратких замечаний, которые вызывались теми или иными обстоятельствами. Его учение возвышалось на тысячу локтей над частностями национального и семейного характера. Узнать его как человека, чтобы понять его учение, так же мало казалось необходимым его ученикам, как если бы их учитель свалился с неба. Во всяком случае, ничего из того, что он открывал своим слушателям, не могло быть объяснено его физическим происхождением.

Но его оппоненты думали иначе. Не имея возможности судить о нем по его духовным способностям, для оценки которых у них не существовало необходимых органов, они старались добраться до него в его частной жизни. Смотри по окружающей обстановке, из него делали то опасное вольнодумца, то реакционера, еврея для нацистов, фанатичного христианина для евреев, иезуита для буддистов, материалиста для христиан.

На нападки, касавшиеся его происхождения, его прошлого, приходилось отвечать фактами, предъявлять послужной список или свидетельство о крещении. В конце концов, он был вынужден говорить о себе, чтобы восстановить истину. Эти же причины побудили его взяться за автобиографию, которую он начал писать в последние месяцы своей жизни и оставил незаконченной. Он в ней о себе не "рассказывает", только упоминает по отношению к той или иной среде, в которой он вращался, к друзьям, с которыми он виделся, к людям, с которыми встречался, настаивая в том, что его касалось, только на происхождении его представления о мире. Автобиография прервалась, примерно там, где кончается вторая часть нашей книги. Кроме его автобиографии, мы обратились к его корреспонденции, которую начинают собирать и публиковать, к его писаниям и лекциям, где проскальзывают какие-либо скудные сведения о нем. Мы так же использовали страницы рукописей, еще не изданных которые посмертная воля Эдуарда Шюре отдала в наше распоряжение³.

Вы найдете в дополнении перечень главных биографических работ, посвященных нашему автору. Следует особо упомянуть значительную работу Г. Ваксмута "Geburt der geisteswissenschaft" ("Рождение духовной науки"), настоящую хронику деятельности Рудольфа Штайнера с момента начала его служения, затем личные воспоминания о взаимоотношениях с ним его учеников. Эти "встречи" являются драгоценными непосредственными свидетелями.

С особым рвением разыскивали мы те цитаты, где Рудольф Штайнер говорил сам. Читая одну за другой эти фразы, выделенные курсивом в нашем тексте, можно в нем уловить как бы во второй, внутренней и более насыщенной книге, - личный отголосок автора, что всегда является желанием каждого читателя биографий.

POST-SCRIPTUM

Всего двадцать лет протекло со времени публикации предисловия в 1951 году. Эти годы только подчеркнули те тени и тот свет, которые оно отмечало.

Тени? - Все тот же остракизм существует во Франции относительно Рудольфа Штайнера. Упорно не хотят знать эту личность, выходящую за обычные рамки. Если о нем и упоминали кое-где во французской прессе, то лишь для того, чтобы, скользнув беглым взглядом, определить в нем лунатическую личность, вегетарианца, феминиста (?), или же специалиста в области педагогики, архитектуры, медицины, перевоспитания, сельского хозяйства... Обнаружить весь его размах потребовало бы слишком много времени. "Дайте же мне в нескольких словах его главные идеи" - просят наиболее благожелательные. Но никакой поверхностной формулы предложить нельзя... и до сего дня ни одному французскому мыслителю не пришло в голову провести самому то огромное методологическое исследование, которое позволило бы постичь многообразную плодотворность Антропософии.

Свет? - С течением времени дело является возросшим. По мере того, как в обществе, пораженном злокачественной опухолью, возникают предсказанные ему разрушения, плоды антропософской деятельности, вдохновленные Рудольфом Штайнером, делаются явными и заметными. Над этим стоит поразмыслить.

Если бы он сам был всего лишь необычайным феноменом, редкостным и преходящим, если бы влияние его было только личным, то через пятьдесят лет после его смерти дело обратилось бы в прах... Но мы видим, что оно не только не утратило своего значения, но более современно, чем когда-либо. Итак, не предвосхищало ли оно будущего? Не полагало ли предпосылку для нового познания человечности? Не содержало ли противоядия той отраве, которую, под видом прогресса, материализм начинал внедрять в современную науку о человеке?

На первый взгляд, однако, стремление человечества, казалось бы, приняло направление, диаметрально противоположное направлению антропософии. Впечатляющие достижения последних десятилетий прямо противоречит всему, чему она учит. Чтобы в этом убедиться, достаточно напомнить наиболее выдающиеся из них:

Рудольф Штайнер говорил, что прогресс в познании космоса состоял бы прежде всего в постижении духовной сущности каждой из окружающих нас планетарных сфер, так как видимое в небе светило является в действительности лишь физическим уплотнением, как бы "опознавательным" знаком. Для того, что бы постичь происхождение и роль планет, надо изменить свой образ мышления, развить в себе скрытые силы, чтобы снова пережить предшествующие этапы развития и, выйдя за рамки современных земных условий, достичь слияния с космической мыслью.

Однако добиваются именно материальных полетов, чисто физической победы над космосом. В его пространство забрасываются тела, сделанные из земных материалов; эти тела, остающиеся изолированными, ограниченными в

пространстве, вклиниваются в него так же, как и образ мышления тех, кто рассчитал их путь и кто остается неспособным воспринять явления, качественно иные, чем на земле. Неудивительно, что к этому сугубо земному образу мышления, к которому систематически сводят жизнь космоса, обращаются расчеты политиков, озабоченных мыслью о лунных территориях, которые, например, могли бы быть присоединены и служить базой для баллистических подвигов. Вместо того, чтобы человеческое мышление развивать до мышления космического, сам космос сводят к понятиям, пригодным лишь для того, чтобы воспринимать утилитарную сторону вещей.

По учению Рудольфа Штайнера, человеческая мысль может стать орудием "нового ясновидения". Первым условием для этого будет ее расширение и усиление. Этим будет достигнута ясность сознания, определяющая всю ценность духовных исследований. Человеческая мысль сроднится с творческим деянием, "измыслившим" вселенную. Она сольется с явлениями жизни. Например, она будет следовать за этапами метаморфозы, какую бы форму не приняли внешние изменения. Воссоздавая таким образом единство вещей, она будет обладать общим, целостным и соответствующим настоящему времени видением Идеи. Отныне она осознает ее как космическую силу, как силу, которая "мыслит в себе". И наши мозговые рассуждения по сравнению с этими вечными и живыми идеями, предстанут теньными образами, схемами.

Однако изобретен электронный мозг, цифровая электронная вычислительная машина, которая манипулирует этими схемами и этими тенями. Она мгновенно получает формулы, подлинные технические шедевры. Но утрачено сознание того, что феномен мысли в человеке происходит от сверхчувственной Идеи; он угасает, производя физические и Подфизические колебания, которые воспринимает нервная система. В извилинах мозга эти тени истинной мысли уже мертвы. Электронная машина регистрирует только мертвую мысль; да она поэтому и может ее зарегистрировать и зашифровать, что она мертва. Но эти извилины - что их начертало? Эти тени - чем они отброшены? Космическая Идея, которую воспринимает живая мысль, иной природы, чем электронная машина; эта последняя может лишь перемалывать прах рассуждений, связанных с земными условиями; она сама - лишь порождение этой суб-продукции мысли.

"Человечество переступит порог..." - заявлял Рудольф Штайнер, утверждая, что "новое ясновидение" по указанному им методу открыло бы для человеческого сознания восприятие сверхчувственных явлений. Ибо человек не заключается полностью в том физическом существе, которое воспринимают наши чувства. Так же, как он принадлежит земле своим телом, он принадлежит всемирной душевности своей душой, а духом своим - Божественному разуму. Если он не воспринимает этого своими телесными чувствами, приспособленными для физического мира, то это потому, что он не умеет пользоваться теми другими органами, и остатки и зачатки которых одновременно содержатся в его душе и духе. Пусть он их упражняет, и иные "миры" откроются для него; он переступит порог и станет гражданином этих миров столь же сознательно, сколь с помощью своих физических чувств он - гражданин Земли.

Однако галлюциногены, включая и те, которые изготавливаются в биохимических лабораториях, предоставляют этот "период порога" в большей или меньшей степени, смотря по тому, какие средства употреблены - успокаивающие или стимулирующие.

Таким образом искусственно создается то разъединение между чувственным и сверхчувственным, которое должно было происходить под властью и ответственностью сознания. В результате, действительно, возникают сверхчувственные восприятия, которых, очевидно, многие жаждут в наши дни. Но они остаются всего лишь галлюцинациями, если не опираются на сознательное Я, способное как вызвать так и прекратить видение, и, главное, держать его под моральным контролем. Отсюда возникают беспорядочные нарушения в строении души, а следовательно и всего организма. Эти нарушения до такой степени распространены сейчас в странах высокой цивилизации, что, как утверждает президент Никсон, "если мы с ними не покончим, то они покончат с нами".

К этим трем примерам можно было бы добавить и многие другие, чтобы подтвердить, что цели, указанные людям в начале этого века Антропософией, систематически обходились течением событий в последние десятилетия. Они были претворены совершенно противоположным образом.

И ныне плоды этого устрашают.

Откуда происходит то, что несмотря на удивительные успехи науки и техники, народы погружаются в кризис цивилизации, который грозит гибелью всем их установлениям. Откуда происходит то, что общество больше не в состоянии распоряжаться судьбой людей, не в состоянии регулировать движение населения, которое скопляется в городах, где теряет облик человеческий, не в состоянии сохранять экологическое равновесие, которое стремительно падает?

С каждым днем земля делается менее пригодной для жизни, с каждым днем человек утрачивает частицу своей личности, своего места в мире; он уступает его карикатурному роботу, которого сам выдумал.

И если так называемый прогресс приводит к осквернению земного населения и к отравлению умов, то надо признать, что достижения нашего века пошли по ложному пути. Он подвергает человечество опасности, создавая почву для искаженных воззрений, и настало время извлечь урок из совершенных относительно человечности, относительно "anthropos'a" ошибок.

Наоборот, результаты, достигнутые в тишине Антропософией, не только не отброшены в прошлое этим ложным прогрессом, но предстают, как вехи на пути к возможному, хотя бы отчасти, возрождению.

Все то, что нам хотят выдать за триумфы механистического общества, в конечном счете всегда носит одну и ту же печать: оно ведет к разрушению и смерти на уровне планеты.

Наоборот, то, что создается методами, которые были указаны Рудольфом Штайнером, приводит к жизни. К жизни почв, которым возвращено плодородие, к жизни тел, которые снова учатся искусству выздоровления, к жизни сознаний, которые приходят к равновесию по мере того, как открывают себя мудрости.

"Жизненная тоска", грызущая возрастающие поколения, слишком рано выброшенные на дороги, не имеющие исхода, претворяется в строгую радость ответственности за землю, за свое будущее, за род человеческий и за свою личную судьбу в лоне иерархически построенной гармонической вселенной. /"Le mal de vivre" - трудно переводимое идиоматическое выражение (Прим. переводчика)"/

Нет, события не обгоняют и не опровергают дела Рудольфа Штайнера. В нем зреют плоды, которые будут более долговечны, чем лабораторные "сверх-результаты".

"Человеческая мудрость", антропософия, которую она несет, переживет грозящие разрушения, как мудрость Гераклита пережила развалины Эфеса.

Попытаемся же проследить ход жизни, посвященной сознанию этой мудрости.

Декабрь 1972.

Часть первая ГОДЫ УЧЕНИЧЕСТВА

**"Обстоятельства, данные мне, сложились так, что для меня никогда не составляло трудности восприятие духовной реальности. То, что вносил таким образом духовный мир в мою душу, проникало ее, принимая в ней форму идей и мыслей."
Р. Штайнер. Торквей, 12.08. 1924**

I. ДЕТСТВО

*Радость становления возникает из мирового лона,
Оживляя чувственную видимость.
Да найдет она силу моего мышления
Вооруженной божественными силами,
Мощно живущими во мне.
Р. Штайнер, Антропософский календарь души, февраль, 4 неделя.*

Он родился на заре 27 февраля 1861 года, в самом начале весны, между тремя и четырьмя часами утра, когда небо просветляется перед восходом солнца.

Это поворот года. "Календарь души" отмечает радость становления жизни, которая стремится к возрождению, но эта радость не опьяняет... она встречает мысль, которую за время зимы "вооружили божественные силы"³.

Он родился в самом сердце Европы. Его родители мирные австрийцы, крестьянского рода, католической религии. Отец, женившись, поступил на железную дорогу на юге Австрии. Он начал свою службу на маленькой венгерской станции Крадьевич*. Здесь родился Рудольф, его старший сын, в 1861 году. /"На линии Канитца-Будапешт./

Окружающая местность? Горы, деревни, на вершинах замки, внизу узенькая линия железной дороги, прорезывающая долину. Расположенная у подножья стены, связывающая нижнюю Австрию со Штирией, обращенная к югу, это, может быть, одна из самых живописных местностей страны⁴. Вершины, то блистающие на солнце, то покрытые спокойным снежным покровом. Эта величественная природа будет жизненной рамкой ребенка, затем юноши до восемнадцати лет. Будут и некоторые переезды, но по существу все тот же пейзаж, более грандиозный или веселый, более тесный или свободный, будут составлять его семейный горизонт. Кроме Рудольфа, в семье появится второй сын и дочка.

По мере развития ребенка все более утверждались две стороны его существа, которыми будет отмечена вся его жизнь. Он одновременно погружен в мир чувственный и сверхчувственный. Персонаж одной из его драм описывает ребенка словами, вполне применимыми к нему:

Был когда-то мальчик,
Он рос в уединении лесов,
Он имел друзьями деревья, цветы,
Духовные существа говорили с ним
Из деревьев, из чашечек цветов.
Он понимал их шепот,
Чудеса таинственного мира
Раскрывались ему,
Когда его душа сообщалась с тем,
Что считает безжизненным
Большинство людей. 5

В рамках повседневной жизни духовная действительность открывалась ему ясно и убедительно. Он говорил с духом вещей в природе легче, чем общался со своими близкими.

Умершие также не являются для его детского взора невидимыми тенями, как для нас. Однажды - в первые годы свои - вечером он сидел один в пустом зале ожидания их маленькой станции. Большая печь в углу согревала зал. Он смотрел на нее. Вдруг дверь как будто отворилась. Одна из его теток, которую он редко видел в жизни, приблизилась, скользя, к ребенку, говорила с ним и исчезла в печи. Немного позднее семья узнает, что эта тетка покончила с собой⁴.

Этот случай не единственный, но не этот род ясновидения делает исключительной натуру, подобную Рудольфу Штайнеру, а скорее следующее: эти видения его нисколько не смущают. Он наблюдает их и подолгу о них думает. Что его больше смущает, это то, что он один видит их. Он очень скоро понимает, что о них не следует говорить тем, кто их не видит и будет над ним смеяться. До тех пор, пока он не сможет дать понять, что они существуют, более истинные, более реальные, чем знакомые предметы, пока он не сможет "доказать" их подлинность, он чувствует, что о них нужно молчать.

Ребенок растет.
Весь отдаваясь
Духу своего внутреннего мира,
Который кажется ему столь же знакомым,
Как члены его тела. 5

Иногда взор его приобретает глубину, перед которой окружающие останавливаются в смущении. В его детском поведении проглядывается зрелость, которая отбрасывает лучи на все окружающее, но остается молчаливой.

Эта врожденная особенность его характера открывается в нем с детства; он молчит о всем, что касается его внутренней жизни, но в то же время проявляет интенсивный интерес к другим, который сразу вводит его в самую сердцевину того, на что он смотрит, что слушает... Семи лет, еще маленьким мальчиком, он уже разделяет свой мир на две категории - вещи и существа, то, что видят все люди, и то, что видит он один.

Среди того, что он таким образом видит один, очень рано для него начинают фигурировать: "идеи". Ибо "идеи" подобны живым существам, которых он может созерцать наравне с чудесами его любимого леса. "Я испытывал внутреннее счастье, когда мог постичь что-либо чисто духовно".⁶

Один вопрос начинает занимать его очень рано - как показать другим, что эти идеи, ускоряющие в нем биение жизни горячей и ярче, чем внешний солнечный свет, не тени, за которые их принимают? Как дать почувствовать, что они говорят с душою голосом духа, столь же ясным, и даже более ясным, чем голос чувств? "Действительность внутреннего мира была для меня более очевидна, чем действительность внешнего".⁶

"Как объяснить это себе?" Вопросы поднимаются и растут в его детской душе. "Куда бы меня не приводили во время летних каникул мои прогулки, я непременно где-нибудь тихо усаживался, чтобы вернуться к вопросу, как перейти от простых обозримых понятий к идеям о природных явлениях, которые видишь в себе с такой очевидностью, к образам, отражающим все, находящееся во вне".⁷ Однако эта исключительная способность созерцания никогда не нарушала естественных границ его существа. Это не было парением над обычной каждодневной жизнью, не было экстазом, который знаком с юных лет великим мистикам. В то время как семилетний Людовик Гонзага, или четырехлетняя Катерина Сиенская, были увлекаемы за пределы их естества божественными существами, которые являлись им в исключительные моменты благодати, Рудольфу Штайнеру с детских лет открывается форма видения совершенно другого характера. Он воспринимает светозарную жизнь духа на том плане, который обычно доступен людям только в безжизненной форме бледных отражений или тени; это - "план первоначальных идей".

Эта внутренняя жизнь, которая развивается параллельно с его внешней жизнью, не мешает ему предаваться обычным занятиям, составляющим времяпровождение других деревенских мальчиков. Он принимает участие в оживленной деревенской жизни, еще управляемой прелестными патриархальными обычаями, и он будет хранить всю жизнь воспоминания о Поттшахе, где он жил с 2-х до 8-ми лет, и о Нейдорфле, где он оставался до венского периода своей жизни.

Совсем ребенком он ходит помогать крестьянам вязать хворост. Он подолгу слушает рассказы путешественников, проходящих через страну. Здесь, на вершине, увенчанной замком Фросдорф, укрылся наследник царствующего дома Франции, Генрих Шамбор. Там собираются таинственные личности: это члены масонской тайной ложи. Однажды, проходя мимо, он увидел в полуоткрытую дверь таинственные символы.

Он интересуется и прядильной фабрикой, скрывающей тайны машин. Его привлекает механизм мельницы. Движение на маленьких станциях также притягивает его внимание, и он, играя, знакомится с управлением стрелками и телеграфом. В то время в деревне небольшая станция представляла собой форпост "научного прогресса".

Мальчик свободно отдавался всем окружающим его впечатлениям, ибо ни в то время, ни когда бы то ни было после, внешние впечатления не мешали его внутреннему видению. Скорее наоборот, его глаза, смотрящие на внешний мир, передают ему впечатления более тусклые, чем его внутренний взор. Но он интуитивно понимает, что мир, который он носит в себе, и мир внешний дополняют друг друга, и нет у него более горячего желания, чем желание связать то, что он один видит, с впечатлениями, которые он разделяет со всеми другими.

Одна из первых больших радостей, утоливших его желание, была вызвана потрясающим открытием. В школьной библиотеке, где школьный учитель позволял ему рыться, он, девяти лет от роду, натывается на книгу по геометрии. В этих совершенных кривых и уравновешивающих друг друга линиях, в этих гармонических ясных фигурах он узнает "свой внутренний язык". Эти формы пришли из мира идей, который он постепенно мысленно созерцает. Он видел, как они создавались перед его внутренним взором. Они подтверждали его ощущения "внутреннего душевного пространства, которое является местом действия духовных существ".⁶ Значит и другим знакомы эти ясные формы, которые возможно созерцать только в себе, - говорит он.

"С энтузиазмом отдался я геометрии. В течение недель душа моя была заполнена конгруэнтностью, подобием треугольников, четырехугольников, многоугольников. Я ломал себе голову над вопросом о том, где пересекаются параллельные линии. Теорема Пифагора очаровала меня. Мне доставляло величайшее удовольствие возможность душевно переживать построение форм, созерцаемых чисто внутренне, без воздействия внешних впечатлений. Я черпал отсюда утешение в том настроении, которое вызывали у меня остающиеся без ответа вопросы. Возможность постигнуть что-либо духовно приносило мне внутреннее счастье. Я знаю, что благодаря геометрии, впервые познал счастье".⁵

Если бы мы услышали рассказ не от мадам Перрье, а от самого Паскаля об открытии, сделанном приблизительно в том же возрасте юным геометром из Клермон-Феррана, то он выразился бы, вероятно, теми же словами.

Занятие математикой, первые понятия об астрономии приносят мальчику, в свою очередь, подтверждение того, что небесный мир может найти себе отражение в мысли.

"Однажды пастор нашего села пришел в школу. Он собрал в нашей маленькой учительской наиболее "продвинутых" учеников, к которым он причислял и меня, и развернул перед нами сделанный им самим чертеж, по которому он объяснил нам коперникову систему мироздания... Я был этим совершенно захвачен. И целыми днями перерисовывал чертеж".⁵

В то время как грамматика, правописание и все условные познания, выработанные людьми, давались ему с огромным трудом, геометрия и астрономия, отражающие законы божественной мысли, напротив, удовлетворяли его потребности не чувствовать себя одиноким в своем внутреннем мире. Его главной, с детских лет, заботой было найти подтверждение в чувственном мире тому, что открывалось ему в его сверхчувственном опыте. Это желание, однако, не влекло его к религии. Его родители довольно безразлично относились к этому вопросу. Они окрестили его, но затем не занимались его религиозным воспитанием, которому вообще мало уделялось внимания в селах, где он рос. Обслуживали их пасторы, часто образованные, но обычно свободомыслящие. Отправление религиозного культа было чисто формальным. Как остальные школьники, которые по очереди прислуживали в церкви, маленький Рудольф прислуживал при мессе и звонил в колокольчик. Однако довольно скоро его отец добился того, что его освободили от этой религиозной практики, отнимавшей слишком много времени, да и не отвечавшей понятиям и мировоззрениям семьи Штайнеров.⁷

Духовная жизнь, кипевшая в мальчике, поднимала в нем множество невысказываемых вопросов. Стараясь найти на них ответы, он погружался в чтение философских и научных сочинений гораздо раньше, чем это делают обычно юноши.

Его отец, хотя и неспособный понять духовную глубину, которой обуславливались подобные ранние склонности, решил дать ему возможность продолжать учение по окончании сельской школы. Окрыленный успехами своего сына, этот достойный человек поставил себе целью сделать из него инженера путей сообщения. Он помещает Рудольфа в Техническую школу в соседнем городке Винер-Нейштадт. Она давала образование, соответствующее современному профилю наших лицеев (т.е. французских. Прим, переводчика).

Юный Рудольф поступил туда в 11 лет и получал там образование научного направления. Позднее он скажет: "Рядом с Технической школой находился Колледж (среднее учебное заведение во Франции. Прим, переводчика) цистерцианцев. Я был на волосок от того, чтобы попасть в него, а не в Техническую школу. И в этом я усматриваю замечательное воздействие моей кармы. Если бы я поступил в Колледж, то, без всякого сомнения, стал бы монахом цистерцианцем. Монахи меня сильно привлекали, к тому же большинство из них обладало высокой эрудицией. Я читал много написанных ими книг, которые меня глубоко трогали. Я касался их... но моя карма заставила меня принять другое направление".⁸

Он вынужден ходить в Техническую школу каждый день пешком, проходя несколько километров зимой, в ночное время и по колено в снегу. Два раза в сутки он переходит австро-венгерскую границу, в связи с особым положением, которое занимает местность, где он живет. Вначале его маленькая сестренка Леопольдина выходит ему на встречу и помогает тащить тяжелый ранец, битком набитый книгами. Зимней ночью дети идут быстро, крепко сжимая друг другу руки, так как оба немного боятся цыган.

Задумчивый мальчуган, подрастая из года в год, превращается в худощавого подростка с откиннутыми назад черными волосами, с матовым цветом лица и большими карими, всепоглощающими глазами. Весь его облик невольно привлекает внимание. Его огромная жажда знания вызывает к нему симпатию не только у его преподавателей, но и у других людей. Один из них, врач, интересующийся литературой, открывает ему доступ в свою библиотеку. Другая благоволящая к нему дама, зная стесненные обстоятельства семьи, часто приглашает мальчика к своему столу.

Его любимыми учителями являются преподаватели математики, физики, и особенно учитель геометрии. "Его преподавание являлось образцом порядка и ясности. Черчение с помощью циркуля, линейки и угольника, благодаря ему, стало моим любимым занятием"⁶.

Он прошел, таким образом, важный этап своего формирования. То, что он созерцал до сих пор как видение, приобретало устойчивость мышления. Он любил позднее рекомендовать изучение математики для перехода от явлений атавистического ясновидения к субстанциальной мысли. Путь, которым следует этот ребенок, в сущности повторяет последовательность великих этапов, пройденных человечеством. Флоры мудрости мистерий, не были ли выработаны сначала геометрами, подобными пифагорейцам, прежде чем быть перенесенными в область чистой мысли? Платон признавал это настолько, что не принимал в свою Академию никого, не прошедшего курса арифметики и геометрии. "Ибо, - утверждал он, - сам Бог является геометром".

Ученик Технической школы из Винер-Нейштадта проходит один за другим все этапы древности. "Я чувствовал, что за сведениями, которые я получал от своих преподавателей, поднимались во мне, хотя еще в младенческой форме, загадочные вопросы природных свершений"⁶.

Он добывает сам познания, которых ему не хватает в школе. Самое трудное найти для этого время. Здесь снова случай приходит ему на помощь. Вечерний поезд, с которым он должен был возвращаться домой, отходил очень поздно. Для того, чтобы мальчик не терял столько времени, начальник станции Винер-Нейштадт отвел ему пустой вагон на одном из запасных путей. В этой импровизированной келье он приобрел знание греческого, латыни и всего того, чего не было в программе Технической школы, главным образом загруженной предметами точного знания. Здесь он познал радость открывать одного за другим тех, кто посвятил себя раскрытию отношения человеческого духа и реальности. Философы широко открывают ему двери того мира идей, в который он был уже введен силой своего духа.

В 14 лет он открывает Канта, в котором он, в конце концов, ничего не найдет, кроме "пустыни для своего видения". Кантовская произвольная стена между теми вещами, которые мы видим, и непознаваемой реальностью, находящейся за ними, не могла привлечь этого юношу: для него не существовало подобных преград. "Я чувствовал, что мышление может быть преобразовано в силу, способную действительно охватить вещи и процессы мира. Для меня была непереносима мысль, что некая "материя" остается вне мышления, и о ней можно только "думать". То, что есть в вещах, должно находится и в мысли человека. - Вот то, что я все время твердил сам себе"⁸.

На своих товарищей он производит впечатление послушного ученика, немного отчужденного, не интересующимся рискованными фотографиями, которые передаются из-под полы, а предпочитающего чтение философов в своем одиноком вагоне прогулкам с товарищами.⁹

Для своих преподавателей он прилежный ученик, жаждущий знаний, порой смущающий их своей оригинальностью. Ученик, по-видимому, обладающий целой "философской библиотекой", так как его сочинения пестрят идеями и выражениями, отсутствующими в школьных пособиях.¹⁰

Внутренний монолог продолжается, не отвлекаясь ничем: как можно познать природу? Какое соотношение существует между природой и мыслью? До каких пределов мысль может проникнуть в природу? Может ли мысль все постичь? Я чувствую, что ответ может быть - да! Но тогда... Значит мысль живет во всем... или, вернее, все живет в мысли.¹⁰

Проблема этого пятнадцатилетнего мальчика - это интенсивная драма познания. Она займет первую половину его жизни. Вторая половина явится ее разрешением.

II. ЮНОСТЬ

"... очень повышенное чувство одиночества, чувство, будто паришь над бездонным, или тому подобное. В переживании таких ощущений рождаются силы для пути познания. Они являются зачатками плодов сверхчувственного познания".

Р. Штайнер, "Путь к самопознанию человека"

По выходе из школы в 1879 году, стипендия лауреата дает возможность Штайнеру продолжать занятия в Высшей технической школе в Вене. Отец Штайнера добивается перевода поближе к столице, и вся семья поселяется в Инзерсдорфе. Перед юным студентом откроются все возможности для ума и сердца, которые можно в то время встретить в Вене. Он идет к ним навстречу с нетерпеливым желанием расширить свои познания, жаждой войти в общение со своими будущими преподавателями, новыми друзьями, и приобретает, с первого же посещения города, значительное количество книг.

Однако одиночество, в котором протекала его внутренняя жизнь, не получило от этого облегчения. В детстве это одиночество смягчалось теплой сердечностью нравов, царивших в деревеньке и маленьком провинциальном городке. До сих пор столкновение идей знакомо ему в патриархальной форме обсуждения под тенью орешников и акаций. Теперь они встречаются ему в ином освещении, в более искрящемся и более возбуждающем. Если внутреннее одиночество остается для него постоянным фоном, то все же очарование венской души приносит облегчение и снимает с духовных проблем мучительную остроту, которую они порой приобретают в жестких городах Севера, где враждебность природы сливается с трудностями жизни. Рудольф Штайнер узнает эти темные стороны много позднее, в Берлине.

Программа занятий, которую он устанавливает для себя, огромна. Его синтезирующий ум продвигается сразу во всех направлениях, переступает через все разделения, стремясь к единому истинному познанию, которое универсально. Следуя курсу Высшей технической школы, где изучение математики, естественных наук и химии отводится большое место, юный

стипендиат в то же время углубляется в философию, историю, медицину. Он одновременно проходит обязательный курс и ведет свои личные поиски. И, прежде всего, он считает для себя "долгом" ничего не принимать, что не покоилось бы на прочной мыслительной основе.

Записавшись в Университет, он слушает лекции известных профессоров, блистающих на его кафедрах: философов Брентано и Циммермана. Еще освещенные последними отблесками идеалистической философии, они не относятся к своим лекциям как к профессиональной обязанности, но поддерживают тезисы со страстной любовью и убеждением. Они приветливы и заботятся о личном контакте со слушателями, охотно принимая их у себя.

Но никакой личной связи не установилось бы между студентом и учителями, если бы судьба не толкнула его записаться на лекции профессора Шроера*, в котором он нашел друга, почти отца, руководителя, который даст ориентацию всем его дальнейшим занятиям. /*Карл-Юлиус Шрейер (1825-1900) профессор литературы Высшей технической школы в Вене, известный филолог и гетеанист. Р. Штайнер неоднократно называл его своим старшим другом, стимулировавшим его развитие, и в особенности его изучение Гете. Он часто говорил о нем и посвятил ему несколько страниц в книге "Von Menschenratzel"./

Профессор литературы Шроер известен своими работами по фольклору, особенно работами о "народных мистериях", открытых им в австрийских диалектах.

Глубокий идеалист, он увидел в "народной душе", изучением произведений которой он был занят, не абстракцию, а живой дух, духовную реальность, которая говорит и действует через народ. Но прежде всего Шроер выдающийся знаток Гете и замечательный комментатор "Фауста". Открыв своему ученику глубины создания Гете, он протянул ему первый мостик, по которому молодой философ сможет продвигаться и найдет дорогу к людям не только молчаливым излучением своего сердца, но и своей мыслью провидца.

Гете показывает ему полноту человеческого духа, не признающего границ возможности познания. Никакие запреты не смогли остановить его на пороге миров, которые предчувствовала его интуиция художника, и куда влекла его любознательность ученого. Он заставляет своего Фауста перейти самые грозные границы, погружает его в ужасающее царство Матерей, ведет его от неба до ада, через всю землю и возвращает его небесам. Он отдается гигантскому брожению всех этих метаморфоз, не теряя ни своего человеческого сознания, ни ясности мыслителя. Именно он может подсказать молодому студенту решение проблем, которые его преследуют. "Когда я был введен Шрейером, моим глубоко любимым учителем, в мир гетевской мысли, я уже имел ориентацию, позволившую мне подойти к самому основному: к тому, как Гете находил общее за всеми частностями и деталями. Интуитивный взгляд, которым он проникал в естественные явления, позволил ему, - как он сам это говорит, - принимать духовное участие в творческой деятельности природы".⁶

Шроер испытывал глубокую радость, когда его ученик открывал у Гете этот активный взор, расшифровывающий в явлениях начертания духа и прямо ведущий к откровениям, которые уже созерцались юношей. "К картине духовного видения, - скажет он, - которая мне уже давно была открыта".⁶ Но подлинными откровениями являются для него научные работы Гете, которыми он занялся с 1881 года, в 20-летнем возрасте. Штайнер ощущал Гете: "Внутренняя необходимость заставляла меня изучить их детально".⁶

Учитель не может, однако, предвидеть последствия, которые будет иметь для его ученика встреча с научной мыслью Гете. Сам он не имеет никакого отношения к естественным наукам: он не знаком с современными открытиями. Перед лицом молодого исследователя, чьи большие, темные вопрошающие глаза проникают сквозь прозрачные для него покровы действительности, голубой мягкий взор идеалиста Шроера внутренне созерцает Идеи, и это созерцание является для него пределом. Он останавливается на пороге проблемы, преследующей его ученика.

"Даже с ним я не мог выйти из внутреннего одиночества, в которое меня замыкала духовная цель, которую я преследовал".⁵ Если Шроер признает, что идеи живут, как же он не видит, что они не могут жить сами по себе? За ним, за блестящим отражением, озаряющим идеалиста, и у которого он останавливается, лежит первичная реальность, которая дает им жизнь. Ее-то и может постичь мысль человека..., когда она усиливается до видения.

В этот период студенческая жизнь Рудольфа Штайнера полна интенсивной деятельности. К изучению наук и философии, к его личным литературным работам, которые начинают публиковать венские журналы, прибавляется работа репетитора, являющаяся его заработком. Очень рано пришлось ему пополнять скудные средства семьи, и он продолжал это делать, даже когда обстоятельства его работы заставили его перебраться в город. Он дает уроки философии, подготавливая студентов к научной докторантуре.

"На этих уроках я мог передавать только общепринятые представления. То, чему я горячо желал бы учить, о сущности природы, я был вынужден хранить в безмолвии моей души".⁶

То, что его поддерживает в эту эпоху его жизни - это невероятная чистота пламени, горящего в нем. Она освещает его и не дает ему уснуть в его студенческой мансарде, где зимой царит ледяной холод. В момент, когда его удручает "некоторое отращение к Канту", он открывает Фихте, философов-идеалистов. Позднее он будет избегать называть себя "идеалистом" из-за скрытого презрения к чувственному миру и природе, которое содержится в этом слове, но в данную минуту юноша восторгается фразой Жана Поля: "Свобода, друг мой, высочайшее слово!" - или фразой Шеллинга: "В каждом из нас пребывает скрытый дар, изумительное сокровище...". "Этот дар, - пишет он своему избранному другу, - мне кажется, я ясно вижу его в себе, я предчувствовал его так давно".¹⁰ Это истинное "Я", реальное, действительное присутствие духа в человеке. "В его неизменной форме оно позволяет нам созерцать вечное в нас" (Шеллинг).^{*} Что значит холод, заря, керосин, выгорающий в бедной лампе?.. "Что значит бессонная ночь перед таким открытием?"¹¹ Шеллинг обладал пламенем познания, пламенем истины. В сравнительно ранние годы я много читал его платонический диалог "Бруно". Такие творения, как "Бруно", "Клара", "Мистерии Самофракии", легко позволяют вступить в общение с духовной реальностью Шеллинга". (Dornach, 16. 09. 1924/)

В философии Фихте, Шеллинга, Гегеля он находит эхо внутренних слов, которые он говорит себе с тех пор, как он себя осознал, он полон счастья, "которое бьет через край", узнавая всего себя во власти любви к духу, в чистом даре всего своего существа своему высшему, глубинному "Я", "скрытому дару".

Чистота, вот слово, которое просится само при его описании в каждом его проявлении в эту эпоху. Не чистота пассивной непорочности, но чистота пламени, в котором совершаются таинственные сгорания.

В это время с юношеской гордостью пишет он одному из своих друзей, который жалуется на его редкие посещения: "Ты меня не видишь, это совершенно естественно. Право же, я не могу довольствоваться изо дня в день существованием, подобно животному в человеческом облике. Я преследую вполне определенную цель, цель идеальную - познание истины".¹¹ Он сокращает свои беседы с товарищами, студенческие прогулки, но не пропускает ни одной обязанности. Днем учение, визиты, уроки. Ночью личная духовная работа. Он отнимает время у своего сна, чтобы выполнить все свои задачи. Привычку эту он сохраняет на всю жизнь.

Из года в год растет его опыт, знание жизни. Этот опыт поддерживает открытие его мыслей, ночных медитаций, все, что зрелость души позволяет ему предчувствовать. Это нагромождение явлений, которое приносит опыт, не что иное как зеркало, в котором отражаются вечные истины, созерцаемые духом: Все приходящее Только символ... - бессмертное слово "Фауста" подобно ключу, который уже открывает юноше тайны человеческого сердца и избавляет его от крайностей,

свойственных молодости. "Не будь слишком пессимистичен, - пишет он своему другу, - позволь мне только сказать тебе, что то, что так часто приписывается людской злобе, неосновательно. В большинстве случаев это не потому, что они дурные, даже когда они нас мучают, а просто потому, что они откровенно глупы, и право нельзя эту глупость засчитывать им как злобу".¹¹

Эта зоркая доброжелательность у юноши говорит об идеализме, который не опирается на иллюзии, но на жизненное мужество, на любовь к жизни во всех ее проявлениях, во всех людях.

Способности сердца, духа, внутренние открытия, внешние связи - все растет и движется так гармонично, что постепенно возникает уверенность: эта судьба направлена. Кажется, что опытный кормчий ведет судно через бури, указывает юноше фарватер, который ему суждено найти, если он должен будет выполнить миссию, ему предназначенную. Кто же дает ему в руки нужные книги? Кто направляет к необходимым встречам?

Как раз одна из этих встреч происходит осенью 1879 года, с личностью исключительной (позднее Штайнер воскресит его в своих драмах под именем Феликса Бальде). Его внешняя профессия - "искатель трав", человек, собирающий в горах лекарственные растения. Он живет как крестьянин в захолустной горной деревушке, но его избушка битком набита книгами по оккультизму и мистике. Молодой человек сопровождает его иногда в его одиноких прогулках или путешествиях в город. Они ведут тогда разговоры, "полные самого глубокого интереса".* /Его звали Феликс Когуцкий. Он жил в Мюнхендорфе, к югу от Вены. Р. Штайнер говорил о нем в лекциях: от 4 февр. 1913 г. и от 22 июня 1919 г. в Штутгарте, в Автобиографии. См. также у Эмиля Бока./

Его чистая мистическая интуиция насыщена духом элементов лесов, ручьев, скал. Его ботанические познания воплощаются образным видением врачующих свойств растений и их родственной связи с тем или иным органом тела, с деятельностью планет, с прошлым периодом истории земли.

Терапевты до сих пор пользуются лечением травами, но они больше не имеют интуитивного видения их свойств, они прибегают к ним по традиции или эмпирически. Человек же из горной деревушки, принося каждую неделю мешок сушеных трав в венские аптеки, умеет сам распознавать их лечебные свойства. Этот человек обладает "вторым зрением", физическое растение является всего лишь образом, символом растительной, эфирной сущности, которую он видит духовным взором. Его дару ясновидящего отвечают в объективной реальности факты - выздоровление, обретенное через растения, - подтверждающие его дар, дающие возможность применять его на пользу своих ближних.

Эта встреча является для молодого Штайнера вестью, которой он ждал. Благодаря тому, что доверяет ему его странный друг, он понимает, что он сам когда-нибудь сможет отдать на служение человечеству духовный свет, прокладывающий себе дорогу в его душе, и достигнет, рано или поздно, часа его проявления. Если Шроер в то время является для него "оазисом идеализма среди бесплодного учения, все более и более иссушаемого материализмом"⁷, то "собирает травы" приносит ему весть о предчувствуемой им миссии.

Его миссия... с ранних лет он предчувствовал ее, когда приходилось ему встречаться с людьми, отмеченными религиозно или научным призванием: ученым пастором в селе, таинственными, погруженными в медитацию монахами в горах. "Мне шел девятый год, когда у меня явилось твердое убеждение, что с задачами этих монахов связаны многие значительные вещи, которые я должен узнать."⁷

Но на этот раз, в 18 лет, у него уже вполне определенная цель - найти возможность доказать людям, что "божественная" жизнь, насыщая природу, может быть воспринята ими, если они разовьют орган, могущество и возможности которого они еще не знают, - орган также "божественный", которым является мысль.

Он говорил позднее об этом периоде в своей жизни, подразумевая Феликса: "В то время я встретил посланца Учителя".⁷

С момента встречи со сборщиком трав он действительно получил доказательство, что его таинственно ведут к какой-то цели.

Что позволяет нам сегодня это утверждать, несмотря на то, что самая глубокая тайна всегда окружала этот вопрос? Рудольф Штайнер никогда охотно ничего не открывал, - ни в то время, ни позднее, - о том" кто был его руководителем в оккультном развитии ей дни его ученичества.

Если он решительно окружал молчанием имя и личность Учителя своей юности, он не смог, однако, скрыть, его существование от верных друзей, которые позднее расспрашивали основателя Антропософии о его собственном духовном развитии. Вопрос был задан не из праздного любопытства, но с целью лучше понять историческую преемственность духовного посланничества.

Когда кто-либо из его друзей во время интимной беседы решался задать ему вопрос о его Учителе, Рудольф Штайнер не всегда считал нужным своим молчанием призвать собеседника к скромности. В исключительных редких случаях он указывал на некоторые ориентировочные точки. Иногда, даже в совершенно исключительных обстоятельствах, он был вынужден говорить, чтобы поправить ошибки, опровергнуть невероятные слухи или абсурдную клевету.

Эти скудные слова подтверждают то, что с очевидностью бросается в глаза, если внимательно рассматривать прогрессивные этапы, которыми отмечена жизнь Рудольфа Штайнера: путь его предписан, развитие направлено.

Эдуард Шюре был одним из задавших вопрос "как руководили вами в отрочестве и юности и довели вас до зрелости, когда вы, в свою очередь, стали пробудителем?" В прежние времена тот, кто был предназначен к какой-либо духовной миссии, подвергался с самого нежного возраста тренировке, которая давала ему господство над собой и, следовательно, над людьми. В этой жизни Учитель внезапно открывается в зрелые годы, после долгого периода формирования, все этапы которого были абсолютно скрыты от людских взоров, имели абсолютно внутренний характер. Каким образом шло это развитие? Этот вопрос возникал неизбежно.

Рудольф Штайнер частично на него ответил во время пребывания в сентябре 1907 г. в Барре, у подножия горы св. Одилии, в доме известного эльзасского писателя. Он написал тогда 10 рукописных страниц о развитии своей мысли с детских лет.* Эти страницы вдохновили Шюре написать предисловие к работе Рудольфа Штайнера, которую он тогда перевел: "Христианство как мистический факт и мистерии древности". В этой рукописи находится фраза: "Я не сразу встретил Учителя, но сначала одного из его посланников".*/Приложение №2/

Несколько лет спустя другое обстоятельство заставило Рудольфа Штайнера прервать молчание, чтобы ответить несколькими разъяснениями на нападки, которым он в то время подвергался. В лекции, прочитанной им 4 февраля 1913 года, он объяснил членам Антропософического общества, в какой среде и среди каких обстоятельств протекали первые 35 лет его жизни. Но он говорил о себе, только когда был вынужден к тому, и настолько против своей воли, что часто прибегал в таких случаях к третьему лицу. Все внешние детали его жизни казались ему несущественными. Не говорил ли он, что его внутреннее развитие было бы совершенно таким же, даже если бы внешние обстоятельства были иными?. Уточнения и сообщения 1913 года долгое время пролежали под спудом и были опубликованы только совсем недавно. Они добавили к периоду его ученичества такие детали, опущенные в Автобиографии, вторые позволили как бы сквозь туман, увидеть лицо того, кого Рудольф Штайнер, относясь к годам своего становления, называл "мой Учитель".

Так же, как Феликс, это лицо не занимало выдающегося положение которое привлекало бы к нему внимание людей, очевидно, из соображений безопасности. Внутренне это был человек огромной воли, "муж духа" как говорил Шюре. Он пользовался, однако, книгами, "чтобы разбудить в душе юноши, уже погруженного в духовный мир, точные методические знания, с которыми нужно освоиться".⁴ Это он дал ему в руки работы знаменитых мыслителей-идеалистов, главным

образом Фихте, над которыми Штайнер просиживал ночи. Многие из тех откровений, из которых позднее должна была сложиться книга "Очерк тайноведения" были мне тогда объяснены в их отношении к данным Фихте".⁴

Другие, более сокровенные книги давали ему возможность "продвигаться по очень замечательному духовному пути".⁴ Проблем пространства и времени встает на его пути, подобно Загадке Сфинкса которую нужно разрешить.

Его детство было озарено откровением "эфирных" сил, создавших его "внутреннее пространство". Позднее он определил эти силы как творящие, формообразующие. Теперь он вступал в поле астральных опытов, в поле перестроений. При помощи более современной геометрии, чем та, которая ему преподается, ему была дана возможность создать в представлении прямую линию, идущую в правую сторону до бесконечности и вращающуюся с левой к своей исходной точке так, что эта точка, находясь в бесконечности справа, сливается с точкой в бесконечности слева"; "прямая линия, возвращающаяся сама к себе, подобно окружности" была для меня откровением"; "меня охватило чувство освобождения". Во второй раз со времени моей ранней юности геометрия приносила мне счастье".⁷

Достигнув этой точки, он открывает за проблемой пространства проблему "внутреннего времени". "Возможно ли, продвигаясь подобным же образом, до бесконечности в сторону будущего, создать себе идею о времени, которое вернется к своей исходной точке в прошлом". То что открылось ему тогда, он опишет позднее как "астральный ход времени". По временам решение этой задачи его мучило. "Я не избежал в связи с этой проблемой ни одного из разочарований, которые приносят с собой поиски познания".

Не есть ли эта задача одна из тех, которое всегда занимали человеческий ум? Настоящее не есть ли завершение прошедшего? Или надо признать, что то, что имеет место сегодня, уже обусловлено явлениями будущего, которые явятся и объяснением его и концом? Это проблема причинности и конечности, которые перекрещиваются во всяком человеческом действии, во всякой судьбе. Нет никого, кто не хотел бы понять цеда своей жизни, смысла мироздания... Им находимся у слияния двух противоположных течений. Вчерашний факт воздействует на сегодняшний поступок, а с другой стороны, будущее придает смысл настоящему.

К этому времени относится открытие Штайнером двух противоположных течений, которые взаимодействуют для создания времени: течения от причина к следствие, которое идет от прошлого к будущему, и противоположного, которое идет навстречу настоящему и формирует его.

Время, пространство... Для тех, кто его (R.S.) окружает, это чистая абстракция. Для него это проникновение в реальный мир, который определяет жизнь, заключая в себе все ее условия. Это открытие возбудило новые восприятия в его душе. "Это обязательное условие для духовного взора".⁷

"Тайное богатство" - растёт, сокровище увеличивается; направленный твердой волей Учителя рост духа продолжается с постоянством, равновесием и методичностью" "Мой внутренний взор приобрел тогда силу видения, которая ни в какой мере не опиралась на смутные мистические инстинктом. Это была скорее духовная деятельность, где прозрачность мысли, возможно было сравнивать только о математической ясностью.

Эта духовная работа настолько преобразила меня, что я смог питать надежду когда-нибудь оправдать, даже перед современной научной мыслью, то видение духовного пира, которое я носил в себе. Мне пошел двадцать второй год, когда меня захватили эти поиски и переживания".⁶

И одновременно о прохождении этих этапов испытания в своем внутренней развитии, студент усваивал себе научный язык своей эпохи приобретал жизненный опыт и продвигался по жизненному пути.

III. ВЕНСКИЕ ДРУЗЬЯ

Каждое знакомство, завязанное Рудольфом Штайнером в течение 12 лет его пребывания в Вене, сближает его с одним из многочисленных духовных аспектов, составлявших кругозор того времени. То он посещает серию вагнеровских опер в сопровождении друга, страстно любящего музыку, и мир звуков его пленяет, то он сходится с группой известных архитекторов, которые в ту эпоху строили великие монументы современной Вены, то он присутствует на заседаниях парламента, знакомясь с общественной жизнью. Друзья вводят его в редакции, волнующие в то время распри, между различными национальностями, составлявшими австрийскую империю. Он регулярно сотрудничает в нескольких журналах а качестве эссеиста-художественного критика. Благодаря своим статьям, он часто сталкивается с личностями, связанными с общественной жизнью.

Вена представляет собой в ракурсе все идеи, которые зарождаются в этой последней трети XIX века. Венские кафе - это теплицы, где возрастают понятия, призванные покорить собой мир. Поэты, литераторы всех оттенков у публицисты всех марок, теоретики любых партий, все предается игре идей, иногда бесплодной, иногда плодотворной, подвергаются сужениям этой местной ярмарки. Литературные школы, политические группы имеют свои излюбленные уголки. Столики их соприкасаются, но группировки не смешиваются. Молодой Штайнер - один, из тех немногих, которые чувствуют себя достаточно независимыми, не связанными духом клики, чтобы переходить от одного алтаря к другому.

Когда позднее Штайнер вспоминал это кипение идей и это сборище оригинальных типов, имена без конца выходили из-под его пера, или слетали с его уст. Сегодня девять десятых этих имен покрыты забвением, что не мешало им представлять собой тогда зеркало мира, в котором можно было читать многие признаки будущей истории, успевшие с тех пор перейти в действительность. Некоторые из этих имен, однако, еще и сегодня вызывают в памяти целую эпоху. Например, имя Вектора Адлера, главы австрийского социалиста, личности пламенной и волевой, которая из-за своего столика бросала в мир свои теории; кстати, Штайнер их "слушал с трудом". Как мог он принять идею общества, сосредоточивающего всю власть на экономической диктатуре, для которой духовная жизнь была бы лишь пережитком прошлого, так оказав, дополнительной надстройкой. "Эти социалистические теории казалось мне, хотели закрыть глаза на подлинную реальность", в реальность духа.

Немного далее с жаром обсуждались любопытные явления, из которых Фрейд, современник Штайнера, выводил свой метод психоанализа. Штайнер не знал Фрейда лично, и позднее даже написал проникновенную критику его теорий. Однако Штайнер принимал участие в очень оживленной жизни медицинских кружков, и он знал и относился с уважением к доктору Брейеру, врачу, имевшему большое влияние на истоки фрейдизма.

Каждый из этих зачатков приносит с собой усиление материализма отступление идеалистических традиций, которыми была насыщена до этих пор венская среда. В салонах, где еще недавно царил легкое и сентиментальное очарование мелодии Шуберта, поэмы Мерики, сухость материализма начинала к концу века производить опустошение, подготавливать крушение. Эта сухость - яд для австрийской души. Она задевает ее чувствительность, в которой всегда есть оттенок тоски, вводит в нее разочарованно, сомнение. Она захватывает точные науки, и даже медицину, где зарождается знаменитый нигилизм венской школы. Даже и искусства подпадают под ее влияние.

Не сопротивляясь обескураживающему влиянию неук, которая подламывает себе собственные крылья, некоторые души еще усугубляют пеосииивм и ищут убежище от болезни века "Welt schmerz" (мировой скорби) лишь в эстетических поисках.

Молодая и привлекательная поэтесса Мариа дель Грацие, одна из таких душ. Она принимает у себя избранный кружок мыслителей, писателей и даже теологов. Двери этого салона открыл для Штайнера всё тот же Шрёер. В нём бывали

учёные, монахи, подобные отцу Нейману, с которым у молодого Штайнера возникают долгие теологические рассуждения по дороге домой через спящую Вену. Некоторые их беседы затрагивали темы "опасные", как, например, вопросы о перевоплощении, о космическом Христе.* "В сущности, не двое, а трое участвовали в этих разговорах, отец Нейман, я и третье невидимое - персонализация католического догмата, которую я улавливал духом и которая стояла за профессором. Легким ударом по плечу она возвращала его на верный путь, когда утонченная логика ученого заставляла его слишком много делать уступок." /"Этот отец Нейман и позднее не прервал сношений со Штайнером. Он присутствовал на его лекции "Гете - отец новой эстетики"... "После моей лекции отец Нейман, цистерцианец, профессор Теологического факультета Венского университета, сделал мне следующее необыкновенное заявление: "Зародыши той лекции, которую вы только что прочли, находятся уже у снятого Фомы Аквинского!" Это было для меня чрезвычайно интересно узнать, так как исходило от человека, в совершенстве знающего томизм и после появления, неотомизма а католической церкви". (Р. Штайнер. Лекция от 24 мая 1920 г.)/

В различных кругах" которые посещал Рудольф Штайнер, находя отдых от очень трудной внешней жизни, он легко входил в контакт со всеми. Эта зрелость сердца, которая позднее сделает из него такого верного руководителя, открывает ему сейчас тайны характеров, самых противоположных его собственному. Общения с ним ищут. Глубокая терпимость, с которой он слушает самые разные мнения, подогревает температуру любого разговора. В его присутствии дух легко раскрывается.

Несмотря на то, что его любят, никто не пытается понять, что приставляет собой он сам, и все попытки, которые он делает, чтобы поделиться "своим скрытым даром", угасают в молчании. Никто не был бы ему благодарен, если бы он отказался от своей сдержанности, открыл бы глубину слишком серьезной проблемы, слишком значительной для полутени этих салонов, где важно прежде всего сохранить очарование намеков, легкую тоску, устремления... Не рискуя нарушить в так уж сомнительное равновесие, претендуя достичь "сути вещей", Дары, которые он хотел бы дать, мягко отталкиваются, или к ним относятся с безразличием, создающим вокруг него худшую из пустынь. Легко довольствуются одними внешними сторонами его натуры.

Друзья, окружавшие его в юности, не принимают его "внутреннего духовного опыта". "Старшие" его боятся. "Духовный мир для меня был реальностью. Духовная сущность каждого существа была для меня абсолютно ясной. Физическое тело являлось только ее проявлением. За этим индивидуальным духом я мог следовать и после смерти. Однажды я решился заговорить об этом с одним из своих преподавателей, после смерти одного его товарищ-преподавателя, которому я был особенно привязан. Он ответил мне очень дружелюбно, но никак не отозвался на то, что я ему сказал о его покойном товарище. Мои духовные видения повсюду получали тот же прием".6

Напрасно он приносит в кружки, в которых вращается, свою внутреннюю весть, надеясь встретить друга, ученого, мыслителя, который понял бы его, узнал скрытое духовное богатство, почувствовал бы, какое новое звено прибавляется к цепи человеческой мысли, и приветствовал бы его. Никто не способен понять или не хочет принять его дар. Самые интимные его друзья ценят в нем все его человеческие достоинства, кроме одного того, что делает из него исключение. Вот почему, находясь о ними, он всегда вынужден "покидать самого себя", у самых близких быть как бы "с визитом".

Близкие к нему в годы его молодости не имели ни силы, ни мужества чтобы присоединиться к нему в тех высоких областях духа, где дышало его подлинное существо, то, которое должно было лишь позднее появиться перед всеми. Некоторые из них, встретив его во второй половине его жизни, во главе созданного им Университета духовного знания, глубоко почитаемого вдохновителя громадного духовного движения, были искренно удивлены и наивно восклицали: "мы этого никогда не могли предвидеть".

Таким образом, всё резко проявляется двойная черта, характерная для первой половины его жизни: исключительность натуры, изолирующая его, и глубокий порыв, заставляющий его делиться с другими этой исключительной натурой.

* * *

Каким образом удастся ему устоять против соблазна примкнуть к традиционным формам духовности, к тем, царство которых не от мира сего и которых общество оставляет "по другую сторону баррикады", - к мистикам, спиритам, теософам? Ребенком он прикасался в некоторым формам мистической жизни, хотя и не был ими задет. Монастыри нескольких орденов (цистерцианцев и других) образуют фон окружения, в котором он растет. Иногда он присутствовал при церемониях носящих одновременно пышный и до мельчайших подробностей разработанный характер, которые дан его проснувшейся души были подтверждением его собственных видения. Эти церемонии следуют иерархическому порядку духовных планов. Самые предметы культа - кадила, чаши, цвет и форма облачений, казалось, воспроизводили подлинные духовные реальности. Как мог ребенок, одинаково чувствующий и красоту и истину культа, не подойти к нему? Но с другой стороны, как мог он не видеть возрастающее непонимание, среди которого протекает этот культ? В Австрии в это время религия являлась только традиционным формализмом. Язык символов, некогда прозрачно-ясный, ныне стал для верующих непроницаемое стеной условностей и рутины. Само духовенство не имело больше духовной силы проникнуть за нее.

Когда позднее Рудольфу Штайнеру говорили, что его учение трудно и что простые души более легко поддаются влиянию культа, обращающегося к чувствам и сердцу, чем сложным построениям духовных миров, он отвечал: "Если бы вы находили в церкви то, что я вам даю, вам незачем было бы обращаться ко мне".* Ибо в действительности он их учил тому, чему в церкви больше не имели ни силы, ни мудрости научить. /"Священник однажды сказал ему после одной из его лекций: "То, что вы только что говорили, по существу, прекрасно могло бы быть услышано верующими в церкви". - На это Р. Штайнер ответил: "Конечно, нет. Меня не надо было бы приходить слушать, если бы я говорил то же самое, что говорят в церкви. Я говорю именно для тех, кто в церковь не ходит". (L. Kleeberd. und Worte. Erinnerungen an Rudolf Steiner.)/

В Вене того времени можно было встретить спиритов. Они пытались установить различные связи между человеком и духом, вернее... духами. Но доктрина, главным оружием которой являлось применение медиумов, погружения в подсознательное состояние, была прямо противоположна целям Рудольфа Штайнера, который стремился усилить активность мысли до полного, свободного и сознательного восприятия духа. Кроме того, его взор ясновидящего показывал ему, насколько действия спиритов, направленные к тому, чтобы вырвать у мертвых обрывки личных признаний, мешали тому пути очищения, которым следовали души после смерти, какой вред они наносили этим душам, самовольно привлекая их вновь к материальным контактам, от которых они освободились.

Что же касается теософского движения, которое уже существовало в той первоначальной форме, которую дала ему его основательница Елена Петровна Блаватская, то Рудольф Штайнер услышал о нам впервые в, момент, когда всё сильнее и сильнее утверждалась в нем "конкретная интуиция о повторных жизнях". "Один из моих друзей, которому я говорил об этом, дал мне прочесть "Эзотерический буддизм" Синета. Это была первая теософская книга, попавшая мне в руки, и я должен сказать, что она не произвела на меня никакого впечатления. Я был рад, что не прочел ее до того, как во мне утвердились сами по себе некоторые истины. Моя антипатия к подобной манере представлять сверхчувственное, конечно, удержала бы меня от предначертанного пути". 6

Некоторые теософы были ему лично симпатичны; Карл и Роза Майредер. Но их духовность, расплывчатая и неопределенная, отталкивает в то время молодого ученого, проникнутого строгостью научных принципов. И в этой форме и в эту эпоху контакт не мог еще установиться.

Для него познать дух не значит быть озаренным благодатью или соприкасаться со сверхчувственными явлениями; для него это значит привести мысль за те пределы, где она обычно останавливается. Нет фатальной необходимости для нее не выходить ее предела чувственного мира.

Она может проникнуть сквозь перегородку и войти в мир сверхчувственный. Мысль логична. Но логика царствует и в мире духовном. Духовный взор можно пробудить тренировкой, укрепляя его, как с раннего детства укрепляются глаза и уши физические, приспособляясь к цвету, звуку и ко всем физическим опущениям. Этот духовный взор имеется потенциально в каждом из нас, это не привилегия не роскошь, это может стать проверенным опытом каждого.

Дело идет, к тому же, о жизни или смерти цивилизаций. Грубый материализм быстро разрушает самые прочные общественные устои. За падением духовным следует падение физическое. Сама наука в руках людей, лишенных моральной ответственности, становится орудием смерти.

Полная лишений студенческая жизнь позволяет Рудольфу Штайнеру видеть воочию упадочное состояние эпохи, разъедаемой язвой полного агностицизма. В этом лежит корень зла. Правда, Вена еще не открывает перед ним те социальные ухабы, те подонки человеческой нищеты, которые ему встретятся позднее в Берлине, но жизнь салонов и кафе с их элегантным пессимизмом, который не хочет замечать свою благодарность, не более, чем фасад. За искусственной маской, за жизненной усталостью гноятся настоящие раны. Скептицизм постепенно подтачивает жизненные силы и прежде всего подрывает сопротивляемость нервов. Неврастения делается модной эпидемией, часто приводящей свои жертва а самоубийству.

В эту пору своей жизни Рудольф Штайнер поступает учителем к одному недоразвитому мальчику.* Он прожил в этом семействе, где было еще три мальчика, с июля 1884 по сентябрь 1890 года, продолжая свою личную работу (он начал тогда писать свои первые книги, среди которых "Grundlinien einer Erkenntnistheorie der goetheschen Weltanschauung mit besonderer Rücksicht auf Schiller" Berlin-Stuttgart, 1888.) /В семействе Шпехт, которое обитало в Вене, Колингассе, 19./

"Основные черты теории познания Гетеовского мировоззрения...", он посвящает задаче воспитания силы своего ума и сердца. С этих лет начинаются многочисленные наблюдения, которые вдохновляют его позднее" когда он стал во главе педагогического возрождения и будет основоположником школ и учреждений для отсталых детей. Сейчас он терпеливо добивается желаемого выздоровления, которое к концу шестилетнего периода сделает из больного ребенка нормального молодого человека, затем дипломированного студента, будущего врача. Отвечая как-то из Веймара матери молодого человека, которая хотела еще раз выразить ему свою благодарность, он писал: "Если действительно можно о моей работе над Отто сказать, что она принесла хорошие результаты, то поверьте мне, я считаю эту работу в числе того лучшего, что мною сделано. Только через то, что удастся человеку совершить, познает он радость жизни".¹³ Выздоровление, которого он добился, было тем более замечательно, что по тогдашним научным понятиям, случаи ненормальности, не поддающейся медицинскому лечению, считались безнадежными.

Однако" он думает о более широком излечении, о более общем лечебном воспитании. Ничто не должно отвратить его от цели. Надо победить материализм и победить его в мышлении. Орудием должно быть непосредственное познание духа.

"Пока я не смогу доказать, - говорит он себе, что духовное видение оправдывает себя, что оно законно, что оно может стать сознательным, методическим, доступным всем, до тех пор люди не найдут подлинного лекарства своим несчастьем".

Для того, чтобы быть услышанным, он создает орган высказывания, до тех пор он слушается внутренне-данного ему совета - он будет молчать.

* * *

С этого венского периода начинает вырисовываться в нем работа, которая займет несколько лет его жизни и которая выразит его идеал познания, искусство жизни, моральную волю. "Философия свободы... живой образ чувственного мира... Устремление к прекрасному... духовное созерцание истины... все это мелькало перед моим внутренним взором."⁶

"Философия свободы" - этой книгой Рудольф Штайнер завоеует законное право в мире мысли для "внутреннего опыта, ведомого научными методами". Пока эта работа не выйдет в свет, чтобы позволить тем, кто еще не "видит", следовать, хотя бы мысленно, за могуществом внутреннего видения, за тем, что составляет его логику и истину, Рудольф Штайнер будет согласен касаться только ученым, философствующим гетеанистом, каким его признают. Он еще не поддается внутренней силе, которая толкает его опрокинуть душевные границы его эпохи. Границы религиозного догмата, научного доплата, границы безропотного подчинения непознаваемости.

К тому же, полученное им внутреннее указание совершенно точно. "Не могло быть ещё речи о том, чтобы обнародовать идеи, инспирированные оккультизмом, и оккультные силы, стоящие за мною дали мне один единственный совет - всё облечь в формы идеалистической Философии".⁶

Нужно приобрести средства выражения. В этот момент поворот судьбы заставит его покинуть Вену. Если бы он там остался, мог ли бы он получить те возбуждающие потрясения, в которых нуждался его дух? Конечно, нет. Он сам писал несколькими годами позднее: "Жизнь в Австрии похожа на кладбище, где погребаются, как говорят, многие надежды; надо понять причины этого".⁴

Они находились, главным образом, в падении либерализма, в заглушении всей общественной жизни бюрократией. "Большинство молодых людей довольствовались стонами. Не чувствуя больше никакой почвы под ногами, они соглашались вести тусклую жизнь чиновников, бюрократов, и многие из них безнадежно затонули". "У них было слишком много идеализма, чтобы без сожаления губить свои таланты в море повседневности, но недостаточно энергии и настойчивости, чтобы дробить свой собственный путь вне узких тропинок, которые навязывались им условиями жизни в Австрии".¹⁴ Линия судьбы Рудольфа Штайнера увлекла его в иное будущее. Она должна была обеспечить ему нужное продвижение, привела его из Вены в Веймар, от его изучения Гёте к прямым источникам его гениальных работ.

IV. ПО ПУТЯМ ГЁТЕ

"Судьба рождается из встречи двух течений; того, что поднимается не глубина души, и того, что приходит извне. Душа моя стремилась к духу, но извне пришла моя связь с Гете. Мне оставалось гармонизировать эти два стремления в моём сознании; на это мне понадобились годы!⁶

Работы Гёте еще не были полностью опубликованы в те времена, Шрёер уже успел издать в большом собрании "Национальной немецкой литературы" обе аннотированные им части "Фауста". Он постарался, чтобы молодому Штайнеру поручили издание "Научных работ". Эта публикация должна была открыть неизвестную до сих пор сторону Гетеовской

мысли. В ней должны были появиться неизданные отрывки с введением и комментариями Рудольфа Штайнера. Начинать стряхивать пыль с бумаг, оставленных Гёте своим детям, и делать в них открытия. Умирая, внук поэта завещал это сокровище великой герцогине Саксен-Веймарской. Таким образом царствующая фамилия Тюрингии по справедливости унаследовала славу великого поэта. Не их ли предок, Карл Август, сумел привлечь его в Веймар и сделать из него своего друга и тайного советника? В обязанность его династии вменялось распорядиться посмертными работами Гете.

Великая герцогиня София,* которой выпала эта миссия, была голландской принцессой, характера спокойного, уравновешенного и благородного. Она считала своим самым славным государственным долгом поместить по-царски архивы Гёте в небольшой, построенный ею для этого дворец, издать полностью все его сочинения и пригласить, для этого наиболее выдающихся сотрудников.

В августе 1889 года, для первого ознакомления, Рудольф Штайнер проводит свои каникулы в Веймаре. Он спешит, как на праздник, чтобы ступить по следам Гёте. "Я чувствую, - писал он своему другу, Леммермайеру, - какое новое, свежее дыхание касается моей души, где уже живут мысли Гёте и Шиллера".¹⁵

Главное откровение ждёт его, однако, в архивах, ещё хранящихся в герцогском замке. До сих пор он мог основываться на уже опубликованных отрывках. Сейчас ему откроются неизданные записки, корреспонденции, рукописи, которые начинают разбирать. Подтвердится ли его точка зрения? "Научные работы, оставленные

'Возвышенный образ мыслей, великодушие, энергия, целеустремлённость - такими словами характеризовал её Р. Штайнер."

Гёте, ещё более значительны, чем я предполагал, и то, что для меня важно, это что все мои гипотезы полностью подтверждаются. Ты знаешь, что с самого начала мои работы о научных трудах Гёте сильно отличались в выводах от работ специалистов по этим вопросам. Теперь же, когда будут изданы некоторые, небольшие, но важные работы Гёте, пока ещё неизвестные, вполне подтвердится то, что я утверждал против многих. Я предсказывал, как ты помнишь, существование одного трактата, который я восстановил по его письмам. Этот трактат является одним из наиболее значительных документов среди посмертных рукописей. Я нашел его в той форме, которую предчувствовал. Я покинул Веймар с чувством радости".¹⁵

Как только окончилась его воспитательная деятельность и его ученик окончательно вернулся к нормальной жизни, Рудольф Штайнер покидает Вену и семейство Шпехт. Он поступает в архив в Веймар в качестве австрийского сотрудника в 1890 году. Ему 29 лет.

Двор относится к нему с большой симпатией. Единственный среди архивариусов, он получает разрешение от Софии опубликовать результаты своих работ даже вне официального издания. Великий герцог, который знал Гёте "исполнен очарования, напоминающего прошлые времена", особенно благоволил к Штайнеру, "хотя я никогда перед ним не раболепствовал".¹⁶ При дворе в моде факиры. Его приглашают к ужину для обсуждения этих явлений, для философских бесед. Однако, узость мелких интересов, вращающихся около "светлейших", вся эта рутина, ограниченность, этот этикет, быстро отталкивает молодого архивариуса.¹⁷ Он сосредоточивается на своих прямых обязанностях и напряженно работает, деля свое время между архивом и библиотекой.

В начале его пребывания в Веймаре воспоминания прошлого восхищают его, прелесть маленького придворного городка, где ничто не изменилось со времен Гёте, его покоряет. "Здесь не живут в настоящем, - писал он, - но переносятся в классические времена Веймара". Он испытывает особое чувство, ступая по земле, следуя по этим задумчивым улочкам, которые видел, как Гёте вечером провожая Шиллера, продолжая затянувшийся разговор, как Эккерман проходил, неся домой богатый запас записанных замечаний. Старые домики, скромные, выполненные чувства меры, стоят нетронутыми. Дворец недалеко от дома Гете. Ещё ближе резиденция вдовствующих герцогинь, где создавались репутации поэтов. Атмосфера легко воссоздается, дух музыки и поэзии околдовывает маленькие город. Некогда великий Бах играл на церковном органе. Вот этот дом, полузакрытый деревьями велико-герцогского парка, принадлежал Листу. В его салоне двор воскресным утром собирался прослушивать новое сочинение, блистательно исполненное виртуозом. В настоящий момент город страстно следит за первыми выступлениями Рихарда Штрауса, которые ставил свои вещи в Веймарском театре.

Каждое утро, отправляясь в архив, Рудольф Штайнер проходит мимо изящного дома Шарлотты Штайн, большого друга Гёте. Он проходит через парк, разбитый по рисункам поэта, "естественный мост" из бревен, переброшенный через извилистый и тенистый Ильм. Он следует по аллеям, украшенным здесь и там "руинами" в романтическом вкусе.¹⁸

В мягком горении этих воспоминаний пребывает целый мир артистов, привлеченных знаменитой школой живописи, консерваторией, основанной Листом для капельмейстеров. Растущая известность архивов привлекает отовсюду литераторов, философов, учёных. Следуя самым строгим Гетевским традициям, Веймар не только очаг германского, но и Европейского искусства и мысли. Целая гамма чувств человеческих, артистических, научных, социальных обогащает жизненный опыт Рудольфа Штайнера. Будущий основатель антропософии завязывает эти связи от 29 до 36 лет, в конце прошлого века, в обстановке, наиболее подходящей, чтобы собрать и привести в порядок все противоречия, чтобы их уравновесить. Пример Гёте, вездесущего в Веймаре, является уроком великого гуманизма. Гений человека составляет всю его славу, и эта слава не шумная, всё в меру человека. Никакого преувеличения, никаких поисков колоссального. В противоположность взволнованной спешке, которая в это время увлекает остальную Германию к громадным и механическим произведениям эпохи Вильгельма, здесь гений Гете, цельного человека, сверкает не для того, чтобы утверждать себя, принуждать, подавлять, но чтобы все уравновесить.

Такова атмосфера, в которой Рудольф Штайнер встречает в архивах всё, что имеется значительного в конце XIX века в Европе в области мысли и искусства. Веймарский период будет периодом созревания форм мысли и их выражения, которые явятся орудиями его активности. Они будут готовы для берлинского периода, для реализаций.* /*В Веймаре Р. Штайнер жил по таким адресам; Аккерванд, 4, Прт, с 1890 по 1893 у фрау Мошах; Юнкерштрассе, 2 эт. в 1893 г. в семье Еунике, Преллерштраосе, 2./

ПРА-ИДЕЯ

Как доказать самому себе и другим, что сила интуиции, живущая в душе и скрытая от обычного сознания, может открыть духовную сущность вещей и их единственную бесспорную реальность.

Творческая интуиция Гете дает ответ на этот вопрос. Для наблюдения над природой она прибегает не только к чувственному опыту.

Она добавляет к нему опыт сверхчувственный, живую Идею, постигнутую человеческим разумом, архитип феномена, то величайшее приобретение, которое духовный взгляд добавляет к взгляду физическому, архитип феномена, обнимающий в себе отдельные феномены.

Как достичь этого, принимая за исходную точку наблюдение природы? Поэт устремляет свой взгляд художника на всё живущее. Он следит за метаморфозой организмов с острым пониманием их внутреннего строения. Он охватывает общее, ту неуловимую связь, которая являет их единство. Он поднимается до точки зрения орла. В его эпоху практиковалось то,

что Рудольф Штайнер называл "точкой зрения блохи": прыгали от одних видов к другим, классифицировали, подклассифицировали, перегораживали, изолируя каждый вид в герметических ответвлениях, не интересуясь переходом, последовательностью, которая приводит через превращения к новому характеру, проявляющемуся эволюции.

Гёте наблюдает изменения формы, видимости, эти доступные чувствам изменения, которые выдают действие "сверхчувственного" в жизни. Эту жизнь он предчувствует и следит на ней внутренний веером во время своего путешествия по Италии. Это открывается ему в ботаническом саду в Палермо. Перед лютиком, на который он смотрит, он поднимается духовно до Архатипа, до идеи прарастения. Она является первичной формой. И каждое растение есть только метаморфизированный аспект, чувственная реализация. Учёный и художник сливаются в ней в этом внутреннем видении органического плана, дополняющего и объясняющего явление, проявляющееся в раздробленном, фрагментарном виде.

В этом интуитивном взгляде нет и следа умственной отвлеченности, остроумной гипотезы. Друзья его сначала его не понимают. Исторический диалог Гёте и Шиллера это доказывает: "Ваше пра-растение, возражает Шиллер, качая головой, - в сущности просто идея". Гёте парирует с некоторым раздражением: "Очень хорошо, в таком случае я в восторге, что у меня есть идеи, которые я могу видеть своими глазами". 19

Когда Штайнер находит в переписке Гёте подобные слова, они пробуждают в нем радость, подобную той, которую он испытал 20 лет назад, когда узнал о существовании геометрии. Итак, Гёте испытал это созерцание внутреннего образа, не подсказанного ни мыслью ладей, ни внешним ощущением. Олимпиец, на вершине своего созерцания поместил то, что "творческое воображение" открывает и воссоздает, - пра-идею, платоническую идею, которая создает единство всего сущего

Здесь, при окончательном выводе художественной интуиции, столь дерзновенной в применении к познанию природы, Штайнер встречается с Гёте. В это время он пишет своё "Credo", 20 "Мир идей есть источник и принцип всего существования. В нем безграничная гармония и блаженный покой. Существо, которое не получало бы из этого мира его свет, было бы без жизни, без сущности; оно не принимало бы участия в мировой жизни. Только то, что извлекает из идеи свое существование, имеет какую-либо реальность".

Идея есть объект видения. Поэт ее созерцает. Когда Гёте, говоря об этой первоидеи, смело добавляет: "Затем это уже дело природы к ней приспособиться: он одновременно подтверждает и оправдывает этот мир идей, ослепляющий блеск которого гасит физические краски. На эту высочайшую вершину Гетевской интуиции, которая вонзается в сверхчувственное, так высотный пик в солнечную зарю, может, наконец, опереться видение, которое Штайнер носит в себе. "Чувственно-сверхчувственная форма, о которой говорит Гёте, находится между чувственным впечатлением и чистым созерцанием духа".

Школа часто оказывается нелегкой и задача трудной. В густом лесу Гетевских творений, дремучем, многообразном, головокружительно-богатом, - все направления перекрещиваются, все открытия, все встречи, во всех фактах, отмечаемых Гёте день за днем, в течение целой жизни, можно тысячу раз заблудиться. Среди непрестанных метаморфоз нужно ухватить Протея, удержать его, вырвать его тайну, открыть его намерения, то борьба один на один, чтобы ухватить нить Ариадны, связывающую все выражения всемирного гения, занимает годы труда. "Когда я думаю об этой борьбе, - пишет Штайнер, - я признаю, что я ей многим обязан, безусловно, мои духовные способности созрели бы гораздо скорей, если бы я не получил от судьбы этого Гетевского задания. Я мог бы следовать только моему духовному опыту и описывать его так, как он мне явился. Я бы скорее углубился в духовный мир, но у меня не было бы случая под давлением постоянной борьбы погрузиться вглубь самого себя... Во время этой работы по составлению комментариев, Гёте предстоял моему духу, как бы предупреждая меня, и всё время повторял: "Кто слишком быстро подвигается по духовному пути, может достичь частичного духовного опыта, но он не сумеет взять от жизни всех богатств, которые она содержит". 6

Если оба эти пути встречаются в стимулирующем столкновении, то это происходит потому, что они идут из абсолютно противоположных направлений. У Штайнера ясновидящий должен заставить себя обратить свой взор к внешнему миру, в то время как Гёте весь во власти чувственного, пытается лучше понять опущения, лучше извлечь из них самую сущность, и этим путем он достигает идеи. Гёте любит природу настолько, что он старается вобрать, вдохнуть её всю в себя, соединиться с ней так тесно, что она завершается в его собственной мысли, достигает его сознания. "Художник - проводник скрытой воли природы, которая иначе осталась бы неизвестной", - пишет он в одном письме из Италии. Он и является этим художником-творцом, который находит вдохновение, воплощённое в чашечке цветка, в рудной жиле. Его наслаждение удесятеряется через идеи. Его ощущение идет от чувственного к сверхчувственному, расцветая в созерцании.

Рудольф Штайнер же получает от духовного мира всё содержание своей души. В чувственном мире он находит то, что есть отпечаток духа. Отсюда эта фраза, столь странная сначала, но которая точно определяет его позицию: "Для того, кто воспринимает только через чувства, мир есть иллюзия", и только дух претворяет его в реальность, дает ему жизнь, образ, значение. Гёте поднимается от ощущения до идеи и там останавливается. Штайнер спускается от чистого духа до пра-идеи Гёте, которая действительно является ключом чувственного мира, но он постигает над ней иную жизнь, которая превышает её, являясь одновременно и истоком её и причиной, и в которой душа переживает божественную половину человеческого опыта.

Нужно признать: интуиция художника находится на пол-пути к совершенству духовного видения. Она ещё не является опытом духовного видения. "Во время моего пребывания в Веймаре этот вопрос всё более настойчиво возникал передо мной: как достигнуть на основаниях, положенных Гёте, более возвышенного созерцательного познания? Как подняться мыслью от того, что он видел, до понятия, могущего заключить духовный опыт, как он мне отирался?" 6 Веймарский же олимпиец удовлетворял мыслителя, но не видящего. Он построил только один пролёт моста, ведущего от физических фактов к духовным.

Если Штайнер поддается зову духа, не найдя еще способов выражения, это будет конец его миссии. Он будет единственным случаем, исключением, одним из тех визионеров, которых вдохновение выводит на миг за пределы реального, чтобы затем вернуть их вновь на Землю. Ничто не изменилось. Новый путь не найден.

Между двумя мирами надо пробить одну за другой все преграды и достичь полного овладения материальными соответствиями. Нужно крепко спать все до одного звенья, идущие от "общепринятой науки, до духовного переживания и опыта".

Более чем кому-либо, тяжел ему путь. Его организм был приспособлен к другим формам восприятия, чем восприятия физических чувств Дисциплина фактов для него тяжела. Он старается видеть, наблюдать, воспринимать предметы. С трудом, с усилием он регистрирует внешние впечатления. В возрасте, когда наши пять чувств достигают особой остроты и даже уже начинают притупляться, он предпринимает методическое обращение их к внешнему миру, всё активнее, точнее, утончённей.

Среди упражнений, которые он позже будет предписывать своим ученикам, он в первую очередь поместит "... способ, каким человек усваивает себе представления... Каждое представление должно получить для него значение. Он должен видеть в нём определённое сообщение, весть о вещах внешнего мира. И он не должен удовлетворяться представлениями, которые не имеют такого значения. Всю жизнь своих понятий он должен направить так, чтобы она стала верным зеркалом внешнего мира. Его старание должно быть обращено на то, чтобы удалить из своей души неверные представления". 21 Он принуждает себя к строгому контролю. Он следит за мелкими неточностями, оставшимися с детства в его правописании

или стиле. Даже почерк принимает более определенное очертание. Он борется, иногда мучительно, с внешними впечатлениями, чтобы сделать их всё более правдивыми, как скульптор с твердым мрамором, сопротивляющимся видению художника. Эта работа вырывает у него стоны, но создаёт для его внутреннего мира противовес, который поможет напрячь порыв, направить полёт, когда нужно будет в полном сознании выдерживать огромные удары ясновидения, неудержимый поток откровений, который без предварительной подготовки занёс бы его душу, как лавина. С закаленной волей, с ясным хладнокровием он сможет выдержать ослепительную молнию и не потерять при этом рассудок, как Ницше.

По отношению к фактам физическим он должен сначала себя сдерживать. Какими бы ни были его занятия, он следует дисциплине, которую установил для себя раз и на всегда: "Моей главной работой было держать всегда во вполне бодрственном состоянии мою внутреннюю жизнь". Этот метод поможет ему всё принимать, измерять, углублять до корней. Этим отчасти объясняется явление, поражавшее позднее и друзей и противников: универсальная компетенция Рудольфа Штайнера его способность бросать гениальные ответы во все специальные области, будь то медицина, химия, социология, техника, искусство и т.д. Суровость и точность мысли, пламенная настойчивость в сохранении сознания в состоянии постоянного бодрствования сделают из него позднее непререкаемого мастера описания духовных фактов.

V. "ФИЛОСОФИЯ СВОБОДЫ" ИЛИ КРАЕУГОЛЬНЫЙ КАМЕНЬ

"... для меня спасение человечества заключается в том, чтобы оно само возвысилось до полной духовной свободы". Из письма к Рихарду Шпехту от 18 ноября 1891 г.

"Сегодня утром отрывок из Фихте восхитил меня. "Ибо жизнь, говорит он, - есть любовь, всякая форма, всякая сила жизни создана из любви и приводит к любви". Когда это воспринимаешь не рациональной и мертвой мыслью, но всей своей деятельной силой, тогда живешь с особой интенсивностью. И только тот, кто способен на это, понимает тогда свободу, свободу, из которой я хотел бы одолеть краеугольный камень, основу основ всей моей философии..."²²

В эти годы внутреннее созревание его книги принесло ему "утешение, поддержку, здоровье"²³ он освежался, работая над ней, от убийственной чопорности и сухости, царившей в Архивах. Филологические методы, которые там применялись, тормозили и отталкивали его. Это была даже не филология, не разумное изучение текстов, а вывесеция, из-за которой терялось представление обо всем. Ясное и творческое развитие мысли подсказывало ему упрощение в работе, которое он не мог заставить принять своих сотрудников. Он наткнулся на их косную узость. К тому же "внутренняя необходимость", заставлявшая его направлять зарождающееся дело его жизни на Гетевскую мысль, удовлетворена и цель ее достигнута. С 1891 года он внутренне покончил с тем Гёте, каким его представляли в Архивах. "Мне нужен сильный противовес моим работам в Архиве, - сознается он мадам Шпехт, - если я хочу сохранить свое равновесие"²⁴ Из чистого формализма во главе "Гетевского общества" поставили не гетеевиста, а бывшего министра финансов. Подлинная могила Гёте и есть это общество. Веймар стал "кладбищем великих людей Германии"²⁴ Здесь вдыхается не только запах традиций и бергамота, но и плесени.

Если памятник, воздвигнутый на берегах Ильма послужил лишь для вторичного погребения Гёте, то среди сотрудников Архива окажется один, который передаст заветы Гёте дальше, воздвигнув под знаком Гетевской мысли свободный университет жизни недалеко от Рейна (Гетеанум).

"Ах, если бы, по крайней мере, моя деятельность до сих пор могла бы быть коконом, из которого я вылуплюсь, чтобы одним взмахом крыльев достичь блаженного неба философского учения, которое я смогу передавать чистым, свободным от подчинения какой-либо школе!"²⁵ Какой крик вырывается у него, говорящего так мало о себе и никогда не жалующегося. Этот вопль целиком перешел в его "Философию свободы", создание, которое он вынашивал в себе в течение многих лет и которое он пишет в настоящее время.

В нем он утверждает, что мысль существует вне наших пяти чувств, что не только она не получает от них своего существования, но что только она дает им какую-либо ценность, какой-либо интерес. Позднее он не удовлетворится философскими доказательствами этой жизни мысли, рожденной духом. Тем, кто не замечает ее в себе, он скажет "Вы слепорожденные, которых можно оперировать; потому что вы не развивали своего внутреннего мира, внешний кажется вам единственно реальным. И однако, он есть только отражение. Укрепите свою душу вы увидите, что человеческий дух в вас - есть реальность".

Если он еще не говорит так в 1890 году, он уже начинает готовить способ выразить свою мысль. У него уже находится очень удачное выражение: "Мысль имеет то же значение по отношению к идеям, как глаз по отношению к свету, ухо по отношению к звуку, это орган восприятия"²⁶.

Эти поиски выражения его мысли становятся для него отныне чрезвычайно важными. Действительно, не существует языка для мысли-видения, для видящей мысли. Какие слова выбирать? Безусловно, интеллектуальные термины леденят людей вместо того, чтобы их согреть, так как они не умеют пользоваться идеями, чтобы ввести свет в пылающие переживания внутреннего опыта. Но если прибегать к мистической терминологии, чувство замыкает их в пределах души и недоразумение ещё опасней.

"Вы обладаете, - писал он Розе Майредер (18. 11. 91) - духовной потребностью дать полную ясность и определенные контуры тому, что проходит через вашу душу, прежде чем дать этому право объективной реальности. По-моему, только это отношение может привести к познанию, а следовательно, к свободе. Свободные человеческие действия не могут вдохновляться побуждениями таинственными, туманными, магическими, но исключительно только представлениями, которые мы созерцаем с отчётливостью до деталей.

При выражении своего интимного существа я только тогда могу быть уверен, что действие это исходит от меня самого, если я проникаю вглубь моей мысли до того, что никакое смутное чувство, никакая мистическая сила в ней не скрывается. Здесь, и только здесь, находится подлинная свобода, полный расцвет человеческой личности".

Если он сопротивляется обычной мистике, то это для того, чтобы указать путь к "мистическому опыту" идей. Через идеи приобщаются к духу, вплоть до чувственной реальности, до природы, сущность которой духовна. Дело не в том, чтобы описывать видения. Он повторил это много раз. Этот личный рассказ не является его целью. "Я не стремился описывать частные опыты, но показать, что дух обладает в нас органами, через которые он проявляется"⁶.

До сих пор он был вынужден пользоваться философским языком. Он пользовался им для написания своих первых книг, в частности своей докторской диссертации.²⁷ Он смело прибегает к нему в "Философии свободы". Ему невозможно поступить иначе, даже когда он сам страдает от абстрактности языка. Прежде всего он должен обладать серьезным орудием мысли. Эта книга, впервые дающая методическую базу того, что станет его учением, обращается ко всем людям, прибегающим к мысли, независимо от концепций, из которых они исходят.

Он хочет оправдать с точки зрения философии те два тезиса, которые станут новой базой мысли и действия: Человек способен познать законы, управляющие вселенной, принимая в них участие мыслью, освобожденной от чувственного; С момента, когда он узнал и признал эти законы, он внутренне свободен и свободен в своих действиях., когда действует в соответствии с ними.

Было очень смело в ту эпоху поддерживать эти две тезиса в философском мире, и особенно в стране, где система Канта ещё так сильно превалировала.

Рудольф Штайнер в первой части своей работы: старался осторожно расчистить почву, разбирая нео-критицизм, представленный тогда особенно Шопенгауэром и Гартманом. Свобода, как он ее понимает, несовместима с философскими системами, отказывающими людям во всякой возможности охватить действительность через познание. Для Штайнера, наоборот, активность мысли связывает человека с действительностью, и в этой действительности он свободен. Он берется это доказать.

Своими пятью чувствами человек воспринимает только внешность вещей. И если бы познание сводилось только к этому чувственному восприятию, ему невозможно было бы понять вещи в их сущности. Но к чувственному восприятию прибавляется в мыслительной деятельности духовное восприятие, при помощи которого человек как раз и познает духовную сущность, находится в основе мироздания. Он может не только познавать. Он ещё и обладает свободой действовать в целях, которые ему таким образом открываются. Нет разрыва между его мыслью, познающей истинное, и его волей, желающей добра. Человек думающий, предвидит последствия своих действий, может судить, совпадают ли они с целями мироздания, отражающимися в его мыслях. Но так как существуют сотни различных возможностей соответствия с законами вселенной, он должен в каждом случае создавать пути этого соответствия. Способность, таким образом в нём пробуждающаяся, Штайнер окрестил названием, ставшим известным: "Morallische Phantasie" (Моральная фантазия) - творческое воображение морального порядка.

Что он под этим подразумевает? Созерцательная интуиция Гёте, этот творческий взгляд, живущий в художнике, той же природы, что и дух, руководящий природными образованиями. Это то, что называют обычно художественными вдохновением. То что кажется таинственным даром отпущенным немногим избранным, может стать посредством внутренней дисциплины всеобщим даром так как природа человека содержит в себе его зародыш. Под "имaginationей" надо понимать здесь ту творческую способность, (ничего общего не имеющую с произвольной и блуждающей фантазией) которая в полном смысле слова превращает мертвую понятийную мысль в мысль, состоящую из живых образов, которые создаются согласно реальности воспринимаемых вещей. Как раз эту живую композицию представлений мысль охватывает и раздробляет на установившиеся идеи, Рудольф Штайнер называет механическую увязку представлений мёртвой мыслью в противовес мысли имминативной, творческой, которую он также называет чистой мыслью, мыслью живой. /"Слово "Imagination" может быть также переведено как "воображение" (Прим. переводчика)/

"Эта мысль принимает в себя силу любви, когда она погружается таким образом в феномены. Это погружение происходит благодаря силе, которая пропитывает активность мысли. Это - сила любви в ее духовной сущности. Ибо тот, кто открывает реальность мысли, находит в ней как чувство, так и волю, и то и другое также в их глубокой реальности".²⁸

На этот раз надо не только подняться до внутреннего видения того, что находится позади вещей, и выразить это в прекрасных чувственных формах, как его делает художник. На этот раз дело идет о творении не художественном, а моральном - это творение есть судьба человека. Для того, чтобы овладеть ею, по крайней мере внутренне, чтобы стать свободным в самом себе, надо слиться живой мыслью с высшим порядком, нитью которого является эта судьба.

Могут заметить, что слиться подобным образом со всемирным божественным порядком, значит уничтожить свою собственную индивидуальность и отнять от свободы её первое условие: так как, чтобы быть свободным, я должен прежде всего иметь сознание, что я сам ответствен за свои действия. Говорить так, значит не понять исключительного места, занимаемого "Я" в том синтезе, который являет собой человек: не его эмпирического "Я", состоящего из каких-то воспоминаний и личных желаний; но того духовного "Я", которого никакая животная эволюция, как бы значительна она ни была, никогда не могла бы вызвать. Это Дух в человеке. Всё, что не есть его высшее "Я", следует общим законам человеческого вида, и здесь не может быть речи о свободе; но своим высшим "Я" каждый из нас является своим собственным видом. В конечном счёте это "Я" в своем моральном поведении ответственно не перед каким-либо общим законом, но перед духовным законом своего собственного сознания. Слиться с всемирным божественным порядком, значит осознать свободу духа, к которой причастен каждый из нас. Я не свободен не чувствовать голоде, но я свободен распределить свои желания в порядке известной подчиненности, имея в виду высшую цель, даже, быть может, в некоторых случаях выбрать голод.

Как могу я узнать, что моральное деяние вдохновляется действительно свободной духовной деятельностью моего высшего "Я", а не какой-либо природной необходимостью, более или менее скрытой? Моральным воображением я поднимусь до объективного взгляда на место, занимаемое моей жизнью в общем существовании, в которое она вливается, когда мое "Я" достаточно укрепит мысль, чтобы оно могла с ясностью отражать эту жизнь без искажения, вносимого чувственными желаниями.

Книга вышла под следующим заголовком:

"ФИЛОСОФИЯ СВОБОДЫ", РЕЗУЛЬТАТЫ ВНУТРЕННЕГО ОПЫТА, ВЕДОМОГО ПО НАУЧНЫМ МЕТОДАМ

За каждым словом этого заглавия сконцентрированы 20 лет внутренней жизни, 10 лет отчаянных поисков выражения этого опыта. Это книга, которая впервые помещала в ясном свете познания и личного суждения проблему, до сих пор остававшуюся в сумерках чувства и догмата, эта книга, которая делала доступным всем наивысший духовный свет, исключительную привилегию великих мистиков - слияние человеческой воли со всемирным планом, - эта книга не была понята никем.

Никто не понимал, к чему она могла привести; никто не увидел перспектив, ею открываемых. Работа, переведенная ныне на 14 языков и изданная в одной Германии больше чем в 30 тысячах экземпляров, погрузилась в пренебрежительное молчание. Она должна была выйти из него только 15 лет спустя, когда перед потрясающими результатами современного сознательного освидетельствования встал вопрос: "Какой же путь ведёт к этому?"

VI. ПЕРВОЕ ПРИБЛИЖЕНИЕ К НАУКЕ: "ЗНАКОМЫЕ НЕЗНАКОМЦЫ"

"Своеобразный способ, которым две души появились в поле моего земного существования, всегда казался мне светом, который судьба бросала на путь, предписанный моей мыслью"⁶

В эпоху публикации "Философии свободы", когда он впервые прямо выразил свои идеи, это привело только к тому, что увеличило круг одиночества возле молодого философа. Не то, чтобы ему не хватало знакомых. Наоборот, очарование его обхождения, его неисчерпаемые познания заставляли прибегать к нему в Веймаре не меньше, чем в Вене. Подлинная дружба связывала его с писателями и артистами. "Штайнер обладал, - пишет один из близких ему в то время людей, - редким даром слушать и интересоваться тем, что говорили ему другие. И он понимал всё. Я никогда не встречал никого, кто имел такую эрудицию во всех областях и не имел бы при этом недостатков эрудита и какого-либо желания ослепить вас своими познаниями. Он садился среди нашего дружественного кружка с широко раскрытыми глазами и чаще с сомкнутыми устами, внимая всей душой".²⁹

Разнообразная жизнь в Веймаре позволила ему знакомиться с самыми разнообразными точками зрения и помогла ему избежать замыкания в частные мнения. Его "точка зрения" - это не иметь её вовсе. Это упражнение "универсализирует" дух.

Но если в Веймаре Штайнер обогащается, проникаясь таким количеством человеческих мнений, он не находит ни одного человеческого существа, которое попробовало бы разделить его мнение. Во время этого веймарского периода ему, так же как и в Вене, невозможно найти кого-либо, кому бы он мог открыть свою подлинную внутреннюю жизнь.

"Мои друзья, даже самые близкие, не признавали живой реальности идей и принимали меня за интеллектуалиста-рационалиста".⁶ Человек нравится всем, но мыслитель холоден. Этот упрек в абстрактности долго оставался великим недоразумением. "Тот, кто говорит о холоде мира идей, - писал он в то время, - может быть умеет мыслить идеи, но не умеет их чувствовать. Когда становишься соучастником настоящей жизни идей, чувствуешь в себе действие сущности мира с таким теплом, которое нельзя сравнить ни с чем".³⁰

Будем справедливы. Если никто его не понимал в это время, так же, как и в Вене, и в его детстве, то это потому, что только ясновидящий взор мог открыть за идеями неуловимое присутствие, которое он сам воспринимал, но о котором молчал. "Я остерегался говорить об этом".⁶

По зрелом размышлении становится понятно, что его и не должны были понимать слишком рано, до того, как закончится период созревания. Слишком преждевременное общение остановило бы его поиски. Вызревание должно было быть долгим, чтобы достичь высшей точки законченности. В этом проявлялся закон мудрости. По мере того, как человек продвигается в жизни, он рискует быть задержанным на каждом этапе своего развития. Подобно организму, резко остановленному в процессе своего роста, умственное или сердечное раскрытие может быть остановлено на ещё несовершенной стадии развития. Иногда слишком внезапный контакт со зрелостью другого существа, вспышка дружбы или любви, слишком интенсивная в подростковом возрасте, могут начать преждевременное отцветание юных сил души. Иногда слишком рано пришедшая ответственность в положении начальника или руководителя закрепляет до времени идеи, которые должны были бы ещё свободно парить. Тогда твердость кости дается образованиям, ещё находящимся в стадии хрящей. Тогда говорят раньше, чем имеют что сказать из самих себя, отдают себя, не успев ещё принадлежать себе; внутренний аромат развевается, не успев настояться.

Штайнер, наоборот, созрел в молчании внутреннего одиночества, бывшем тяжелым испытанием для его сердца, но принятом им как дисциплина, и таким образом он довел до совершенства свои намерения под панцирем архивариуса!

Внешний его облик с то время для него служил только куклой, которая скоро будет отброшена, но у окружающих он вызывал представление о "Гималаях" учености и интеллектуальности. Это создает иллюзию и порождает то, что можно было бы назвать "недоразумение херр Доктора". Очки, которые он сбросит позднее, борода, развевающийся галстук, широкополая шляпа, слегка сдвинутая на затылок, руки, часто заложенные за спину или по-монашески скрытые в рукавах, летящая походка, раздуваемые ветром полы одежды, огромные глаза, устремлённые к небесам, такова стройная и по-своему обаятельная фигура "господина философа", за которым следуют глазами кумушки в маленьких улочках резиденции. Они не подозревают, к каким горизонтам, за пределами сферы обычных идей, обращены: в действительности эти карие глаза, прежде всего привлекавшие внимание на его бледном лице с тонкими чертами.²⁹

Во что погружается этот взор? Он нам этого не говорит. Несколько слов, оброненных позднее то здесь, то там, однако, позволяют создать себе некоторое представление. "Около годов мир, который начинается сразу у пределов физического, открывался с особой силой. В этой сфере, столь близкой, от которой нас отделяет только тонкая перегородка, разворачиваются самые грандиозные факты. Я жил тогда в Веймаре. С одной стороны, жизнь общественная, с которой я был тесно связан, захватывала меня всеми своими сторонами, но в то же время я чувствовал внутреннюю потребность сильно замыкаться в самом себе; то и другое существовало одновременно. В это время я чувствовал с максимальной интенсивностью внутреннее ощущение присутствия духовного мира, гораздо более сильное, чем мира физического, так что мне нетрудно было соединиться немедленно с идеями, проникавшими в мой внутренний горизонт, в то время как для того, чтобы узнать какой-нибудь камушек или растение, мне приходилось пробовать снова и снова, не два, три или четыре раза, а 50 или 60 раз. Я не мог без большого усилия соединить свою душу с чем-либо, носящим физическое название в физическом мире. Это достигло своего апогея в веймарский период."³¹

Создается впечатление, что не раз в течение его жизни нить, связывающая его с чувственным, готова была порваться и держалась только усилием его воли. Это было в 19-ти летнем возрасте, когда он покинул домашний очаг и в своем студенческом одиночестве открыл великих мыслителей-идеалистов; затем около 33-х лет, именно в Веймаре, когда он закончил "Философию свободы"; между 39 и 40 годами в Берлине, в период важных внутренних переживаний, которые определили его миссию; и неоднократно позднее, но особенно в 1924 году, году величайшей, и последней вспышки творческой деятельности. Всей силой своей энергии он хочет остаться в жизни. Но непреодолимое влечение его видения угрожает увести его за пределы его собственного существа и на этой высоте оставить его без поддержки. Он делает невероятные усилия чтобы удержаться в своем теле, так как его опасно покинуть и оно легко ранимо, и как бы "раскрыто" перед лицом физического мира в минуты "втягивания" духа.

Этот веймарский период, занимающий середину его жизни, является переходным между первой ее частью, в которой он отдается своему стремлению к духу непосредственным порывом, и второй, в которой он прилагает всю свою волю к управлению этим стремлением. Волевой дисциплиной он претворяет свои сверхнормальные способности в метод познания, одновременно чувственный и сверхчувственный, от которого не ускользает ничто, начиная с высот духа и кончая материальными и даже суб-материальными глубинами.

"Философия свободы" написана. Положен краеугольный камень. Но все этапы испытания еще не пройдены. Есть язык, на котором он еще не умеет говорить. Это язык факта, главное достижение современности. Он еще не проник, и он это знает, в глубь научного умонстроения, которое, будучи материализовано, может стать для человечества орудием смерти. Однако задача, для которой он избран, заключается в том, чтобы умерить для человеческой мысли гибельные последствия этой материализации, выправить её ориентацию. Высшие силы, поддерживающие его мужество и направляющие его судьбу, напоминают ему об этом, ибо время свершений пришло. Роковая встреча происходит тогда в его жизни. Из трех этапов, которые приведут его в самое сердце проблем, которые наука ставит в его эпоху, - это первый. Он еще не перейдет в скрытую область всей его внутренней жизни. Два последующих пробьют стену и увлекут его на поле деятельности.

Он снял комнату в Веймаре, в семье, глава которой только что умер.

Его дар следовать за душами после их смерти позволил ему установить связь с этой душой. Эта связь, исключительно крепкая, скоро принимает характер, подобный тому, который устанавливает связь между двумя друзьями, взаимное влияние которых велико. Никто не может выразить этого лучше, чем собственные слова Штайнера: "Я слышал его шаги в моей собственной судьбе, как если бы он находился за кулисами моего существования".⁶ Умерший преждевременно Ойнике не смог дать внешне все то, что его выдающаяся личность могла бы осуществить. Незначительный чиновник в Веймаре, он жил очень замкнуто, зарывшись в свои книги. Эти книги, закрытые им навсегда, открываются Рудольфу Штайнеру. Он читает через них о мыслях, заботах духа, горевшего энтузиазмом во имя этой юной науки, в которой он видит только положительную сторону.

В конце XIX века, казалось, одна лишь наука была тем светочем, который обеспечивал будущее человечества. Научный прогресс стал своего рода мистикой, пришедшей на смену религии, и душа Ойнике была настолько ею переполнена, что унесла свой пыл за пределы смерти. Сила и истина научных фактов продолжала сиять в этой душе нематериальным светом. Восприятие этого посмертного расцвета дружественной души в мире идей поставило Штайнера перед новым фактом: можно найти даже в мире духа оправдание современной науки. Ему открылся путь в ту область, в которую он знал, что должен был войти, но куда он еще не находил доступа.

Душа Ойнике открыла ему путь.

При этом переживании перед ним всплывает воспоминание, относящееся к венскому периоду, воспоминание о другом "знакомом незнакомце", - случай, поразительно напоминающий теперешний.⁷⁵

Он бывал в то время, семь лет тому назад, в семье одного своего товарища. Отец этого товарища жил отшельником в комнате, соседней с той, в которой встречались молодые люди. Простая перегородка отделяла их от этого человека, глубоко уважаемого всей семьей, но которого никогда не видели и о котором говорили как о чем-то таинственном.

Товарищ Штайнера одолжил ему некоторые книги из его библиотеки, которые позволили ему сначала оценить выбор книг этого странного человека, а затем полюбить его и преклониться перед его духом редкой ценности.

Этот человек умирает. Между этой освобожденной душой и Штайнером устанавливается еще более тесный контакт, настолько, что когда на его могиле молодой студент произносит речь, она, к общему удивлению, описывает и открывает семье покойного все, чем он жил. То, чем он жил, было восхищение перед открытиями современной науки, но также и глубокая тревога о моральных последствиях науки. Один вопрос преследовал его неотвязно: если человек уже происходит не от Бога, а от обезьяны, какова же почва, питающая его душу, на чем же возможно будет покоиться морали?

У Ойнике мысль вполне сочеталась с научным материализмом, но не успела еще достичь и произвести в нем разрушений. Моральный инстинкт в глубине своей остался ведущим, традиционным. В душе веймарского "отшельника" Штайнер открыл форму "материалистической" мысли, остающейся на поверхности великих проблем судьбы. Эта "головная мысль" не затрагивает чувства, не разрушает моральной жизни. Она не увлекает человека к жестокому нигилизму, верящему только в инстинкты, в право сильнейшего царить путем отбора, превращая слабейшего в прах. Материалистическое признание фактов может, следовательно, идти рука об руку с поисками чистой истины, с забвением себя в познании. За оболочкой ученого Ойнике остался глубоко религиозным, и если он способен после смерти продолжать свой духовный путь, то благодаря "массе энергии и смелости, которые он накопил в поисках истины".⁶

Значит, научная мысль может сочетаться с духовными поисками. В холодных сферах интеллекта она сверкает чистым блеском. "Она не отторгает неминуемо душу от духовного созерцания...". Вот первый вывод из этой встречи.

Если эти две души, несущие откровение, избегали общения с людьми, охваченные паникой перед жизнью, то это потому, что они не обладали тем жизненным даром, о котором писал Штайнер в "Философии свободы". Они отступили перед роковыми последствиями, которые предчувствовали, если наука, объект их поклонения, завладеет сердцами и жизнью людей, сметая традиции предков, насаждая нигилизм.

Он, Штайнер, обладал почвой более устойчивой, чем традиции. Моральная интуиция свободной личности имеет те же права, что и божественные идеи, следы которых наука находит в мире природы. Наука не только не способна подорвать твердую почву в сознании, построившем эту функцию, но, может быть, найдет в ней свое дополнение - мораль будущего. Он пройдет бесстрашно там, где отступили другие.

Надо решиться перейти "тот Рубикон духа, который заставляет перейти от самого себя к остальному мирозданию".*

Судьба, которая связывает нити этой жизни, плода которой ожидают "Учителя", дает ему еще две встречи, которые явятся испытаниями, закаляющими его дух. Они уже произойдут не только в области его внутренней жизни, как две его "посмертные дружбы". Борьба, которую ведет его дух, примет формы более материальные, личные, конкретные, хотя в веймарский период они еще несколько завуалированы.

Удивительный "случай" приблизит к Веймару, где Штайнер научился у Гете формулировать некоторые выражения своей мысли, двух людей, символизировавших две великие научные проблемы их эпохи, две наиболее ярко выраженные тенденции: Геккеля и Ницше - два духа, наложившие свою глубокую печать на всю духовную структуру своего времени, с бесконечными отголосками в нашем.

В 20 километрах к востоку от Веймара находится Иена, где Геккель пробует дать научно-материалистический ответ на "великие загадки Вселенной".

В 40 километрах на север - Наумбург, где агонизирует Ницше, безумно рискнувший жить "сверхчеловеком".

VII. ВТОРОЕ ПРИБЛИЖЕНИЕ: ВСТРЕЧА С ГЕККЕЛЕМ

"Постепенное развитие моей мысли не шло, как предполагают многие, от одной противоположности к другой. Если бы это было так, я бы охотно в этом сознался. Но это не соответствовало бы тому, чем являлось в действительности мое внутреннее развитие. Я всегда продвигался вперед постепенно, добавляя вновь приобретенное к тому, что жило во мне".⁷

В Веймаре, как это было уже в Вене, он получает указание обратиться к миру, изучаемому наукой. Он "присутствовал духовно при событии значительном", которое заставило его понять необходимость материалистической мысли на данной стадии эволюции. Можно предположить, что он был допущен тогда в созерцание плана, ради которого современное человечество направляется к приобретению научной мысли. Если человек должен обрести моральную свободу и независимость мысли, он должен почувствовать себя "рожденным со Вселенной", почувствовать себя способным вернуться мыслью к ее возникновению. Знание не должно больше приводить его к его духовным и божественным истокам, а к материальной (чувственной) жизни: эта форма жизни должна на некоторое время иметь наибольшую ценность в его глазах.

Это направление современной мысли было к тому же пророчески предсказано западным оккультизмом и, в частности, Розенкрейцерами. Изучать природу, погрузиться в тайны элементов, которые ее составляют, - такова первая половина розенкрейцерского опыта. Осветить затем человеческой мыслью мрак материи, одухотворить и искупить ее - вот конечная цель.

Пришло время и для Штайнера встать лицом к лицу с миром, который исследуется современной наукой и которым она хотела бы себя исключительно ограничить.

В конце XIX века ученые достигли вершин своих надежд. От открытия к открытию они ожидают получить в руки ключи жизни, которые до сих пор приписывались одному Богу. Кстати, Бог этот им вовсе не нужен, наука весьма легко Его заменяет. Экзальтированная гордыня, которая уже предполагает иметь в руках все командные посты, сводит с ума научную публику, особенно в Германии, где арсенал технической индустрии великолепно вторит лабораториям. К тому же, это является восполнением старой фаустовской мечты:

"Когда б я мог знать, что содержит мир и его недра, Наблюдать за его деятельностью, его оплодотворением".

Все прошлое, наслонившееся под именем морали, веры, чаяний, предрассудков, есть только разрушающаяся пыльная традиция перед лицом человека, всезнающего и ставшего хозяином вещей. Это вызов, брошенный в лицо Отцу. Такому

соблазну особенно поддается научная среда за Рейном, где охотно доводят новые открытия до их крайних метафизических последствий.

Только что появилась сильно на шумевшая брошюра Геккеля, подлинный материалистический манифест: речь в Альтенбурге "Монизм, связь между религией и наукой" (Бонн, 1893).

Дух человека является в ней освобождением от недвижимых догматов творения и установленных видов. "Геккель не мог бы понять эволюцию, как он это сделал, если бы не освободился от христианского вероучения".³³

Древние перегородки между царствами природы ломались под постоянным потоком жизни, продвигающейся от формы к форме, начиная с примитивной клеточки и до самых сложных организмов в едином бесконечном поступательном движении.

Штайнер уже читал Геккеля до этой речи в Альтенбурге. Он даже с ним переписывался, но до сих пор еще не было настолько ясно, в каком смысле трансформизм станет одним из элементов того синтеза, который вырабатывался в нем самом.

Ему видятся в этой работе интуиции, способные дополнить в некотором смысле интуиции Гете. Так как, - говорит он себе, - интуитивная мысль Гете, которая так счастливо раскрыла тайну растительной жизни, надо сознаться, не дошла до понимания животного. "У Гете художественная интуиция мира соединилась в форме ясной мысли с представлением о природе как о творческом художнике. Но он не пошел в животном мире дальше рассмотрения изменения форм и т.д. И, однако, увидеть это было бы не только искусством, но и подлинной наукой".³³ А Геккель, не поднялся ли он до глубокого единства, связывающего все живущее? Его концепция единства в природе, его "монизм" кажутся Штайнеру в то время самым могучим научным синтезом XIX века. Она отвечает глубокому предчувствию его собственной мысли. Его врожденное чувство эволюции находит поддержку в широких научных взглядах Геккеля. "Моей душе открывалось то, что я хотел бы назвать "методическим монизмом".³⁴

Нельзя ли будет найти прямой доступ к духу, продолжая развитие? Нельзя ли перейти методически от чувственного к сверхчувственному и покончить раз и навсегда с этим дуализмом науки и веры, головы и сердца? Отныне можно было бы следовать одним и тем же взором сквозь природные формы, сквозь усилия чувственной реализации, за первичной Идеей, за планом, созерцаемым духом.

Именно в этом - смысл эволюции, который нужно было бы передать людям в современной форме, чтобы довести их до живого и затем вести от живого до первичных истоков жизни без того, чтобы это проникновение было остановлено роковым: Ни шагу дальше! Здесь кончается познание и начинается вера!

Научный синтез эволюционизма покоится на неоспоримых фактах. Штайнер видит здесь большее. Эти открытия о появлении видов, их постоянная цель кажутся ему продолжением гетевских идей. Раздвигая понятие о живом, открывая его внутреннее единство, они смогут служить ключом для чистейших духовных представлений, подтверждая, что вся эволюция от мельчайшего камешка до Бога оживлена единым духом, сливается в одном потоке, осуществляя единую цель.

Геккель, подобно Гете, обладает способностью входить в сердце вещей, думая о них. Гете находил единство растений, созерцая интуитивно первичную форму, архетип, пра-идею. Геккель открывал во всем животном мире великую душу, которая проходит, начиная с самых примитивных видов, до самых высоких, самых сложных: "так как, - говорил он, - они все проявляют, идет ли дело о ресничатых или о высших животных, психическую активность ощущения и самостоятельного движения".³⁵

Для мысли, освободившейся от чувственного, первым этапом является представление о метаморфозе.

Вторым этапом, открывающим, что единая воля выражается через различные виды, является эволюционизм.

Можно пойти еще дальше.

То, что Геккель ограничил физическим царством, то, что он открыл только во внешней природе, может быть продлено до прямого познания той великой сверхчувственной души, которая живет в природе. Эволюционизм является Штайнеру как одна из духовных потребностей современной мысли. Эволюционизм представляет собой для подлинной духовной науки более верное основание, чем религиозные традиции, которые пришлось заключить в неприкосновенные догматы, потому что был утрачен их смысл.

Штайнер проводит на минуту опьяняющую перспективу привить на монистическую науку "монистическую философию". Он будет ее пророком. Он бы хотел "скоро увидеть эту младшую сестру, борющуюся рядом со старшей...".³⁶

Разве "Философия свободы" не принесла уже с собой методическое доказательство того, что человек способен принимать участие своим сознанием в эволюции, увидеть цели высшего руководства, принять их, примкнуть к ним свободно?

Книга появилась в январе 1891 года. В следующем феврале, 17 числа, появляется возможность личного контакта с Геккелем. Иенский университет чествует главу школы трансформизма и молодой веймарский философ приглашен на банкет. Геккель просит, чтобы его ему представили. Ему самому в то время было 60 лет, он в полном блеске своей славы.

Когда Рудольф Штайнер говорил позднее об этой встрече, он любил описывать очарование, исходящее от сильной личности Геккеля, открытой, притягательной, в которой чувствовался не только ученый, но и художник. Он рассказывал следующий анекдот, характеризующий впечатление, производимое этим человеком. "Однажды, в веймарском архиве нас сидело за длинным столом несколько человек. Я сидел на одном конце с Герцем, - старым берлинским издателем, а Геккель - на другом. Герц, который был совершенно старосветским человеком, заметил мне в разговоре: "Я не знаю этого Геккеля, но то, чему он учит, прямо ведет к декадансу, это несчастье для человечества". Как я уже сказал, Геккель сидел на другом конце стола. При этих словах глаза Герца остановились на этом лице, таком симпатичном, таком прекрасном. "Кто это там напротив?" - спросил он. Ему сказали, что это Геккель. "Нет! - воскликнул он, - это невозможно; человек, приносящий несчастье, не мог бы так смеяться".³⁷

Но на вечернем банкете в Иене Штайнер испытал одновременно и притяжение и отталкивание. Он своей исключительной способностью проникать в другие существа, открывается всему тому, что исходит от его собеседника. Он видит этот юный, почти наивный взгляд. Однако он находит его "созданным более для восприятия чувственного впечатления, чем для отражения мысли". "Я понял, почему Геккель занимался живописью с таким удовольствием. Там, где надо было размышлять, его душа прекращала всякую деятельность, он предпочитал запечатлеть кистью то, что видел".⁶ Он также являл собой контраст существа, "которое любило природу живой и нежной любовью", но в котором также проявлялась страсть применять факты в подтверждение взглядов доктринера. Пример его и "незнакомых друзей" приходит Штайнеру на память и предостерегает его. Он видит дух сектанства в учении у Геккеля. На правдивом основании несравненных наблюдений натуралиста доктринер строит систему религиозного, почти фанатического характера. Он отворачивается от одного догмата, чтобы создать другой. "У Геккеля, - скажет он позднее, - поклонение природе заменяет собой поклонение Богу".³⁸

Понять единство жизни в чувственных проявлениях, должно ли это привести к отрицанию духа? Отнюдь нет: жизнь, напротив, есть свидетельство духа. Единство, открытое Геккелем в природе, могло бы раскрыться в духовном монизме. Всё есть материя, - говорит Геккель, - сознание есть одно из самых уточненных явлений, доступных материи, но все же материя. Штайнер скорее склонился бы к противоположному: всё есть дух, и материя сама является только формой уплотнения духа.

На одно мгновение он провидит возможность увлечь Геккеля к сублимированному монизму. Но узко-фанатический материализм удерживает создателя трансформизма за порогом, который пришлось бы переступить, чтобы ввести дух в его синтез. И это к лучшему, по крайней мере для Штайнера, которому угрожал сомнительный альянс. Он сам видит это и проходит через "опыт Геккеля", не увлекаясь больше игрой возможных монизмов. Он померился силами с научным материализмом, и к этому эпизоду Шюре применил свое определение: "чтобы победить дракона, ему нужно было сначала войти в его шкуру". 39

Штайнеру никогда невозможно было стать апостолом трансформизма. Даже когда он посвящал себя геккелевским идеям и учился через них "биологически мыслить" о природных явлениях, даже когда он писал статьи и читал лекции и давал проникновенные изложения трансформизма, он видел и давал понять его ограниченность. "Геккель только предчувствовал, и только в пределах физической природы то, что может быть развито до подлинного познания духа". 40 Было бы абсурдным применять результаты естественной науки к человеческому существу в целом, оно нечто вполне отличное и от машины, и от животного, к нему нельзя применить понятий, годных для животного. Человек имеет свои собственные законы.

Трансформизм превышает свою роль, вводя идею эволюции в мир человека без того, чтобы применить эту идею к духовной природе человеческого существа. Отсюда - риск для идеи эволюции опуститься в материализм, отрицающий душу и разрушающий тело.

В продолжение нескольких лет Штайнер будет поддерживать переписку с Геккелем. Он никогда не отрицал, что изучение принципа трансформизма помогло ему лучше проникнуть в факты, изучаемые естествознанием, но отрицал за собой эпитет геккелянца, с которым связана материалистическая догма.

Он обязан Геккелю возможностью брать исходную точку в естественном явлении и постепенно, последующими этапами продвигаться к восприятию духовного.

С этого времени ему стало легче научно доказать современной мысли, насыщенной трансформизмом, переход от материи к духу. Еще и сегодня многие думают, что человеческое сознание, чтобы пройти через духовный опыт, должно войти в сверхнормальное состояние. Но достаточно изучить законы эволюции, чтобы признать, что сознание трансформируется и прогрессирует. Современный человек скоро обретет силу получать восприятие духа в нормальном состоянии. Границы познаваемого подвижны и продвигаются благодаря развитию "науки о духе", и этому продвижению чрезвычайно способствовали завоевания трансформизма.

В этом смысле надо понимать слова Штайнера, обращенные к тем, кто 25 лет спустя, взирая на развитие, достигнутое "духовной наукой", были склонны забыть долгий путь от ее начала. "Я не думаю, - говорил он им, - что возможно с успехом подняться до истоков антропософии, если не считаться с тем, чем наша эпоха обязана монизму Геккеля...". (Затем он добавлял после некоторых размышлений, вероятно вспоминая годы борьбы с "Драконом", подстерегавшие опасности, восстановление равновесия)... - "конечно, со многих точек зрения его можно критиковать! И, видите ли, то, что Ницше не смог найти себе места в мироздании Геккеля, было трагедией Ницше". 41

В этом выражена вся ситуация: открытия Геккеля опьянили элиту целого поколения, губя смельчака, который не был внутренне вооружен, и обогащая того, кто вдохновлялся ими и шел дальше.

Эта "трагедия Ницше" должна была появиться на отмеченной вехами дороге, по которой следовал Штайнер, в нужную минуту, в Веймаре, как предупреждение об опасности, которой надо было избежать.

VIII. ТРЕТЬЕ ПРИБЛИЖЕНИЕ: ЗНАКОМСТВО С НИЦШЕ

"Человек есть нечто, что должно превозмочь"
Ницше

"Так говорил Заратустра" "О, человек, познай себя! Когда человек познает самого себя, в своем Я он находит вселенную. Когда человек познает вселенную, он в ней находит самого себя".
Рудольф Штайнер

В этом, 1894 году судьба продолжает извне вторгаться в жизнь Рудольфа Штайнера.

20 апреля в Архивах появляется сестра Ницше. Совсем рядом, в Наумбурге, в течение пяти лет (как раз со времени прибытия Штайнера в Веймар) агонизирует Ницше. Он представляет собой лишь физический обломок, оставшийся в живых после крушения его разума. Госпожа Фёрстер-Ницше только что приобрела в Веймаре виллу: она собирается поместить там архивы брата, привезти туда больного; там, среди материальных следов его гения закончится его угасание. Она хотела бы посоветоваться с архивариусами о планах разбора незаконченных рукописей и разбросанных заметок, и просит совета у Рудольфа Штайнера.

Болезнь Ницше была для этого последнего горьким разочарованием. "Может быть, - писал он одному из своих друзей, - Ницше нашел бы в "Философии свободы" ответ на неразрешенные им вопросы". 42

Госпожа Фёрстер-Ницше привозит его однажды в Наумбург и вводит его в комнату больного, на молчаливое свидание, которое оставило у Штайнера неизгладимое впечатление, описанное им за душу берущими словами: "тот, кого отныне окружал мрак, лежал расprostертым на диване, его великолепное чело принадлежало художнику и мыслителю. Было начало после полудня. Его взгляд, хотя и угасший, не потерял выражения, но эти глаза не получали больше того, что его окружало, отражения, достигающего души. Вы стояли перед Ницше, а Ницше ничего об этом не знал. Между тем, глядя на это одухотворенное лицо, казалось, что на нем еще можно было схватить проявление души, которая целое утро была занята построением мыслей и сейчас позволила себе минуту отдыха. Внутреннее потрясение, охватившее меня, дало мне на минуту иллюзию общения с гением, взор которого покоился на мне, но не видел меня. Пассивность этого взгляда, без конца меня фиксирующего, рассеяла иллюзию. Нет, моим глазам ничто не отвечало.

Меня тогда посетило видение: душа Ницше парила над его челом без границ, уже озаренная духовным светом, свободная, в тех духовных мирах, по которым она тосковала до своего падения во мрак, но которые она не могла открыть. Она еще была прикована к телу, воспринимавшему ее ровно настолько, чтобы испытывать влечение к этому миру; душа Ницше была еще здесь: но она была способна поддерживать это тело только извне. Оно мешало ей, - поскольку она была еще связана с ним, - раскрыться в своем полном свете.

До сих пор я читал Ницше, сейчас я созерцал человека, который нес в себе привнесенные из далеких духовных областей идеи, красота которых хранила отблеск света, хотя в пути они и потеряли часть своей лучезарности. Его душа принесла из

своих прежних жизней светлое сокровище, которому он не смог дать в этой жизни всего его блеска. Я некогда восхищался писателем, сейчас мне открылось это ослепительное видение". 6

Ницше... безумен... Какая же опасность подстерегла и сломила его?

Этот обожатель абсолютной истины, не был ли он опыанен научным духом своей эпохи, который возмечтал раз и навсегда установить, что такое истина? Поклоняясь фактам, он принял буквально эту научную эпоху, и с этого момента его целью стало все основывать только на видимом. Почему отвергает он Бога? Потому что желает быть честным по отношению к научной мысли и не идти на сделки. Вокруг него рабский компромисс поддерживает бок о бок страстную веру в неограниченное будущее науки и вековое исповедание божественного порядка вещей. Но Бога нельзя примирить с фактами естествознания, над которыми человек приобрел господство; кто хочет быть искренен, должен из лояльности отбросить Бога. Природа, которую изучает наука, становится для Ницше трупом Бога, "ибо Бог умер!". 43

Итак, эта сила идеала, эта любовь к прекрасному, единственное, что еще оправдывает человека как такового, откуда они? - спрашивает себя Ницше. Это также, конечно, должно приходиться из мира физического, единственно существующего. Как бы ни была прекрасна мысль, она только пар, подымающийся из нашего организма. И из лояльности к физическому миру Ницше убивает в себе идеализм, который в его глазах не больше, чем выдумка, душу, которая не больше, чем обман. Ценности, на которых покоились цивилизации, только воздушные шары, из которых выпущен воздух. Все и всегда исходило только из физического, далее мораль. В конце концов эта одержимость искренностью вызывает катастрофу. Не сказал ли он сам: "Если ты долго глядишь в пропасть, пропасть тоже глядит в тебя"? Жажда жизни вызывает попытку поэта искать новое основание для нового Бога, для новой морали. Со всех сторон он сталкивается с силами разрушения, которые ранят его насмерть. 41

В сущности, Ницше является Штайнеру как жертва материализма. У Ницше научная мысль не осталась чистым и холодным устремлением ума, она проскользнула в те области сердца, где ее свет действует, как кислота, разъедающая и уничтожающая. Его случай является иллюстрацией опасности, которую предвидели "знакомые незнакомцы". Они также увидели брешь, которую наука открывает между познанием и духовной жизнью. Они не смогли ее перейти. Ницше напрасно порывался перебраться через бездну мост своего "сверхчеловека"... Ему удалось перебраться только хрупкий аркан, в котором он сам запутался.

Этот немой разговор в самой комнате больного, с духом, который больше в нем не заключается, но чье патетическое величие тем ослепительней, производит глубокое впечатление на Штайнера. И для того, кто способен, спустя много лет, уловить эхо того, что произошло, оно представляет собой в поразительном ракурсе ход идей и родственность душ в этом XIX веке, заканчивающемся сумерками богов.

Ницше, жаждущий красоты, которую его эпоха уже неспособна ему дать, слишком горделиво правдивый, чтобы смешать каплю божественной эссенции с грязью века, ставшего тривиальным, глупо наивным, эгоистично пресыщенным и непереносимым для него самого, Ницше поверил, что он предназначен, чтобы открыть вновь первосущую и творческую мощь богов. Он тянулся к самому высшему сознанию человека, но наука нагрозила его слишком тяжелым грузом, чтобы он мог достичь этого апофеоза. Он не смог перейти за узко материалистическое понятие инстинкта, этого инстинкта сильнейшего... который ему оставалось только чудовищно усилить от животного к человеку, от человека к сверхчеловеку!

Он хотел научить пути, на котором преодолевают себя, и этот путь не мог привести никуда, кроме духовного мира. Он должен был в него войти, и не смог. На пороге он упал пораженный.

Трагедия Ницше и этого кончавшегося века заключалась в том, что было предчувствие возможности осуществить полный синтез человека, и что не смогли его осуществить. По крайней мере он был тем, кто расчищал путь среди ложных идолов и перед падением поднял предупреждающий голос, глубокий, подлинный вопль. Штайнер его услышал. Задача строения оставлена ему. Многие его шаги пройдут по пути, расчищенному Ницше. Многого он не смог бы сказать, если бы не этот вопль Ницше. Но он не внесет в проблему человека духовную практику, которой Ницше не смог развить до той же степени, и он будет более методично уравнивать истину и волю в сознании человека.

Он чувствует "как дело чести", необходимость продолжать незаконченную задачу, отдаться бурному потоку творения Ницше. Этот период представляет собой в Веймаре передышку в его работах гетеаниста. Он окружен опасностями, но он внутренне поддерживается своими духовными помощниками, своей исключительной техникой мысли и убеждением, которое все более в нем укрепляется, что он решает для всех людей проблемы, поставленные, но не разрешенные Ницше. "Довести до науки духа науку природы", повторяет он себе. У него достаточно силы, чтобы устоять на ногах. "Мне иногда казалось, что мой мозг теряет свою консистенцию; мне казалось, что наиболее тонкие нити начинают трепетать, я чувствовал, как вздымаются слои, унаследованные мною от предков. В сущности, настолько трудно дойти до корня вещей, что это дается только такой ценой; этого нельзя достичь, пока мы не ставим на карту даже свой мозг". 44

Штайнер ставит на карту всё, всё пускает в ход, чтобы понять, до каких пределов Ницше довел дело и где его нужно было взять на себя и продолжать. "Мои оккультные силы показали мне тогда, - говорил он позднее Шюре, - что надо было незаметно ввести в течения эпохи направление к подлинной духовной реальности. Нельзя достичь познания, если желать во что бы то ни стало торжества своей точки зрения, а наоборот, только погружаясь в чуждые нам духовные течения. Я написал поэтому свою книгу о Ницше, став полностью на его точку зрения". 7

Это была трудная школа после школы Гёте, и антитеза была сильна!

Любовью художника, интересом ученого Гёте сквозь видимое проскальзывает к невидимой причине. Он поднимается от жизни растения к пра-идее, но там он останавливается, он остается язычником перед лицом природы. Его интуиция сродни интуиции врача, который по одному пятнышку в глазу читает всю болезнь, или сыщика, который по одному светлому волоску восстанавливает всё преступление. Череп овцы*, например, - и Гёте восстанавливает всю морфологическую историю человека". 18 Он не покидает мира форм. /*Перед ставшим знаменитым черепом барана, который поэт нашел на еврейском кладбище в Венеции, его осенило внезапное открытие: межчелюстная кость существует также и у человека, хотя и редуцирована. Значит, она не отсутствует, как тогда считали. Значит, она преобразована./

Но Ницше не язычник, он - иконоборец. Гёте находит успокоение в удачной форме, где золотое правило поддерживает аполлоническое равновесие. Ницше же дионисийским порывом, сверхчеловеческим, почти бесчеловечным, который его гонит, Ницше, говоривший: "я сгораю на огне собственной мысли", уводит свой дух за пределы всяких мер, чтобы избежать формы. Первый, в конце концов, отказывается рискнуть подняться на высшие вершины чистого духа, второй на них сгорает. Один ладит с жизнью, чтобы сохранить гармонию, другой с возмущением разбивает эту гармонию, чтобы "пережить полную опасностей безумную эпопею сверхчеловека".

Не брать ни того, ни другого за образец.

Штайнер, житель двух миров, накладывает ритмическую последовательность на обе противоположные тенденции. Для того, чтобы дух не умер в форме, для того, чтобы он не рассеялся в безмерности, надо найти ритм постоянного продвижения, равновесие человека между "Я" и "Вселенной". 45

Плоды работы над Ницше внесены в книгу, появившуюся в 1896г.* /*Классифицируя книги, которые Ницше читал и покрывал заметками на полях, Штайнер заметил, что некоторые работы его впечатляли особенно, например, L'Esquisse d'une morale sans Obligation ni sanction de guayau, изд. в 1885 г., когда Ницше жил в Ницце, и Cours de Philosophie de Eugene Düring, который содержал буквально гипотезу вечного возврата вещей, эту идею, которая должна была оформиться у

Ницше. - см. "Magazin f?r Literatur, 1900, "Das Nietzsche-Archiv"./ Несколько месяцев позднее г-жа Фёрстер-Ницше просит Рудольфа Штайнера давать ей два раза в неделю частные уроки по философии ее брата, которая осталась для ее мало подготовленного ума довольно таинственной. Хотя Рудольф Штайнер практически сотрудничал в организации архива Ницше, он не имел там официального положения. Поднимается вопрос о создании ему подобного положения. Можно думать, что в это время он станет чем-то вроде духовного наследника Ницше. На это его толкает, по-видимому, г-жа Фёрстер-Ницше, не понимая глубоко своеобразной цели, которую преследует автор "Философии свободы". Некоторые расхождения в точках зрения, однако, появляются и заставляют его отказаться от этой задачи. Его стремление к истине вплоть до мельчайших деталей заставляло его особенно страдать от неумной славы, организованной вокруг великого человека. В какой бы то ни было форме фанатизм его всегда отталкивает. Он свободно указывает, ссылаясь на книги личной библиотеки Ницше, которую он сам классифицировал, на источники, из которых философ черпал некоторые идеи и в том числе и "идею вечного возврата". Однако это идет вразрез с легендой, по которой Ницше был обязан всем только себе. Открытие подобных заимствований кажется кощунственным той, которая, слушая только своего сестринского пизетта, превращает дом в Веймаре в место поклонения Ницше и заканчивает иногда своевольными поправками творение, глубина которого от нее ускользает. Штайнер тогда отходит от этой борьбы вокруг посмертного дела еще живущего, и на этом инциденте оканчивается деятельность, бывшая одним из самых стимулирующих эпизодов его Веймарского периода.

IX. ОТЪЕЗД ИЗ ВЕЙМАРА

*Твое материнское бытие,
Природа,
Несу я в моем волевом существе.
И огненная мощь моей воли
Закаляет мои духовные стремления,
Дабы они породили чувство "Я"
Нести себя в себе.
Р. Штайнер, "Антропософский
Календарь души", сект. 26 неделя*

В 1896 году закончилось сотрудничество Штайнера в архивах Гете. Штайнер использует последние месяцы, проведенные им в резиденции Великого Герцога, редактируя свою книгу "Мировоззрение Гете".

Атмосфера Веймара становится для него тяжелой, гнетущей. Он исчерпал всю ее старомодную прелесть и не видит ничего, кроме реликвий, в этих отцветших дворцах, в этих архивах, где сокровища размениваются на мелкую монету. Плоды Веймара более чем зрелы. Ему не хватает воздуха в этом застывшем мире. Он должен уехать...

Удобный случай скоро представляется. В Веймаре имелся филиал "Независимого литературного общества", главное правление которого находилось в Берлине. Оно издавало "Литературный журнал", задававший тон многочисленным литераторам и художникам.

В номере от 1-го июля 1897 года главный редактор прощался со своими абонентами и представлял своего заместителя.

"Журнал наш всегда старался дать приют всем тенденциям нашей эпохи. Я не боюсь утверждать, что этот его универсальный характер будет сохранен. В том порукой выбор моим заместителем доктора Рудольфа Штайнера, автора книг "Философия свободы", "Ницше - противник своего времени", "Мировоззрение Гете". Он опубликовал в Большом Веймарском издании серию томов, посвященных научным работам Гёте. Это философ, основавший свое мышление на научной базе и насытивший его эстетическими представлениями".

Летом 1897 года Штайнер уезжает в Берлин. Он сохраняет, однако, навсегда благодарное воспоминание о Веймаре. Не написал ли он однажды об одном своем друге: "Ему также понадобился Веймар, чтобы стать тем, чем он стал". Можно поверить, что в этом "также" находится свидетельство о том, что он лично пережил.

Он обязан Веймару этой приветливой атмосферой, которая смягчала сухость работ и напряженность духовных переживаний. Ни торы его родины, ни Вена, полная очарования и жизнелюбности, ни Веймарское общество с его возросшими в теплицах идеями не могли дать ему и намека на сухость и пустоту современных больших столиц. В период, когда духовный огонь сжигал его слишком быстро, ему посылались друзья, помогавшие ему держаться в плане повседневной жизни. Он всегда знал сердечное и душевное общение с людьми. Женская заботливость окружала его одиночество и смягчала его. (Некоторые читатели, может быть, посетуют на нас за то, что мы не делаем никаких открытий в этой области, но материала слишком мало и нет возможности для "романтических узоров". Искать их в подобной жизни было бы безнадежно. Рудольф Штайнер в своей автобиографии сам упоминает о женщинах, с которыми связывали его дружеские отношения. Женщины могли вызвать в нем восхищение, привязанность, но ни одна из них не играла в его жизни роль "женщины-вдохновительницы").

Но он обязан Веймару также испытаниями, которые он пережил там, и значение которых исключительно. Не последними среди них были контакты со столь противоречивыми душами, которым он открывал себя без изъятия. Этой ценой он заплатил за то, что с этого времени ничто для него не являлось странным, невысказанным, неприемлемым. Всё становится прозрачным для его беспристрастного взгляда. Он умеет быть на одном уровне со всяким, кто подходит к нему. Эта свежесть, это добровольное раскрытие себя перед любым другим существом останется для него на всю жизнь. Это - его приобретение. Дети, которые обладают этим чувством непосредственно, могут потерять его с годами, он - нет. Жизнь никогда не сможет отнять у него этого, несмотря на годы и разочарования, так как не жизни обязан он этим даром. Он сливался со всяким существом, со всяким представлением в постоянном процессе сердечного расширения. Часто это почти переходило за пределы того, что может содержать в себе отдельное сознание.

"Я был единым со всеми, для самого себя я умирал", - скажет один из персонажей его драматических произведений. 46

Действительно, он не был ницшеанцем больше, чем геккельянцем, столь же одним, сколь и другим, и большим, чем тот и другой.

Можно сказать, что он принимал, как наследственный исполнитель все незаконченные задачи XIX века, все частичные и незаконченные формы обширного синтеза, который он должен создать позднее. Но ему пришлось вести борьбу, подобную борьбе Иакова с ангелом, но спускаясь по ступеням лестницы с неба на землю. Друзья его видели эти ступени, но вся значимость его нисхождения от них ускользала. Дело действительно идет о нисходящих ступенях, об этапах, которые он завоевывал один за другим. Исходя из духа, - найти все его проявления, все его формы в чувственном. Постепенно, заботливо он отмечал все этапы этого не совсем обычного предприятия, к которому в его эпоху никто еще не приступал в этом направлении. Наиболее смелые, храбрцы, авантюристы духа бросались вслепую к высотам, теряя земную точку опоры. Но надо, чтобы после него путь остался намеченным. Он еще труден и полон ловушек, многие устанут и остановятся или вернутся назад, но никто уже не сможет затеряться там, где прошел он.

* * *

К моменту отъезда в Берлин Рудольфу Штайнеру тридцать шесть. В этот период его жизни трансформации, которые уже зрели пропорционально его стараниям "стать единым" с понятиями, наиболее чуждыми его душе, завершились решительным изменением.

Под внутренним давлением все существо его как бы дает трещины, как кора молодого дерева, когда поднимается свежий сок. Кора спадает в момент его отъезда из Веймара.

Идеи раскрываются и уступают место воле. До сих пор он чувствовал, как будто "прилив внутренней жизни не мог достаточно проникнуть в органы чувств, чтобы соединиться с тем, что они воспринимали".⁴⁷ Внезапно происходит это слияние, изменяя всю его манеру восприятия мира. В нем происходит нечто вроде "земного рождения", которое у других происходит обычно в первые годы их жизни. Это запоздание позволяет ему выполнить сознательно это овладение чувственным, которое всего чаще остается погруженным в туман бессознательности. Он отмечает все значение этого запоздалого "приземления". Он заметил, что когда ребенок или подросток, душа которого вся еще насыщена "дорожденными" влияниями, слишком рано и без постепенного перехода бросается в физическую жизнь, ему не удастся овладеть ни той, ни другой реальностью во всей ее чистоте. Позади чувственного впечатления ему мерещится духовное, а многие неопределенные и спутанные умы являються результатом этого наложения одного на другое двух впечатлений. Подобное смешение может быть последствием преждевременного чувственного воспитания, слишком резко прерывающего скрытый период созревания духа, ожидающей часа своей готовности для земли. Это тонкое психологическое наблюдение Штайнера, вынесенное им из собственной жизни, будет применено позднее в его педагогике.

Чувствуя себя направленным в течение нескольких лет к познанию физической действительности, он подходит к ней так же, как это сделало человечество по выходе из средневековья, когда оно начало открывать Вселенную в ее материальном аспекте, тогда как прежде оно связывалось с нею через идею. Он переживает теперь свой XV век со зрелостью, позволяющей ему увидеть в этой внешней физической реальности обратную сторону другой реальности, духовной, и не менее объективной. Он уясняет себе с еще большей очевидностью, что обе реальности являются отражением друг друга, выражением в дополняющих друг друга формах одной и той же сущности. Он видит это еще ясней с того момента, когда навстречу миру идей устремляется воля, которая не только не затемняет духовного взора, но, наоборот, укрепляет его. Если это возможно, то только потому, что в течение этих тридцати пяти лет, пока совершенствовалась мысль, воля не была направлена к какой-либо эгоистической или нечистой цели. Она проникает в свою очередь в акт познания, "освобожденная от всякого личного желания".⁶

И действительно, он достигает этого качества непредвзятого наблюдения, которое явится одним из ключей его ясновидения по отношению к чувственному.

Какое-либо явление развертывается перед ним. Он дает ему "говорить". Самое главное не иметь никакой предвзятой идеи, никаких гипотез на эту тему... Выйти из себя, погрузиться в него, наблюдать с полным спокойствием, без малейшего какого бы то ни было предубеждения. Не стараться понимать путем формул, определений, которые захватывают в свой плен действительность. "Проблемы, которые нам ставят вещи, не решаются идеями; идеи приводят на путь решения, но они его не содержат". Кто же его содержит? Человек, который наблюдает. Всё его существо, его организм, в котором отзывается вселенский ритм, все то, что как раз является в нем мыслью, участвует в космической реальности, в которую включен феномен, который он старается познать. "Твое материнское бытие. Природа, несущая в своем волевом существе..." Познать таким путем - это волевать, это действовать.

Было бы ошибкой понимать эту трансформацию как поворот мысли человека к действию. Бывают, правда, примеры людей, которые сначала увлеченные "проблемой я" и видящие Вселенную только как представление, вдруг резко оборачиваются к этой Вселенной, отдаются взрыву воли, ведущей к коллективному действию и "не я". Ничего подобного такому обратному повороту у Штайнера не происходит. Нет никакого противоречия мысли и воли; они не только будут уравновешиваться как две противоположные силы, но и взаимопроникаться, чтобы достичь "живой мысли", которая станет ключом его метода упражнений. Она будет столь же "воляющей мыслью", как и "мыслящей волей", примиряя в себе идеи и наблюдение действительности, Платона и Аристотеля.

Это главная особенность, характеризующая новый путь мысли, проложенный Штайнером.

Эта трансформация отзывается во внутренних глубинах (в глубинах внутреннего существа). Он уже приобщался через идею к "вещам", теперь в малейшем физическом явлении он приобщается к духу, он "живет" духом, действующим во Вселенной. Видение проясняется, медитация становится более эффективной. "Я медитировал и раньше, так как знал цену медитации для того, кто вырабатывает в себе мировоззрение; теперь же медитация стала для меня жизненной потребностью. Моя психическая жизнь требовала ее, как на известной стадии эволюции организм требует легочного дыхания".⁶

Медитация, проводимая таким образом, ведет его за пределы идей, к "интимному общению с духовными реальностями, прямому приобщению к духу". Он проводит "духовные импульсы, которые должны стать общими в течение этой эпохи", и он чувствует себя вооруженным верным методом познания, который также должен стать всеобщим, быть данным всем...

Медитация с этого времени рождает действия. Время настало. Журнал, который открывает ему свои двери, будет местом встреч с главными течениями современной мысли. Вполне овладевший созревшими силами своей души, движимый внутренним энтузиазмом, он идет к этим встречам.

Он покидает Великое Герцогство и уезжает в столицу.

X. "ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛ"

"В последние годы века, всей моей жизни давал основную окраску контраст между тем, что я переживал внутренне как ослепительную истину, и преобладающими мнениями той эпохи. Я много видел прекрасного, но и испытывал большую боль, так как мне было ясно, что именно против этих зачатков новой духовной жизни со всех сторон поднимались силы разрушения".⁷

Среда, в которой Рудольфу Штайнеру теперь в качестве главного редактора приходится вращаться, состоит из литераторов, людей театра, художников и интеллигенции. Передовицы и еженедельная хроника журнала давали тон событиям дня, недели, отливали формы мыслей, чувств. В сущности, нет ничего, что так бы излечивало от иллюзии о какой-либо свободе прессы, как залы редакции. Здесь было то же, что и во всех крупных столицах, где деньги находятся под тяжелым давлением процветающей индустрии. Здесь, как и везде, встречались писатели, драматурги, отдававшие свой талант на службу модным предрассудкам. Среди друзей редакции находились также, - фигуры, которые тоже можно повстречать повсюду, - те, которые предпочитали этой открытой "ярмарке" одиночество в башне из слоновой кости, и которые отказывались во имя добродетели от громкой славы, которую нужно было выпрашивать. Это была одновременно

и эпоха великодушных утопий, больших течений социального идеализма; одни входили в ряды социалистов, интеллектуальных анархистов; другие мечтали о рабочей элите и основывали народные университеты.

Посреди всего этого кипения течений и мнений Рудольф Штайнер надеется внедрить свои идеи через журнал, которым он руководит, и со всем жаром ведет каждодневный бой. У него нет ни одной минуты для себя, если не считать ночи. То нужно повидать лицо "с положением", то разыскивать или подгонять сотрудников, то принимать влиятельных подписчиков, помимо значительной личной работы по редактированию, корректуре и т. д. Нужно быть в курсе всего, что издается, нужно прочитывать все журналы, все новинки, а один Бог знает, сколько их в этой Германии, где литературное производство в полном расцвете: утроилось за последние 30 лет и собирается отметить конец этого века изобилием, даже чрезмерным, энциклопедий, сборников, сводов всякого рода. Нужно также посещать новые постановки театров, тем более, что к "Независимому литературному обществу" вскоре присоединяется Театральная секция, которая сама ставит пьесы и издает свой бюллетень, становящийся приложением к журналу.

Рудольф Штайнер пишет хроники, полные жизни и огня. Он приносит в эти статьи, отчеты, театральную критику - оригинальные идеи, направляющие, новые. Тон их живой, бодрый, порой волнуемый, порой колкий. Чувствуется, что он всем сердцем принял свою задачу руководить журналом, "который должен служить эволюции сознания к свободе". Все, что касается идей, искусства, особенно театра (который он так хорошо понимал и которому служил), находит у него отклик.

Он требует для театра возрождения, сетует на то, что немецкая сцена обесценивает себя, и опасается, что она станет вполне официальной. Чувствуется, что идеи в нем бурлят, как поток, ждущий возможности излиться. Он группирует вокруг журнала самых различных людей и поддерживает сношения с самыми различными литературными школами. В это время Райнер Мария Рильке, очень нерегулярно сотрудничая в журнале, ведет со Штайнером очаровательную полемику о "слове".

Но напрасно он осматривался кругом. Ничто не указывает ему, что новое представление о Вселенной, которое он носит в себе, может укрепиться, быть понятым, принятым. За исключением некоторых личных дружеских связей в кругах людей, где он вращается, его "не ждут". Здесь - литераторы, занятые собой, желающие быть замеченными, жаждущие выдвинуться, создать себе литературное положение. Он находит ремесленника там, где ищет просто человека.

Когда они бывают менее высокого полета, полунеудачники, они более живописны, но не менее аффектированы. Такова, например, группа "Грядущие", которая по вечерам собиралась в кафе и которую так хорошо описал один из ее участников.

"Корифеи искусства, музыки, литературы, авторы неопубликованных книг, из которых мы уже знали наизусть лучшие страницы, художники ненаписанных картин, бродячие артисты, гении в искусстве занимать небольшие, никогда не отдаваемые суммы, молодые люди, потрясающие небеса, шикарные девицы, женщины, которые, по-видимому, никогда не знали точно, за кем они замужем, поэты, обоготворявшие судьбу и живущие верой в то, что починенная обувь сыплется с неба, поклонники Аполлона, добирающиеся до утреннего завтрака в полночь и носящие зимой взамен шубы расписку, полученную за ее заклад в ломбарде, и столько других, для которых главная проблема заключалась в обеде и комнате в гостинице и которым для богатства не хватало только денег. Они собирались, чтобы прочесть при дрожащем свете прикрученного газового рожка замогильными голосами, подходящими к случаю, пьесы Метерлинка".⁴⁸

Символизм в полном расцвете, и Метерлинк воплощает для эпохи любовь к "туманному", "невыразимому". Драматическая секция журнала ставит его пьесы, в том числе "Непрошенную" в постановке Штайнера. В этих литературных кругах нет середины. Или царит полный натурализм, рабская копия природы (или того, что за нее принимают), то есть самый грубый и обнаженный реализм, или же, если символизм, то бегство в золотой сон - "Туда, где всё мера и красота, Покой, роскошь, наслаждение". - в стороне, или выше, но во всяком случае вне реального и низкого мира, с которым приходится сталкиваться в жизни.

Штайнер хотел бы встряхнуть всю эту молодежь, у которой не хватает энергии быть молодой, этих идеалистов без веры, этих поэтов, этих драматургов, которые не служат никакому мужественному представлению о жизни. В своих хрониках он подчеркивает опасность. "Мы живем изо дня в день, сегодняшняя вера уже устарела на завтра. То, что мы говорили вчера, мы уже почти не понимаем завтра. Мы ищем, сомневаемся, задаем вопросы... Мы впали в настоящую анархию. Мы больше не способны выговорить ободряющие слова "Идея победит".³⁸

И действительно, дух конца века, который чувствуется по всей Европе, вносит во все некоторую депрессию. Как будто происходит что-то, что должно быть важно, но что плохо схватывается, и в результате получается настроение бессилия и усталости. Довольствуются составлением описаний, которые для Штайнера являются не целью, а отправной точкой. "В этом веке, - пишет он, - все идеи обновились сверху донизу. Когда хочешь участвовать сам, и это мое желание, - в новом представлении о мире, предпочитаешь смотреть в будущее, а не в прошлое. Я не вижу другой причины описывать прошлое, как только ради того, что в нем содержится зародыш настоящего и будущего".³⁸

Но кажется, что все поголовно невосприимчивы к необходимости серьезно рассмотреть положение человека в мире в эти не благословенные годы, которыми кончается XIX век. Мысль не имеет для этих людей достаточной ценности. Они не считают ее жизненной силой. "Борьба за новое мировоззрение" не интересует их нисколько, так как она не служит ни их интересам, ни коньку сегодняшнего дня, ни какому-либо выгодному снобизму. Они не видят ее практической пользы. К чему?

Внутренне Рудольф Штайнер их взвешивает, оценивает их несознательность по сравнению с несомой им вестью, уже намеченной в нем огненными чертами, с тем потенциалом истины, который растет в нем. И он продолжает неблагодарный труд, закаляющий его силы. Миссия, которая позднее станет для многих внутренним пробуждением, путем в Дамаск, пока еще слишком далека, слишком трудна для передачи, чтобы иметь влияние на внешний ход его судьбы, течение которой разворачивается без видимых потрясений.

Ему уже чужды сомнения, уныние и восторженные надежды. Полное овладение своей внутренней жизнью позволяет ему избегать этого. Никакой горечи, никаких бесполезных попыток до тех пор, пока они обречены на провал. Его проникновенный взор сумеет в нужную минуту увидеть легчайшие намеки.

К тому же, по отношению к людям, с которыми он встречается, этот взгляд, открывающий ему внутренние причины слабостей, недостатков, пробелов, смягчается сожалением. Личная судьба людей вызывает в нем лишь сострадательную привязанность и снисходительность. Насколько его перо в эту пору беспощадно, настолько же его сердце терпимо. Он настолько же суровый судья перед лицом носителей ложных и вредных идей, насколько полон жалости к ним же, как к горемычным людям.

Это непосредственная черта в его натуре, а не только приобретенное дисциплиной свойство. Эта прирожденная доброта, не любящая шумихи, пребывает сквозь всю его жизнь в мельчайших деталях. Остановимся на одном маленьком факте, относящемся к этому периоду и рассказанном одним из членов "Грядущих" ("Kommende").

"Около 1897 года я был завсегдатаем кафе Ноллендорфа на Клей-штштрассе, места встречи литераторов и артистов. Там встречались Вольген, Петер Хилл, Никиш, Бузони, Оскар и Рихард Штраус, которые проводили там ночи напролет в те дни старой империи, когда еще не существовало часов для закрытия кафе..."

Рудольф Штайнер, обычно читавший газеты в переднем зале, также заходил в задний зал посмотреть, что там творилось; обычно он там не задерживался. Однажды, когда я сидел там с В., Штайнер заглянул к нам, кивнул нам головой и собирался исчезнуть. Но я поймал его за рукав, и несмотря на его серьезный вид, усадил его за столик с нами. Он сидел,

как палка, не проронил ни слова и исчез при первой же возможности. Но через несколько дней в газетном зале мы начали разговор, настолько увлекательный, что он продлился до той минуты, пока разносчики из пекарни не принесли утренний хлеб. После этого нас связывала дружба, длившаяся несколько лет, но протекавшая только в кафе. Разговор с Рудольфом Штайнером был несравненно приятательным. Казалось, он переходит от одного предмета к другому, но это только казалось. На самом деле это было излучение универсального духа. Он обладал такими разнообразными познаниями. В нем была уже склонность к мистицизму без того, чтобы он когда-либо покидал реальную почву. Но один маленький факт открыл нам вернее всяких слов то, что он представлял собой как человек.

Однажды мы что-то обсуждали между собой, когда поэт Петер Хилл, абсолютный бедняк, подсел к нашему столику и заказал кофе. Мы все знали, что у него не было ни копейки, и спрашивали себя, как он выпутается из положения. Уходя, он, однако, подозвал кельнера. Кельнер подошел и сказал: "Все уплачено". Пораженный Петер Хилл воскликнул: "Тут, верно, ангелы летают. Кто из вас это сделал?" Это был не я, а Штайнер заявил, что он был уже доволен и тем, что смог заплатить за свой кофе. Так как больше никого уже не было, Петер Хилл ушел, качая головой.

На заре мы со Штайнером отправились домой, и он сказал мне с покорным видом: "Я должен идти пешком, у меня нечем заплатить за трамвай". Со своей стороны я ничем не мог ему помочь и предложил проводить его. Он жил за Берлином. Мы шли и вели интересный разговор, и он заметил: "Вот видите, Саксерль, как хорошо, что я сыграл роль ангела. Если бы не это, мы не имели бы такой прекрасной прогулки на заре". Как ни незначителен этот факт сам по себе, он был характерен для этого будущего духовного представителя человечества.⁴⁹

Но это присущее ему щедрое доброжелательство иногда стоило ему дорого и отдавало его на милость того, кто им пользовался.

В Веймаре, перед лицом всех сложностей материальной жизни, перед которыми он чувствовал себя беспомощным, он принял предложение м-м Ойнике, которая осталась вдовой с пятью детьми, четырьмя дочерьми и одним сыном, и была рада воспользоваться его советами по их воспитанию. Со своей стороны, она открыла свой дом друзьям Штайнера, создав таким образом для него семейную атмосферу, так нужную для его исключительно общительной натуры. Когда он уехал в Берлин, опять началась жизнь по меблированным комнатам, ночи, проводимые за чтением и работой, упущенные обеды, просроченные часы, отсутствие семейного ритма, часто стеснительного, но и здорового, и уравновешивающего духовные порывы. М-м Ойнике все это обнаружила. Кроме того, у нее созрел некий план. Ее дочери подрастали. Их будет легче выдать замуж в Берлине, в большом городе, в кругу Рудольфа Штайнера, особенно если можно было бы воссоздать внешнюю видимость семейного очага. Втайне она желала, чтобы Штайнер дал ей свое имя. Она сняла в сельском пригороде Берлина, Фриденау, дом, где он сперва стал постояльцем, а когда она попросила его помочь утвердиться в жизни путем официального брака, он не захотел ей отказать. Великодушно, в память неведомого друга, он не захотел отказать ей в этом чисто формальном акте, от которого она ожидала упрочения своего социального и светского положения. Он продолжал, пока он пользовался у ее очага кровом и пищей, вносить известную плату, которую она аккуратно отмечала в своей счетной книге. Но это положение, совершенно простое для Штайнера, не было таковым для м-м Ойнике, женщины-ребенка, любившей быть окруженной вниманием и баловством. Спокойная доброта, которую ей дружески давали, скоро стала недостаточной, а затем и невыносимой. Она довольствовалась ею вначале, пока не стала официально его женой, и в особенности в Веймаре, где он оставался в рамках ее семьи; но в дальнейшем его занятия уводили его все дальше и дальше от нее. Она чувствовала, что теряет его совсем. Ее энтузиазм и восхищение перешли в досаду, подозрительность, мстительность, обратившуюся на Рудольфа Штайнера. Когда один из его друзей женился на старшей дочери Ойнике, она оставила Берлин. Она скончалась в 1911 году, заставив заплатить тяжелую плату благодарности того, кого она в свое время приютила и кто не хотел оставаться в долгу.

Но этот случай не послужил Рудольфу Штайнеру предлогом, чтобы проявлять меньше доброты впоследствии по отношению к тем, кто просил его поддержки. Можно было бы подумать, что он, способный читать в душах своих ближних, не умел различить то, что бывало в этих просьбах своекорыстного, а иногда и просто коварного. А может быть он видел, но не обращал на это внимания? Не говорил ли он себе то, что он однажды ответил, когда удивлялись, что он позволяет так себя обманывать, никогда не защищаясь: "В конце концов, ведь и сострадание имеет пределы". - "Нет, сострадание пределов не имеет".

* * *

В течение зимы 1897-98 гг. Рудольф Штайнер прочел в "Независимом литературном обществе" цикл лекций на тему "Основные течения немецкой литературы с 1848 года до наших дней".

Он также посещает клуб, основанный для защиты научных новейших открытий и носящий, как эмблему, имя Джордано Бруно. Здесь изучалось все то, что могло извлечь мысль из старого научного дуализма. Все обстоятельства складывались для того, чтобы Штайнер стал здесь сотрудником. Работа, которую он тогда писал, "Геккель и его противники", его личные связи с Геккелем, который согласился принять участие в книге, заказанной Штайнеру издателем Кромбахом "Welt und Leblusanschanungen im XIX Jahrhundert".*/Вторым изданием эта работа вышла в 1914 году, с дополнениями, под заглавием. "Die R?tsel der Philozophie in ihrer Geschichte als Umriss dargestellt". В русском переводе "Загадки философии", 2т./

В течение нескольких лет он регулярно выступает в этом клубе, но отсутствие предвзятости, его явная неспособность к фанатизму делают его всегда одиноким в любом сообществе. Он очень желал, чтобы кружок не впал в некий расплывчатый пантеизм, который в конце концов только маскирует духовную леность и дилетантизм. Он все время выявляет как ценность, так и недостаточность трансформизма, все плотнее держа руку на пульсе. Научный монизм является вдохновителем лишь незаконченного творения и усиливает глубокое раздвоение современного человека. "Мы живем в эпоху, когда научные идеи революционизируют умы. Но только интеллект позволяет себя убедить. Сердце не идет столь далеко. Мыслят, как ученые, чувствуют, как христиане.³⁶ Не хватает духа признаться, что кредо религии и догматы науки непримиримы. "В Германии предпочитают половинчатые компромиссы революциям", - писал Анри Лихтенберг.⁵⁰ И Штайнер: "Напрасно пытаются примирить науку и старую веру; это две области, которые не могут сосуществовать; возможно перемирие, но не мирный договор".³⁸

То, что придает жизни сердечность и смысл, входит во все более резкий конфликт с тем, чему учат ученые.

При чтении статей, написанных Рудольфом Штайнером в это время, чувствуется, что он пробует все клавиши, стараясь уловить какой-либо резонанс к тем нотам, которые он хочет заставить звучать. Но те, кто будут его слушать, еще рассеяны повсюду, к тому же, и он сам еще не нашел окончательной мелодии. Если нужна аудитория, необходимо также более плотное видение за словами, более тонко выраженное. Эти вещи не так легко выразить! Он вспоминал позднее, какая ему нужна была смелость, чтобы на это решиться. "Подумайте, что в то время было гораздо труднее, чем теперь, начать говорить о духовном мире, так как физический мир, чувственный, с его величественными законами, был доказан. Лаборатории, научные институты, клиники, все его подтверждало",⁵¹ - и он сказал также Риттельмейеру, который как-то спросил его, каким образом он, который, конечно, всегда знал окултные истины, мог до 40 лет хранить такое абсолютное

молчание: "Надо было сначала мне самому добиться известного положения в мире. Когда читают то, что я пишу сегодня, могут сказать, что это безумие, но есть мои предыдущие работы, которые нельзя отбросить с такой же легкостью. Нужно было также, чтобы я установил в себе самый порядок и ясность в этих познаниях, чтобы я научился формулировать эти знания, прежде чем говорить о них. Это было не так-то легко. И потом, откровенно сознаюсь, нужна была известная храбрость, чтобы говорить публике об этих вещах. Нужно было сначала еще найти эту храбрость в себе".⁵²

Летом 1899 г. он пробует почву, напечатав в журнале статью о знаменитой эзотерической сказке Гёте "О Зеленой змее и прекрасной лилии", в которой, как он уже давно увидал, "заклучалась сумма эзотерических познаний". Но эта попытка не имела отклика.

Еще в венский период он был поражен символическим звучанием этой сказки, которая раскрывала связи Гёте с оккультизмом. Чтобы ее комментировать, он должен был "искать в практике", - то есть в оккультизме, - подтверждения того, что всегда жило в его душе со времени "первых оккультных проявлений".⁵³

Итак, оба полюса его жизни ищут друг друга и все неудержимее стремятся друг к другу. С внешней стороны это все та же головокружительная деятельность, полная отдача себя своему труду, отдача "без ограничения" (это его выражение, которое проходит через всю его жизнь, во всем, что он делает). Лекции, посещения, репетиции, редактирование статей, проверка оттисков, доклады в провинции, в Берлине... - и за этим фасадом зреющая духовная жизнь, растущая и приближающаяся к решительному повороту.

XI. НАРОДНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

На повороте века его подготовка не была бы законченной, если бы ему не представился случай познакомиться близко с рабочей средой и подойти к социальному вопросу. Ему предлагают место преподавателя истории в Народном университете в Берлине.

В начале своей работы в журнале он указал, какой серьезной ошибкой является применение к человеческому роду дарвинистических идей, которым дают без противовеса проникать в рабочие массы. "Вполне правильные по отношению к растениям, к животным, они не должны быть перенесены на человеческий план. Человек имеет собственные законы".³⁸ Действие этих идей на души происходит без всякого контроля. Но на той точке, на которой их оставила наука, они абсолютно недостаточны, когда пробуют ответить на неизбежный вопрос о цели и смысле жизни. И Штайнер указывает на это обществу, "которое не имеет силы создать себе новую мораль, основанную на современном знании".³⁸

Но факт налицо. Основная масса потеряла всякую религиозную мораль, и чтобы ее заменить, ей предлагают со всей авторитетностью последних научных открытий эволюционное представление о человеке, происходящем от обезьяны!

В сущности, рождающийся пролетариат призван первым почувствовать на себе весь гнет, весь разрушительный эффект материалистической цивилизации. "Прогресс" развивает его желание физических наслаждений, не питая его духовными силами искусства, мысли или веры, до которых масса в основном не в состоянии подняться, которые считаются привилегией и "роскошью" высших классов.

Штайнер воспитывался в школе Гёте, который в книге "Дорожные записки Вильгельма Мейстера"^{*} уже отмечал первые признаки нового социального порядка. Он отдает себе отчет, что это общество покоится на ложном основании, и видит весь искусственный и насильственный характер его благополучия в конце этого века. Оно не является естественным завершением положения дел. Он знает, что расплата за него будет нарушение моральных основ рабочего класса. В течение ряда лет эти размышления занимали его ум. В Веймаре он нередко смущал и даже раздражал некоторых из своих друзей, пытаясь раскрыть им глаза. ^{*}Очевидно под заглавием "Дорожные записки Вильгельма Мейстера" имеется в виду французский перевод книги Гёте "Годы странствий Вильгельма Мейстера". Но точно установить это не удалось. (Прим. переводчика)

Но люди еще не хотели видеть того, что быстрый рост механизации, развитие техники глубоко потрясли отношения между человеком и его трудом, да и вообще всю жизнь рабочих.

Появился пролетариат, класс, недовольный тем обществом, в лоне которого он возрастал. Казалось, что его протесты вызваны вопросами оплаты или рабочего времени. Но за этим Штайнер ясно прозревал более глубокое зло.

Рабочий, ставший рабом машины, не находил больше никакого интереса в выполняемой работе. Он был всего лишь колесиком в механизме и мог быть заменен машиной, как только это понадобилось бы для снижения себестоимости. Те, кто не протестовал, а их было большинство, сливались в некую аморфную массу, готовую поддерживать всякое начинание, сулившее удовлетворение их потребностей.

Более твердые становились лидерами, нетерпеливо торопящими крушение общества, которое не умело признать людей своим самым большим сокровищем и калечило их ради мнимых богатств. И Штайнер видел, как возрастала язва социальных волнений, для которой он искал лекарства более существенного, более полного, чем абстрактные планы или революции.

Эта забота не оставляла его и тогда, когда в ходе своего духовного наставления он не говорил о ней. Лишь позднее, к концу войны 1914 года, когда, казалось, пришло время быть понятым, он дает основы рекомендуемой им социальной реформы. Во всяком случае, уже с того времени он увидел, что народный дух, волнуемый бессознательной, но глубокой жадной свободных знаний, являлся великолепно подготовленной почвой для принятия нового представления о жизни и духе. Здесь не приходилось сталкиваться с застывшими остатками старых традиций.

Поэтому он приветствовал уроки в Народном университете как первую возможность приблизиться к этому духу и дать ему вместо исторического материализма Карла Маркса внутренний смысл человеческой эволюции. Так же, как он в недалеком будущем ответит Теософскому обществу, он ответил директорам Народного университета, которые приглашали его преподавать у себя: "Я согласен, если вы мне разрешите преподавать по-своему и вполне свободно". Эти занятия, происходившие четыре раза в неделю, так как к урокам истории добавлялись уроки по другим дисциплинам, продолжались в течение нескольких лет. Он горячо отдавал себя своим слушателям. "Как правило, занятия должны были длиться от половины девятого до десяти вечера. Они иной раз затягивались до полуночи, несмотря на то, что ученики были рабочими, которые тяжело работали весь день и должны были рано утром вставать. Но они не уставали задавать ему вопросы, а он - отвечать. Иногда кое-кто из них провожал его до дому. Рабочие очень любили его за то, что не будучи к тому обязанным, он отдавал им столько времени и усилий. Эти мужчины и женщины, в большинстве своем социал-демократы самой чистой воды и определенные материалисты, были увлечены размахом учения, которое не стесняла какая-либо предвзятость". "Он заставлял их выполнять небольшие письменные задания, которые уносил и возвращал им со своими пометками". Его авторитет был очень велик. Ни один упрямец не мог сопротивляться этой силе, умевшей каждому сказать истину с твердостью и вместе с тем с обезоруживающим юмором. Его всегда звали "молодой человек", "der junge Herr", настолько у него был молодежавый вид. - В сорок лет ему давали не больше 27-28-ми; худощавый, стройный, юношеская походка и движения, звонкий голос".⁵⁴

Вначале университетское начальство очень ценило успех его лекций. Оно даже поручило Штайнеру в день юбилея Гуттенберга держать торжественную речь перед семью тысячами печатников, собравшихся на стадионе в Берлине. Но с

течением времени они начали коситься на программу, не соответствующую строгой доктрине партии. Они признавали, что лекции Рудольфа Штайнера привлекали наиболее многочисленную аудиторию, но они попросили его, если он желает сохранить свое место, строго придерживаться врученной ему программы.

В течение трех лет Рудольф Штайнер вел свое преподавание лично, всецело идеалистически. Он не мог его изменить, не предавая заодно и свою внутреннюю линию и свою ответственность перед аудиторией, которую он любил.

Это было время, когда он согласился после первого контакта с теософскими кругами начать там публичное обучение. Это обстоятельство послужило нужным предлогом для дирекции Университета. "Общее собрание Народного университета было созвано, чтобы сделать выбор между марксизмом и мной. Этот остракизм, однако, не обернулся против меня. На этом собрании было решено большинством, при 4-х голосах против, что я должен продолжать свое преподавание. Однако три месяца спустя терроризм, проявляемый лидерами, заставил меня уволиться. Для того, чтобы не скомпрометировать себя, дело осветили таким образом, что теософское движение слишком много отнимало у меня времени и что у меня его не хватало для Народного Университета".⁷

В свою очередь эта среда замыкалась, потому что между учением и теми, кто мог бы его получить, вставал, как разделяющая перегородка, дух догматизма группы лиц, узко преследующих особые цели, политические или профессиональные, а не формирование, чистое и абсолютно бескорыстное, наиболее высоких человеческих способностей.

Он ушел, с сожалением покидая аудиторию, привязавшуюся к нему. Он сохранил от этого пребывания в Народном университете знакомство с рабочим миром и некоторые личные связи, оставшиеся ему верными на всю жизнь.

Когда он задумает свое преобразование общества в соответствии с оккультными законами, контакты, установленные в то время, придут ему на память.

Но в настоящем больше ничего нельзя было сделать. Каждая страна внутри своих границ выращивала свою социальную проблему, и им суждено было разразиться в хаосе послевоенного времени. Тогда, при нарушении национальных границ и классовых перегородок, представилась бы возможность возрождения.

ХII. ВНУТРЕННИЙ ОПЫТ ПЕРЕЖИВАНИЯ ХРИСТА

*"В то время я научился глубоко распознавать, где находятся разрушительные силы, которые подрывают в нашу эпоху культуру, отелекая, ее от духа"*⁶

"Я могу вам сказать только то, что один и тот же путь опыта привел меня к открытию в науках - истины, а в христианстве - мистического факта".

(письмо к ИМ. 1900-1901 гг.).

Каковы же силы, которые противодействуют ему? Откуда эти узлы сопротивления, которые он встречает у друга, у слушателя и которые мешают ему быть услышанным?

Чем ближе подходит час начала его миссии, тем лучше он разбирается в сопротивляющихся. Он погружается во внутреннее созерцание этих враждебных сил, и перед ним проясняется картина, которая уже несколько раз намечалась его духовному взору. Но до сих пор ему еще не удавалось увидеть ее столь конкретно, сорвать маски с двух величайших врагов духовного развития человечества. На этот раз видение становится окончательным.

Знакомые имена и лица, известные образы становятся прозрачными экранами, за которыми просвечивает действительность. Он видит две вполне отдельные группы заблуждений, каждая притягивается своим магнитным полюсом.

На одном из этих полюсов - жесткие, упорные, те, которые верят только закону чисел, для которых идея имеет значение только если она имеет большое число последователей, если она представляет собой деловое предприятие, если она дает результаты, которые можно расценивать в графиках, в статистических данных, в "реальностях". Он видит, что для этих людей, интересующихся только тем, что можно пощупать и ухватить, что приносит материальную выгоду, идеал кажется беспокойным, идея - излишней. Они боятся ее и отступают от нее. Они не доверяют порыву мысли, связывающей факты, группирующей неуловимые ощущения и создающей внутреннюю уверенность. Всякая индивидуальная мысль приводит их в ужас. Нужно мыслить коллективно, или, вернее, вообще не мыслить; формула и дерзость - этого достаточно, чтобы проложить путь в жизни. Затем? А затем смерть, яма, и прекрасно. Конец сознанию. От этой смертельно больной группы поднимается гнетущий холод, тоскливое отчаяние, которое заволакивает ясновидящего ледяным покровом.

С другой стороны, его взор встречает черты не менее знакомые, с меньшей грустью наблюдаемые им у тех, кто окружает его в жизни. Он узнает их тоску по прекрасному, их желание совершенства, но и красота и совершенство исключительно ради самих себя. Усилие направляется только в сторону необычного, утонченного, манерного, внешнего. Для них действительный мир и его потребности кажутся тяжелым бременем, тривиальностью. Материальная реализация кажется им всегда менее прекрасной, чем мечта, которая владела ими, когда они замыкались в самих себя. Они наслаждаются, сгорая, как одинокое пламя среди пустоты, которую они принимают за чистоту, за бесконечность, ибо иллюзия является тарпейской скалой, с которой падают эти пожиратели мечты. Их неистовый индивидуализм открывает беспощадный эгоизм, тем более прочный, что он может принимать утопическую форму вселенской любви, теоретической любви к неопределенным людям, которыми тем более дорожишь, чем меньше их видишь.

Одни погребают дух в материи, другие закрепощают его в личной иллюзии.

Удесятеренная: воля укрепляет взор ясновидящего, поддерживает его: он обнаруживает тени, которые исчезают в свою очередь, и начинает различать за ними две адские силы, которым служат люди, не зная того, не узнавая их в своем сознании, не видя гибельного рока, втягивающего

их в свою орбиту... Всем напряжением, на которое он способен, он держит их в поле своего зрения и созерцает в этом двойном видении двух искусителей, следующих неотступно по пятам людей на земле, двух духов зла, которые подсказывают им, один справа, другой слева, как служить их планам, которые противны планам Божества.

В одном из них он узнает древнего врага, врага света, того, кого древние персы уже нарекли Ангра Манью, дух тьмы, Ариман. Это он - то холодное дуновение, которое замораживает всякую жизнь, творчество, любовь-принцип всякой материализации. Под его влиянием движение стремится остановиться, живое тело - окостеневать, индивидуальность - равняться по массе, вода - кристаллизоваться, душа - черстветь в одиночестве, страхе и смерти.

Это одна из самых опасных, самых властных сил в мироздании. Дары ее не малы.

Ясновидящий отмечает те стороны цивилизации, которые были его творениями. Он вдохновлял народы победителей, осуществителей, пролагателей дорог, строителей городов и акведуков, законодателей, калькуляторов, плавильщиков

металла, чеканщиков монет. Расплата - человек, ставший рабом машины, автоматизированный, рационализированный, стандартизированный робот.

Сцилла неизбежно предполагает Харибду. Нужно всмотреться во второе лицо, найти в нем черты искусителя, который увлекает душу к нереальной сфере, созданной желанием. Он - вдохновитель веков, отмеченных отвращением к земной жизни, исполненных сладости отречения. Он представляет жизнь как "опасность" загрязнения, которой нужно избежать, чтобы проникнуть в безбрежный океан, где человек исчезает. В обаянии, которое увлекает души за пределы земной жизни, Рудольф Штайнер узнает воздействие падшего архангела, носителя света, опрокинувшего свой факел - Люцифера.

Строгие отшельнические пустыни средневековья, куда бежали от грехов и скверны, вдохновлялись им. Ныне дух Люцифера нашел убежище в инстинкте бегства, потребности освобождения, в тончайших тайниках психической жизни, где душа "элиты", оскорбленная, раненная грубой цивилизацией, прислушивается к себе, анализирует себя, цепляется за фантазию, химеру, и потеряв свой путь, устремляется к искусственному, ложному раю.

Вот они перед нами: Сатана-Ариман, демон-Люцифер, два облика лжи: материалистическое отрицание духа и мираж, пытающийся отнять дух у материи. Вот они - точки сопротивления, скрытые в каждом существе и яростно противостоящие делу человеческого синтеза, который он предвидит.* /В лекции, прочитанной в Штутгарте 1 янв. 1920 г., он вспоминал написанную им статью, появившуюся в Австрии в 1888 году под заглавием "Духовный почерк нашего времени". С этого момента его поразило впечатление тех двух великих опасностей, двух великих врагов, которые противостояли всякому духовному развитию человечества. "Я с тех пор, - замечает он, - употреблял выражения, их определяющие. Я говорил, с одной стороны, о догмате откровения, и с другой, - о догмате чистого опыта. И я хотел показать, что признавать единственно первый, как это делалось в религиозных кругах, столь же вредно, как верить исключительно опыту, то есть миру чувственных явлений, особенно в области науки и социологии. - С течением времени моей задачей стало охватить эти идеи более конкретно, показать те реальные силы, которые в них проявляются. Если бы мы смогли разоблачить их в то время, нас не постигли бы несчастья сегодняшнего дня./

Но если у него хватило сил сорвать маски, созерцать эти призраки лицом к лицу и сохранить, однако, перед ними свое равновесие, хватит ли их, чтобы сразиться с ними и победить их не только для себя, но в этот момент символически и для всех? Еще не существует даже слов для разоблачения опасности, которой никто не осознает. "Если материализм не причинял другим того страдания, которое переживал я, то это потому, что у них было только интеллектуальное представление о нем, тогда как я жил в духовном мире тем, что в действительности скрывается за этими идеями. Ибо в действительности за этими идеями скрываются духи, которые хотят наложить руку на человеческую мысль, увлечь ее к смертельной ошибке. Ариманические духи хотят низвести мир до состояния автоматического механизма. Они находятся позади всякого чувственного явления. Ни на одну минуту, никогда, даже бессознательно, я не был их добычей, так как я напряженно следил за тем, чтобы приобретать каждое новое понятие, каково бы оно ни было, только в состоянии полной сознательности. Тем более жестокой была тогда моя внутренняя борьба против этих демонических сил, которые хотели, чтобы познание природы приводило не к духовному видению, а к автоматизированной мысли. Нужно иметь опыт общения с этими существами, если хочешь знать, что представляет собой конкретная духовная реальность. Недостаточно теоретически достигнуть правды. Мне пришлось преодолевать в те времена (около 1899 г.) подлинные внутренние бури, чтобы уберечь свое ясновидение. Эти бури протекали позади моей внутренней жизни. Я смог выйти из этого периода испытаний, только достигнув видения плана, на котором развертывается христианство. Это то, что привело меня к познанию вещей, описанных мною в "Христианство как мистический факт и мистерии древности". Когда я говорил до этого периода о христианстве, то надо отметить, что я имел в виду только религиозное вероисповедание".7

Его духу открывается Существо, являющееся равновесием всей жизни; Его нисхождение на землю является осью эволюции, единственной твердой точкой, на которой человек может построить свою свободную духовную жизнь. На каждом из предыдущих этапов он предчувствовал эту центральную фигуру, которая приближалась к нему, вводя в каждую область его мысли направляющую идею, которая становилась солнцем всей системы. Она уже была раньше для него универсальным принципом, перво-планом, божественным "Я" человека; она блистала, как молния в его представлении о свободном "Я". Ныне она приходила к нему из сферы более далекой, чем сфера идей, как Существо, Которое открывает одним громозвонным ударом то, чем Оно является, - Христом.

Никогда Христос не был для него объектом религиозного поклонения. Никакого более или менее сентиментального образа Его не запечатлелось в его детской душе. Не получивши отпечатка церковности, Штайнер встречается с этой центральной фигурой в полном расцвете своего сознания. Естественное развитие его ясновидческой мысли привело его к встрече с Христом и нахождению Его следа в мировой истории.

Очень возможно, что в это время он сам прошел через этапы христианского посвящения, которое он впоследствии многократно описывал в своих произведениях.

"Тот факт, что я был торжественным актом внутреннего познания духовно поставлен перед Мистерией Голгофы, - вот то, что отметило эволюцию моей души".7

Он открывает и в то же время осуществляет ту истину, которая содержится для каждого в словах: "Христос может двадцать раз восстать из гроба, но если Он не воскреснет в сердце твоём, - напрасно будет Его воскресение".* /Имеется в виду изречение Ангела Силезского: "Я говорю, что не поможет тебе то, что Христос воскрес, если ты сам еще пребываешь в грехе и смертных оковах". Прим. перев./

"Христос истинный Люцифер" гласит очень древняя и таинственная формула. Сейчас Штайнеру открывается смысл этой загадки. Свет Люцифера не был отдан, подобно свету Христову, на служение божественной эволюции. Он служит личным целям. И именно здесь Христос начинает борьбу в душах. Ясновидящий прослеживает сияющий путь Христа, воплощенного в материи, соединенного с землей, как дрожжи с тестом, ради ее одухотворения. Он отмечает следы этого в каждом человеке, там, где устанавливается гармония, где противоборствующие силы сдерживаются в своих пределах. Пока они уравновешены, они служат подпорками, которые своим давлением справа и слева укрепляют центральный свод. Если перевес той или другой стороны нарушает равновесие, тогда может проникнуть зло: зло тела - болезнь, зло души - грех, зло мысли - заблуждение.

Сознательно поддерживать во всем своем существе это равновесие, без конца нарушаемое, без конца восстанавливаемое, находить ту же точку равновесия, как в естественных явлениях, так и в социальной жизни, как в росте растения, так и в развитии цивилизаций - в этом выявляется деяние Христа. Эта точка устанавливается в центре всякого существа. Это источник, откуда изливаются индивидуальные жизни, которые сливаются во всемирном потоке жизни. Во всем, что живет и дышит, находят то Духовное Существо, Которое до сих пор признавалось только христианским вероисповеданием, но признавалось в ограниченном аспекте, тогда как в действительности всякая живая мысль может это осознать.

Штайнер видит возможность возникновения науки о духовном, которая продолжит науку физическую и введет в представление о духе метод и уверенную твердость. Она реализует пророческое изречение Жозефа де Местра: "Наука станет религиозной, а религия - научной". Только так истинная свобода человека будет сохранена, не будет ни задана неумолимым детерминизмом физических законов, ни обескровлена духовностью, не имеющей реального основания.

Возможность предчувствовавшая, затем предвиденная, выступает теперь в полном озарении: идти к Христу путем научной мысли... Мысль, проникнутая Христом...

Эта встреча с Христом в акте мышления переходит за пределы всякого исповедания. Она имеет место в сознании. Она может стать достоянием израильтянина, или буддиста, без того, чтобы им потребовалось для этого отказаться от своих верований. Для католика она продолжает и подтверждает дело св. Фомы Аквинского. "Ангельский доктор" посредством логической мысли смог описать творение Отца, но эта мысль была тогда бессильна проникнуть в тайны Сына. Они остались непостижимыми для человеческого разума, они исключительно чувствовались сердцем. "Замолкни язык мой, ты здесь перед тайной ангелов... поклоняйся и молчи!"

С тех пор в течение семи веков просыпались в человеке способности понимания природы, которые изменили самую природу мысли. Логика стала иной, она изменилась от контакта с природными явлениями, открытиями бесконечно малых, живой субстанции.

Если современная мысль способна понимать мысль Вселенной и эволюцию, которая ее увлекает, то это потому, что в ней эта жизнь находит свое продолжение. То же дыхание, то же Слово делается жизнью в растении, и мыслью в человеке. Мысль является "подлинным приобщением" человека к силе Христа в мире.

Пусть современная мысль приобретет достаточно жизни, чтобы в свою очередь "проникнуться Христом", как прониклось Христом сердце человека в средние века; пусть немое поклонение перейдет в сознательное проникновение в сердце мистерии. Она достигнет на этот раз Христа в Его творениях: в жизни, в свете Вселенной. Штайнер поднимается до видения космического Христа.

Здесь уместно вспомнить о настроениях, которые царили в то время в научных кругах, чтобы оценить взлет этого видения. Во Франции Пастер служил иллюстрацией для тезиса о "непроницаемой перегородке" между сердцем, в котором остается вера, и разумом, который склоняется перед непреодолимым научным доказательством; Ле Дантек просто отвергал, что за перегородкой имелось что-либо, кроме пустоты, и издевался над теми, которые умудрялись быть материалистами шесть раз в неделю, становясь верующими в воскресенье, чтобы присутствовать при обеде.

Во всех же странах германского языка царило всемогущее влияние Канта и формула, при помощи которой он окончательно утверждал разрыв между мыслью и верой: "Я хотел поставить пределы мысли, чтобы выделить место для верования".

Если представить себе все это, делается яснее, какая жестокая необходимость заставила Рудольфа Штайнера пройти через все этапы его испытания. Свое непосредственное созерцание идей он подтвердил при встрече с великими мыслителями-идеалистами, затем гетевской концепцией об архитипе. Пройдя за немногие годы жизнь нескольких веков человеческой мысли, он продолжал терпеливое овладение фактами и научными методами. Разделенное течение находит в нем свое единство. Сверхчувственная идея и чувственный опыт. Они сливаются в центральной силе сознания, в мысли. Эта мысль не противоречит видению. Оба контролируют друг друга и примиряются в живой мысли, проникнутой Христом.

Акт познания занимает центральную точку здания.

Достигнув этой точки, видишь, как открывается во всем объеме концепция, которая всё более и более явно становится исходной точкой всего дела Штайнера. Можно ли вообразить себе всё то, чего могла бы избежать Европа, если бы в начале XX века эта "христианизация", эта морализация мысли, науки - могла бы произойти не путем благонамеренных попыток совместить несовместимое и не простыми внешними подправками, как того хотели некоторые, но влиянием духа, который придал бы смелость мысли. Тогда наблюдение над природой находило бы продолжение во внутреннем духовном опыте, проникая в обе области, являющиеся единой. Не являются ли они двумя дополняющими друг друга половинами? Одна - видимая, другая - скрытая, одна чувственная, другая сверхчувственная, одна доступная внешним ощущениям, другая - внутреннему откровению, но на самом деле одна и та же действительность - одно целое.

Если бы в этот момент не только Рудольф Штайнер, но с ним и "светочи" западной цивилизации могли бы увидеть опасность, отметить ее, быть первыми, кто бы пробил смертную преграду, они, может быть, остановили бы на краю бездны науку, которая с этого времени поступила на службу извращенных инстинктов, захватнических интересов, методического убийства. Но ученые не сумели вовремя увидеть, что наука, лишенная моральности, питающаяся духом секты, в один прекрасный день повернет свои создания против самого человека, против его дела, против его существования. Что же касается служителей церкви, то они выясняли свое отношение к научным открытиям чрезвычайно медленно. Когда они выступили в путь, чтобы вдохнуть понятие эволюции в слишком неподвижную теологию, смятение уже охватило верующих. Рудольфу Штайнеру оставалось указать путь небольшому числу.

Вначале даже его друзья старались удержать его. Они не признавали возможности одновременной проповеди эволюционистических идей Геккеля и внутреннего опыта переживания Христа. Они не видели внутренней последовательности, которая вела от одного к другому. Они охотно посоветовали бы ему быть "логичным", выбрать одно из двух, оставаться понятным. Всегда кажется, что человек совершает нечто вроде предательства относительно своих современников, если он не дает им возможности наклеить на себя этикетки. Вскоре ему не захотели прощать этих противоречий, не допуская в нем этого слияния столь различных элементов, на которых должен был выработаться в будущем небывалый синтез.

Надо ли молчать? - спрашивал он себя несколько лет тому назад с глубокой тревогой в Веймаре. - Неужели никто никогда не захочет понять то, что он увидел и узнал, приобрести в свою очередь личное и прямое познание сверхчувственного? Для того, чтобы быть услышанным, он согласился участвовать в Литературном журнале.

Но журнал этот не стал для него местом, где он мог высказываться без ограничений. Абоненты сопротивлялись. Ему пришлось признать, что они предпочитали скорее отказываться от подписки, чем изменить свой образ мышления. После трехлетней борьбы он не жаловался, но выяснил, что борьба не приносила пользы тем, ради кого она была начата.

Что касается лично его, то никогда его внешние занятия столь не отличались от его духовных переживаний, до того, что этот разрыв причинял ему невыносимые страдания. С одной стороны, его видение неудержимо возрастало, с другой, социальная среда, в которой он вращался, все более утверждалась в своем сопротивлении. Должен ли он все-таки молчать?

Это было осенью 1900 года. Серый рассвет предшествовал восходу XX века. Новый свет старался пробиться.

"Мне становилось ясно, что начало века должно было принести человечеству новый духовный свет. Мне открылось, что разрыв между мыслью и волей с одной стороны, и духом с другой, достиг своего апогея. Изменение ориентации в становлении человечества казалось мне необходимостью".⁷

Этот год является ему как дата событий, происходящих в области эволюции и позволяющих отныне некий новый союз между человеком и духом. "Мое чувство ответственности относилось не только к людям, но и к духовному миру, в особенности к той духовной силе, очень характерной, которая начала проявляться с начала этого года".⁵¹

Продолжая время от времени давать статьи в журнал, он из него выходит в это время, и в номере от 29 сентября он дает объяснение своим подписчикам: "В течение более трех лет я был редактором этого журнала. Когда я принял за работу летом 1897 года, я много от него ждал. Моя цель была открыт путь для выражения известного-возвращения на мир и жизнь, избегая как компромисса, так и всякий предвзятости. Я хотел таким путем служить искусству и современной социальной жизни. Достичь моей цели мне помешала необходимость прибегать к другим способам, а не основываться только на

внутренней силе, родившейся из этого мировоззрения, в которое я верю и ради которого я всегда буду отдавать все мои силы. Мне особенно претит необходимость прибегать к сотрудникам с громкой репутацией и к сенсациям, чтобы привлечь благосклонность читателей. Что касается меня, моим желанием было открыть столбцы нашего журнала всем тем, кто боролся в одиночку за свои идеи и которые иначе не имели бы возможности быть услышанными". Теперь ему необходимо принятаться за дело иначе и старательно искать "отправные точки" в сознании окружающих, "где бы они ни находились".

Эти "отправные точки" у него на сердце, они - забота всей его жизни. С венского периода одна из главных причин, привязавших его к Гёте, была та, что он находил у него отправления, то есть указание, знак, что новый вклад отвечал вопросу, уже сформулированному в сознании. Он считал, что имеет с этим дело, когда он чувствует позади работы ученого, философа вопрос, вызываемый эпохой и оставленный еще без ответа. Он будет применять тот же способ по отношению к тем, кто будет спрашивать у него указаний, давая ответы только тогда, когда он видит вопрос, даже бесформенный, поднимающийся из души. Нужно, чтобы душа искала для того, чтобы дух имел право ответить: иначе ответ духа будет принуждением, подобно догмату.

Итак, он решает положить начало там, где ему представится случай прямо применить язык духа, язык учителя.

Часть Вторая. НАЧАЛО ДЕЛА УЧИТЕЛЯ

XIII. ТЕОСОФСКАЯ ПЕРСПЕКТИВА

В Берлине существовала группа теософов. Так как немецкого отделения теософии еще не было, она примкнула к английскому обществу, которое собиралось раз в неделю в салоне графа и графини Брокдорф.

В это время, к концу 1900 года Штайнер заканчивал целую серию литературных работ для различных издателей. Он дописывал второй том *Welt und Lebenschaungen XIX Jahrhundert*, редактировал литературные работы для собрания Крамера, издавал в собрании Артура Дика "Эгоизм в философии" и т. д.

В это время его пригласили прочесть лекцию в салоне Брокдорфов, где очень свободно обсуждались самые разнообразные темы. Он принял приглашение и в сентябре 1900 года, ставшем подлинным поворотным пунктом его судьбы, прочел лекцию о Ницше. Публика его поразила. Пришедшие из самых различных кругов общества, эти мужчины и женщины, казалось, были объединены только общей тоской по духовному.

Когда его пригласили снова выступить, он тут же предложил знаменитую "Зеленую Змею" Гёте, эту сказку, которая уже два раза послужила ему пробным камнем, сначала в Вене, затем в "Журнале", для того, чтобы проследить, какой отзвук могут пробудить эзотерические откровения, прикрытые легкой вуалью символизма.

До сих пор попытки были тщетны, но здесь его ожидания полностью сбываются. В первый раз он прямо заговорил языком духа, и его наконец услышали. Более того, слушатели почувствовали в лекторе Учителя.

Его просят прийти снова. Наконец, читать регулярный курс лекций всю зиму. Он не колеблется. Несмотря на полувосточный характер теософических кругов, он решительно ставит своих слушателей на путь христианского эзотеризма и ведет их, сначала исторически, к внутренне переживаемому опыту Христа. Он говорит о "мистике на заре современности". Мейстер Экхарт, Таулер, Сюзю, Ангел Силезский дают ему возможность выразить то, что он сам созерцал и чему он еще не нашел названия. "Мне необходим был термин, чтобы описать то, что я понимаю под высшим знанием, и я прибег к термину "мистический". Я знаю, что есть известная опасность применять слово, которое как раз в наши дни так сильно скомпрометировано. Но мы все страдаем от необходимости применять уже сформированные выражения для идей, которые мы формируем впервые". 55

Ему дается глубокая и доселе неизведанная радость быть понятым, за ним следуют по этому пути его внутреннего, еще не переданного опыта. На следующую зиму он читает снова целый цикл лекций на тему "Христианство как мистический факт". Как и предыдущий цикл, это вызывает подлинную сенсацию. Его издают и переводят на несколько языков, в том числе на английский, что расширяет известность Рудольфа Штайнера в ведущих теософических кругах.

Параллельно он читает для "Грядущих" "Kommende" - серию лекций "От Будды ко Христу", стараясь подвести их к пониманию единственного места, занимаемого Христом в истории. Но в этом кружке его не принимают всерьез и он возбуждает только любопытство.

У теософов, наоборот, вместо того, чтобы создать вокруг него одиночество, эти открытия, для которых он еще ищет способы выражения, находят отклики в душах... Его просят продолжать, оставаться учить, направлять.

Слушатели, число которых все возрастало, отличались от тех, которых он имел перед собой до сих пор, неким трудно определимым свойством. Он охарактеризовал его позднее одним словом, которое применялось во Франции по другим поводам: "heimatlos", это были души, лишенные родины.

Подобными растениям, лишенных корней, видел он этих приходящих к нему существ, которые рождаются в известной стране, среде, семье, не зная, почему они там. Они не могут влиться в традиционные формы семьи, школьной рутины, не поддаются дисциплине определенных социальных группировок. Проекты, которые строили для них родители, предполагаемые карьеры, предусмотренные связи, ничто не имеет над ними власти. Является ли это просто романтической позой? Иногда, но далеко не всегда. Они искренно страдают от своей неприкосновенности и охотно приняли бы на свой счет слова, которыми бедный Лелиан (Верден) определил странности своего Каспара Хаузера: "Родился ли я слишком рано или слишком поздно? Что делаю я в этом мире?"

Эти люди без корней встречались во Франции, как и во всех других странах. Среди них вербовались первые читатели Метерлинка или поклонники Вагнера, которые каждый год предпринимают паломничество в Байрейт, чтобы мистически слиться с миром, созданным волшебником звуков; другие, связанные более суровой судьбой, незнакомы с этими поэтическими и музыкальными формами освобождения. Теософия умела их приютить. Они приносили сюда свою потребность слышать не только о громких завоеваниях в физическом мире, об индустриальном прогрессе и головокружительных чудесах техники. Ничто из всего этого их не удовлетворяло, не заглушало внутреннего голоса, который они предпочитали всему остальному. Они жаждали малейших излиятий духа в бесплодной пустыне современной жизни.

Рудольф Штайнер читает за внешней стороной в судьбе этих существ, которые стремятся к нему навстречу так, как вопрос стремится к чаемому ответу. Он восходит к истоку этих душ, над которыми как будто парит таинственный жест улыбающегося Иоанна Крестителя Леонардо да Винчи с поднятым перстом, одновременно призывающим и напоминающим. Внутренний взор Рудольфа Штайнера открывает ему то, что есть в них особенного.

"В путешествии, предпринятом душой между существованиями, приходит минута, - отмечает он, - когда планета вновь привлекает все ее внимание. Она начинает задолго, заранее соединяться с поколениями предков, в конце которых

появится чета, которая даст ей рождение. Чаще всего, когда душа начинает вновь брать направление к Земле, она испытывает жгучий интерес к роду, откуда она примет своих родителей. Эта душа будет принадлежать к тому роду душ, о которых я говорил, что они проходят по главному, центральному пути жизни.

Однако существуют души, которые, когда они возвращаются к земному существованию, меньше увлечены тем, что происходит на Земле, чем мыслью: как бы продолжить жизнь в духовном мире. В то время как первые глубоко увлечены своим желанием жизни на Земле, другие до конца пленены тем, что они видят вокруг себя. Они остаются более чувствительными к импульсу духа, действующего в их сознании, чем привлекаемые к центральному пути. Своим влечением к духовному они избегают воздействия земной среды".

Понятно, что эти тоскующие слушатели не могли быть сразу поставлены перед философской теорией познания. Они мало заботились о том, чтобы "связать явление непрерывного сознания обе части опыта". Они не имели для этого ни достаточной силы мысли, ни интереса к проблеме философии, которые ставились развитием науки, той науки, выводы которой их так ранили. Они были в ожидании объяснения самих себя и мира и чувствовали смутное притяжение к тому, кто учил, как можно найти печать духа даже в материальных явлениях.

Если не проследить проблему, которую Рудольф Штайнер вел до сих пор, чтобы заставить своих современников принять духовную реальность, доказанную мыслью, если не увидеть на всем протяжении пути среду, в которой он жил и которая столь упорно ему сопротивлялась, невозможно ясно понять перспективу, открывающуюся ему этой встречей с душами, жаждущими получить сокровища которые он должен был собирать в молчании. Эта перспектива служит ему доказательством, что что-то изменилось с поворотом века в соотношениях человека и духа. Непреодолимая внутренняя потребность, вынуждающая его говорить, действительно является приказом судьбы. Решение должно быть, наконец, принято.

Внутренний опыт становится исключительно интенсивным, он непрерывно растет с момента поворота века, с момента того "торжественного акта, посредством которого он пережил Мистерию Голгофы. К этапам высшего знания, пройденным во время ученичества, к повторениям, к синтезу различных связей со сверхчувственным, которые практиковались до него, прибавляется теперь активность, ранее неизвестная, - в форме направленного, контролируемого, подчиненного сознанию исследования в области духа. Воля, очищенная от всякого личного желания и которую ничто не может отвлечь от цели, твердо направляет поиски. Мысль, освобожденная от чувственных влияний, становится творческой, взгляд артиста присоединяется к взгляду ученого и "духовного исследователя", изучает недра, углубляется в неведомые края.

Говоря о духовных работах, которые он проводит, он отныне предпочитает всем другим термин "духовное исследование". Подобно тому, как ученый, ведущий свои опыты, вооружается полезными ему знаниями, на основании которых он снаряжает экспедицию, чтобы "исследовать" какие-то еще неизвестные уголки природы или земного шара, так же подготавливается и духовный исследователь, укрепляя и очищая свои сверхчувственные органы с помощью истин, открытых ранее, упражняется в концентрации всех своих внутренних сил и затем вступает на неизведанную почву.

Он оставляет позади себя сферу мысли и достигает непосредственной жизни в лоне духовных реальностей, затем он минует и эту жизнь; она перестает воздействовать своим движением, и тогда происходит слияние с Сущностью. Результат этого методически пройденного пути - мысль - жизнь - Сущность - есть открытие "видения мира", которое позволяет достигнуть сущности вещей, сущности, закрытой мистериами, видения, ревниво охраняемого теми, кто поднялся до него.

В конце этого завоевания его ожидает теперь тяжелое внутреннее испытание.

Ему понадобилось, - говорил он, - "храбрость", чтобы принять миссию Учителя. Можно спросить себя, какого рода храбрость?

Конечно, была достаточная преграда людского суждения, которую надо было преодолеть. Он подвергся кнуту общественного мнения. Эпитет "теософа", который во времена Якова Беме вызывал в Германии представление о секте иллюминатов, подсказывал теперь самые страшные представления и стал приблизительно синонимом "буддиста-любителя". Для ума, привыкшего к дисциплинам философии и науки, внешние формы "служения" не представляли собой ничего привлекательного. Они заставили его порвать со многими кругами, отнимали у него друзей, закрывали перед ним двери издательства во времена и в стране, где престиж человека науки стоил дворянского титула. Они были, главным образом, абсолютно противны его природе, которая не признавала светских фиоритур, расплывчатой сентиментальности, поверхностного дилетантизма, которые преобладали в теософской среде и превышали тогда в этих кругах глубокую потребность в знаниях. Любящий во всем наиболее возможную ясность, лично он не выбрал бы своего поля деятельности в этой атмосфере полусумерек. Он старался избегать обид.

Но ему нужен был еще и другой род храбрости в минуту, когда он должен был ответить на двойной призыв духа и судьбы и раскрыть науку об истинах, которые до сих пор находились под тройной печатью. Вопрос ставился о том, можно ли было передавать их без опасности для тех, кто не был к ним подготовлен.

Во все века существовало тайное знание, восходящее к очень древним временам. Открытие его, которое делалось для исключительных личностей, всегда протекало в тени мистерий. В современной эпохе та образная форма, в которой это знание сохранялось, уже не вызывала прямой реакции в умах, все более и более рационалистичных: те, кто еще хранили название "посвященных", уважали его символы и оставались верны тайнам, которые они охраняли. Для них распространять оккультные истины в широкие массы значило - предавать мистерию. С момента принятого им решения Штайнер должен был увидеть поднявшимся против него весь клан традиционных оккультистов.

Уже один из его прежних венских друзей, Фредерик Экштейн, 6 который сам был глубоко сведущ в изучении тайных наук, умолял его не передавать толпе тайн, с которыми люди не сумеют обращаться и которые они применят ко злу. "Тайны открытые скоро вырождаются...", "Ne mageritar objice rogcis". * /""Не бросайте жемчуга вашего перед свиньями" (Мф. 7, 6)./

Положение его было странным. Он совершенно иными глазами смотрел на уважение, внушаемое священными истинами. Воздвижение вокруг них стены молчания в конечном результате привело бы к тому, что дух испарился бы из старинных формул. С каждым днем понемногу терялся их смысл: современная психика уже больше их не понимала. Они вновь находили свое значение только на вольном воздухе современных идей. Держать истины под спудом было несовместимо с достижениями естествознания, которое подходило к границам сверхчувственного. Единственной предосторожностью, вполне оправданной, как для оккультной, так и для всякой другой науки, являлась невозможность открыть результаты, не сообщив предпосылку и не выковав для всех метод работы. Он будет следовать этому правилу, соблюдая последовательность в обучении, предусматривая сроки или ограничивая специальные сообщения признаком профессиональных знаний (курс для врачей, артистов, священников, преподавателей, ораторов, экономистов, физиков, астрономов)...

Вопрос о том, следует ли "Разокультуривать оккультное", как представляли его себе хранители тайных традиций, не вставал для Штайнера под тем же углом зрения, как для хранителя тайн, связанного обетом мистерий.

Никто не передавал ему сокровища на хранение: он был обязан своими познаниями самому себе, он не получал никакой инвестиции (назначения), не давал никакой клятвы. Свободно, чисто индивидуальным подъемом ему открылся от вершины к вершине горизонт, расстилавшийся теперь беспредельно. Не предвидел ли он с первых шагов, что путь, который он укажет другим, является путем, по которому следом за ним смогут пройти все. Если он, овладев истинами, умолчит о них так же, как хранители традиционной мудрости, то сумеют ли его современники решить без руководства тайну

современной души, одновременно призываемой к духовности и отворачивающейся от нее, чтобы пойти навстречу всем новым формам жизни? Как развяжут они драму, все последствия которой, индивидуальные и социальные, он смог измерить, драму мысли, бессильной найти самой по себе духовную уверенность, драму активности, блуждающей в слепом и хаотическом беспокоестве?

Не подал ли Христос пример, которому нужно было следовать? Не вынес ли Он мудрость Храма на общественную площадь, согласившись пережить на глазах у всех все этапы посвящения, стать Самому этим живым посвящением, которое до Него имело место только в потаенных местах? Не поступил ли Он так, подчинившись исторической необходимости своего времени, когда люди теряли связь с древней, первоначальной духовностью? Они должны были услышать, чтобы Сам Бог сказал им: "Бог не в храмах, не на вершинах гор, а в каждом из вас".

Не представляла ли собой аналогии современная цивилизация, колеблющаяся между верой предыдущих поколений, от которой она отдалялась, и атеистическими формами современной жизни, увлекающими существа в бездушный механизм.

Рудольф Штайнер увидел, как перед ним "открылась историческая перспектива". "Если мы способны правильно прочесть признаки времени, мы должны находиться на пороге эпохи, которая будет свидетелем углубления духа".⁵⁵ Отказаться внести в это смятение сознаний, в эту социальную клоаку свет, добытый в необычных условиях, не было ли бы это недостатком внутренней смелости, страхом перед слишком тяжелой ответственностью, отступлением перед возможным непониманием, нападками, глухой травлей, пытающейся сломить порыв активности, клеветой, зажигающей в наше время костры невидимые, но не менее испепеляющие, чем средневековые, не было бы это попыткой скрыть под маской благоразумия трусость?

Рудольф Штайнер был из тех, кто в каждую секунду своей жизни отдает себя всего без остатка. Он предвидел сверхчеловеческие усилия, безмерные жертвы, воздвигаемый крест. Но всё это меркло перед лучезарною целью. Он больше не колебался.

"Пришла минута, когда в согласии с оккультными силами, стоящими за мной, я был вынужден сказать себе: "ты заложил философскую базу известного представления о мире, ты проник в дух современных течений и ты их высказал, как это мог бы сделать кто-либо разделяющий их. Никто не сможет сказать: этот оккультист говорит о духовном мире, потому что он незнаком с современными завоеваниями науки и философии. Я достиг 40-го года, того года, раньше которого никто не должен, как говорят учителя, становиться учителем оккультизма (везде, где начинали учить раньше этого возраста, совершались ошибки). Я мог, следовательно, открыто посвятить себя теософии".⁷

Достигнув срока своей готовности для работы, он увидел, что способы ее выполнения сами пришли к нему.

Однажды в осенний день на одном из собраний в салоне Брокдорфов появилась молодая слушательница. Балтийского происхождения, русская по национальности, она жила в то время в Берлине, продолжая изучение драматического искусства, которое она начала в Париже. Эдуард Шюре, работы которого она взяла на себя перевести на немецкий язык, привлек ее внимание к теософии, и она подошла к этому движению с большим порывом, принося ему свою большую европейскую культуру, свое превосходное знание языков, свое артистическое образование, и главное, - редкое соединение таланта и преданности, ценную личность и самоотверженность. Марии Сиверс было тогда около 30 лет. Тоненькая, хрупкая, белокурая, она производила впечатление двадцатилетней. Уже в эту эпоху ее манера держать себя поражала слиянием сдержанности и твердости, которое придавало всем ее движениям особенную скромную грацию. То, что больше всего привлекало в ней, и в то же время удерживало людей на некотором расстоянии, были ее большие глаза, синие и чистые, в которых читалась и прямота и самообладание.

С первой же минуты взор Рудольфа Штайнера угадал исключительное существо, чье присутствие преобразило знакомую аудиторию, и в течение всей зимы тот же пронзительный взор останавливался из недели в неделю на той, которая, пока не подозревая того, держала в руках ключ от одной из возможностей будущего - теософской секции в Германии.

По уставу Теософского общества нужно было семь национальных секций, чтобы стать Европейской федерацией. В начале 1902 года пять уже существовало. Первого февраля Ледбиттер открыл в Риме Итальянскую секцию. В Германии прозябали отдельные группировки. "Подождем счастливого созвездия", - отвечали они на призыв Лондона, - "Никто из нас не в состоянии организовать секцию, время еще не свершилось".⁵⁶ Еще сам полковник Олькотт, основавший вместе с Блаватской движение, посетив разрозненные группы в Германии, говорил им: "После фазы более или менее мистической, Германия увлекается в направлении, противоположном духовному идеалу. Она является в настоящее время громадной кузницей индустрии. Здесь царит дух времени, скептический и материалистический, и нет и тени сомнения, что он не благоприятствует нашему движению".

В марте 1901 г. Мария Сиверс вновь уехала в Италию. Она жила в Болонье, способствуя созданию Итальянской теософской секции. Кроме того, ее совершенное знание языков выдвинуло ее в сопроводители индуса Джинарадхаса, будущего председателя Теософского общества, который читал лекции в различных городах Италии. Он говорил по-английски, а Мария Сиверс переводила. Довольно часто переводчица останавливалась, пораженная фразой, которую надо было передать и которая казалась ей чистой материализацией духовных истин. В эти минуты ей приходили на память слова Рудольфа Штайнера о разнице между мистиками Востока и Запада и о необходимости для Европы углубиться в таинства христианства при помощи современного мышления. Предчувствуя, что Рудольф Штайнер мог проникнуть в эти таинства, разочарованная дилетантизмом, с которым обращались вокруг нее с древними откровениями мудрости, она ждала, и ждала в условиях свободы и независимости, внутренней и внешней, которая сама по себе была уже знаком судьбы.

Брокдорфы в то время были в большом затруднении. По причинам личного характера они собирались покинуть Берлин. Что будет с их кружком? Уже много недель старались они убедить доктора Штайнера. Он еще находился в периоде колебаний. Он даже не сделался членом кружка. В мае 1902 г. они организовали собрание, на которое прислали своих делегатов провинциальные группы. Было вынесено решение, что если Рудольф Штайнер согласится стать председателем, будет организована немецкая секция. Рубикон был перейден. Он дал свое согласие, но поставил два условия. Первое, - он останется совершенно свободным и будет передавать свое учение в Теософском обществе. Второе - Мария Сиверс возьмет на себя задачу организации, к чему у нее есть способности.

Письмо от Брокдорфов летит в Болонью. "Мы можем сообщить Вам добрую весть. В случае, если откроется немецкая секция, доктор Штайнер согласен стать во главе, если Вы будете секретарем".

Несколько недель спустя, проект организации послан полковнику Олькотту, и Рудольф Штайнер, даже не будучи членом Теософского общества, назначается генеральным секретарем секции для Германии, Австрии и Швейцарии.

Германские теософы видят в нем духовного учителя, наконец отвечающего потребностям духа современности. Он дает учение о перевоплощении и карме не в форме привлекательных сказок, но как понятные законы. Его учение ни в чем не противоречит современной науке. Оно расширяет и дополняет ее. Это уже не смутная мистика, а наука о духе.

К тому же, моральное чувство человеческой ответственности является базой всякого познания. Штайнер не занимается для собственного удовлетворения бесконтрольными размышлениями о духовном мире. Он извлекает из своей души истины, завоеванные с трудом, долго проверявшиеся, и он их выражает с двойным чувством ответственности перед духовным миром и теми, кому он передает их. Каждая душа для него драгоценна, он старается пробудить сознание,

вызвать продуманное понимание. Он никогда не ищет возбуждения духа группы иначе, как через индивидуальность. Он знает, что связан с глубинной судьбой тех, кто к нему подходит, и не пренебрегает ни одним из них. Он идет навстречу теософам, руководимый единственной причиной, что он находит в них личностей, воспринимающих духовные истины.

Его прежние друзья шокированы и смеются над тем, что они называют "обращением" Штайнера, его "sacrificium intellectus". Зато небольшие теософские группы принимают его как обновителя. Они настолько же польщены тем, что во главе их стоит философ, эрудит, ученый, насколько поражены откровениями его духа.

И, однако, учение, которое он давал им, глубоко оригинальное по природе своей, должно было их потрясти и смутить. Его инспирация христианского и западного направления не лишена была явных противоречий с теософскими работами, которыми до сих пор питались члены Теософского общества.

Но теософская доктрина была еще в периоде создания. Нет сомнения, что Рудольф Штайнер первый, и с ним все те, кто обладал острым ощущением знамений времени и хода и направления идей, могли считать возможным и в высшей степени желательным, чтобы внесение христианского эзотеризма в теософию послужило созданию синтеза между духовностью Востока и Запада. Это помогло бы заново найти то общее основание, на котором оба эзотеризма, столь различные в некоторых своих проявлениях, были некогда воздвигнуты.

Исторически здесь нужно было обновить прежние традиции. В прежние времена существовали гораздо тесные связи, чем обычно представляют себе, между александрийским герметизмом и Индией, а позднее, в эпоху крестовых походов, - между христианским эзотеризмом и восточной мудростью. Тамплиеры и розенкрейцеры были последними поддерживающими эти связи.

"До 1905 или 1906 года еще возможно было спрашивать себя, не превратится ли вполне естественным путем Теософское общество в Антропософское общество. На это можно было тем более надеяться, что в эти годы одно из ведущих лиц Теософского общества - Анни Безант - доказывала всем своим внешним поведением известную терпимость и прежде всего была озабочена возможностью дать ужиться бок о бок различным тенденциям. Таково было вполне определенно положение до 1905-1906 года". 51 Наименование "антропософия" уже было в то время в словаре Рудольфа Штайнера. Он любил вспоминать, что как раз в день основания Немецкой секции он читал вечером в клубе Джордано Бруно лекцию, которая была частью целого курса под заглавием "История эволюции или антропософия".

Как бы то ни было, в течение лета 1902 года в Лондоне, куда отправляется Рудольф Штайнер, руководители Теософского общества, с которыми он знакомится, принимают будущего генерального секретаря Немецкой секции, не навязывая ему ни малейшего догмата и даже признавая оригинальный вклад, привносимый им в движение. */*Как раз возвращаясь из Лондона, Р. Штайнер был в первый раз в Париже. Он прожил несколько дней в Hotel slave (Славянском отеле), на улице Baudin, 16 (ныне ул. Pierre-Semard). Он посетил тогда Музей Лувра, присутствовал на параде 11 июля на площади Бастилии, где ощутил "совершенно особое чувство находиться на том месте, где более ста лет тому назад свобода была куплена ценою крови". (Неизданное письмо от 15 июля 1902 г.)/

XIV. ОСНОВАНИЯ НАУКИ О ДУХЕ

В сентябре 1902 года Брокдорфы переехали из Берлина в Тироль. Мария Сиверс снимает их квартиру, где работа войдет в новую фазу. */*Квартира находилась в Шарлоттенбурге, Кайзер Фридрихштрассе, 54-а. Рудольф Штайнер, проживавший последовательно в Берлине: Карлсбад, 33, затем. Габсбургерштрассе, 11, затем в Фриденау, Кайзералле, в то время жил в пригороде Берлина, Шлахтензее, на Зээштрассе, 40./

Организационное собрание секции состоялось 19 октября. На другой день м-м Анни Безант, приехавшая по этому случаю из Лондона, торжественно вручает Рудольфу Штайнеру хартию Немецкой секции. 21-го она говорит по-английски перед собранием в 400 человек. Рудольф Штайнер представляет ее и делает немецкий перевод ее речи. Несколько его слов, сказанных тогда, следует отметить: "Многие были, может быть, удивлены, когда 15 дней тому назад, в обществе Джордано Бруно, я открыто признал себя сторонником теософии. Так же, как некогда Джордано Бруно, опираясь на открытия Кеплера, требовал признания новых, зарождающихся идей, мы находимся сегодня снова на повороте истории мира, куда вносит новые предствления теософия". 56

Он настаивает на том, чтобы за теософией признали, что она значительно расширяет чисто материалистическое миропонимание. */*Отметим, к примеру, два характерных факта: 20-го октября, вечером, он, как обычно, в каждый понедельник, читает лекцию у "Kommande". В этот день она называется: "Эволюция от античных восточных концепций до современной концепции или Антропософии". На этой лекции присутствовал один теософ, который, подойдя по окончании к Рудольфу Штайнеру, заметил: "То, что вы нам сказали, совершенно не согласуется с учением г-жи Безант". - "Очень возможно", - просто ответил Рудольф Штайнер./

В тот момент, когда Рудольф Штайнер принял свое положение, Теософское общество еще оправдывало подобный союз. Основательница его, г-жа Блаватская, русская по происхождению, сначала получила свое посвящение в западном оккультном движении. Затем она уехала в Соединенные Штаты и там подверглась влиянию восточных учителей, которые открыли ей путь в Индию, куда она ездила несколько раз работать под их руководством. Она была одним из первых европейских умов, заинтересовавшихся индусским эзотеризмом. Ее главная работа "Тайная доктрина", опубликованная после ее смерти, была составлена по записям, которые она собирала в течение своих занятий эзотеризмом и историей религий. Из этих разбросанных отрывков, которые были вынуждены связать вместе ее духовные наследники, выступает основная идея: все религии покоятся на соединении общего откровения, которое находится во все эпохи и у всех народов. Это "Тайная доктрина", известная во всем ее величии и во всей ее чистоте только посвященным. Различные религии - только искажения эзотерического характера этой доктрины, приспособленные к духу народностей, которым они предназначаются.

Общность откровения освещает духовное родство, существующее между людьми. Следовательно, нет отдельного откровения, которое было бы выше других. Наоборот, соединив их в единое, можно достичь полной истины. Не следует отбрасывать ни одной из этих форм, так как через все эти формы можно уловить одно течение эволюции, которое конкретно выражает братскую солидарность людей между собой. Эта связь человеческого братства, независимо от религий, рас, классов, пола, - была великой идеей г-жи Блаватской, которую она проповедовала наряду с общностью религиозных откровений, из которой она, конечно, и вытекает логически.

К сожалению, Е.П. Блаватская сочла нужным поддержать эти глубокие прозрения якобы историческими фактами, но она не обладала способностями историка. Не имея документов и не владея критическим подходом, который помог бы ей с пользой применять даже то, что у нее имелось, она не смогла избежать многих ошибок. Она сумела, тем не менее, установить основные положения Теософского общества, которое она основала в 1875 году вместе с полковником Олькоттом.

По-видимому, со времени ее смерти ее наследники склоняются больше к индусскому эзотеризму. Анни Безант вскоре показала себя лично очень привлеченной Индией, что, впрочем, хорошо отражало английский склад ума. Она основала в Адыре, в Индии, генеральную квартиру общества. Там была ее главная резиденция.

Под этим влиянием все более значительное место отводилось буддизму, в то время как христианские религии начали занимать место бедных родственников. Уже г-жа Блаватская в целях установить общность всех религий и их равенство уменьшила пропорции христианства. Она отвергла божественную природу Христа ради Учителя Иисуса, Которого она помещала в один ряд с "Великими Учителями человечества". По отношению к Христу г-жа Безант несколько лет спустя пошла еще дальше. Из года в год она стала придавать теософии определенно антихристианский характер, поддерживая восточные религии, чтобы "позволить им сопротивляться агрессивной пропаганде западных церквей".

В момент, когда Рудольф Штайнер призывается к сотрудничеству с Теософским обществом, здесь встречаются и перекрещиваются все тенденции, и нельзя еще сказать, какая из них возьмет верх. Г-жа Безант создает различные ветви, которые основываются и в эту эпоху достигают удивительного развития. Она вносит в эту задачу свой редкий организаторский дар.

В эту пору Рудольф Штайнер прочитал некоторые произведения современной теософской литературы. Что же касается древней мудрости, он был знаком с ней с юности, особенно в текстах Упанишад. В Веймаре⁵⁷ он с радостью открыл, что в свое время их знал уже Гете и вдохновлялся их глубоким эзотеризмом при написании второй части "Фауста". Он нашел в них смысл эволюции, который сохранили мудрецы древней Индии, тогда как в Европе он был утрачен со времени греков. Он нашел в них также и духовные истины, рассматривавшиеся некогда на уровне, значительно превышающем тот, которого достигли Западные ясновидящие. Если бы Западные цивилизации смогли постичь эти истины до своего погружения в губительный материализм, связь между человеком и духом, быть может, не была бы нарушена. Многие из этих истин способны были осветить пути будущего, объяснить смысл бытия человека на Земле и Земли в Космосе.

Эти истины Штайнер включил в свое учение и сделал их доступными для мышления. Для них он всегда сохранял индусскую терминологию, которая напоминала об их истоках и в которой он чувствовал силу словесного образа. Таково выражение "Кали-юга", обозначающее темный период, те пять тысяч лет (3100 до Р.Х. - 1900 после Р.Х.) в течение которых человек, не видя больше непосредственно света духа, должен приобрести силу руководить собою самому; или "Манва-Нтара"-период воплощения планеты, "Пралая"-противоположный период, когда планета развоплощена.

Но санскритский термин, к которому он чаще всего прибегал, это-"Карма". Он всегда употреблял его, не находя эквивалента ни в одном из западных языков. Действительно, эти последние появились позднее, чем то откровение, значение которого неизмеримо больше, чем значение слова "судьба". "Карма" есть закон отражения поступков на том, кто их совершает. Этот закон неотделим от закона периодического возвращения душ на землю. Воплощаясь, души встречаются с той "Кармой", которую создали поступки их прошлых жизней.

Для современного и научного ума Штайнера речь шла не о том, чтобы возвращаться к древним откровениям или методам. Они были плодотворны для прошлого и для восточных рас, получивших их. Воспитанный на дисциплинах западной и современной мысли, завоевавший методической и личной работой овладение духовными истинами, которым он мог учить из первых рук, он считал, что роль учителя, современного "теософа", заключалась именно в том, чтобы показать людям, к которым он обращался, тот путь, который сегодня был для них пригоден. Он еще надеялся, что теософия станет проводником этого нового эзотеризма, открывающего умам, воспитанным наукой, невидимые аспекты мира природы.

Именно этой задаче с этих пор он и посвящает себя. Результат духовных работ, проведенных им в это время, приводится им в книге. Хотя она носит название "Theosophie" ("Теософия"), он ввел в нее современную манеру обсуждения этой темы, которая обычно не встречалась в литературе Теософского общества. Он хочет повысить уровень теософов, дать им всё более возвышенное представление о том, чем должна быть подлинная теософия. Он старается описывать духовный мир "без эмоций", чтобы читатель был предоставлен самому себе, чтобы излечить его от всякой сентиментальности и привести его к мышлению.

Работа организуется. "Первой моей задачей будет распространение учения, насколько это возможно".⁵⁸ Основывается еженедельник, предназначенный "стать носителем света".* Рудольф Штайнер почти один редактирует его и здесь он набрасывает руководящие положения, на которых будет строиться вся духовная наука. /"Поэтому он назывался "Люцифер", не имел никакого отношения к падшему Архангелу. Включивши в себя в 1904 г. венский журнал "Гнозис", он принял двойное заглавие: "Люцифер-Гнозис". Основанный в июне 1903 г., еженедельник прекратился в 1905 г., уступив место изданиям книг./

В течение этого периода он "вырабатывает и уточняет основы современной духовной науки". Самое большое усилие его сосредотачивается на этом упорном завоевании истины. "Кровью души моей я писал эту книгу", - говорит он о том, что появлялась глава за главой в "Еженедельнике" и что станет позднее книгой "Как достигнуть познания высших миров?".

Под огнем этого взора, не слабеющего в течение всего исследования, встречаются и сопоставляются великие космологии, которые витали над древними народами, достойные тысячелетий, более близкое к нам христианство. Так, в начале XX века, в сознании, которое все расширяет свои границы, соединяются мудрость Индии, мудрость христианства, современная наука. Что выйдет из этого?

Однако это не интеллектуальное постижение и сопоставление, а сознательное видение картин, открывающихся ему. "Года, идущие от 1907-1908, были для меня периодом, когда все силы моей души были под впечатлением событий и сущностей духовного мира, притекавших ко мне".⁶

Позднее он дал понять, что в это время полная картина эволюции открылась его внутреннему взору.

Если открытия Штайнера об эволюции человека и Вселенной так глубоко действовали на его первых слушателей и дали исключительную базу его учению, то это было потому, что они исходили из непосредственного видения духовных миров. Древние традиции объяснялись и дополнялись современным духом. Он вводил в них логику, понимание глубоких законов, точность в деталях, возвращавших жизнь прошлому Вселенной. Конечно, в мифологии, в легендах, в сказках, принадлежавших фольклору самых различных народов, хранились воспоминания об этих прошедших эпохах, но внутренняя нить была прервана и жемчужины рассыпаны. Учение Штайнера позволяло осветить эту древнюю глубину человеческих знаний и находить высшую мудрость там, где считалось, что ничего нельзя больше встретить, кроме наивных и грубых измышлений примитивных народов.

Когда работа была приведена к концу, Штайнером были положены три основания современной духовной науки. "Как достигнуть познания высших миров?" описывает практический метод, которому надо следовать, чтобы приобрести познание высших миров. "Очерк тайноведения" прослеживает историю и звенья эволюции способом, позволяющим современному уму их продумать. "Я не знаю, - говорил он позднее, - отдадут ли себе отчет те, которые недавно вошли в антропософское движение, какую работу надо было проделать, чтобы найти правильное положение по отношению к современной мысли именно в этот первый период".³³

Он открыл, например, одному из своих учеников, что для того, чтобы найти последовательность космической эволюции, описанной в "Очерке тайноведения", ему пришлось пережить ее не так, как она описана, следуя за развитием времени с первого зародыша Сатурна до настоящей эпохи. Ему пришлось, наоборот, начиная с сегодняшнего дня, возвращаться шаг за шагом в прошлое и следить в обратном направлении за раскрытием явлений до их начала. Только вследствие этой внутренней работы, которая заняла у него годы, он смог проследить всю эволюцию, следуя ее течению во времени от ее начала до наших дней.

В своих книгах он всегда старается обосновывать результаты своего ясновидения. Учение выражено в них в концентрированной форме, и лишено примеси изменчивого, разнообразного, но столь глубоко человеческого элемента, который привносит аудитория. Рудольф Штайнер имел очень ясное восприятие того, что жило в душе его слушателей. Воспринимая, он умел отвечать. Поэтому ничто не может сравниться с лучезарностью его устных выступлений. Даже сегодня, перечитывая его лекции полвека спустя после их произнесения, даже несмотря на искажения сомнительной стенографии или, - еще хуже, - слишком смелого перевода, можно почувствовать в некоторых местах нечто от этой проникающей вибрации, которая поводила его мысль непосредственно до души тех, кто ее слушал.

В Берлине в эту эпоху слово уже является для генерального секретаря новой Теософической секции главным способом учения. Скоро количество слушателей настолько увеличилось, что лекции стало невозможно продолжать в квартире, ставшей слишком тесной.

В октябре 1903 г. новое помещение обосновывается в более центральной части столицы, где оно останется до конца после серии всяческих расширений.* /⁶ Моцштрассе, 17./ Движение переживает свой героический период. "Доктор", как его называют за просто, употребляет титул, который тем самым получал свое первоначальное значение (тот, кто учит), отвечает на зов; он посещает в провинции маленькие существующие там группы. Мадемуазель Сиверс все предвидит, все организует. Она списалась, заранее приготовила расписание, она знает, кто будет ждать на вокзале, кто храбро взял на себя снять зал, послать приглашения, дать коммюнике прессе.

Там, где еще существовали теософы, группа, или, как тогда говорили, "ложа", чаще всего вела довольно летаргическое существование. Ее члены чувствовали потребность "услышать что-нибудь о душе", но они не были в состоянии создать метод работы, соответствующий тому, что их интересовало. Они плавали в море противоречий. Иногда знакомство с индусской мистикой наполняло их неясной тоской по духовности, и тогда их идеалом становилось бегство от материи, от ее тяжести и грубости. Они прибегали тогда к довольно наивным мерам, начиная с "чистой" пищи и кончая резиновыми подошвами, которые изолируют от земли. Иногда они думали, что занимаются изучением духа, но не подозревая того, переносили в духовное психологию, всю пронизанную окружающим материализмом. В различных группах были в ходу большие схемы, представляющие очень остроумно, но совершенно теоретически расы, подрасы, рунды и т.д. То же касалось и описания состава человека. Физическое тело - плотная материя, эфирное тело - материя более тонкая, тело астральное - еще более тонкая, кама-манас - еще тоньше, манас - очень, очень тонкая, чрезвычайно тонкая и т.д. Это было чисто интеллектуальное представление.⁵⁹

Хотели избежать материи, но, разжижая ее, продолжали мыслить материалистически.

В этих ложах горели желанием узнать нового учителя. Писали в центр с просьбой, чтобы он приехал в отдаленный город. И он приезжал, принося свое послание о духовной науке, не делая разницы между старыми и новыми членами, принимая без усталости в своей комнате в гостинице всех тех, кто приходил, отягощенный вопросами, отвечая им сверх всех их ожиданий и надежд, интересуясь их жизнью, их профессиональной работой, руководя ими в их поисках, открывая им иногда, на основании их прежних жизней, то, что могло им помочь разобраться в скрытых, глубинных тенденциях их существа, а также их будущие возможности, которые они еще только предчувствовали.

Постепенно создавалась новая группа иного направления, чем то, которое было в прежних "ложах" и которое стали называть до-Штайнеровской теософией. 60 Приходишь в изумление, перечитывая программы той эпохи, видя, какова была деятельность Рудольфа Штайнера в эти годы. Путешествуя почти всегда ночью, каждый день он говорит в каком-либо новом городе, иногда утром - членам общества, вечером - в открытом зале. Откроем наудачу расписание. Вот январь 1906 года. 7-го он в Сен-Галле (две лекции), 8-го читает в Цюрихе, 9-10-го - в Лугано (три лекции), 11-го - в Базеле, 12-го две лекции в Кольмаре, 13-го в Страсбурге, с 14-го по 16 в Штутгарте, 17-18-го в Мюнхене, 19-го во Франкфурте, 20-го в Марбурге, с 21-го по 23-е в Касселе, 23-24-го - три лекции в Веймаре, 25 и 26-го в Дрездене, 29-го в Берлине, 31-го в Лейпциге. Затем день за днем в Ганновере, Гамбурге, Бремене, Дюссельдорфе, Эберфельде, Кельне.

С ростом его известности расширяется и поле действия. В последующие годы размах его путешествий достигает пяти или шести стран. Он был далек от того, чтобы утомляться этим, напротив, его активность все возрастала. Можно было ожидать усталости, изнеможения от человека, который редко проводит хотя бы одну ночь у себя, почти никогда не садится работать за свой письменный стол, все время окружен меняющимися лицами и обстановкой. Однако, именно в эти годы, до 1914-го, воздвигается во всей своей внутренней связанности и богатстве внешнего выражения синтез антропософии. Тренировка, которой он следовал, одарила его исключительной способностью концентрироваться, но не все можно объяснить этим. Возможно представить себе, что ученый мог бы быть настолько погружен в свои поиски, или художник в свое творчество, но что внутренняя жизнь, сосредоточенная на самых высоких духовных задачах, могла бы в такой степени обходиться без одиночества и покоя и быть полностью активной в этих высоких сферах и не смущалась бы земным шумом, вот что встречается только у редчайших духовных учителей, способных к абсолютному отождествлению со своей наивысшей целью, познавших постоянное "присутствие духа".

В каждом городе он говорит на тему, наиболее отвечающую тем духовным силам, присутствие которых открывается ему в данном месте больше, чем в ином. Или же он отвечает на чье-либо выраженное пожелание. Из этого проистекает чрезвычайно разнообразие затронутых тем. Но за этим разнообразием воздвигается синтез. Это же самое расписание на январь 1906г., например, позволяет нам познакомиться с перечнем тем: "Мудрость христианства", "Дух, душа, тело", "Преходящее и вечное", "Дарвинизм и теософия", "Построение Вселенной и построение человека", "Пластические искусства", "Искусство звука", "Мудрость в религиях", "Представление о духе в немецкой философии", "Послание Гёте", "Духовность музыки и санскритский язык" и т. д. Часто попадают и социальные темы: "Братство и борьба классов", "Феминизм", "Положение в мире: война, мир, теософия", "Человеческая свобода"... вопросы воспитания, искусства, науки, медицины. Он берет свою исходную точку в указанной теме. Его огромная общая культура дает ему возможность далеко выйти за ее пределы. Он находит ей место в своем представлении о Вселенной, он заново ее продумывает и вводит за собой слушателей к абсолютно новым, иногда головокружительным горизонтам. Постепенно его "теософия" определяет себя по отношению к великим духовным течениям прошлого и настоящего: "Теософия и мистика", "Теософия и Розенкрейцеры"⁶¹, "Теософия и буддизм". /⁶² Не следует смешивать подлинных Розенкрейцеров, братство, основанное Христианом Розенкрейцем в средние века, исторические связи которого теряются в XVIII столетии, с современными обществами, принявшими имя "Розенкрейцеров". В наши дни это название указывает лишь на некую духовную тенденцию, но не на Орден, связанный исторически с личностью Розенкрейца. Их этих многочисленных обществ следует отметить одно, имеющее свой центр в Калифорнии, чтобы рассеять некоторые неясности. Его основатель, Макс Хейндал, действительно был учеником Р. Штайнера в начале века в Берлине. Он был датчанин и носил тогда имя Грасгоф. Затем он отправился в Соединенные Штаты и опубликовал там работы, и которых легко узнается учение Р. Штайнера. Подробнее см. в кн. Ваксмут Г. Рождение духовной науки (в рус. переводе не издавалось. Wackmutk, G. Die geurt der geisteswissenschaft, Dornach, 1941)./ О тех, кто были выразителями этих духовных течений: Гермес, Моисей, Зороастр, Будда, Пророк Илья, Парацельс, Яков Беме. Он подходит также к изучению духовного развития, противопоставляя это тому, чем оно не является: "Теософия и франкмасонство", "Теософия и спиритизм", "Теософия, гипноз и сомнамбулизм". Порой он исходит из какой-нибудь проблемы общечеловеческой судьбы: "Болезнь и смерть", "Страдания", "Счастье", "Перевоплощение и карма"; или из всем известных явлений: "Сон", "Смех и слезы", "Миссия гнева", "Миссия истины",

"Миссия молитвы". Он дает основания новой физиологии: "Кровь, совсем особый сок", "Наследственность", "Темпераменты", "Ритм человеческого тела"; он отвечает на вопросы научного характера: "Наука на распутье", "Математика и оккультизм", "Мир животных", "Мир растений", "Мир камней". Людям искусства отвечают многочисленные лекции на темы о различных искусствах, о Рихарде Вагнере, о Леонардо да Винчи, о Рафаэле и т.д.

Но основное учение методически передается им в больших циклах, которые длятся по несколько дней и в которых он дает живую картину общей эволюции. Здесь самые древние космогонии, сохраненные в священных текстах великих религий, служат часто исходной точкой. Для человека является задачей взять в свои руки в настоящую эпоху творение, начатое Божеством. Он должен в силу возложенной на него ответственности, развить свои скрытые способности, которые он носит в себе как зародыш будущего. Поэтому эти большие циклы нередко заканчиваются описанием современного пути упражнений, который приводит к ясновидческой мысли будущих веков.

Эта мысль-видение поможет увидеть в новом свете то Существо, которое сопровождает эволюцию из эпохи в эпоху: Христа. К этому новому открытию Христа Рудольф Штайнер подготавливает умы в своих самых значительных циклах: "Мистерии христианства и мистерии древности" (1902 г.), "Христианский эзотеризм" (1906 г.), "Евангелие от Иоанна" (1905, 1907, 1908, 1909 и 1910 гг.), "Евангелие от Луки" (1909 г.), "Евангелие от Матфея" (1910 г.), "Импульс Христа и сознание "Я" (1910 г.), "Евангелие от Марка (1910 и 1912 гг.), "От Иисуса ко Христу" (1911 г.) и т.д. и т.д.

Ответвления организуются во всех больших городах Германии, и особенно на юге. В Штуттгарте был прочтен первый цикл (1904г.) Мюнхен становится особенно живым и высококультурным центром. В кругах артистических, интеллектуальных, студенческих возникают общие интересы, дружеские связи, которые не погасит время; совместная работа с первого часа образует ту живую почву, в которой всё глубже будет укореняться движение.

Он говорит слова, которых еще никто никогда не слышал. Простые залы, скромные аудитории первых лет служили местом зарождения духовной науки, возможности которой без него никто бы и не подозревал в ту эпоху.

Вначале, чтобы быть понятным, он прибегал к индусской терминологии, которую теософы применяли с своих книг. Затем он стал заменять ее современными выражениями, как только у него явилась уверенность, что его понимали в самом существе. Он старался дать охватить мыслью необычную терминологию, которая встречается в работах Е. П. Блаватской: "эфирное тело", "астральное тело". Их не следовало принимать, так сказать "на веру", не связывая их с реальностью, а надо было сделать из них предметы изучения, контроля, науки. Он учил узнавать понятие живого (эфирного), понятие сенситивной жизни (астрального) у Гёте, у Геккеля. Определялась терминология новой науки.

Эта деятельность постепенного выработки новой духовной науки росла из года в год, как дуб из желудя. Путем постепенного роста, начиная с салона Брокдорфов и до Гетеанума, доктрина оформлялась, утверждалась, принимала свои поражающие размеры.

XV. СЛИЯНИЕ С ДЕЛОМ

"Если человек существует в мире, то это не ради него самого, но ради осуществления божественного замысла".

(Рудольф Штайнер).

Внешне, годы пролетают. Время не имеет прежнего измерения.

Безостановочная творческая деятельность, физическое напряжение, которое не было бы под силу целой бригаде людей, все переносится одним человеком без единого вздоха или жалобы. Каков же внутренний источник этой чудодейственной силы?

До сих пор было возможно следовать за развитием Рудольфа Штайнера, прибегая к описанию состояния, конечно, редких и исключительных, но которые еще возможно было представить себе до некоторой степени. В течение первого периода в Берлине эта жизнь еще поддается человеческому мерилу. Она выходит за человеческие рамки, начиная с некоторых переживаний, которые должны были продолжиться, в виде моральных импульсов, овладение полной картиной эволюции в течение лет от 1901 до 1907-1908. Они достигли глубочайших корней его судьбы. Только эти переживания смогут объяснить то, что во второй половине его жизни является необыкновенным, сверхчеловеческим - трудно подыскать верное выражение. Эти переживания должны были быть столь значительны, что биограф вынужден от них упоминать и даже приложить все усилия, чтобы их понять, несмотря на молчание учителя.

Единственным намеком на это является следующее: "С тех пор рассказ о моей жизни больше не отличается от истории движения". 6

Он писал эти слова в минуту, когда смерть прервала написание его автобиографии, словно действительно, его личная жизнь тогда была окончена.

Дело идет, следовательно, о полной идентификации человека и его дела. Значит ли это, что с этой минуты он совершенно поглощен даваемым им учением? Нет необходимости упоминать о подобной банальности. Многие люди, совершенно чуждые какому бы то ни было посвящению, знают это поглощение работой, литературной, художественной, политической, религиозной. Но все стремятся проявить свою личность, выразить себя в своем творении. Оно носит печать их духа. У Рудольфа Штайнера происходит обратное. Он ступенькается для того, чтобы его дело говорило через него. Например, в своем учении он часто применял формулировки такого рода: "Я настаиваю на этом, так как духовный мир хочет, чтобы это предствление сейчас проникло в человечество", или: "Я мог бы добавить еще многое по этому поводу, но это еще не должно быть

сейчас сказано, это принадлежит к развитию будущей эпохи". Иногда он прерывал свою речь словами: "То, что я сейчас говорю, есть факты реальности, которые вы должны знать, так как их влияние необходимо для теперешней стадии эволюции". Он даже доходил таких утверждений: "Я знаю, что немногие из вас будут в состоянии действительно понять то, что я говорю о данных вещах. Но хотя бы нашелся только один такой человек, я обязан был бы это сказать, так как это семена, которые разовьются позднее, только если они будут брошены в данный момент".

Однако никогда он не изображает из себя медиума, или вдохновенного, или ветхозаветного пророка, "устаами которого глаголет Предвечный", никогда он не заявляет: "Я был избран, чтобы возвестить Божественную Волю", или: "Слушайте, так как дух вдохновляет меня на это". Он не становится в позу "избранника Господа", ни даже посредника, через которого изливается дух. Он скорее представляет собой исследователя, который приходит из страны, обычно недоступной, и рассказывает то, что он в ней видал. Если он говорит о воле духовных существ, то это потому, что она им установлена. Но это никогда не бывает божественным приказанием, которое он уполномочен передать людям. Люди свободны подчиниться ей или нет. Он всегда просил, чтобы ему не верили на слово, под предлогом, что принимают откровение духа, но чтобы каждый проверял, кажется ли ему допустимым и достойным веры то, что он говорит, и особенно делал бы усилия

приобрести возможность проверить его утверждения. В частности в том, что касалось истории, он часто заявлял: "То, что я вам говорю, исходя из оккультных изысканий, может быть проверено даже текстами; они должны где-нибудь существовать, ваше дело их найти".

Следовательно, Рудольф Штайнер должен был пойти на некую жертву своей личности. Но какой род жертвы это был, и в какой форме мог он ее сделать?

Известные условия и испытания всегда и всюду требовались от всех, кто хотел достичь высочайших степеней посвящения. Во всех древних мистериях достижения высших степеней считались как бы слившимися с Божеством. Они были исполнены этого Божества, иногда признавали, что Божество воплотилось в них, что они стали живым богом. Их личность, следовательно, в какой-то степени исчезала перед личностью Божества. Этот факт отмечался утратой ими их человеческого имени. Иногда они переставали носить личное имя, более часто они принимали новое имя, заключающее в себе имя Божества, с которым они сливались. К нему прибавляли какое-либо качество или определение. Эта традиция сохранилась в христианстве. После крещения, которое делало из него "нового человека", оглашенный в принципе отказывался от своего прежнего имени, и во всяком случае приобретал новое. Это послужило основанием для обычной наречать имя при крещении. Традиция еще более явная в некоторых случаях не только у пап, которые, как языческие иерофанты, принимают новое имя в момент своего избрания, но особенно в рядовом духовенстве. При пострижении в монашество, меняют имя. Это знак отречения от своей личности.

Надо, однако, отметить существенное различие между традицией и данным случаем.

Необходимость отречения от личности всегда признавалась во всех монашеских и мистических орденах. Монах, дающий обет послушания, отрекается вполне в той мере, в какой это возможно, от всего личного. Он в руках вышестоящих "труп подобен" - "perinde ad cadaver" по знаменитой формуле иезуитов.

Не может быть и речи о подобного рода отречении в случае Рудольфа Штайнера. Вместо того, чтобы уничтожить или ослабить личность, его метод стремится, наоборот, укрепить ее. А характер этого человека не позволяет ни на одну минуту предположить, что он сам делал обратное тому, чему учил других.

О каком же отказе идет дело в современном посвящении? Рудольф Штайнер охарактеризовал это, особенно в своих "Розенкрейцеровских драмах" следующими словами: "отказаться от иллюзии своего личного "Я".

Что подразумевал он под этим? "Я, подлинная индивидуальность, это не то, что человек принимает здесь, на земле, за свое "я". 61 Высшее "Я" - духовный элемент, который составляет центр, самую сердцевину существа, сохраняется во всех последующих перевоплощениях и обеспечивает "продолжение" индивидуума как во время воплощенного существования, так и между смертью и новым рождением. Это-то "эго", или "Я", надо заставить проникнуть в сознательную зону внутренней жизни через грани бессознательного. Это высшее "Я" является духовным существом и составляет часть духовного мира так же, как наше физическое тело, состоящее из молекул и атомов, составляет обособленную часть физического мира.

Вокруг этого вечного "Я" мы строим в течение каждого воплощения и сознательной зоне нашей внутренней жизни эфемерное "я", которое исчезает с нашей смертью. Это малое (низшее) "я" является как бы основой нашей самоличности, которая удостоверяется документами на почте или в полицейском участке. Оно имеет семью, родителей, родину, пол, профессию, все то, что совершенно чуждо высшему "Я", которое исходит прямо от Бога, прошло через многочисленные воплощения во всех расах, принимало участие в многочисленных цивилизациях, не может иметь ни пола, ни родины, ни семьи, ни происхождения, ни начала, ни конца. Малое (низшее) "я" состоит, главным образом, из собрания наших воспоминаний и наших познаний, наших чувств и страстей, нашего тщеславия, наших желаний, привычек, предрассудков, проистекающих из нашего окружения, нашего темперамента, и наконец, из таинственных сил, строящих наше физическое тело. Из этих противоречивых и разбросанных элементов мы создаем себе некое единство, совершенно иллюзорное, так, как, например, мешок, наполненный различными предметами, не может составлять действительное единство. Можно было бы даже сказать, что мешок представляет собой некую связь между вещами, которые его заполняют, и что он сам представляет собой нечто. Когда же мы стараемся добраться до того, что мы называем "я", мы не находим ничего, или, вернее, находим ничто, пустоту. Это "я" подобно воронке, которая образуется в середине водоворота. Жидкость, двигающаяся в своей массе, как будто вращается вокруг пустоты. "Я" - вначале только тенденция, которая хочет реализоваться, - поиски себя". 62 Только высшее "Я" образует реальное единство внутренней жизни. Но его присутствие в нашем подсознании создает пустоту в центре нашего сознания, как магнитное поле, которое располагает железные опилки вокруг пустоты.

Отказаться от иллюзий своего личного "я" состоит, следовательно, прежде всего в сознании того факта, что наше эфемерное "я" не имеет собственного существования и есть ни что иное, как преходящая иллюзия.

Если остановиться на этом, что можно дойти только некую связь между значительных, даже патологических нарушений внутренней жизни или до идеологии, довольно близкой к буддистской. Надо постараться "заполнить эту пустоту", и это можно сделать, только вводя в сознание высшее "Я". Надо, чтобы высшее "Я" росло, а низшее уменьшалось. Тогда представится переживание чрезвычайной важности.

Чтобы понять его полностью, надо ясно увидеть, что все то, что тяготеет к той иллюзии, которую мы называем "нашим я", есть только очень небольшая часть нашей внутренней жизни. Вокруг простираются огромные области тени и ночи, импульсы и инстинкты, поднимающиеся из нашей физиологической или животной жизни, а также и интуиции, предчувствия, порывы, образы, исходящие из высших миров через наше вечное "Я".

То, что происходит от нашего вечного "Я", искажается, окрашивается, часто удушается совокупностью тенденций, желаний, предрассудков, вкусов и ошибок, которые тяготеют к нашему иллюзорному "я". Для того, чтобы получить во всей чистоте импульсы и откровения, которые черпает вечное "Я" в духовном мире, надо достичь того, чтобы отличать их от всех ошибок, создающих мираж личного "я" и без конца смущающих внутреннюю жизнь. Это то переживание, которое описано в первой картине драмы "Испытание души" в медитации профессора Капезиуса:

В твоей мысли живут космические мысли,
В твоём чувстве раскрываются космические силы,
В твоей воле действуют космические существа,
Отдайся космическим мыслям,
Почувствуй себя живущим, благодаря космическим силам,
Воссоздай себя через существ воли...

Отсюда с необходимостью возникает некоторая потеря персонализации внутренней жизни, которая поднимается от индивидуального к мировому.

Рудольф Штайнер не был бы учителем западной мысли, каковым он является, если бы, достигнув этой точки, он не указал бы своим ученикам на возникающие опасности.

Через это слияние с духом человек может совершенно потерять человечность. Сущности, управляющие мировыми силами, не могут задерживаться на индивидуальных слабостях. Их мысли, их чувства, их воля иного порядка, чем наши, они - безудержный поток, который увлекает миры к непостижимым конечным целям сквозь круговращения эволюционных циклов. Индивидуум чувствует, что в их глазах он не более, чем пылинка, унесенная вращением космических циклонов.

С другой стороны, каждый человек в качестве индивидуальности имеет свою собственную, абсолютную, бесконечную ценность. Если он может подняться до самых высших сфер духа, не теряя своего человеческого характера, то это потому, что судьба человеческой расы связана с планетой, задуманной и реализованной Божественными силами. "Импульсом Христа человеку была дана возможность создать себе полное сознание своего высшего "Я". Человек будущего должен будет проникнуть в духовные миры таким образом, чтобы сознание "я есмь" сохранилось бы на всем протяжении пути". 63 И так, было бы неверно рассматривать индивидуальную судьбу как камень, увлекаемый потоком.

Вторая опасность может рассматриваться как последствие первой. Духовные силы обладают такой мощью, что отдаваясь им без противовеса, душа человека может быть унесена водоворотом или ураганом духа, быть охваченной некоего рода головокружением или тем "опьянением", в котором она теряет себя, растворяется в океане вселенской духовности. Этого результата искали некоторые мистические школы, особенно в Индии. Много мистиков воспевали в лирических строфах блаженство этой высшей сладости: невыразимое растворение в недрах Божества. Но в этой потере себя сознание исчезает вместе с личностью, и тогда засыпают или умирают в духе. Отказываются от своей человеческой природы.

Рудольфу Штайнеру удалось избежать этих двух опасностей, вся его жизнь является тому свидетельством.

Он сумел избежать потери человечности. Все без исключения, кто приближался к нему, свидетельствовали, что не было человека, который с таким благожелательством склонялся бы ко всем заботам, беспокойствам, горестям, которые ему доверяли, человека, который понимал все, что было слабости, поддерживал бы все усилия, радовался бы всем успехам, всякому счастью.

Верно, что несколько раз в своей жизни он бывал охвачен "опьянением духа". Те, кто видели его в эти минуты, бывали поражены, а иногда почти повержены в ужас, настолько ослепительно впечатление, что он был "преисполнен духом", "сиял духом", но тем не менее, он в то же время был связан с землей. Все происходило так, как будто бы постоянный поток сознания соединял эти Синайские вершины с шатрами в долине.

Если он никогда не рассказывал своих личных видений, то в безличной форме, в своих драмах, в циклах своих лекций он давал точные указания о самых высоких состояниях сознания посвященного. При помощи этих указаний можно попробовать представить себе состояния, еще более высокие, через которые он проходил сам.

В своих "Руководящих положениях", которые он составил в последние месяцы жизни, он определил как наивысшую точку начертанного им пути, ту, где дух, пребывающий в человеке, соединяется с духом, пребывающим во Вселенной.* / *Эти слова, перекликаются с последними словами Плотина: "Я стараюсь поднять то, что божественно во мне, до божественного во Вселенной"./ Но не есть ли эта точка именно та, где сознание человека рискует потерять себя в океане мировой духовности? - Нет. Нужно быть способным, - отвечает руководитель, - потерять себя, но потерять себя с тем, чтобы снова себя найти. "Потеряй себя, чтобы себя найти". Это формула, которую Рудольф Штайнер применял, чтобы охарактеризовать это высочайшее переживание. Оно позволяет точно отличить современней?, западное духовное развитие от древних, главным образом индусских форм. В них исковая цель как раз заключается в достижении этой конечной потери всякого личного сознания, каковой является "нирвана". Христианское развитие, наоборот, требует возврата к самому себе. Этого можно достичь силами Христа. "В человеке Христос спасает душу, а душа и есть тот агломерат, который строится в течение каждой жизни вокруг иллюзии временного "я". Для того, чтобы это построение не терялось с каждой смертью, чтобы что-то от него оставалось, понадобилось вмешательство Христа, Спасителя душ. После смерти от эфемерной души остается все, что смогло слиться и соединиться с силами Искупителя. То же верно и для тех, кто подходит к порогу духовного мира. Силы Христовы позволяют ему взять из них нечто иное, чем только воспоминание о пережитом блаженстве. Это состояние высказано знаменитой формулой апостола Павла, о которой Рудольф Штайнер неоднократно напоминал: "Не я, но Христос во мне". Это действительно является описанием высочайшего мистического переживания, о котором говорит апостол Павел. Для того, чтобы понять все его значение, надо помнить, что пустота, которая создается в самом центре сознания и которая дает нам иллюзию "я", должна быть заполнена, что эта пустота, эта иллюзия должна стать полнотой и реальностью. Проникновение вечного "Я" в сознание создает эту реальность. Но это проникновение может иметь место только силами, вложенными Христом в каждого человека, Его жертвой, Его смертью и воскресением. Благодаря этим силам, свет Логоса и свет Параклета (Духа Святого) могут быть приняты человеческой темнотой, и это дает каждому возможность стать чадом Божиим через единение с Сыном". 64

Переживание Христа Рудольфом Штайнером позволило ему достичь самых высоких состояний духовного слияния.

Приходится признать, что с момента, когда в его жизни имеет место это высшее слияние, Рудольф Штайнер становится способным давать без усталости, без перерыва в течение четверти века учение, открывающее новые горизонты для всех знаний, всей техники, всех искусств, всей человеческой деятельности. Если бы его познания были приобретены обычным способом, то они, прежде всего, предполагали бы абсолютно энциклопедические знания, которых, несмотря на его огромную культуру, "доктор" не мог иметь. Знание опять-таки не объяснило бы плодотворность указаний, которые он давал своим ученикам, проверенную ныне многочисленными применениями.

С этого времени все происходит так, как если бы Рудольф Штайнер имел власть черпать непосредственно в духовных мирах все познания, которые могли быть нужны для возрождения духовных ценностей его эпохи. Это и есть тот момент, когда он сам сливается со своей миссией. Это был и тот момент, когда он признает свою определенную связь с духовным течением христианского эзотеризма, как мы это увидим далее. Мы можем, следовательно, отметить совокупность трех фактов. Слияние человека с делом, тесную связь с движением Христианского эзотеризма, приток познаний, позволяющий Рудольфу Штайнеру щедро дарить откровения своего учения.

Конечно, речь не могла идти о какой-либо церемонии, клятве, обете или договоре, но о внутреннем согласии, свободно данном или возобновленном для целей, преследуемых течением христианского эзотеризма, и, в силу этого согласия - о свободном доступе ко всякому познанию, необходимому для реализации духовных целей, которые Рудольф Штайнер сделал своими.

XVI. ЯСНОВИДЕНИЕ И УПРАВЛЯЕМОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

Познание имеет значение не только для познающего. Через познание человек предоставляет. Свою душу Вселенной для того, чтобы в ней Вселенная могла пережить свое бытие и становление

Сила его видения становится такой, что он больше не принуждает себя сдерживать ее без конца скелетом умозаключений. Духовные факты возникают неудержимо и взрывают все заслоны. Отныне он чувствует себя в силах основывать свою науку о духе непосредственно на результатах ясновидения с тем, чтобы они могли быть затем оправданы мыслью.

Это является вызовом, брошенным рационализму эпохи, и если ум, столь методически сформированный и дисциплинированный, мог себе это позволить, значит, он сам признал за своим "ясновидением" права, превосходящие права обычного разума. Отголосок этого можно найти в ответе, который он дал как-то Риттельмейеру: "Я могу только сказать, что одной мыслью я никогда не мог бы достичь того, что открылось мне. Наоборот, часто открытия противоречили

сначала тому, что я думал. Только позднее это оказывалось правильным для мысли".⁵² "Мысль, - сказал он в своей автобиографии, - приводит душу на путь истины, но она не заключает в себе самой истины".

Он четко объясняет в книге "Путь к самопознанию": "Среди сил души, которыми располагает обычное сознание, только мысль может отделяться от восприятия и пользоваться автономной деятельностью, не вызванной аномальными физическими явлениями. То, что здесь подразумевается под "ясновидением", не имеет никакого отношения к органическим явлениям, но поднимается к областям, начинающимся с мысли. Душа освещает эту мысль изнутри, а воля - направляет ее. Свободно направляемая, она становится исходной точкой, откуда поднимается ясновидческое видение, о котором мы говорим... Оно отчетливо отличается от нее. Ясновидческое видение имеет опыт сверхчувственный, которого эта мысль иметь не могла бы. Но деятельность, развиваемая душой, достигающей этого видения, не должна иметь исходной точки нигде, кроме этой мысли. Та же уверенность, с которой душа живет в идее или переходит от одной идеи к другой, должна существовать в этих видениях, в созерцаемых откровениях".

Если это так, то как же не задать себе вопроса относительно природы этих видений? Как бы ни было трудно подходить к этому с обычными возможностями наших оценок, этого вопроса избежать нельзя... Научный подход, который Штайнер вводит в изучение духовной области, сам ставит эту задачу. К какому источнику познания поднялся он, за пределами мысли, и каким путем? Как достиг он духовного факта? Так как всякая наука базируется на фактах... И если он указал на метод, следуя которому возможно "заново продумать" после него некую науку о духе, то факты все же предшествовали методу, здесь, как и во всякой другой науке. Какими силами он овладевал ими?

* * *

Для того, что называют, довольно неудачно, его ясновидением, еще не существует определения достаточно точного и в то же время всеобъемлющего, чтобы установить его природу: по-видимому, оно включает в себя, по крайней мере, три исключительных "способности", из которых и одной было бы достаточно для того, чтобы поднять человека, овладевшего ею, на несколько голов выше своих современников.

То же, что они были соединены у одного человека, делает невозможной какую-либо попытку оценки на обычном уровне.

Эти способности вводят в контакт с тремя совершенно отчетливыми областями исследований, до сих пор не соединенными воедино.

Первую из этих способностей можно было бы определить выражением Гёте, говорящем о "чувственно-сверхчувственном наблюдении феноменов".

Когда Штайнер говорит о сверхчувственной особенности - или, если хотеть применять определение в его первоначальном смысле, о свойстве тел, минералов, растений, органов животного или человека, он воспринимает их излучения. Таким образом он мог, беря в руки камни, металлы, или ступая по почве, указывать их особенности; целое ювелирное искусство оправления драгоценных камней в родственные им металлы родилось впервые из этих указаний.

Он воспринимал геологическую природу земель и одарил сельское хозяйство драгоценными открытиями о воздействии известняка, кремнезема и других веществ, составляющих почву. Более 50 лет уже с успехом применяются его данные о сродстве каждой почвы с растениями, которые произрастают на ней, и о сродстве растений между собой и т.д... Он мог указать, как, считаясь с действием почв, растений и времени года, увеличить способность брожения, которая активизирует жизнь чернозема. Целый метод возрождения почв возник отсюда. Он сумел воспринять и отметить в свою эпоху жизнь тел, которые тогда считались неодошвенными. Он смог утверждать: земля внутри Космоса - организм, который живет и дышит, и находил средства доказать это.

Эта способность чувствовать излучение вещества сказалась особенно ярко при указании лекарств, соответствующих больным органам. Он умел проследить жизнь человеческого организма до чрезвычайной степени сложности, еще не подозреваемой официальной медициной. В случае болезни он узнавал зарождение, природу изменения, открывал связь органа с минеральным, или растительным, или даже с животным веществом, воздействие которого восстановило бы равновесие функций пораженного органа. Это вещество он умел доводить при помощи тонких манипуляций до максимальной степени эффективности. Забрасываемый вопросами, тысячами частных случаев, он давал огромное количество сведений, самых драгоценных, самых редких, о лечении болезней веществами, которые соответствуют им в природе. Клиники и лаборатории вдохновляются сегодня этими данными, но материал так обширен, что его не исчерпали еще и по сей день. О некоторых растениях, телах, случаях вам говорят: "Да, об этом существуют указания Доктора, но мы еще не умеем ими пользоваться".

Об этих указаниях Доктора, этих непосредственных плодах ясновидения, можно спросить себя, не вызваны ли они явлением, хорошо известным сегодня как радиэстезия,* к которому их можно было бы свести целиком? /Радистезия (radiesthesis) - способность воспринимать радиацию различных тел. (Прим. переводчика)./

Но при ближайшем рассмотрении это не выдерживает критики. Было бы грубой ошибкой применить к Штайнеру эпитет радиэстезиста. Его восприятие не имеет ничего эмпирического. С ранней юности он развивает волевое усилие мысли, которое приводит к прямому видению духа. Приходится признать - это явление научного ясновидения. А его нельзя не признать, как бы трудно это ни было для нашего понимания. Если отвергать его, против очевидности, и приводить его к эмпирическому ясновидению, то, во-первых, придется пройти без внимания мимо исключительного явления, а во-вторых, потерять все, так сказать, вею "выгоду", которую это сверхъестественное явление может дать всем. "Возможность" является у него усилением "знания", "воли". Это приобретение сознания.

В противовес тому, что происходит с радиэстезистом, он включает свое "бодрствующее" сознание в поле излучений, идущих от исследуемого объекта к тому, кто его воспринимает. Под "сознанием" нужно понимать не только его собственное, но и сознание всего космоса, в котором и это излучение и он сам представляют собой не более чем мельчайшую вибрацию. Для радиэстезиста в этом кругу имеется где-то черный провал. Единство космоса для него неуловимо. Между ним и предметом нужен какой-либо посредник, волшебная палочка, маятник, заменяющий роль сознания; более того, чем меньше он думает о предпринятом им действии, тем лучше оно удается. Штайнер, наоборот, является своим собственным инструментом приема, от непрерывности его сознания не ускользает ни один участок исследуемого поля, даже, например, если он должен проследить излучение кристаллов вплоть до периферии космоса. ⁶⁵

Тело, на котором он сосредотачивается, появляется тогда для него во Вселенной, как очаг, который производит и получает вполне определенные воздействия в соответствии со всем тем, что одной с ним природы. Верно, что существуют личности, которые угадывают эмпирически эти соответствия, с помощью умозаключений или интуитивно; это свойство открывателей источников и прорицателей. Они находятся в положении человека, который ощупью, в темной комнате, узнает форму предмета. Штайнер обладает ключом знания и видит комнату освещенной, а предмет на своем месте.

"Можно услышать, что каждый металл говорит вам: я произошел из далей пространства: вот теперь я сконцентрирован внутри этого шара, измененный и отвердевший. Некогда царство меди простиралось вплоть до орбиты Венеры, царство свинца - вплоть до орбиты Сатурна..."⁶⁶

Его природа, исключительная уже с рождения, пришедшая затем путем методического воспитания к развитию и расширению всех своих способностей, может дойти до этой степени ясного проникновения земных и космических влияний. Он способен узнать и "выделить" излучение звезд и планет с точностью, которая дает ему возможность предвосхитить науку в нескольких ее утверждениях. Возьмем для примера следующие три случая из числа многих других.

На лекциях в Париже, в 1906 году он говорит о кометах, он описывает их состав и утверждает, что они содержат в своей атмосфере газообразные соединения класса цианидов. Спектральный анализ установил только в 1910 году, что спектр комет совпадает со спектром синильной кислоты.

Механическая теория кровообращения, по которой сердце, действуя, как насос, толкает кровь, была энергично оспариваема Рудольфом Штайнером. Это не сердце, - говорил он, - приводит кровь в движение, это динамизм крови приводит в движение сердце. С тех пор эти представления были радикально пересмотрены и подтверждают сегодня слова Рудольфа Штайнера.

Он восставал против абстрактной теории деления нервов на двигательные и чувствительные, от которой отказалась современная физиология.

Невероятное количество фактов, которые так щедро рассыпаны во всем его учении, доказывают эту его восприимчивость к излучениям, исходящим от объектов его наблюдения, эту идентификацию со всеми состояниями субстанции. Когда он говорит о чувстве, испытываемом каменоломней, из которой извлекают каменные глыбы, о приятном состоянии, которое испытывает луг при ритмическом взмахе кос, скашивающих траву, о хвоще, который на известковой почве накапливает силы кремнезема, или о крапиве, которая берет на себя разгрузку почвы, загруженной неусваиваемыми остатками, - повсюду тайны природы освещаются новым светом. И что самое важное, - детали находят свое место в общей картине. При помощи радиэстезии можно узнать некоторые, производящие большое впечатление, уточнения, некоторые удивительные факты, но мысль не знала бы, что делать с ними, так как не понимала бы, что они доказывают. Здесь же открытия в микрокосмосе входят в стройное представление о макрокосмосе. Они "мыслимы". Они элементы науки. И какой науки: науки о живом, о качественном, к которой, может быть медленно и спотыкаясь, приближается человечество завтрашнего дня, науки, которая предчувствует уже сегодня единство материи, единство Вселенной. Не является ли высшая точка, достигнутая видением Штайнера, действительно этой первозданной субстанцией, единственной, от которой произошло все остальное. Раз признано единство, из него естественно проистекают превращения вторичных субстанций, их смешения между собой, их соответствия и связи. Отсюда можно предвидеть, в каком смысле основатель Университета духовной науки будет впоследствии говорить физикам, биологам, врачам об открытиях, которые это духовное видение сможет ввести в области их специальностей.

Такова одна из способностей, которая приводит Рудольфа Штайнера к контакту с миром сверхчувственного.

Эта способность проникать в тайну субстанций и тел, однако, не позволяет проникнуть во внутреннюю жизнь человека. Она останавливается на пороге души. Чтобы переступить этот порог, нужен другой ключ.

Чувственное наблюдение более не является исходной точкой.

Здесь надо совершенно исключить видимое тело, которое является всего лишь материальной кристаллизацией прошлого. За физическими чертами характера, отражающими среду, наследственность, темперамент, за симпатичной внешностью, которая притягивает, или антипатичной, которая отталкивает, нужно вслушаться в глубинное "Я", вечное, которое ищет пути выразить себя через это наследие прошлого, помимо него.

"Пусть в вашей душе воцарится, сколь возможно, абсолютный покой. Постарайтесь, насколько это в вашей власти, стать глухим и слепым ко всему, что вас окружает".²¹

Многие из его учеников вспоминают о своей первой беседе с ним. Он садился против света, в позе, вызывающей впечатление интенсивного покоя; иногда он закрывал глаза, и тогда казалось, что душа его совершенно раскрывалась тому, кто ему доверялся. Он уничтожал, как он указывал в своих книгах, впечатление, даваемое физическим телом своего собеседника, чтобы иметь перед своим духовным взором только высшие члены его существования. Вероятно, надо связать с этой способностью входить в соотношения с энтелехией* какого-либо существа и способность, позволяющую ему следовать в полном сознании "за душой после ее смерти", или получать весть от умиравшего вдали друга. Эту энтелехию, отделенную от тела, он не только воспринимал после смерти, но и в том, что он называл жизнью до рождения. Он видел, как она приближалась к земной жизни. Часто он указывал родителям, какое имя следовало дать будущему ребенку в зависимости от его духовной природы. /*Энтелехией Аристотель называет актуальность, осуществление, в противоположность возможности. Энтелехия есть цель и разум потенциально существующего. Душу Аристотель называет первой энтелехией организма. Термин энтелехия встречается и у схоластиков, и в новой философии. Лейбниц, например, называет монады энтелехией. (Философский словарь логики, психологии, этики, эстетики и истории философии под ред. Э. Л. Радлова. С-Пб, 1904)./

Он мог следовать за этой энтелехией за порогом смерти или рождения, он подымался с ней из сферы, до самой высшей точки, которой она достигала в духовном мире. Он видел, как она, подобно Антею, который набирался сил, касаясь земли, дотрагивалась до "престола Божия" и собирала силы для нового исхода в новое воплощение. Таким образом он охватывал оба полюса существования. Сила его видения была такова, что не давала забвению смешать следы, стереть проложенный путь. Он мог восстановить прошлое людей в течение одной-двух, иногда даже нескольких предыдущих инкарнаций. Из того пути, которым он следовал для восприятия духовных существ в их собственной сфере, он извлек метод, описанный в его книгах. Он направил свой ясновидящий взор к миру иерархий, где в бесчисленных градациях нюансов ему являлись сущности, которые осуществляют переход от человеческого духа до Божества. Как все великие мистики и великие духовидцы, он открывал, одну за другой, небесные сферы.

Но и здесь было бы серьезной ошибкой включить его в категорию экстатических мистиков. Если его роднит с ними способность видения "освобожденного от тела" (leibfrei), он вводит в это состояние, если можно так сказать, новую технику, он выводит видение за пределы произвольного, чтобы сделать его управляемым опытом. Иногда происходили такие случаи. Погружаясь в прошлое какой-либо личности, он не мог найти сразу предыдущее воплощение, дававшее ключ к загадке нынешнего существования. Чтобы достичь искомого результата, он усиливал свой взгляд и следовал в течение месяцев, иногда лет, за этим существом. Эти поиски требовали сверхчеловеческой концентрации. Он, кстати, и не считал их видениями, а духовным исследованием (geistesforschung), подчеркивая активный характер этих поисков.

Это легче понять, если сделать следующее сравнение. Представим себе человека спящего, который, проснувшись, сохраняет воспоминание о своих снах, но во сне он не может их ни выбирать, ни вызывать перед собой. Штайнера можно было бы сравнить со спящим, который свободно возвращался бы к снам, которые он хотел бы снова увидеть, например, продлить своей волей прерванный сон прошедшей ночи, и дать ему определенное направление.

Этот активный элемент в изысканиях Штайнера объясняет тот прогрессирующий характер, которым отмечены его описания духовных существ. Можно заметить, например, что по мере того, как укрепляется его видение, он описывает духовные существа, например, Люцифера и Аримана, во все более конкретных формах. Он достигает их в их духовной индивидуальности, в их судьбе. В течение 20-ти лет, что длится его учение о них, ему удается проследить их влияние в истории вплоть до их вмешательства в современные события.

Вначале он описывал иерархии как великие принципы мирового порядка, как управителей космоса; в дальнейшем то, что он открывает о них, приобретает все большую четкость, носит на себе все более поражающий след прямого контакта. Он описывает воздействие каждой иерархии на человека и его судьбу в выражениях и в атмосфере священного величия, которая все усиливается до конца его жизни. Когда он говорит о Престолах, открывающихся в молнии, его глаза кажутся еще горящими огнем видения, и его слушатели получают впечатление, что они видят отраженным на его чертах, как в лике Моисея, отблеск Всемогущего.

И здесь отличает его от чистого мистика то, что свое "направленное видение" он не только видит, но он может его продумать. Чистый мистик уносится к своему видению потоками эмоций; волнами, которые вздымают его в экстазе и заодно заставляют мечтать об уничтожении.

Вечный блаженства жар,
Верной любви разгар,
Скорби кипящей власть,
Бурная к Богу страсть!
Стрелы ль пронзят меня,
Копья ль сразят меня,
Палицы, ль бьют меня, -
Пусть все ничтожное
Сгинет, как ложное.
Пусть лишь живет всегда,
Пусть, как небес звезда,
Ярче блестит одно
Вечной любви зерно!
(Фауст, II часть, 5 акт, Патер Экстатикус,
Пер. Н. Холодковского)

Штайнер внутренне находится в состоянии полной свободы по отношению к своему видению. Его духовное "Я" сливается с существом природы, которую он исследует, но это слияние, волевое и трезвое, позволяет ему возвращаться в самого себя, не быть поглощенным высотами, где терялись менее сильные, чем он. Он признавал опасность этих вершин, которые втягивают дух в атмосферу, слишком инородную человеческим условиям. Если он был в состоянии пребывать в этом разреженном воздухе, то это потому, что с детства он не делал ни одного шага вперед, не обеспечив своей связи с телом: возврата в состояние земного сознания путем мысли. Именно потому, что он управляет своим ясновидением, оно не мешает ему, когда нет надобности его применять. Он пребывает на каждом завоеванном им плане с абсолютной внутренней свободой. Только здесь гарантия, что его сверхчувственное наблюдение будет ясным, спокойным, очищенным от всякого подсознательного вмешательства. Сам он свободен от тревоги быть сраженным духовным опытом. Он одинаково свободен от опьянения триумфом и лести змия, камня преткновенения стольких мистиков.

Эта совершенная свобода, этот спокойный возврат в самого себя, все это возможно благодаря фундаменту, построенному мыслью. Но надо понимать, что речь идет уже о той живой мысли, которая была вслед за пра-идеей одним из завоеваний веймарского периода. В этом смысле нужно понимать совет, даваемый Штайнером своим ученикам: "Кладите в основу вашего внутреннего развития философию свободы".

Этому полному обладанию собой в духовном переживании Штайнер обязан четкости, с которой он подходит к тонким тайнам "порога". Он следил за тем, чтобы никакое смещение не было возможно между двумя порядками впечатлений - чувственным и сверхчувственным, чтобы не осталось ни малейшей лазейки для самовнушения, для замаскированных чувственных воспоминаний, для обманчивых галлюцинаций. Эта непрестанная бдительность позволила ему привнести в рассмотрение феноменов порога сознания такой взгляд, который мог быть дан только человеком, сформированным на научных методах.

В эпоху, когда мистические явления были всего больше дискредитированы и приписываемы болезненной психике, он проверил свое собственное ясновидение путем самого строгого самоконтроля. Тот факт, что оно прошло через это испытание окрепшим, является одним из завоеваний современного посвящения, основанного на сознании.

* * *

Ни возможность воспринимать сверхчувственную "сущность" тел, ни дар проникновения в мир душ и духов не могут объяснить третьей способности ясновидения, которой пользуется Рудольф Штайнер. Она в одно и то время и наиболее замечательная и наиболее редкая. Сам он ее называет "чтением вселенской хроники". Индусы называют Акашей этот тонкий эфир, чувствительный к событиям, составляющим судьбу мира и людей. Тот, кто проникает в эту область, покрытую мраком для обычного сознания, находит не только события, которые происходили в области духа или души человека, но и те, которые были на земле - в исторических событиях - отражением их на физическом плане. Он видит лицевую и оборотную сторону истории.

Некоторые визионеры в разные времена и в различных цивилизациях расшифровывали эту хронику. Они видели духовным зрением целые прошедшие эпохи. Вспомним сравнительно близких к нам Св. Лидвину, Катерину Эммерих, Маргариту Алакок, присутствовавших при Страстях Господних; можно вспомнить их свидетельства, как очевидцев, полные уточнений, подтверждающих и даже дополняющих евангельские тексты, и нам будет легче признать возможность существования некой мировой памяти, где оставляет неизгладимые следы все то, что приводило в движение духовную субстанцию, непосредственно граничащую с физическим миром.

Но можно задать себе вопрос: как Штайнер достиг этой, столь редкой способности, из каких глубин поднялся импульс, толкнувший его к ней? По-видимому, это явилось увенчанием долгих и интенсивных духовных поисков.

Первая форма его ясновидения, хотя и дремавшая в нем с ранней юности, была методично развиваема с 35-летнего возраста. Мы видели, как в это время он вливал в свои наблюдения над физическими предметами мощь своей воли, чтобы достичь духовной Сущности вещей через их физическое существо.

Вторая форма ясновидения, которая поднимается к видению душевного и духовного, проявлялась с раннего детства, это зрелый плод. Он довел его в течение своей жизни до степени сознательности, которая позволила ему совершенно овладеть им и изложить его как объективный метод развития.

Что же касается третьей способности, которая позволяла ему читать хронику мира, она, по-видимому, зрела с периода Веймара, с момента "значительного события", при котором он духовно присутствовал, но раскрылась в упомянутый выше период, с 1901 до 1907-1908 года, когда картина эволюции открылась ему. "Я увидел тогда общую картину духовного мира, из которой впоследствии проистекали все детали". 6

Какая сила человеческого духа может стать орудием подобного исследования?

Подумаем о следующем: исследования, возвращающие жизнь прошлому, воскрешающие его, уже требуют своего рода ясновидения. Когда историк, развивший в себе интуитивное суждение, проследивает ход развития цивилизаций, он доходит до точки, где его поиски теряются во мраке времени, как ручеек исчезает в непроходимой чаще. И тогда он все еще себя спрашивает, откуда пошло это течение? Откуда Египет, например, который сам явился источником стольких цивилизаций, получил свое первоначальное знание? А Персия, Халдея, древняя Индия, Атлантида? Когда историк в какой-то момент времени останавливается, наконец, свои рискованные поиски, находятся еще некоторое время специалисты, идущие ему вслед. Археологи, которые посвящают всю свою нынешнюю жизнь, чтобы найти смысл знаков, вырезанных на камнях, продумать, что является самым трудным, архаическую форму мыслей, выраженный в этих чертах. Затем след исчезает полностью: ни одного камня, ни одного осколка. На смену специалистам иероглифов и глиняных черепков приходит еще больший специалист-ясновидящий. Почему отказывать человеку в этой возможности дойти до видения того, что было, в сущности, прошлым всей человеческой расы. Археолог уже полужасновидящий. Чем дальше он углубляется в эпохи, глубоко погруженные в прошлое, тем более активным становится его ум в работе воссоздания, которой он занят. Он начинает с камушка, чтобы найти храм. Разве столь удивительно дальнейшее продление той способности, которой обладал Гёте, воссоздавший животное, исходя из кости черепа? Почему более невероятно, исходя из внутренних данных, предложенных душой, или даже организмом, проследить цепь метаморфоз, приведших к источнику данного явления в прошлые времена?

Раскрытие этой способности у Штайнера, по-видимому, произошло под перекрестным огнем множества занимавших его проблем.

Во-первых, трансформизм: эволюция, которая до этих пор только мыслилась, начинает делаться видимой; затем - контакт с работами Блаватской и необходимость проверить, становясь духовно перед фактами, картины эволюции, которые она описывает в "Тайной доктрине"; наконец, пережитый опыт импульса Христа, решающий для этих поисков судеб человечества.

Из любви к человечеству он применяет внутреннюю технику, приобретенную им в течение всей его жизни, для расшифровки главных направлений в истории. Когда он "читает" хронику, он выполняет функцию подлинного окультиста всех эпох, так как он должен знать, из чего состоит прошлое людей, чтобы вывести их будущее на верную дорогу. Великие окультисты всегда обладали историческим чувством путей, которыми должно следовать человечество, чтобы соответствовать Божественным планам. Они черпали это чувство в созерцании связей всемирной истории. Их задача - направлять человечество по земным путям.

Если св. Лидвина, например, присутствует при картинах Страстей Господних, она достигает этого, сливаясь любовью с жизнью Христа. Штайнер сливается с сущностью человека. Он любит ее совершенной любовью, отдавая себя полностью ей в дар. Чтобы усилить в себе сознание человека, "антропоса", он преодолел все личные ограничения. Он пережил невообразимые мучения,* вызываемые тем путем осознания духовного, который он прошел. Мы говорили выше о его "общительном" характере. Пришло время перейти за это поверхностное выражение и сказать, что он сумел вновь найти и полюбить Человека через людей. Забота о судьбах человечества поддерживала его в его духовных поисках. Он отождествлял себя со всем человечеством, чтобы читать в его прошлом. Только тот способен иметь ясное видение, кто из любви ко всем отказался от преследования личной цели. *Приведем, например, один факт, описанный Альфредом Мабольд в книге "Воспоминания о гиганте духа" (Meebold A. Erfinerungen an einem geistesriesen). Он передает, свой разговор с Р. Штайнером в 1913 г.: Юн схватил правой рукой предплечье левой и сказал мне: "У меня до сих пор шрамы от ряда фурункулов, которые обычно появлялись в последние годы, когда я получал какие-нибудь откровения из духовного мира".!

На этом "чтении" покоится его космогония, изложенная впервые в 1909 году в "Очерке тайноведения". Он собирался сначала сделать ее последней частью книги "Теософия", но "насколько духовная природа человека легко открывалась моим глазам в то время, настолько картины эволюции были еще неясны, без связи одна с другой. Мне не удалось увидеть целое" (Предисловие к 1-му изданию "Очерка тайноведения").

Он достигает того, что чтение божественного плана не является только личной его заслугой; это уже не достижение, а "милость". Поэтому ученикам его так часто казалось, что через его учение звучал голос самих Руководителей человечества. Конечно, инструмент его мысли, который позволял ему понимать то, что он видит, и заключать это в нить истории, был создан им самим. Он сумел найти вопросы, которое надо ставить. Но получение ответов на эти вопросы уже не зависит только от него. Ответ придет или не придет, согласно плану, орудием которого он сознательно сделал себя самого. Вот пример. Риттельмейеру, который удивлялся, что факт, известный ему одному, не остался скрытым от Рудольфа Штайнера, он ответил: "В этом нет ничего необыкновенного. А вот то, что я смог сказать вам о Христе, это было милостью". 52

Он обладает целостным видением человеческого существа и восходит к его началам. Века падают, как карточные домики, перед его внутренним взором. Он восходит сквозь метаморфозы Земли от настоящего состояния нашей планеты до тех пор, когда она была жидким шаром, до этого воздушным, до этого огненным. Он останавливается, только достигнув рождения пространства, начала времени. Проникая в мир причин, он присутствует при появлении человеческого существа и видит, как к нему направляется поток творящих Воль. Он различает три принципа Бога: начал, проявлений, решений, и каждый из них подразделяется на его глазах. Неисчислимо умножается до бесконечности в творческих функциях, которые в лоне этого океана жизни рождают и выделяют свой плод - человеческое существо.

Нет ли, однако, еще одной формы, которую можно было бы добавить к предыдущим: пророческого чувства будущего? То, что вдохновляло автора Апокалипсиса и, в гораздо более скромном плане - предсказания Нострадамуса, Малахии, Кюре из Арса?

Вся его деятельность целиком имеет пророческий характер. Взгляду, достаточно сильному, чтобы достичь истоков, открываются также и горизонты будущего. Руководящие импульсы, с которыми он слит, развертывают перед ним панораму целого.

Но эти прозрения в будущие судьбы человечества никогда не использовались в личных интересах. Они были бы искажены, если бы эгоистически служили частным целям. В практической жизни Рудольф Штайнер сознательно останавливает действие своего ясновидения, как только он подходит к порогу личного предопределения. Сколько раз перед лицом драматических событий, возникавших в жизни его, или его учеников, вставал вопрос: неужели он их не предвидел? Или он поступил так, точно не предвидел их, для того, чтобы произошло то, что должно было произойти? Мы снова встретим эту проблему на таких крутых перекрестках жизненного пути, как, например, пожар первого Гетеанума.

Во всяком случае известно, поскольку он сам об этом говорил и практиковал это, что он умышленно ставил два ограничения своему ясновидению. Никогда не служить личным интересам, касающимся его самого или тех, кто его вопрошал. Не вмешиваться во что бы то ни было предсказаниями, могущими стеснить свободный ход ответственности. Если он основал все моральное поведение человека на свободном деянии, то не для того, чтобы ограничивать эту свободу влиянием какого-либо предсказания.

XVII. КАКИМ ЕГО ВИДЕЛИ

Его сегодняшние ученики не являются его вчерашними друзьями и потому никто не имеет случая отметить изменения, даже физические, появившиеся в нем. Редкие фотографии кое-как отражают глубокие перемены: утончившиеся, одухотворенные черты, подтянутость всего облика, стройность, казалось, увеличивающую рост, а главное - глаза, глаза, столь проникновенные, столь источающие свет, что кажется, будто их пронизывают солнечные лучи. Когда они останавливаются на собеседнике, они лучатся добротой. Он слушает спокойно, терпеливо, приветливый, учтивый, вплоть до мелочей. "Он считал вежливость необходимой чертой в общественных отношениях, как и во всех формах внешней жизни", - пишет о нем позднее Мария Штайнер, 67 - недостаток корректности являлся для него признаком недостаточной внутренней дисциплины. У него, правда, корректность сливалась с врожденной благожелательностью, - сердечная доброта рождала формы. Но там, где не хватало тонкости чувств, он тем более требовал уважения к внешней форме, во избежание вульгарности и грубости, которые не замедлили бы появиться. В начале нашего знакомства я встречала его в некоторых литературных кругах. Он всегда резко отличался от окружающих его людей. Он казался принцем духа среди неотесанных бревен, и хотя он часто бывал окружен очень замечательными людьми, он отличался от других, как хорошо закаленная сталь от необработанного металла... Ни один из портретов Штайнера не походил так на него - в те дни, когда на его лице еще не было глубоких морщин, рожденных заботами, горем, непрерывной умственной работой и бессонными ночами, - как картина Рембрандта "Ein Krieger im R?stung".* В этой позе он мог сидеть, задумавшись, вернувшись со своих лекций или отложив перо, которым он только что исписывал страницы почерком, который я любила называть "звездным" (stellaire). /*Очевидно имеется в виду эта работа Рембрандта. Во французском подлиннике она названа "l'Homme arme". Сравнить в библиотеке им. Ленина в изд. Rembrandt, 1906 L10/287, стр. 291, т. 2. (Прим. переводчика)./

Послушаем теперь нескольких очевидцев 1901-1908 годов.

Молодой студент, который в 1904 году присутствовал впервые на его лекции, описывает его следующим образом.

"Доктор Штайнер вошел в зал. Невозможно забыть этот облик, этот взгляд. Я воображал, что увижу нечто вроде брамина, с черной бородой, в длинной одежде, как изображались махатмы, портреты которых я видел. Вместо этого появился человек, который скорее напоминал собою гуманистов, подобных Эразму Роттердамскому. Он не был очень высокого роста, но казался таким. У него было чисто выбритое лицо с очень прямым носом. Все его существо носило отпечаток, характерный для мыслителя, и дышало благородством. Черные и довольно длинные волосы были отброшены назад, одна прядь всегда имела тенденцию соскальзывать на левую часть лба. Он носил тогда галстук, завязанный мягким бантом. Вот он в зале и обводит глазами теснящуюся очень многочисленную публику.

Он поднялся на эстраду и начал говорить. Взгляд его, сначала направленный на аудиторию, казалось, постепенно обращался вовнутрь. Он говорил то, что созерцал внутренне. Фразы формировались постепенно, следуя ритму мысли. Слова обладали большой силой, и его манера говорить как будто таила в себе дар пробуждать нечто, дремавшее в сердцах слушателей. Каждый лично чувствовал в себе часть той силы, которая подсказывала эти выражения. Каждый чувствовал, как устанавливалась и росла связь, соединяющая нас с реальностью мира более великого, более богатого, более обширного, того мира, который его вдохновлял. Его слова доходили до сердца, потому что они исходили из сердца, полного мудрости и любви.

Бесспорное наличие австрийского акцента приносило в его речь какой-то аромат природы, земли, силы и придавало ей своеобразную прелесть. Вначале он говорил медленно, почти неуверенно, почти мечтательно, но к концу речь крепла и поднималась, как в симфонии, и в последних фразах звучала торжественным ритмом. Он закончил словами Гёте: "От власти, все живущее стеснившей, освобожден - себя лишь победивший". 68 Сказанные им, эти слова звучали положительно, как призыв всех соединенных сил добра к борющейся душе чело века ". 69

В интимном разговоре его манера слушать собеседника, вызывать его на разговор, никогда не имела ничего принуждающего. Казалось, он сознательно затушевывал могущественное влияние, которое исходило от него в минуты покоя, чтобы не смущать человека и совершенно предоставлять его самому себе.

Вот небольшой, но характерный факт из того времени.

Тот молодой студент, о котором шла речь выше, имел родителей, которых беспокоил все возраставший интерес их сына к теософии. Он загорелся Штайнером, проводил все свое время за чтением его книг, вместо учебных занятий занялся организацией его лекций и привез его в родной город. Приходит день лекции. Молодой Клееберг просит Рудольфа Штайнера навестить его родных и успокоить их. Это очень простые люди, отец его - часовщик. И когда Штайнер здесь, перед ними и беседует со своей обычной добротой и пониманием, они обращаются к нему и делятся именно с ним своим беспокойством, спрашивая его, не повредит ли теософия занятиям и карьере их сына. Ответ, полный здравого смысла, их успокаивает. Молодому существу надо усвоить высокие предствления о жизни, терпимость, научиться исполнять свой долг, причащаясь постепенно равнять свои поступки по своим мыслям. В другой раз, отвечая молодому студенту на вопрос, какие философские книги следует ему прочесть, он указывает "Рассуждения о методе" Декарта, "Принцип философии", "Назначение ученого" Фихте. 60

Он выражается очень просто, короткими фразами, простыми словами, отвечая сведениями столь точными на темы, которые ему задают, что можно подумать, что именно этот вопрос занимал его в эту минуту и что у него не было большего интереса, чем говорить о нем с вами, без всякого педантизма, но помогая вам решить ваши проблемы. Он переходил с одинаковой легкостью от логического объяснения или исторического открытия к детали духовной жизни, найденной его ясновидением. И эта простота пресекала могущее возникнуть желание выразить свое удивление или восхищение; невольно думалось: "Этот человек знает все, что можно узнать на нашей земле, но это ничто в сравнении с духовной силой, которой он владеет и для которой нет никаких слов". 52

Май 1906 г. Эдуард Шюре 69 до конца своей жизни не мог говорить без волнения о "потрясении", которое он испытал, увидев Штайнера впервые. В 1906 году Штайнер приехал в Париж в сопровождении Марии Сиверс. "Безусловно, по всему тому, что мне о нем говорили, я ожидал встретить того, кто мог стать для меня как бы собратом по оружию, но в сущности я ждал его посещения довольно равнодушно. Когда он появился на пороге, в обрамлении двери, когда я увидел его изможденное лицо, сияющее безграничной добротой и доверием, я был потрясен. Он взглянул на меня своими глазами, полными света, которые, казалось, изливали самые тайные глубины, и прежде, чем он даже успел заговорить, во мне сразу сложились два убеждения:

"Во-первых, я нахожусь в присутствии посвященного. Я долго пребывал духовно с посвященными древности, историю и доктрины которых я описывал, и вот, наконец, я встретил посвященного в этом мире.

С другой стороны, я предчувствовал в течение этой минуты, когда мы, позабыв все, что нас окружало, погрузились взаимно в глубину наших душ, "человек этот, стоящий сейчас передо мной, будет играть в моей жизни существенную роль". Большинство его будущих последователей встретили его впервые, при-дя на лекцию, которую он должен был прочесть. И этот первый контакт, даже на расстоянии, давал импульс, направивший всю их жизнь по новому руслу.

Швейцарский поэт и драматург Альберт Штеффен 70 отметил в своем дневнике это впечатление обновления жизни при первой же встрече.

ВЕСНА. 1907 ГОД.

"Он говорил об этапах жизни: ученик, помощник, учитель. Я посмотрел на себя и сказал себе с безжалостной точностью: "Там учитель, здесь ученик... о. С первого взгляда был виден руководитель человечества: мудрость сияла на челе его, любовь в очах, сознание в словах. Каждый жест, свободный и уверенный, был выражением гармонии и искусства. В то время, как он говорил, я принял решение стать достойным этой встречи и переродиться. Молча вернулся я домой. Более, чем когда-либо стало моим девизом - работать над собой".

Не только поэты и художники отвечают на внутренний призыв. Вот свидетельство делового человека и инженера.

ЗИМА 1908 ГОДА.

"Когда я вошел в маленький зал, он был уже полон. Рудольф Штайнер, лицом к публике, по-видимому, собирался начинать свою лекцию. Мне показали свободное место в центре. Рудольф Штайнер надел пенсне и обвел в последний раз наблюдательным взглядом ряды слушателей, - жест, который я часто замечал впоследствии. Глубокое молчание воцарилось. Атмосфера торжественного ожидания и уважения охватила немногочисленное собрание. Я испытал еще одну минуту влияние на себя лица Рудольфа Штайнера, точно освещенного изнутри, на котором лучились пронизательные глаза. Я должен сказать, что я не помню, чтобы какой-либо другой человек в моей жизни произвел на меня столь решающее впечатление с первого взгляда, и чтобы убеждение мое было столь мгновенно. Я понял сразу: вот тот, которого я так давно искал!

Сама лекция только еще сильнее подтвердила это мое впечатление. Я еще никогда не чувствовал такого тока силы и света, такой интенсивности проявления в словах, которые, как молнии, освещали самые глубокие вопросы существования. Рудольф Штайнер прочел первые слова "Евангелия от Иоанна" в своем собственном переводе, голосом, который, казалось, звучал из неведомых глубин. Я был ошеломлен, но в то же время ослеплен и полон доверия. После лекции, оставшись один среди зимней ночи, я почувствовал, что весь мир стал для меня иным. Я оставался под впечатлением события огромного, решающего для всей моей жизни. Глубокое чувство охватило меня, чувство внутреннего покоя и новой веры в жизнь". 71

МАРТ, 1908 ГОД.

"Мы отправились на одну из его лекций. Мы сразу вынесли впечатление, что ни одно из слов лектора не било на эффект. Слова его приходили из сферы, где подобные вещи не имеют никакого смысла. Нельзя было также говорить здесь об энтузиазме, увлекающем слушателей, как это бывает с некоторыми ораторами, -нет, вы чувствовали себя в непосредственной связи с мирами, которые он описывал и которые через его посредство открывались слушателям. Как бы странно, невероятно ни было то, что он говорил, невозможно было в нем усомниться, и вы говорили себе: "значит, это так". Темные глаза освещали это серьезное и, однако, такое подвижное лицо и разгорались по мере того, как он говорил. Мы были под сильным впечатлением, и, однако, менее поражены или удивлены, чем можно было бы ожидать, когда мы слушали описание Вселенной и соотношений человеческой природы со звездами. Когда я сегодня вспоминаю эту лекцию, мне кажется, что Рудольф Штайнер прямо обращался к нашим душам. Он касался всех проблем, которые мы себе ставили, относительно мира, человека в его глубокой сущности, - теми, которые имели первенствующее значение для нашего будущего пути. Мы слушали его с напряженным вниманием, чувствуя, что все это ново для нас, но не чуждо. Этот человек здесь не сам по себе, а служит духовной силе, которой можно довериться.

Когда он кончил говорить, мы посмотрели друг на друга и сказали себе: "это он". Мы взяли друг друга за руки и двинулись к нему". 72

В свидетельствах большого числа слушателей мы находим общие черты. На первую лекцию они идут любопытные, иногда скептически настроенные, формулируя в самих себе вопросы, возражения. Вопросы стесняют свободу духа, как экран, мешающий вам полностью усвоить услышанные слова. Вдруг, что бы ни служило темой обсуждения, вопрос, о который споткнулись, затрагивается оратором. Объясняется, разрешается. Чувствуют себя в центре внимания, угаданными, принятыми со всеми своими проблемами.

Иногда Рудольф Штайнер далее внимательно смотрел на одного из своих слушателей в то время, как он отвечал на вопрос его души. Для других это проникновение выражалось несколько иначе. В словах, которые они слышали, они узнавали самые сокровенные свои слова, которые они говорили себе в решающие моменты своей жизни. Слова, которые слышали их уши, казалось им, выходили из их собственных сердец, как будто говоривший прочел их там.

Убеждение, что он был учитель среди учителей, начинало складываться у тех, кто его слышал, хотя ничто в его словах не намекало на это, и он остерегался производить подобное впечатление и своими поступками. Он не мог, однако, помешать тому, что далее на улице люди оборачивались, останавливались, чтобы посмотреть на него, из-за впечатления, которое он на них производил. "Это кто-то необыкновенный" - говорили себе люди, и если большинство из них после нескольких минут колебания продолжали свой путь то другие, ставшие позднее его учениками, узнавали его на улице! Внезапно подходили к нему, прервав свой путь, и считали этот день началом своей жизни.

XVIII. В ПАРИЖЕ В 1906 ГОДУ

В 1906 году Рудольф Штайнер приехал в Париж, не только потому, что там с 3 по 6 июня был конгресс Теософского общества, но и потому, что группа русских, связанных с ним и бывших частью русской колонии в Париже, просила его провести здесь лекции.

Небольшая вилла на улице Рейнуар в Пасси была отдана в его распоряжение. Здесь читались лекции. "Об этой вилле в Пасси (не сохранившейся ныне) стоит напомнить, - писала Мария Сиверс. - Рудольф Штайнер сделал здесь столько активного добра. Она была для нас благодеянием, позволила нам приютить слушателей в течение месяца. Залы были переполнены, стулья теснились и дополнялись импровизированными скамейками из досок, найденных в саду. Не было никакой прислуги. Обедали и ужинали на кухне в подвале, и мы мыли посуду, принимая нередко тут же какую-нибудь знаменитость литературного мира. Все это только усиливало интимность - внимание обращалось только на самое существенное. Мы были счастливы делать все своими руками ради духовной работы. Однажды пришел русский философ, большой знаток Фихте. Он говорил тихо и скромно. Я была переводчиком. Сначала все шло хорошо. Он открыл, что Вселенная покоится на "я". "Я" все создало, и мир, и его самого. Далее возникла проблема: "Мир скверен, а его создатель - мое "я". Следовательно, я должен его разрушить, а раз это мой долг, я начинаю с убийства. Сначала я убил..." и он описал местность, где, как он говорил, он совершил свое первое убийство, на берегах Амура. Он собирался продолжать... но я остановилась и посмотрела на Рудольфа Штайнера с потерянным видом. Он улыбнулся и подбодрил меня. Я принялась переводить дальше, поглядывая на этого господина, нет ли у него револьвера где-нибудь поблизости. Но Рудольф

Штайнер дал ему доброжелательные советы, привел его к более объективному миру, в котором его "я" не создавало существ и, следовательно, не было обязано их уничтожить. Словом, он дал ему основания освободить свою совесть от ответственности за мироздание и необходимости уничтожения. "Как можно оставлять на свободе такого сумасшедшего?" - спросила я, когда он откланялся. "Все это воображение, - сказал Рудольф Штайнер. - Он никого не убивал, а только воображал себе это". 73

Слушатели, все более многочисленные, охваченные удивлением и восхищением, заполняли маленькую виллу. Кроме русских писателей - Мережковского, Минского - собирались члены Общества, французы, голландцы, англичане, снова воспроизводя тот неизбежно интернациональный состав слушателей, который обычно был вокруг Штайнера.

Этот парижский цикл - первый из того ряда циклов, которые читались в течение нескольких лет под различными названиями в разных городах: "У врат теософии", "Теософия розенкрейцера", "Вселенная, земля и человек".

Все, что являлось объектом оккультного познания в течение веков, собрано здесь в одну картину, так хорошо скомпонованную, что каждая деталь, поставленная точно на своем месте, становится понятной. Состав человека, построение Вселенной, их начало и конец, мистерия Христа и новая, по сравнению с Йогой, форма посвящения, школы, передававшие золотую нить тайных традиций, ход эволюции и смысл Нового Иерусалима, который должен быть увенчанием мира, все заливается ярким дневным светом, объясняя, комментируя, пророчески показывая место человека во Вселенной. Само присутствие Эдуарда Шюре среди слушателей утверждает Рудольфа Штайнера в намерении открыть всенародно тайную науку. Когда вышли "Великие посвященные", Штайнер увидел в успехе этой книги, переведенной на все языки, распространившиеся во всех кругах, - знамение времени.

Окончательно сделан шаг к открытому изложению тайноведения. Штайнер это чувствует и старается дать почувствовать это другим. "Это раскрытие необходимо, - говорит он, - средства, применявшиеся прежде для сохранения тайны, ныне изменились. Одним из этих средств была религия. Все религии содержат тайную мудрость. Но в наши дни возникло противоречие между знанием и верой. Пути познания надо теперь достичь высшего знания". 74

Ибо по крайней мере один путь связи должен всегда существовать между человечеством и тайными знаниями, которые могут дать ему понимание смысла судьбы, смысла пребывания на земле. Этим путем для человека современности является сознательная мысль. Надо только, чтобы учитель умел распознать силу и степень усвоения этой мысли.

Здесь ему приходится проявить редкое чувство ответственности. "Какую дозу духовной истины могут вынести эти души, - вынужден спросить он себя. И отвечает себе: - усвояемая часть духовного видения та, которая соответствует осознанному факту или чувственному наблюдению, факту, который может быть продуман и признан самой наукой. Эту часть можно открыть широкой публике".

Месяцы, иногда годы понадобятся ему для того, чтобы какое-нибудь видение достигло в его душе формы мысли, позволяющей ему вынести ее, так сказать, на "общее поприще". Он не обнаружит ее до тех пор, пока духовный такт не подтвердит ему, что момент наступил и плод может упасть.

Парижский цикл - один из этих плодов. Час настал развернуть огромную панораму оккультной науки. Он так описывает период духовного вынашивания, который сделал возможным этот факт: "Лекциям, которые были прочитаны в Париже, предшествовала целая эволюция в тайниках моей души... В этом цикле я извлек из духовного знания, которое, как я чувствовал, созрело во мне, то, что могло послужить для руководства человеку. Это чувство, что знание обрело некоторую степень зрелости, существенно при исследовании духовного мира. Когда видение впервые открывается внутреннему взору, его контуры неточны и мутны. Тогда надо позволить ему опуститься в глубину души до созревания. Сознательное существо еще не продвинулось достаточно, чтобы понять духовный смысл созерцаемого. Глубины души еще должны жить в контакте с этой духовной реальностью без помехи сознания... В парижских лекциях я дал результаты видения, которое должно было долго "созреть" во мне. Я объяснил соотношение между собой различных частей человеческого существа: физического тела, эфирного или жизненного тела и "носителя Я".

Затем я отметил, что эфирное тело мужчины-женского рода, а эфирное тело женщины - мужского. Таким образом антропософия разрешила проблему существенной важности..., которая касалась наибольших глубин человеческого существа. Физическая природа в совершенно иных соотношениях с космическими силами, чем природа эфирная. Физический человек связан с силами земли, эфирный - со сверхземными силами Вселенной. Таким образом вопрос мужского и женского рода связан с тайнами самого мироздания. Уловить, установить этот факт было для меня очень значительным внутренним переживанием. С этого момента я все более ясно понимал, как следует поступать по отношению к духовным видениям и какое нужно здесь терпение. Я понял, что достигнув "точки зрелости" видения, нужно прибегать к идеям, чтобы перенести его в область человеческого сознания". 6

У Штайнера хватало силы подвергать все свои духовные восприятия длительному периоду созревания для того, чтобы передать их только тогда, когда они проработаны и стали доступными для человеческого сознания. Этим объясняется, какой мощью дышала его речь, когда, наконец, видения были воплощены в идеи, а идеи - в слова.

Эдуард Шюре рассказал, или, вернее, описал из своих книг этот парижский цикл и отметил в предисловии растущий энтузиазм слушателей.⁷⁵ Сам он, чтобы прослушать эти лекции, "пересек бы Атлантику", что, конечно, в 1906 году было более самоотверженно, чем в наши дни. Он воспринимал, как манну небесную, вдохновенные слова, которые вливали в его душу новую жизнь. "Когда Рудольф Штайнер описывал события или явления духовного мира, казалось, что он у себя дома. Все, что относится к этим неизвестным областям, касалось ли это понятных фактов или поражающих невероятных деталей, все выражалось простыми словами. Он не рассказывал, он видел вещи и сцены и он давал их видеть так хорошо, что эти космические явления облекались реальностью... Слушая его, невозможно было сомневаться в его духовном зрении, столь же ясном, как физическое, но только значительно более охватывающем. То, что выяснилось для меня из этих лекций, был тот ров, который отделял индусскую доктрину, ставшую в то время главенствующей в теософии, от того, что приносил Штайнер. Ему ставили в упрек, что он хотел европеизировать индусскую религию. Но я понял тогда, в первый раз, и впоследствии утвердился в этой уверенности, что единственный центр того, что Штайнер дал в антропософии, это Христос. То, что он давал в то время, было христианской теософией, в то время, как остальная часть общества учила восточной доктрине. Члены французского Теософского общества, которые представляли собой основную часть публики, были очень удивлены этой переменой.* То, что им предлагалось, казалось им более соответствующим современности, но они не понимали, что на их глазах воскрес подлинный христианский эзотеризм".⁶⁹ /*Так как вилла в Пасси оказалась слишком тесной, действительно пришлось для продолжения лекций Штайнера переместиться после окончания конгресса в Большой зал Теософского общества./

Действительно, на этом парижском конгрессе восхищение теософов генеральным секретарем немецкой секции начинает окрашиваться некоторым беспокраивством. Ни один из членов конгресса не имел такого престижа, ни от одного не исходило такого впечатления, что он был "учитель".

Это величие "мастера" притягивало к нему, как магнитом, всех тех, кто искал направления для своей внутренней жизни.

Притягательность его учения, его личности такова, что нарушаются все национальные границы между секциями. Слава его выходит за пределы стран немецкого языка. Приезжают в Германию, чтобы его слушать. Из Англии, Франции, Голландии, Скандинавии члены связываются непосредственно с ним, не находя нигде такой глубины оккультного учения. Его влияние начинает, таким образом, переходить за рамки национальной секции. Оно изливается на всех тех, кто в

недрах Теософического общества чувствует себя связан с данным с христианским эзотеризмом, кто имеет корни скорее в европейском, чем в восточном пути.

Одного этого уже достаточно, чтобы внушить опасения руководителям Теософического общества, которые чувствуют, что они захлестнуты личностью более мощной, чем они, которая грозит затмить их своими лучами.

Вполне естественно, что дух терпимости Теософского общества начнет отступать. Опасение перейдет в глухую борьбу, затем в решительную оппозицию. Дело уже пойдет не о том, чтобы переносить разницу ориентации, а о том, чтобы разоблачить "маневр". Общие конгрессы 1907 и 1909 годов уже заставляют предчувствовать близость конфликтов. Они разразятся по случаю несостоявшегося конгресса 1911 года.

XIX. "РАЗОККУЛЬТИРОВАТЬ ОККУЛЬТНОЕ"

Для того, чтобы понять, чем было вызвано расхождение Штайнера с восточной философией, следует сопоставить оба учения: Во время Парижского конгресса уже начала чувствоваться некоторая разница в терминологии. Одни говорят о "теософии", другие об "оккультизме". За словами встают две тенденции.

Самый термин "оккультизм", который раньше не применялся вне традиционных кругов, был включен в обычную терминологию Рудольфа Штайнера. "Оккультные изыскания", "оккультные исследования", эти выражения часто повторялись. Что он хотел этим выразить? Надо признать, что до этих пор у этого слова была довольно дурная слава. При слове "оккультизм" дрожь пробегала по спинам. У одних - от отвращения, у других - от своеобразного притяжения. Что же хотел разбудить Штайнер, прибегая к этому термину?

Он напоминал, что скрытые вещи могут открыться, если взгляд научится расшифровывать их тайный язык. Он хотел разбудить доверие к тому факту, что мир невидимый существует позади видимого, доступный для ищущего, так как способность познания может быть развита у человека до бесконечности. Он сам был подлинным тому примером.

Эта уверенность, которую он пробуждал в своих учениках, противостояла пассивности тех, кто блаженно принимал откровения, исполненные материальными подробностями, столь же неточными, сколь и бесконтрольными, о сверхчувственных мирах, о жизни после смерти, о прошлом человечества, и не делали ни малейшего личного усилия, чтобы самим проникнуть в духовный мир. В теософской среде много говорили о духовном, но недостаточно заботились о прямом опыте. Цитировали отрывки индусской философии, не усвоив их и не приспособив к западной психике; истина, какой бы она ни была, если она не понята, становится догматом, который пережевывают.

Штайнер был удивлен отсутствием критического духа в этой среде. Он предостерегал своих учеников против болтовни о духовном. Он их стимулировал: "Проверяйте то, что я говорю! Не верьте мне на слово! Разбудите в себе дремлющие силы, которые дадут вам лично возможность проникнуть в мир невидимого".

Слово "оккультный" означало на его языке: тайна, которая открывается тому, кто может ее раскрыть, которая дается душам сильным и энергичным, тому, кто находит в себе силу "Разокультировать" оккультное ("Violenti illud rapinnt" по слову Евангелия).*/"... употребляющее усилие восходящее его" (Царство Небесное) - Мф., 11, 12./

Он знал, что пришло уже время, когда то, что открывалось под покровом традиционного оккультизма, сможет быть охвачено усиленной активностью современной мысли. Действительно, то, что некогда было тайной, скрытой от профанов, сейчас открыто изучалось наукой. Тайны материи и человеческой души, скрытые некогда под темными символами, открыто изучаются в университетах и лабораториях.

Можно себя спросить: по каким признакам Рудольф Штайнер предугадал, что знания, ревниво хранимые для некоторых избранных умов должны стать всеобщим достоянием. Уже говорилось о предварительных признаках, которые он увидел на небе зарождающегося XX столетия. Однако спустя семь лет, уже глубоко связанный со своим движением, уже ставший Учителем, он может уточнить возможности, которые имеются в этом веке для того, чтобы сделать оккультизм достоянием широких кругов и позволить оккультным истинам проникнуть в действительность.

На расспросы Шюре о розенкрейцерстве и его истоках во время его пребывания в Барре в 1907 году, он ответил рукописной заметкой, в которой он дает, среди прочего, ключ к этой проблеме. Вот что он пишет:7

"Христиан Розенкрейц в первой половине XV века отправился на Восток. Он искал равновесия между восточным и западным посвящением. Результатом этого явилось по его возвращении окончательное установление течения Розенкрейцеров на Западе. В этой форме Розенкрейцерство должно было оставаться сугубо секретным. В течение этой подготовительной фазы оно давало вызреть своей миссии, которая стала известной только на рубеже XIX и XX веков.

Нужно было дожидаться, чтобы внешние науки дали временное решение некоторых проблем.

Христиан Розенкрейц так охарактеризовал эти проблемы:

1. Материальное строение Вселенной, открытое путем спектрального анализа;
2. Понятие об эволюции материи, введенное в познание органического мира;
3. Признание того, что существуют иные состояния сознания, чем обычное, выявляемое, например, в феноменах, подобных гипнозу, внушению.

Только когда эти материальные познания будут выяснены в форме научной, некоторые Розенкрейцерские принципы должны будут утратить характер оккультной науки и являться в форме общедоступной.

Нужно видеть в этих условиях, поставленных Розенкрейцем, глубокое уважение к индивидуальной свободе. До тех пор, пока факты не поддаются проверке и должны быть приняты как утверждаемые истины, как откровения, ум может поддаваться их влиянию настолько, чтобы поверить им, но он не имеет свободного к ним отношения. И наоборот: он свободен, когда он достигает методическим и верным путем мышления завоевания своей части истины, как бы мала она ни была. Если вы знаете, как зажигается лампада, освещающая сердце тайны, тайна вас больше не принуждает... Принуждать ум и дух к истине не входит в методы христианского эзотеризма. Его миссия, наоборот, подготовить их к свободе применением знания.

Время, когда Рудольф Штайнер становится глашатаем этой миссии, как раз является тем временем, когда "известные проблемы", до сих пор формулируемые пророчески, выходят из области сомнительного эмпиризма и входят в область опытной науки.

Вселенная и небесные тела - первое условие - все больше открывают ученым тайны их строения. Материя может быть разложена на свои составные элементы, сведена к совокупности простых тел, особенности которых определены.

С другой стороны, трансформизм и дарвинизм показывают, что все, что существует, вовлекается в процесс эволюции, объясняющей структуру и поведение организмов.

Наконец, третье условие - работы, подобные работам Шарко, продолженные Пьером Жане и школой Нанси, научно изучают сверхнормальные состояния сознания, открывая современной психологии путь, который не перестает расширяться.

Условия, требующиеся для того, чтобы обнародовать сокровища эзотерических знаний, были, таким образом, выполнены. Предвосхищения Розенкрейца подтверждены, и с этого момента современная мысль, получив от науки свою независимость, может на этот раз абсолютно свободно вернуться на путь первоистин.

Главное основание учения Штайнера, его начала в лоне Теософского общества, опирается на эти три темы: познание Вселенной, расширение состояний сознания, учение об эволюции, идущей от самых примитивных явлений жизни до самых сложных законов космического будущего.

Проблема состава Вселенной связана с тайной субстанций. Рудольф Штайнер показал, что западное посвящение знакомо с этой тайной, и указал, в каком направлении научные поиски смогут стать его наследниками.

Он набрасывает основания метода внутренней тренировки, которая ведет постепенно от состояния сознания, нормального для наших дней, до того, которым открывается доступ к духовному для свободного индивидуального усиления.

Усиливая значение законов эволюции, он из года в год развертывает широкую панораму всех этапов, пройденных человечеством, от самого отдаленного начала в Божественном и до окончательного возвращения к Божеству. Он открывает сначала небольшому числу, а затем все более широкой аудитории, что узел всей эволюции, равновесия всех прогрессивных и регрессивных ритмов, есть воплощение Логоса в Христе, жившем на земле.

Его миссией является связать эти три великих темы с тем, что наша эпоха может из них понять, и ввести их в современное сознание.

Они приходят в свой час и в свое время, в сердце Европы, при рождении XX века.

Мы должны будем проникнуть глубже в развитие, которое дает Штайнер этим трем основным тезисам учения Розенкрейцеров, чтобы понять, в чем состоит для теософии их неповторимое своеобразие. Как только делается ясным, с каким западным и христианским течением они связаны, можно предугадать, что они внесут в Адьярское общество такое "инородное тело", которого око не сможет принять.

XX. ТО, ЧТО ПРЕДВИДЕЛ РОЗЕНКРЕЙЦ:

А. ЗАПАДНЫЙ ОККУЛЬТИЗМ

В момент, когда Рудольф Штайнер входит в сотрудничество с теософией, эта последняя старается распространить в Европе "свет, идущий с Востока". Она открыла в Индии вечную мудрость, сохраненную в веках, и приносит ее, как открытие, западному материализму.

С самого начала перед этой волной ориентализма реакция Штайнера вполне определена. Когда он говорит на теософских конгрессах, он, по-видимому, выбирает темы, уравнивающие этот поток индуизма. В Лондоне, в 1903 году он говорит о "Духовной жизни в Германии и теософии", в 1905 году - об "Оккультных основах, произведений Гёте", в Париже в 1906 году он выбирает темой "Сто лет теософии в Германии". Он указывает на великих личностей, которые поддерживали духовную традицию в сердце Европы до XIX века включительно. Он напоминает о влиянии мистиков в XIV веке: Сюзо, Таулера, Мастера Экхарта, об учении Парацельса и Якове Беме, о духовной сущности работ Лессинга, Гердера, Гёте, Шиллера... Он указывает, что истинная теософия развилась в Европе без всякого восточного влияния. Он объясняет важность понятия "Я" у Фихте и других философов. Активность всех этих личностей составляет для него первую ступень усилия, которое нужно сейчас осуществить.

Что именно хочет он ввести в Теософское общество, пользуясь каждым случаем напомнить о духовных течениях, существовавших в странах Европы, которые он представляет?

Позднее теософы навяжут ему намерения заниматься национальной пропагандой и даже дойдут до обвинения в пангерманизме. Скрытое раздражение, в котором отражались национальные страсти эпохи, мешало им распознать глубокое духовное течение, скрывающееся за словами, за именами. Они не поймут намерений Рудольфа Штайнера и отнесут их за счет шовинизма человека, защищающего свою страну, свою культуру, свой язык и своих великих людей.

В действительности, для будущего основателя Всемирного общества вопрос не в том, чтобы противопоставить немецкую мысль англо-индусскому движению. Его задача совсем другого размаха. Он представляет Европу и служит судьбам человеческой мысли.

Он знает: духовные понятия, которые должны быть вновь найдены современным сознанием, были заложены, как зародыши, в древних мистериях не только в Азии, но и в Европе. Верно, что имеется больше свидетельств о восточных цивилизациях, но археология уже подтверждает то, что утверждает ясновидение: существование в Европе доисторических цивилизаций, вдохновляемых исключительно своими собственными посвященными. Например, идея о перевоплощении, согласно которой каждая душа проходит попеременно в процессе своего созревания из концентрированного состояния в физическом теле человека к состоянию распространенности в небесных сферах; следы этой идеи, которую Теософское общество вводит в современную Европу в ее восточной форме, можно найти в священных традициях кельтов, германцев, эллинов.

Вот что также принадлежит в особенности к чисто европейской эзотерической традиции - это пристальное изучение тайн материи, земли и ее элементов, вещества и их превращений. Если хотят найти происхождение этого самого глубокого инстинкта современного сознания европейцев, нужно направляться к мистериям доисторической Европы, так как они подобны источнику инспирации, оставшемуся приглушенным и хранимым в запасе для эпох, которые должны были получить импульс христианства. Посвящение, которое они давали, было прелюдией современного изучения мира материи.

Что такое материя? Что скрыто в основе материи? Вопрос, конечно, не ставился именно в этой форме для северных посвященных, которые видели действие элементарных существ в огне, воздухе, в воде и земле. Друиды, и много раньше их, то население, следы которого находят в Европе до каменного века, обладали природными местами культа. Для этого слияния с силами природы они выбирали, смотря по тем силам, которых искали, возвышенности, залитые солнцем и воздухом, морские гроты, подобные пещерам Фингалла в Ирландии, или места, обладающие особой интенсивностью элементарных сил, - леса, источники, некоторые деревья, являвшие собою как бы целую растительную симфонию, подобно друидическим дубам; подземные пещеры, которые иногда, как в Шартре, стали склепами наших соборов. Друиды требовали от своих последователей развития "глаза, умеющего видеть природу" (Триады бардов), и открывать дух, запечатленный в сердце материи. Находят остатки природных храмов, где они учили и отправляли свои культы, во многих местностях - не только в Ирландии, но и в Бретани, в Карнаке, в Великобритании в Стоунхендже, на бретонских островах или англо-нормандских, на вершинах Богезов, у св. Одиллии, где со времени каменного века отправляли мистерии Солнца.

76

На этих скалистых вершинах, овянных ветрами, на побережье где прибой вечно разбивался у берегов, вечно омываемых волнами, западная душа училась узнавать жизнь и ритмы, которые выражаются в стихиях, чувствовать "эфирные силы" в себе самой и покорять их вольно. Знание организма и того, что для него полезно, процветало у друидов в их искусстве врачевания. С другой стороны, необходимость бороться с неистовством стихий закаляла волю этих народов Севера.

Ныне ясновидение уступило место сознательной мысли, знанию обдуманному, управляемому. Средства переменялись; поиски тайн материи продолжают и дают каждый день новые открытия.

Мистерии Европы начали приходить в упадок в момент, когда посланцы христианства достигли Севера. Сами посвященные почувствовали, что их миссия кончилась и были свидетелями сумерек своих богов. Они ждали и часто пророчески предвещали явление высшего света, который должен был озарить те жизненные тайны, с которыми они были связаны. Они передали народам Европы традиции, которые сохранились в знаниях, порой необъяснимых, которые еще встречаются в деревнях и касаются мира растений, камней и стихий. Но это уже только темные остатки. Умирая, эти великие центры священной инспирации должны были породить в своем соединении с новыми импульсами глубинное течение эзотерического христианства. Оно проложило себе русло везде, где первые носители христианской вести встретились с древними европейскими мистериями кельтов, германцев и греков.

В христианском посвящении действительно сливаются, чтобы создать высшее единство, два посвящения дохристианских времен - северное и южное, ни то, ни другое нельзя исключить. 77

Христианский эзотеризм был силой, вдохновляющей средние века. Ирландские монахи, которые проповедовали Евангелие в части Европы в эпоху Мервингов, были христианскими посвященными. Этот эзотеризм стал "сокровищем" школ и братств, более или менее тайных, таких как Иоанниты, Альбигойцы, Тамплиеры (храмовники) и, главным образом, Розенкрейцеры. 78

Все духовные течения, выросшие на этом эзотеризме, который принял в себя наследство северных мистерий, имели одну общую цель: возрождение природы новыми силами Христа. Все видели в земле место, где должно произойти дело одухотворения. Для них для всех непрерывным правилом не отворачиваться от материи и не бежать от нее, а познавать ее и привести ее к ее элементам, чтобы в конце концов "вернуть ее духу", ибо она является конденсацией, метаморфозой духа. Непонятным, обвиненным в грубых целях было также "великое дело", предпринятое в средних веках алхимиками, пришедшими первоначально с Востока. Они также видели в трансформации материи самый высокий признак могущества духа. Их действия требовали от человеческой души условий, которые ставились древними европейскими мистериями: непобедимого мужества для преодоления испытаний погружения в физический мир и знания элементов, составляющих Вселенную и человеческий организм. В действительности, в философском камне надо видеть символ возможности превращений, существующий в природе и находящийся также в человеке. "Каждый прикасается к нему, не зная его"... Символизм его прозрачен: из угля делать золото - превратить в себе природу растительную, пассивную в драгоценный металл неизменной мудрости - цель посвящения.

Достичь божественной мудрости, буквально "Тео-Софии", проследивая ее отпечатки в физическом мире - это значит действительно выполнить миссию человека, который одновременно - материя, и дух. Великолепное выражение теософия - появившееся у греков Александрии, подхваченное в Европе с момента Возрождения, применимо к тем, кто ищет "дух вещей". Оно обозначает собою непрерывную цепь людей, в большинстве случаев неизвестных своим современникам, но иногда и знаменитых, и позволяющих вспыхивать среди бела дня частицам своих оккультных знаний. Так было в особо одаренных эпохах, как например, конец XVIII века, который видел расцвет трудов столь близких по духу инспирации, как труды Клода де сен-Мартена во Франции, Вильяма Блейка в Англии, Гёте в Германии...

Позднее Рудольф Штайнер дает значительные сведения об этих слияниях эзотерических течений, которые восприняли наследие европейских мистерий и через средневековые братства передали их теософам Возрождения и современности. В сотнях лекций он покажет, чем были в действительности восхитительные греческие мистерии, Аполлонические и Дионисийские, которые сумели вновь найти гармонию космоса вплоть до тела человека. Мистерии Гибернии*, учения кельтов, троттов, скальдов, германцев и скифов он "реконструирует", что тем более драгоценно, так как их исторические следы почти стерлись временем. /*Древнее название Ирландии (прим. переводчика)./ Он вызовет в представлении слушателей детали культа друидов в тех самых местах, где они совершались. 65 Он найдет след, оставленный в духе греческим гнозисом, который учил космическому Христу. Он объяснит эзотерический смысл и происхождение средневековых текстов, которых больше не понимают сегодня, - например, цикла короля Артура и легенд о рыцарях Грааля, в которых Вагнер почерпнул своего "Лоэнгрин", "Тангейзера" и "Парсифаля", тогда как из северо-германских "Нибелунгов" он извлек великую эпопею одного из последних северных посвященных - Зигфрида. Мифы, легенды, европейский фольклор - все становится снова прозрачным, что осело, как туман, в глубине веков.

В окружении Штайнера никто не может понять, как он может обладать знанием, столь всеохватывающим, сколь и отработанным, и точным. Документация, которая требовалась бы для этого, сделала бы необходимой деятельность нескольких архивариусов, которые склонялись бы всю свою жизнь над древними текстами. Но и они со всей своей эрудицией не могли бы указать, например, с уверенностью существование рукописей, исчезнувших без следа. На чем бы они основывались? И, однако, Рудольф Штайнер решался на это, и не раз то, что он таким образом утверждал, получало подтверждение еще при его жизни или после его смерти. Он, например, указал детали жизни Манеса, которые подтвердились лишь после обнаружения в 1980 году некоторых манихейских текстов в Верхнем Египте. Также и данные, которые он дал об общине Ессеев, подтвердились лишь через двадцать лет после его смерти, при открытии рукописей Мертвого моря.

В течение всего своего учения, до конца своей жизни, он со все большей ясностью освещал загадочную и исторически неуловимую личность Христиана Розенкрейца, который более всех придал эзотерическому христианству его западный характер, основав в XIV веке орден Розенкрейцеров. Уже рыцари Грааля ввели в завоевание мудрости элемент борьбы, доблести, тот импульс моральной воли, в котором выражается "Я", сознающее себя. Розенкрейцеры претворяют рыцарскую доблесть в активное проникновение в материю. Их девиз "через крест к розе" (per crucem ad rosam) это выражает. Только знание физического мира, препятствий, которые он собой представляет, самого зла - может научить преодолению испытаний прежде, чем достигнуть духовного блаженства. Их правила требовали знания искусства врачевания, законов организма и лечения болезней, ибо исцелением тела мы доказываем власть духа над материей.

Он высвободил из моря туманностей панораму духовной истории человечества. Великие откровения, данные Востоку, появляясь дополненными духовными течениями Запада, оставленными в резерве для того, чтобы создать грандиозный синтез, который должен быть еще обогащен нашей современностью.

С самого начала он утверждал: "Наша эпоха не должна заново рождать древнюю мудрость, а мудрость новую, способную не только постигнуть прошлое, но и действовать как пророчество, как Апокалипсис будущего". 79

Название, более всего подходящее для этой новой мудрости, уже не будет "Теософия".

Пути, ведущие к познанию Бога, не закрылись ли, действительно, для тех, кто считает реальным только чувственный мир? Выражение Ницше "Бог умер" отразилось везде, где люди стараются сегодня повернуть по-новому свое существование; они поступают так, как если бы действительно Бог умер; провидение заменяется техническим прогрессом и мир, "созданный руками Божества", - миром, созданным руками человека.

В кризисе, через который проходит человечество, люди не утратили свое стремление к познанию самих себя, и они надеются достичь его, проникая в тайны материи и жизни. Им надо помочь в их попытке. В конечном счете, человек, ими обнаруженный, явится таким, каков он и есть, - состоящим одновременно из тела, души и духа. Метод духовного исследования, продолжающий поиски материальных познаний, приведет к человеческой мудрости - Антропософии.

Сегодня истина шествует путями чувственного опыта и современной мысли - мысли, которую бесчисленные века различных культур любовно отточили в странах Европы.

В момент, когда Штайнер связал себя с Теософским обществом, он был носителем импульса западного эзотеризма. Он говорил как представитель христианской европейской духовности. Его обвиняют в пангерманизме, тогда как он европеец, и именно в Германии он в будущем укажет на пораженческие тенденции, которые заставляли эту страну после поражения 1918 года сомневаться в Европе, в ее настоящей миссии, в ее будущем. Одна и та же инспирация заставляла его рекомендовать англо-индусской теософии работы немецких идеалистов Фихте, Гегеля и Шеллинга и противостоять, например, пессимистическому влиянию "Заката Европы" Освальда Шпенглера или школе мудрости Кайзерлинга* в Дармштадте, где проповедовалась философия, чуждая импульсу Христа. /Hermann Keyserling 1880-1946. Философ. Школа мудрости в Дармштадте была основана в 1920 г. (прим. перев.)/

Желанное единение течений Запада и Востока кажется ему возможным. Он старается осуществить это равновесие между посвященным течением, которое, родившись в Индии, осветило древние цивилизации Персии, Египта, а затем Греции и Рима. Там оно встретилось с течением северо-западного посвящения, которое насытило его силами первоначального христианства. Везде, где произошло это слияние, тайны человека и природы становились менее непроницаемыми. Пусть в нашу эпоху возобновится это единение, и оно будет плодотворно для будущего Европы.

Почему руководители Теософского общества не хотят этого понять?

"Их цели, - скажет позднее Штайнер, - имели на заднем плане восточную политику, которую можно найти в деятельности Блаватской, индусский импульс духовного завоевания Запада", и он добавил слова, которые приобрели особое значение в наше время: "Там имело место много влияний. Например, вернуть Индию Азии для создания азиатской империи с помощью Российской империи".⁵¹ Штайнер почувствовал в основании Теософского общества заднюю мысль, очень тщательно скрываемую, но существующую. Зародыш ее был вложен в деятельность Блаватской ее восточными учителями. Она утвердится у Анни Безант и у Ледбиттера.

Что же касается Штайнера, то он среди столь многих противоречивых течений будет следовать с непоколебимой твердостью своим путем. Под влиянием войны и страстей, ею развязанных, переживая бури послевоенных лет, люди будут судить со своих изменчивых точек зрения, то порицая его, то превознося. Но его не задела ни критика, ни восхищение. Он не руководствовался личными симпатиями или антипатиями, которые ему приходилось бы пересматривать. Когда, положение мира вызовет его комментарии, а затем необходимые поступки, он будет действовать, оставаясь верным своей миссии.

В. УСИЛЕНИЕ СОЗНАНИЯ

Для того, чтобы дать современной мысли силу воспринимать духовное, ее нужно снабдить проверенным методом развития.

Он состоит в применении медитации и концентрации. В какой бы форме ни делались эти упражнения, они всегда должны быть проделаны в полном сознании, и, следовательно, они могут быть продуманы.

С этой исходной точки метод Штайнера, следовательно, противоположен всякой тренировке, имеющей следствием уничтожение или даже усыпление, хотя бы в малейшей мере, сознания. Дело в том, чтобы, наоборот, усилить его.

Сначала осознайте самого себя, - советует он своим ученикам, - по отношению к какому-либо чуждому предмету. Первые упражнения имеют целью заострить чувственное восприятие, так как таким образом лучше всего укрепляется верность и точность наблюдения. Физический предмет сам собой исправляет иллюзию, которая может родиться от недостаточного внимания.

С одной стороны, нужно избежать прилива мыслей, чуждых предмету, а с другой стороны, оцепенения, выдаваемого слишком напряженным вниманием. Постоянная связь должна поддерживаться между наблюдателем и объектом наблюдения. Этот последний пока имеет значение, только поскольку служит для концентрации внимания. Когда удастся продержаться его некоторое время под внутренним взором, при исключении всякой другой мысли, можно считать, что упражнение удалось.

На следующем этапе предмета нет больше перед глазами, но он воспроизводится силой воспоминания. Это восстановление по желанию в памяти исчезнувшего образа уже является духовной деятельностью. Мы постоянно получаем восприятия, которые немедленно забываются - неизвестный человек, встретившийся нам на улице, выставка магазина, на которую мы бросим рассеянный взгляд и т.д. Эти образы, по-видимому, не произвели на нас впечатления, и однако, они были отмечены и остаются, готовые всплыть на поверхность, если какой-нибудь толчок возмутит глубины, куда они ушли. Когда внутренняя деятельность окрепла в нас путем упражнений простого воспроизведения, она делается потом способной "вообразить" (в прямом смысле слова - построить образ) то, что мы не видели, но что мы представляем себе в последовательности изменений. Пластическая сила воспоминания - это активность в нас того же порядка, как та, которая создает формы во Вселенной. Развитая подобным образом, она станет внутренней силой, позволяющей следовать за метаморфозой, например, форм растения.

Эта сила воспоминания должна обладать гибкостью, необходимую, чтобы стать независимой от направления, в котором разворачивались события, идя от результата к причине, от настоящего к прошедшему вместо того, чтобы представлять их себе в хронологическом порядке. Нужно быть способным вспомнить вечером события дня (в обратном порядке) или известные периоды жизни, прослеживая нить, связывающую более поздние события с предшествовавшими. Это - упражнение ретроспективного видения.

Достигнув этой точки, концентрация должна будет делаться на образах, которые не будут простым восстановлением предметов, существующих в физическом мире. Образ должен быть построен из элементов, которые могут быть почерпнуты в физическом мире, но свободно расположены внутренним действием темы медитации. Активность, здесь применяемая, аналогична той, которая самопроизвольно создает сновидение, также строящееся на элементах, взятых у воспоминаний, но которые используются символически. Ибо мы приходим именно к "символу", черпая в физическом мире образы, которые, теряя свой обычный смысл, послужат одеянием для новых значений, не имевших собственного способа выражения. Пример: вообразим себе стакан, наполненный водой. Если воспоминание является только репродукцией физического предмета, стакан нельзя наклонить без того, чтобы вода не вылилась. Если он служит символом внутренней силы любви (которая тем полнее, чем больше изливается), образ, вызванный медитацией, будет стаканом, тем более наполняющимся, чем более воды из него изливается.

Как же это получается, что для того, чтобы выразить силы, столь элементарные для человеческой души, которой как раз является сила любви, медитация прибегает к образам, бессмысленным в физическом порядке вещей?

Здесь нужно усмотреть глубокую полярность, существующую между духовным и физическим миром. Коль скоро мы хотим достичь первого не через завесу, но во всей его чистоте, нужно быть готовым понять эту полярность. Сознание зажигается при контакте впечатлений, приходящих из физического мира и сталкивающихся с впечатлениями жизни духа. Толчок, из которого проистекает для нас сознание, вызывается встречей двух порядков фактов, диаметрально противоположных. Они относятся друг к другу как негатив к позитиву. Там, где заполненность в духовном мире, там выемка в мире физическом, и наоборот. Если, например, следуют за событиями жизни, продвигаясь в порядке, обратном их

последовательности и идут обратно от последствий к причинам, то часто замечают, что событие, которое произошло, скажем, на двадцатом году жизни, не имело иной причины в нашем существовании, чем породить последствия, определяющие для сорокового года жизни. Событие, которое происходит во вторую очередь, объясняет первое. 80

Подобные явления приводят ученика к признанию того, что жизнь его во многих своих событиях подчинена некой конечной цели. Только в физическом мире факты определяются в своей последовательности законом причин и следствий. Моральная же область, наоборот, подчинена конечной цели. Завтрашняя цель определяет сегодняшний поступок.

Эволюция Вселенной также подчинена конечной цели, так как она явление духовное, прежде чем проявляется в физическом мире. Как только ее импульсы проникают в физический мир, они подчиняются закону причинности. Поэтому Вселенная определяется одновременно причинностью и конечной целью.

Для того, чтобы сознание могло непосредственно воспринимать действительность подобного порядка, оно должно привыкнуть рассматривать ее разворачивающейся в порядке, обратном физическому времени, от будущего к настоящему и от настоящего к прошедшему. Это и есть "двойное течение времени", которое юный Штайнер воспринял как "необходимое условие для духовного взора". Здесь мы доходим до точки, где восприятие чувственное и сверхчувственное противостоят друг другу. Для того, чтобы продвигаться в духовном опыте, надо выделить все, что идет от чувственного представления, и сосредоточиться только на духовном восприятии. Оно поначалу доступно нам только в нашей мыслительной деятельности, применяемой вне какого бы то ни было физического содержания. Объектом медитации станет тогда тот способ, каким формируются и связываются наши идеи. Это - медитация о мысли, "мысль о мысли". Эта медитация вызывает в нас раздвоение между тем, кто мыслит и зрителем этой мысли.

Зрителем является "Я". Этим упражнением мысль отвлекается от чувственного мира. Усиленная, она находит в себе самой стимул, который обычно дается ей впечатлениями внешнего мира. Всякая внутренняя активность, которая отвлекает мысль от чувственных впечатлений и заставляет ее опираться на самое себя, имеет тот же результат, - например, чистая математика (арифметика, алгебра).

Параллельно с мыслью, другие силы души - чувство и воля, также могут подвергнуться тренировке, которая освобождает их от зависимости от внешних впечатлений и укрепляет их для чисто душевной активности. И здесь высшее "Я" действует как центр сверхчувственного притяжения на эти силы души. Оно превращает их в органы восприятия для действительности духовной природы.

Однако Штайнер настаивает на том, что мысль должна первой приобрести эту независимость, так как она менее подвержена иллюзиям или ошибкам, порожденным личным чувством. К тому же, она - та единственная человеческая деятельность, которую мы совершаем в полном сознании.

Состояние сознания, при котором человек воспринимает себя через высшее "Я" во внутренней деятельности своей души, принадлежит еще только к периоду подготовки. Нельзя оставаться в этом состоянии. Надо перейти от точки нуля, от небытия, от темной ночи, где больше нет физических воспоминаний, к управляемому духовному восприятию. Душа отрывалась от физических существ и вещей постепенными этапами. Так же постепенно будет она приближаться к духовным существам. В этот период Рудольф Штайнер переводит своих учеников к упражнениям в созерцании. Когда дух человека достигает в этом созерцании существ духовного мира, высшее "Я" приобретает достаточно сил, что-бы оно могло держаться в этом мире, как дух среди других духов.

Понятно, что внутренний путь, данный Рудольфом Штайнером, не состоит только в простой последовательности упражнений, которые были здесь бегло перечислены. Не только каждая из основных способностей, но и малейшие оттенки души находят на этом пути свой особый способ воспитания.

Этот метод может, например, дать здоровые результаты только, если также тренируется и воля и если моральный прогресс идет параллельно. Это очень важная предосторожность, и на ней Рудольф Штайнер настаивает с самого начала.

"Если ты хочешь сделать один шаг вперед в познании тайных истин, делай одновременно три шага в усовершенствовании твоего характера на пути к добру".²¹ Он предупреждал об опасности выполнения этих упражнений без строгого очищения своего морального существа. При этом он не имел в виду внешние правила, но ясное понимание человеческой природы и, прежде всего, способность раскрытия личных иллюзий. Метод, укрепляющий сознание, может стать ловушкой для того, кто еще не преобразил неосознанные притяжения низшего "я", эгоцентрического "я". Он думал бы, что служит идеалу, а на самом деле в глубине души стремился бы доверять над другими при помощи новых познаний и высших возможностей.

Рудольф Штайнер положил начало современному пути посвящения, который, может быть, он один способен был провести в жизни в совершенстве. Он был ему по плечу. Он один был достаточно чистым, чтобы "жить" им до конца, и извлечь из него такие ослепительные результаты, как его ясновидение, безошибочное и безупречное. Из этого метода явились дары, которые он раздавал так щедро, и до своего последнего дня он продолжал делать его всё более надежным и действенным.

Путь, который до него предлагался в теософической среде, шел по линии восточной йоги. С тех пор индусская мистика была так часто описана, комментирована, предлагаема европейцам, что нет необходимости возвращаться к ней здесь. То, что нас интересует, это исторический момент, когда Штайнер входит в эволюцию для того, чтобы поиски прямого контакта с духом не стали бы возвращением к прошлому, но прогрессом современного сознания.

Современный мыслитель мыслит ясно, он хозяин путей своего мышления, и результаты, обретаемые им, могут быть проверены любым, кто может точно воссоздать условия его внутреннего опыта. Никаких следов транса или внушения. Он не подчинен своему учителю, как восточный ученик "чела" своему "Гуру". Последний недоволен наблюдением над раскрытием органов ясновидения у своего ученика, при случае, он вызывает это ясновидение, прибегая к методам, которые были оправданы при древних посвящениях, во времена, когда "я" было более податливо, более безлично. В наше время это пробуждение имеет цену только, если оно рождается у личности, желающей собственного преображения, возникновения в себе нового человека.

Путь упражнений медленен, обдуман, временами мучителен, так как высшая душа должна вырваться из чувствующей и страстной души, "подобно младенцу из чрева матери". Она должна всегда полностью иметь контроль над собой.

В начале своей деятельности в Теософском обществе Рудольф Штайнер отмечает, что "его члены имеют совершенно ложное представление о сверхчувственных качествах", по крайней мере ложное для современного западного человека. В самом деле, они ждут от ясновидения растворения нормального сознания ради смутного, неопределенного чувства всемирного существования. Они готовят к нему путем негативных упражнений, которые предположительно должны привести их к отсутствию желаний, отсутствию потребностей. Очень скоро они сталкиваются с многочисленными противоречиями.

Действительно, восточное предписание: не красть, не убивать... должно быть применено, если быть честным с собой, вплоть до мельчайших его последствий. "Не убивать" не только включает в себя: не истреблять кусающую нас блоху или вредителя., уничтожающего наши посевы, но также ассоциируется с убийством животных, когда мы поедаем их, носим их мех или кожу на себе. "Не убивать" ведет к изменению питания, одежды и даже способа дыхания, так как не преображенное дыхание создает условия смерти.

Сознание, из которого должно быть изгнано всякое чувство сепаратизма, требует отказа от утверждения или защиты малейшего личного права. Достаточно себе вполне честно представить практическое применение, начиная, конечно, с права собственности, этих первых требований восточного пути, чтобы понять, что современный европеец не может даже и попытаться честно проделать это, не выйдя из своей социальной группы.

Первым парадоксальным результатом применения принципа отсутствия сепаратизма на Западе окажется изоляция применяющего его. Это идеал, недостижимый в условиях современной жизни Запада.

Теософы быстро это поняли. Наиболее последовательные отправились в Индию и "изолировались группами" в колонии Адыра. Другие применились к своей среде и довольствовались упражнениями умственными и дыхательными, которые никого не задевали, но вводили их на путь, которому вся их остальная жизнь европейцев противоречила.

Адырские европейцы, однако, не добились ожидаемых результатов. Они невольно вводили свою телесную и ментальную плотность в восточные концепции.

Они не смогли избежать серьезных потрясений, возникших тогда, когда некоторые из них под предводительством Ледбиттера приняли за ясновидение порочное применение некоторых инстинктов.

Мы бы не упоминали об этих ошибках, если бы они не играли большой роли в Теософском обществе и не отразились на решении, к которому должен был прийти Рудольф Штайнер.

С. ОСЬ ЭВОЛЮЦИИ: ВСТУПЛЕНИЕ ХРИСТА

До сих пор ни об одном пункте учения Штайнера нельзя было сказать, что он был бы строго несовместим с учением теософов индусской тенденции. Союз оставался возможным. Много различно, но позволяет нанесение одного на другое, как в жизни настоящее накладывается на прошлое, не разрушая его. Различия еще не становятся разногласиями, наоборот, они стимулируют возможность объединения. Штайнер дает объяснения потрясающей глубины священных текстов Востока, особенно Бхагават Гиты. С другой стороны, многие теософы стараются выяснить, что есть в западной традиции общего с античной мудростью.

Но согласие перестает быть возможным в том, что касается Христа. Здесь уже какой-либо компромисс делается невозможным. Почему, удивляются теософы, почему это исключительное, единственное место, отводимое в эволюции Христу? Не является ли это у Штайнера уклоном, своего рода религиозной традицией, от которой невозможно отказаться? Они пытаются приписать предрассудкам человека то, что им мешает в пояснениях Учителя. И, однако, вместо того, чтобы быть эхом религиозного представления, тезисы Штайнера возникают органически из всего его мировоззрения. Он долго развивал их в циклах, составляющих основание его христологии. Они настолько глубоки, что здесь будет еле возможно набросать главные линии, отсылая читателя к самим текстам. Постараемся только выявить то, что эта христология принесла существенно нового в круги, где она была дана впервые.

Если человек своим сознанием отличается от необъятного мира, является ли он единственно сознательным существом в мире механических и слепых сил? Не существует ли вне его, - раз прототип всего, что есть в нем, находится во Вселенной, - некое изначальное Я, своего рода "Я емь" Вселенной.

Это "Я емь" есть Христос, проявившийся в Иисусе из Назарета. Его можно, с одной стороны, постичь путем внутренним. С другой стороны, Он постигаем через познание жизни Вселенной, проявляющейся в физическом мире.

Углубляя свое внутреннее существо, человек жизненным опытом постигает Христа в себе. Познавая самого себя, он может получить о Нем прямое откровение, он может убедиться в Его существовании, даже если историки не будут в состоянии предоставить ему материальных доказательств этого существования.

Если Христос может быть воспринят как объективное присутствие в самоиспытующем сознании, то это потому, что Он присутствует во Вселенной. Присутствуя во всех душах, способных соединиться с Ним, Он в то же время является "Я" всей земли. Стоит ли добавлять, что для Штайнера это присутствие Христа во всей Вселенной ничем не умаляет историческую реальность Его явления в Палестине.

Жизнь Христа на земле - историческая необходимость, так как она нужна для выполнения Его миссии. Эволюция требовала этого Его вступления. Если бы этого не произошло, весь мир не мог бы перейти той критической фазы, к которой он подошел. С самого своего начала он погружался в материю, и этот спуск не мог длиться без того, чтобы человечество, так же как и все живые существа, не было поражено склерозом. Нужно было, чтобы вмешалось Божественное Существо и повернуло бы течение развития так, чтобы все могло перейти от инволюции к эволюции, от угрозы смерти к обновлению жизни.

Миссия Христа, по существу, прежде всего состоит в обращении от смерти к жизни всего существующего. Это плод мистерии Голгофы.

Вся жизнь обновляется в корне, когда по велению Божественной любви кровь стекает на крест. Сама сущность земли возрождается со всем тем, что живет в ее лоне.

Человеческое тело также включено в это великое событие. Силы души, которым также угрожала смерть, так как они были слишком связаны с физическим миром, могут с этого момента быть спасенными. Дух, божественный элемент, живущий в человеке, может развиваться свободно.

То, что мы здесь вынуждены только кратко излагать, Рудольф Штайнер устанавливал изучением текстов, мышлением и ясновидением. Итак, своим воплощением в теле Иисуса из Назарета Христос связал Себя с землей. Эта связь составляет узел эволюции и соединяет обе ее части. Первая половина дуги нисходящая. Она соответствует инволюции божественных сил в материю; вторая половина - восходящая, она производит одухотворение материи силами Христа. Пока не уяснят себе историческое значение земного воплощения Христа, идея эволюции остается незавершенной. Эта идея-великое завоевание современного Запада. Наука рассматривала ее в эфемерной жизни организмов, как и в медленном движении небесных тел. Но это великое открытие должно получить все свое значение, дополняясь другим: Вся кривая эволюции имеет свой центр тяжести, центральную точку опоры. Эволюция человека и Земли также имеет свою ось. Она описывает кривую, в самой нижней точке которой появляется Христос. До Него имел место спуск, "падение", инволюция, после Него начинается подъем, искупление, эволюция в точном значении слова.

Космическая сила, Христос, действует на природные элементы, как и на всех людей, "иудеев и язычников", свободных и рабов, добрых и злых.

Его воплощение было событием, значительным для хода планеты. Оно связывает порядок моральный с порядком природным. Знает ли он об этом или нет, всякий человек, поедающий хлеб земной, приобщается к силам Христа.

Если сегодня возможно иметь представление о Христе, выходящее за пределы религиозных верований, если возможно постичь Его в Его космической сущности, это потому, что благодаря развитию современной мысли можно было высвободить великие законы эволюции.

Для того, чтобы вполне понять значение вести, принесенной Штайнером для тех, кто принимал ее в начале XX века, надо перенестись к духовному состоянию "свободомыслия", которое имело место тогда по отношению к христианству. Материалистическая наука только что нанесла религиям, особенно христианской, удары, которые казались

окончательными. Христианские исповедания долго были не в состоянии ответить на эти удары, будучи скованы догмами и устаревшими комментариями, утвердившими "создание мира в 6 дней", происхождение человека за 4000 лет назад, недвижность родов творений, созданных Иеговой и т. д. Всякий вольнодумец побоялся бы показаться смешным, посещая церковь. Мужчин в церкви больше не было видно. Само духовенство замкнулось в свои традиции, или, смущенное окружающим его "модернизмом", не имело силы произвести переворот. Переворот этот с тех пор начался под давлением многих фактов, среди которых учению Рудольфа Штайнера будущий историк будет вынужден отвести место гораздо более значительное, нежели предполагают. Будет очень интересно когда-нибудь узнать, какое обновление в понимании Христа внесло дело Штайнера в некоторых кругах духовенства, которые тайно прониклись его учением в то время, когда другие внешне его осуждали.

В момент, когда экс-христианская культура, казалось, более всего удалялась от своего принципа, пришел человек, вернувший ее к истоку, влив новое откровение, способное служить основанием для христологии будущего.

Однако то, что нас занимает в настоящую минуту, это центральное место, которое отводит Рудольф Штайнер принципу Христа, принципу примирения и равновесия.

Он доказывает, что путь западного эзотеризма, который провидел дух вплоть до материи, действительно приводил к историческому Христу, к воплощенному Логосу, через Которого земля получала эту полноту божественной силы, необходимой для ее возрождения. Он был жизнью, проходящей через все явления, все царства, и обеспечивал между ними единство и непрерывность.

Из этого следовало, что цель естественных наук, изучение жизненных явлений - один из способов достигнуть Его, способ, заключенный в одухотворенной науке, той науке, которую Рудольф Штайнер предчувствовал с первых своих контактов с гетевской интуицией.

Научный метод изучения жизни неизбежно приведет ученого, который им занимается, к открытию сверхчувственных сил жизни позади чувственных явлений, к признанию "эфирного", космического Христа.

С другой стороны, путь внутренний, путь усиления сознания также приводит к Христу. После самого Штайнера сколько его последователей, будучи первоначально агностиками или израэлитами, буддистами по воспитанию, открывали внутреннего Христа путем углубления познания самих себя, путем "пробуждения духа в лоне души". Они находили личным опытом ту связь, которая существует между этим пробуждением высшего "Я", которое, как молния, поражает низшее "я", и Христом, повергнувшим Павла наземь на пути в Дамаск. Они больше не "противились", они понимали: "То, что является мистическим событием для каждого человека, в частности то, что он может почувствовать как рождение в себе высшего "Я", имело место для всего человечества исторически, когда Христос Иисус появился в Палестине". 81

Эти два пути, один проходящий через познание явлений, другой - через развитие внутренней жизни, приводят оба к центральному видению Христа. Они являлись продолжением: один - науки, другой - мистики. Здесь также происходило примирение.

Одна из наиболее характерных черт христологии Штайнера - это то, что он находил в миссии Христа на лоне мироздания один из аспектов эволюции. Он находил в ней одновременно звено, соединившее науку и религию, мост, по которому переходят от веры в дух - к науке о духе.

* * *

Факт введения эволюционных представлений в область религии мог с первого взгляда показаться странным в начале XX века. О Божестве господствовало представление статичное, опиравшееся на откровения ненарушимые.

Если это движущееся понятие о Божестве могло уже удивлять людей Запада, привыкших представлять Божество в форме зафиксированной, то люди Востока могли быть еще более шокированы помещением в центр всей жизни Вселенной Бога, пришедшего сласти мир материи и спустившегося до него. Они не решились расстаться с представлением о неизменном Божестве, единственно существующей реальности, Которое выдыхает в едином вздохе иллюзорные миры, жизнь которых для него не более, чем игра, и вновь вбирает их в свое лоно. Западного чувства истории, судьбы, приготовленной человечеству, если оно присоединит свои собственные усилия к Божественному Достоинству, этого чувства им не хватало. И их не убеждали слова Рудольфа Штайнера, призывавшего их к более подвижным и более терпимым представлениям.

"Поймем же, что каждая эпоха приносит не повторение, но постоянную эволюцию человечества. Самое глубокое желание человечества, желание посвящения, также изменяется и развивается. Формы посвящения ранних эпох не могут быть формами современного человечества. Иногда говорят, что египтяне нашли с самого начала и раз и навсегда неизменные принципы и извечную мудрость. Говорят, что философии Востока содержат первичную истину, и всё, что было продумано позднее, только повторяет сказанное ими, и никогда не может быть превзойдено. Нет! Это абсолютно неверно. Каждая эпоха приносит глубинам человеческой души свой собственный импульс".

Штайнер старался избегать противоречий, предубеждений. Он особенно не хотел, чтобы из-за фанатизма соперничали принципы, которые противоположны постольку, поскольку их сопоставляют. Как только они займут свои законные места в ходе развития эпох, их различия обменяются и примиряются. И чтобы еще более уяснить это примирение, он продолжал: "Бывает, что некоторые теософы говорят: "Действительно, существует западное посвящение, приспособленное к нашей ступени эволюции, но оно является позднейшим. Подлинное посвящение можно найти только на Востоке". Им нужно ответить, что подобные вопросы не решаются так просто. Надо сначала глубоко постичь то, о чем говоришь. Говорят: "Будда поднялся до самых высочайших вершин и Христос ничего не добавил к ним". Но пусть спросят тех, кто стоит на почве западного посвящения, отвергают ли они что-либо из восточного посвящения, - они ответят - нет. Всё, что ценно для Востока, ценно и для Запада. Но они понимают, что эволюция продолжается. Представитель западного эзотеризма, например, имеет то же представление о Будде, что и представитель восточного, но он знает также, что с Христом вступил новый принцип, перешедший за пределы Будды. Он говорит о Будде точно так же, как и представитель восточной точки зрения. Он не говорит "нет" восточным доктринам, он говорит "да". Но он говорит "да" и еще чему-то большему". 79

Эти основные положения учения Штайнера как раз и составляют тот камень преткновения, который неспособна принять теософия. Постепенно она дает себе отчет в этом. Попробовав вначале принять Штайнера таким, каков он есть, и даже великодушно признать за ним известную оригинальность, она поймет, что не может дать ему подлинное место в своей среде, не входя в противоречие сама с собой. Она боится, что синтез, который ей предлагают, будет слишком на пользу христианству, а она все более является проповедницей индуизма. Это положение фатально заставляет ее противоборствовать другим миссиям. Тогда она почувствует течение Штайнера как настоящее *corpus alienum* (чужеродное тело), которое должно извлечь. Не думая о последствиях, она ищет случая бросить за борт то, что принимает за непосильную ношу, но вызванное этим потрясение главным образом пошатнет ее самое. Обедненная разрывом, она никогда не оправится от добровольного отказа от предложения, данного ей исторической судьбой - реализовать плодотворное слияние двух духовностей - восточной и западной.

XXI. ТРИ КОНГРЕССА

Национальные секции Теософского общества работали совершенно независимо, и только федеральные конгрессы, соединявшие секции, давали место встречам, при которых могли обнаруживаться острые углы. Эти конгрессы обычно имели место в разных странах каждые два года.

Было решено в Париже, что конгресс на Троицу 1907 года будет иметь место в Мюнхене и будет организован Немецкой секцией.

Для нее это был первый случай показать свои силы на интернациональном плане. Рудольф Штайнер предлагает членам расширить классическое представление о конгрессе. Не только умы должны быть просветлены речами, но и общая атмосфера. Оформление главного зала, музыка, представления - все должно помогать почувствовать реальность духовного мира. Предшествующие зимние лекции уже часто обсуждали роль искусства в жизни человека. Искусство преображает материю и выявляет дух. Мысли, которые укореняются в душе, должны находить свое выражение в том, что осуществляет рука; глаз, который созерцает сверхчувственные гармонии, должен видеть их отражение в языке форм и красок.

В прошлые века великие космогонии породили произведения искусства, которые еще сегодня свидетельствуют за себя, и празднование мистерий древности является источником великих искусств. Архитектура, скульптура, танец и священная музыка, поэзия и трагедия - все родилось здесь.

Нельзя ли во время конгрессов напомнить об этих древних мистериях? Имелось одно произведение, которое бы очень подошло. Эдуард Шюре только что создал реконструкцию Элевсинских мистерий.* Сокровища греческой мудрости возрождаются в этих картинах. Похищение Персефоны, поиски Деметры, Персефона, спасенная из ада, небесное соединение с искупителем Дионисом, все ясно указывает на судьбу человеческой души. /"Мистерия Элевзиса", воссозданная Эдуардом Шюре, была частично включена им в его книгу "Les grands initiales" ("Великие посвященные"). Полный текст был опубликован в "La science spirituelle", XVIII-и вып. 5, с предисловием Марии Штайнер./

Уже некоторое время работают созданные по инициативе Марии Сиверс художественные мастерские. Там готовились к поэтической декламации, художники писали декорации. В недели, предшествующие Конгрессу, члены секции захвачены деятельностью, предвещающей великие художественные свершения будущего. Репетируют, лепят, рисуют.

Когда прибывают иностранные члены, то их встречают не в обычной обстановке, но в торжественном помещении, где звучный алый цвет тканей, целиком задрапировавших стены и окна, служит фоном для декорации, восстанавливающей фазы человеческой эволюции. С каждой стороны поднималось по семь колонн; их скульптурные капители, так же как и окружающая живопись, соответствовали семи планетарным этапам. В глубине, перед эстрадой, где тонкий силуэт Рудольфа Штайнера темнел рядом с импозантной фигурой Анны Безант в ее длинной одежде из белого шелка, выделялись бюсты Фихте, Гегеля, Шеллинга, властителей идеалистической мысли современности. Справа и слева еще две колонны меньших размеров. Одна синяя, отмеченная буквой "I", другая красная с буквой "B".* Они символизируют два космических принципа оппозиции и как будто ждут, что слова, которые раздадутся с трибуны, примирят их в гармоническом синтезе.⁸² /"По-русски буквы И и Б (прим. переводчика). Лекции следуют одна за другой, за ними следуют концерты и представление Элевсинских мистерий. Штайнер перевел вольным стихом французскую прозу Шюре. Он режиссировал постановку, описал костюмы, декорации, позы актеров и их жесты соответственно духовным реальностям, созерцаемым древними. Он воссоздал священную атмосферу античной Греции и в то же время предвосхитил поражающую торжественность спектаклей, которые позднее будут разыгрываться на сцене Гетеанума.

Программа в целом уже указывает на то, что с этих пор духовная жизнь больше не будет культивироваться в абстракции, но вызовет художественные формы жизни, так, чтобы все существо смогло обновляться и в теле, и в душе, и в духе.

Это нововведение не всем приходится по вкусу, некоторые иностранные гости занимают критическую позицию. До сих пор теософы не занимались в своей среде искусством, а только "духовной жизнью". Все, что связано с чувственным миром, кажется им иллюзией, обманом, лишенным духа...⁶ Определенно, эта Немецкая секция берет на себя инициативу, которая настраивает, она открывает двери силам, которые не несут на себе печати Центральной дирекции Общества.

Однако Анни Безант все еще выражает совершенную терпимость. Она просто отмечает, что автономия Рудольфа Штайнера, о которой он предупреждал с первого момента принятия своей должности, не была простой формулой. Как хороший игрок, она принимает условия.

К тому же, ее положение в этом году и без того сложное. Дело Ледбиттера разразилось в 1906 году. Сначала Анни Безант под влиянием Американской секции, за которой следуют все европейские секции, настроена против него.⁸³ В 1907 году она еще окончательно не завершила изменения своей позиции, которое вернет ее к Ледбиттеру и индуистской политике Адьяра. Однако она ничего не делает для оздоровления некоторых тенденций, которые смущают умы и нарушают истину. Рудольф Штайнер видит в них прелюдию опасных aberrаций (искажений), но с ним не советуется. "Я не имел влияния на центральное руководство, - пишет он - Я только вынужден был настоять на том, чтобы секция, которую я направлял, не имела бы никакого контакта с этими тенденциями".⁶ Уславливаются, что пути будут протекать параллельно, но не будут больше смешиваться в корне.

Этим глубоким корнем было на физическом плане основание эзотерической школы. Здесь нужно о ней упомянуть для ясности последующего.

Она была лично основана г-жой Блаватской. "Здесь сообщалось все то, что не могло быть сказано всему Обществу".⁶

Рудольф Штайнер, естественно, участвовал в ней и руководил ветвью, предназначенной для членов его секции. Кроме того, он сам в 1905 г. основал более закрытый круг. Это не было тайным обществом, так как мы уже видели, каково было его отношение к оккультизму, но в нем собирали наиболее продвинутых в изучении духовных истин членов. Здесь эти истины выражались при помощи символов. Прибегая к ним, Рудольф Штайнер был свободен в выборе, но по существу никогда не было нескольких способов для символического выражения великих сил, управляющих миром. Культы и ритуалы имеют общей большую часть своей символики. Для иллюстрации даваемого им учения Рудольф Штайнер мог прибегнуть к той или иной из существующих традиций. Ему предложили осенью 1905 года ритуал Яркера (Jarker). Он его принял.

Он сам говорил с достаточной ясностью, по каким причинам он его принял, чтобы было понятно, какую цель он преследовал, применяя его в своем учении.

Ни этот ритуал, ни внутренняя теософская школа не должны были оказывать влияния на самую сердцевину этого учения, но его точка зрения была следующая: насколько возможно, пусть будущее опирается на прошедшее. Конечно, он приносил новую весть, которая могла и должна была черпать только из своего собственного источника, но он еще искал формальной связи с существующими тенденциями. Эта забота подсказала ему вступление в Теософское общество и в эзотерическую школу, а затем и пользование формами, заимствованными из вышеуказанного ритуала. "Я всегда уважал историческую традицию. В ней обитает дух, который моделировал становление человечества. Поэтому я согласился связать зачатки нового с существующим явлением".⁶ Эти связи, которые были лишь формальными, должны были скоро распасться одна за другой.

Мюнхенский конгресс для Штайнера - возможность освободиться от эзотерической школы Теософского общества. В разговоре с мадам Безант оба соглашаются расторгнуть существующее согласие.

Корень развязан в глубинах. Остальное последует. Когда они увидятся через два года на конгрессе в Будапеште, это будет в последний раз.

За это время и Анни Безант изменится, и произойдут многие вещи, которые предвидел Штайнер, но в которые он не мог вмешаться иначе, как только давая все более и более ясное учение о центральной роли Христа в эволюции.

Здесь также документ, до сих пор не изданный, дает доказательство этой проницательности.

В Барре, в сентябре 1907 года, три месяца спустя после Мюнхенского конгресса, Шюре задает свои известные вопросы, два из которых здесь уже рассматривались: Каково было развитие Вашей мысли? Каково начало Розенкрейцерства? Наконец, третий: что в точности лежит в основе Теософского общества?

Эти вопросы показались очень значительными Рудольфу Штайнеру, а тот, кто задавал их, слишком достойным информации, чтобы ответить просто устно. Он провел целый вечер за записками, которые наутро отдал своему хозяину.

В третьей из этих заметок, касающихся Теософского общества, после сведений о происхождении и личности Блаватской - мы о ней говорили выше - он добавил следующее:

"Хотя события и внесли в Теософское общество некоторое несовершенство, однако временно оно является орудием современной духовной жизни. Его распространение в европейских странах полностью зависит от следующего: в какой мере оно будет способно принять принцип западного посвящения? Так как для восточных посвящений, естественно, неведом принцип Христа как центральной оси эволюции. Без этого принципа, однако, теософское движение не может иметь решающего воздействия на западные культуры, которые имеют свою исходную точку в жизни Христа. Откровения, исходящие из восточного посвящения, не могут оставаться на Западе достоянием какой-либо одной отдельной секты, без корней, рядом с движением идей, а не внутри его. Они могли бы привиться на западной культуре, только изгнав из нее Христов принцип. Но это значило бы в действительности уничтожить подлинный смысл земля, так как этот смысл в том, чтобы понять и реализовать намерения Христа живого. Реализовать их в совершенной форме мудрости, красоты и деяния и является как раз основной целью Розенкрейцеров".

"Что же касается восточной мудрости как учения, то она представляет собой высочайший интерес, потому что народы Запада потеряли всякое чувство эзотеризма, в то время как народы Востока сохранили его".

"Но не менее очевидно, что единственный подлинный эзотеризм на Западе есть эзотеризм Христиан-Розенкрейцеров, ибо это он породил западную цивилизацию, и если он будет потерян, земное человечество потеряет, отвергнет свой смысл и свою судьбу. Гармония между наукой и религией не может расцвести нигде, кроме как в лоне этого эзотеризма, в то время как всякая попытка слияния между западной мыслью и восточным эзотеризмом будет иметь последствия бесплодные и выродившиеся, подобно "Эзотерическому Буддизму" Синета.

С 1907 года он определенно указывает на сердце проблемы: современный импульс Христа в человечестве.

"Понять и реализовать намерения Живого Христа"...

В течение последующих лет он не ограничивается только трактовкой принципа Христова в зависимости от эволюции. Он применяет к изучению Евангелия силы своего исследования и раскрывает скрытый смысл текстов, глубоко почитаемых вот уже 2000 лет, но всё еще не понятых. Он начинает с Евангелия от Иоанна, которое он называет "магической книгой, которая должна быть пережита не только прочитана". и в которой он находит путь христианского посвящения. Затем он переходит к Апокалипсису и другим Евангелиям. Он открывает глубины, еще не подозревавшиеся за таинством жизни и смерти Иисуса Христа. Он дает имена, числа, исходные точки, позволяющие воспринять космические резонансы Мистерии Голгофы.

Под тяжестью таких откровений слушатели начинают понимать соединяющую их ответственность. Секция сплавляется огнем этого духа. Деловые люди, артисты, врачи, воспитатели пополняют ее ряды. Штайнер их просвещает, ведет, поддерживает их внутреннюю жизнь, следит за тем, чтобы они наполняли ею свое повседневное существование. По случаю великих годовых праздников происходят всеобщие собрания то здесь, то там, чтобы сосредоточиться в течение целой недели на изучаемой теме, которая каждый вечер углубляется лекцией. Эти собрания отмечают ритм года. На них приезжают из всех городов Германии, из Швейцарии и Голландии, а также из Англии, Франции, Италии, так как в Германскую секцию принимают из всех стран. Она все увеличивает число своих приверженцев, проникнутых ее духом.

Независимость секретаря действительно абсолютна в пределах его секции. До тех пор, пока нет случая встретиться с теософами Адьяра, ничто не препятствует утверждению его учения. Но когда в 1909 году в Будапеште Рудольф Штайнер снова встречается с руководителями Центрального общества, получается встреча как бы двух теософии. Конгресс прекрасно это видит, но ведет себя "учтиво", и углы сглаживаются в атмосфере вынужденной теплоты. Взаимно проявляют большую вежливость и стараются избегать трений. Действительно, нет никаких внешних причин для разрыва. Штайнер первый желал бы сохранить гармонию. Он подчеркивает это, он просит, чтобы избегали говорить "о индусской теософии, которая противостоит тому, что хотели бы осуществить мы. Вопрос идет исключительно о том, что во времена Е. П. Блаватской истоки западного оккультизма еще не были открыты. Теперь же во многих областях они могут сказать то, чего нет в восточных источниках. "Однако разность источников не мешает гармонии, наоборот: эта гармония должна быть глубинной почвой, которую прорезывает поток, получающий воды из нескольких источников". 84

Со своей стороны Теософическое общество утверждает в своем уставе, что все мнения имеют в нем права гражданства. Глухое недоброжелательство, критика, упреки зреют пока еще за кулисами. Не моргнув глазом, участники конгресса слушают, с одной стороны, Анни Безант, заявляющую, что по сравнению с буддизмом - выражением наивысшей истины - христианство более грубая форма религии, а с другой стороны Рудольфа Штайнера, утверждающего, что Будда должен рассматриваться как провозвестник Христа, оси земной эволюции. Ибо, хотя он и ищет гармонии, но не ценой компромисса на почве духовных истин. И в частных разговорах с м-м Безант он вынужден дать ей понять, что их пути окончательно расходятся.

Нужно, однако, дать душам время самим разобраться в этом и свободно ориентироваться. Никакого давления не должно быть оказано, кроме все более насыщенной передачи обоснованных знаний. В своем покое, души, быть может, предпочли бы не делать выбора...

Духовные явления сами по себе вызывают потрясения, заставляющие сделать его.

* * *

Год 1909 действительно является поворотным в том, что касается истории отношений между Христом и людьми.

Рудольф Штайнер говорит об этой перемене с начала года. Несколько раз это является темой его откровений: в январе в Стокгольме, в июне - в Христиании, в промежутке - в Касселе, Гейдельберге, Берлине; теперь его ученики подготовлены к тому, чтобы его понять. Они знают, что в каждую эпоху эволюции единство с Живым Христом взывает в человеке к новым силам. В средние века это единение шло через сердце. Как в то время были обновлены силы сердца, сегодня должны обновиться силы мысли. Мысль из мертвой и иссохшей, какой она была, должна стать органом для восприятия того, что

несет зародыш жизни, как в себе самой, так и в мире. На "эфирном" плане подготавливается новая встреча. Там духи, подготовленные к восприятию сверхчувственного, смогут вскоре узнать Христа, "грядущего на облаках", то есть не в плотном теле, а в своей эфирной природе, таким, как Он появился Савлу на пути в Дамаск.

В то время, когда эта внутренняя подготовка поглощала внимание учеников Рудольфа Штайнера, в Индии произошло событие, явившееся ее антитезой. Мадам Безант вернулась в Индию после конгресса в Будапеште. Здесь имеет место в ее жизни невероятный эпизод с юным индусским мальчиком, который должен был принести ей позднее горькие разочарования, омрачившие ее последние годы.

Кришнамурти - его "звездное имя" было Альсион - был выпестован Ледбиттером и подготавливался им в течение нескольких лет для выдающейся роли на первом плане. Почему тогда было решено, что этот мальчик должен стать перевоплощением Иисуса Христа, и что это "возвращение Христа на землю" будет заявлено всеми голосами Теософского общества в мире? Можно теряться в догадках о причинах этой несчастной авантюры. Хотели ли подкрепить доктрину учителей и некоторым образом закрепить за собой учителя Иисуса, воплотив его в нашей современности и в Адьяре? Нужно ли было создать сенсацию, достаточно сильную, чтобы она могла отвлечь от христологии Штайнера, излучение которой распространялось в Европе?

Этого последнего мнения придерживался, во всяком случае, Эдуард Шюре. "Странная случайность, - писал он, - позволила мне узнать тайную причину и, так сказать, психологическую пружину этой плачевной истории. Я начну с того, что в тот момент никто еще не говорил ни о новом учителе, который должен был бы прийти из Индии, ни о новом воплощении Христа, и, вероятно, никто об этом не думал. Альсион еще не был открыт. Это было в 1908 году. Я только что издал перевод одной из книг д-ра Рудольфа Штайнера "Мистерии древности и христианство". Эта книга привлекла внимание европейской публики к возрождению западного эзотеризма, проявившемуся в грандиозной работе и активности германского теософа. Проезжая через Штуттгарт, я встретил человек десять теософов, английских, голландских, швейцарских, французских. Был поднят вопрос: смогут ли адьярская и Штайнеровская школы идти рядом. Мы почти все согласились, что взаимное согласие возможно, несмотря на разницу в точках зрения, и что оно было бы весьма желательно для высших интересов теософии, которая является не каким-либо частным, а универсальным течением современного человечества.

Один только собеседник запротестовал. Это был голландский теософ, весьма умный скептик и насмешник, интимный друг г. Ледбиттера и постоянный гость Адьяра. Он заявил решительно, что обе школы не смогут прийти к согласию и привел причиной этому, что одна Индия обладает традицией, и что на Западе никогда не существовало научного эзотеризма. Решительность этого заявления меня удивила. Я должен был понять его смысл и значение несколько позднее, когда разразилась - подобно бомбе - история Альсиона. Ибо эта история, на самом деле, не что иное, как ответ Адьяра на возрождение христианского эзотеризма на Западе, и я уверен, что не будь этого, мы бы никогда не услышали о будущем пророке". 85

Как бы то ни было, но в Бенаресе, в октябре 1909 года, Альсион, перевоплощенный "Христос", был представлен экзотическому собранию, которое почувствовало веяние духа, пронесшегося над ним и почившего на избранном...

Все эти известия достигали Рудольфа Штайнера в тот момент, когда он опубликовал свою книгу "Geheimwissenschaft im Umriss", в которой он не позволил себе упомянуть ни одного факта эволюции, который не мог бы быть оправдан мыслью. И вот в это время духовные реальности, как, например, перевоплощение, вместо того, чтобы быть найденными мыслью, проникнувшей в законы ритмов и метаморфоз, подавались как догмат веры, и это - в эпоху расцвета рационализма! Но хуже того! - их исказили, делали их смехотворными, жонглировали духовно!

В результате это действительно привело к глубокой дискредитации всякого прямого изучения духовного, что еще долго сказывалось, и не рассеялось еще и до наших дней.

Между тем дело Альсиона разрасталось.

В лоне Теософского общества был создан орден "Звезды Востока", он имел миссией распространение новости о перевоплощении Христа и привлечение единомышленников.

С большой тонкостью Анни Безант не возглавила сама этого ордена, но всячески содействовала ему. Она выбрала для него в Европе активных пропагандистов. В Германии они, естественно, вербовались среди антагонистов Генерального секретаря. Последовала ожесточенная подрывная деятельность против Учителя, который стал инакомыслящим. Старались поймать его на противоречиях с самим собой. Искали случая скомпрометировать и подорвать доверие к нему его учеников.

Он, однако, не хотел замечать всех этих маневров. Он оставался в твердом убеждении, что оккультист не может защищаться ничем иным, кроме истины. "Сделать из истины единственную ориентирующую силу всего общества, вот основное. Так, чтобы заблудившиеся всегда могли видеть, какова прямая линия, которой следуют те, кто ответственен за основанное ими движение. Подлинная работа для антропософии, а не борьба с искажениями - вот что было важно для Марии Сиверс и для меня. Конечно, бывали случаи, когда приходилось проявлять решительность". 6

Он возводил духовное здание, план которого был ему поручен. Циклы следовали один за другим. Австрия, Швейцария, Италия, Норвегия, Голландия, Дания принимали его учение. Его призывали во всех странах, и он отвечал. Его время было так поглощено этой позитивной работой, что его не хватало на полемику. К тому же, борьба для него была возможна только на духовном плане. Она не должна была опускаться на план личных выпадов. Нужно было давать духовные факты, все более проверенные, все более убедительные, и прежде всего пробудить души от их лености, от их упорства и предпочтения сентиментального "флирта" с духом вместо деятельной любви к нему.

* * *

Время конгресса 1911 года подошло. Он должен был состояться в сентябре в Генуе, организованный Итальянской секцией. Приглашения уже были получены Главными секретарями. Рудольф Штайнер объявил свой вклад темой "От Будды ко Христу". Это был случай дать членам возможность выбора. Они должны были услышать ясно сказанным, что "безусловно, новое сближение Христа с человеком происходит в наши дни в связи с силами становления будущего, того становления, которое начинает параллельно открываться науке. Это новое сближение не может возобновить единственного явления воплощения, но оно будет соответствовать росту человеческого сознания, подъему человека к способности эфирного восприятия".

Рудольф Штайнер был уже на пути в Италию и навещал по пути швейцарские группы, когда его достигла телеграмма: Конгресс был отменен. Однако никто, даже президент, не имел права без одобрения собрания идти против Устава, который установил эти конгрессы.

Был сделан запрос секретарю Итальянской секции, чтобы узнать причины, очевидно, очень серьезные, для такого нарушения правил. Он дал ответную телеграмму: "Поступил соответственно приказанию президента, г-жи Анни Безант и секретаря Валаса. Просьба обращаться к ним".

Встречи лицом к лицу избежали.

Как же реагирует Рудольф Штайнер? - Продолжая непоколебимо отвечать на заблуждения духовными фактами. Он читает в последующие недели цикл "От Иисуса ко Христу". Не следует думать, что он бы не открыл того, что содержал этот цикл (один из тех, где сильнее всего проходит импульс, одушевляющий всю его христологию), если бы некоторые маневры теософов не вынудили бы этого. Но бывают обстоятельства, с которыми нужно считаться, так как они выявляются малыми причинами больших событий. Одним из аргументов, которым пользовались против него, было утверждение, что место, которое он отводил Христу в эволюции, было не столь результатом подлинного видения духовного мира, как влияния, в котором он не хотел признаться и которому он подвергся, "когда был учеником иезуитов". Некоторые шли еще дальше и уверяли, что он священник, снявший с себя сан. Опуская еще раз всякую полемику, он указывает в этом цикле, каковы те две опасности, которые мешают установлению подлинного понимания Христа в нашу эпоху. С одной стороны, под влиянием некоторых религиозных орденов, внимание переносится с духовного принципа "Христа" и концентрируется на принципе человека "Иисуса". Конечно, "Иисус" есть один из элементов мироздания, но Его возвеличивают свыше меры, делая из Него то, чем бы Он стал, если бы Он не устоял перед искусителем, который хотел дать Ему "все царства земли и всю славу их". С другой стороны, "внутренний Восток" захватывает западную душу и лишает всякой реальности единственное явление божественного вмешательства в становление земли, так, как оно имело место на Голгофе. Против этих двух опасностей он предупреждает и описывает свободное раскрытие человеческого духа, способного дойти до подлинного познания сущности Христовой.

Смелость этой свободной и новой точки зрения, сила убеждения, которая звучит в самих его словах, вызывает неприязнь тех, кто чувствует себя задетым, и Рудольф Штайнер должен был заметить позднее, что с момента этих лекций враждебность против него и его творчества начала укрепляться. С этого момента он видит подготовляющуюся неизбежность эры противодействий и заговоров и принимает на себя ее плоды, так как путь его начертан и решение принято. 82

Вокруг него его ученики также с каждым днем более сознательны и более решительны.

В сентябре 1912 года они предвидят возможность формирования группировки, которая не имела бы ничего с ориентацией Теософского общества. Они устали от нападков, открытых и скрытых, которые искажают учение их учителя и клеветают на его личность. Они мечтают об ответах, которые могли бы восстановить истину фактов. Но он остается верен своему принципу: "Дорогие друзья, не просите меня опровергнуть то, что печатается в журнале "Theosophist"; можно опровергать ошибки, но надо отказаться от всякого опровержения вещей, которые никогда не существовали. Об одном, однако, хочу вам сказать. Только ваше доверие заставляет меня оставаться на посту Генерального секретаря Германской секции. Ибо то, что мне приходилось переносить на этом посту - годами - горько, и только чтобы не показаться сентиментальным, я воздержусь от того, чтобы сказать, что это мученье".

Тем временем развязка приближалась. На Рождество 1912 года в Кельне состоялось первое официальное собрание участников независимого общества, для которого уже было произнесено слово "Антропософия" - человеческая мудрость. Прежде, чем считать себя обладающим Божественной мудростью, - говорили они, - надо обрести человеческую.

За этим собранием последовал цикл "Бхагават Гита" и послания апостола Павла, где еще раз показана возможность взаимного понимания между спиритуалистами Востока и Запада. Различные течения гармонизируются в поразительном единстве для служения смыслу эволюции.

Затем наступил конец.

В январе 1913 года м-м Безант написала официально, что Адьяр не рассматривает больше Рудольфа Штайнера как генерального секретаря и просит вернуть Устав Германской секции.

3-го февраля имело место первое общее собрание Антропософского общества.

Рудольф Штайнер начинает строить на собственной почве.

Часть третья. ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ

XXII. АНТРОПОСОФСКОЕ ОБЩЕСТВО

Историческая необходимость потребовала, чтобы, из Теософского общества внешне высвободилось бы Антропософское общество, а не сама Антропософия.

Рудольф Штайнер, 16. 04. 24

Это, конечно, одна из самых великих тайн мира, может быть величайшая, что в судьбе духовных явлений такое смущающее, таинственное место остается за преходящим.

Шарль Пеги

Почва, на которую мы действительно можем опираться, это - духовный момент, который проходит.

Рудольф Штайнер, 15. 12. 1911

Разрыв произошел сразу. Когда он стал окончательным, Антропософское общество уже родилось. Это был вполне жизненный организм, обладающий своими ритмами роста, окрепший в ходе преодоленного кризиса. "Антропософское общество не пришлось основывать. Оно родилось само собой" (13. 2. 23). Действительно, большинство его членов ничего не сделали иного, как просто воспользовались руслом Теософии, чтобы дойти до Штайнера и его учения. В нескольких странах Европы свободно образовывались подчиненные ему группы, что сразу придавало интернациональный характер этому учению. Оно образовало, включая эзотерическую школу, автономную доктрину, откуда проистекала жизнь, движимая вдохновениями, за которые Рудольф Штайнер признавал себя ответственным только перед миром духовным..

Поэтому казалось правомерным сказанное в момент учредительного собрания в феврале 1913 года:

"Ничто не изменилось в духе нашей работы, если не считать, что раз нам необходимо изменить свое имя, то имя, которое мы сейчас принимаем, подходит нам больше, чем прежде."84

Для него это имя имело уже давнюю историю и выражало собой цель жизни, увиденную в отрочестве: заложить основы человеческой науки о духе. Вполне осознать в себе то, что человечно. Извечные поиски духа завершились в нашу эпоху антропософией. К этой цели двигалось человечество. "Мы получаем от антропософии сущность самих себя." 86 Эта идеальная сущность человечества некогда являлась человеку в трансцендентальности небесной сущности Софии. Отныне София должна будет проявляться из знания, которое человеческое существо, Антропос, приобретает о себе самом.

Очень поучительно проследить в деятельности Штайнера его продвижение к этой цели: основание духовной науки о человеке, наследницы мудрости мистерий, приспособленной к современности и доступной всем. Можно увидеть, как он собирает средства для воплощения этого идеала сначала в современном мышлении, затем в душах своих слушателей и, наконец, в практических реализациях. Его деятельность надо рассматривать одновременно как встречу с мыслителем, руководителем душ и посланником духа в современном человечестве.

Уже в то время, когда он брал на себя создание в Германии ветви Теософского общества, он имел в виду цель, которую он сегодня именуется Антропософией. Мы помним день 20 октября 1902 года, когда между заседаниями, основывающими эту ветвь в Берлине, он, как обычно, в понедельник вечером читал в кружке "Грядущие" (Kommende) цикл лекций под названием "История человечества от древних восточных представлений до наших дней, или - Антропософия".

Термин Антропософия появляется снова и при некоторых других обстоятельствах, например, в октябре 1909 года, при праздновании седьмой годовщины этого основания. В четырех лекциях он описывает сверхчувственные течения, дающие человеческому организму его структуру и его телесные функции, служащие основой, поддержкой для сознания "Я". Он собирается опубликовать стенографическую запись этих лекций под заглавием Антропософия, но этот термин не кажется ему еще достаточно обоснованным. Он не нашел еще слов, нужных ему, чтобы оправдать в глазах своих современников приводимые факты и он берет обратно свою рукопись из печати. Он поступает точно так же, когда он снова касается той же темы в Праге. Он не отдает для распространения через множительные аппараты то, что им дано под названием "Оккультной физиологии" и что содержит телесные основы науки о человеке. Стенограммы же тех лекций, которые содержат прямые результаты того, что дает ясновидческое сознание, идут в печать прямо. Но терпеливые поиски, чтобы оправдать через мышление полученные таким образом данные, чтобы вывести из них практические результаты, весь этот период созревания, не имеющий ошеломляющего характера откровения, вот то, что требует от мыслителя упорных медитаций. Провидец может передать своей аудитории откровения, полученные молниеносно, но мыслитель не может себе позволить возбуждать души, если у него еще нет власти привести их к свободному владению собой. Самые возвышенные истины, облеченные в форму откровений, не поддающихся проверке, никогда не будут приняты современностью. Они смогут завоевать право на признание только в том случае, если можно будет доказать наличие в человеке органов, способных к непосредственному восприятию духовных факторов. Это и является прямой задачей антропософии.

Теософская позиция была позицией ожидания откровений и даров духовных в спокойной пассивности. Позиция Антропософии - это искание пробуждения личного сознания, самоконтроля, методического исследования.

Надо настаивать на этом, чтобы понять глубокий смысл слов, которые сначала как будто таят в себе загадку:

"Историческая необходимость потребовала, чтобы из Теософского общества внешне высвободилось бы Антропософское общество, а не сама Антропософия"87.

* * *

Переменить имя еще не значит одним взмахом изменить умонастроение. Смогут ли люди с прежним направлением мыслей достичь духа, живущего за именем?88. Без усиленного продвижения каждого члена Общества, имя станет только новой этикеткой, и в этом случае вместо того, чтобы рушить преграды, - будет воздвигнута еще одна. Если слово антропософия будет только служить ярлыком, лучше не произносить его вовсе. Он говорил: Имя всегда менее важно, чем дух, тот дух, который должен проникнуть в современные души. После того, как он был более десяти лет подчинен формулам, у него вырывается эта полу-шутка:

Я бы хотел менять наименование Общества каждые восемь дней, потому что люди останавливаются на названии, видят в нем определенную программу, а тем временем реальность жизни ускользает от них"89.

Как можно избежать известного сектантского духа любому обществу? Этот вопрос заботил его на каждом повороте пути. В Вене он боролся против вербовки в политические, националистические и литературные группировки. В Веймарских архивах - против лозунгов, мешавших свободным изысканиям. В Берлине - против диктаторов Народного университета, в "Журнале" - против давления заказчиков, и еще вчера - против фанатизма, который был его тяжким крестом в Теософском обществе. Конечно, он был слишком положительным, чтобы желать упразднить живую общественную форму, но как сделать из нее орудие духа, а не гроб его? Всякое общество имеет целью поставить в рамки деятельность своих членов; не будет ли оно противоречить само себе, если его целью в то же время учить тому, как может стать свободным дух в личности? В конце концов его прирожденная вера в человеческое существо взяла в нем верх. Она внушила ему надежду, что те, кто его окружают, сумеют превозмочь это противоречие между свободной деятельностью индивидуального духа и стадным влиянием общества.

Он сказал членам Общества без обиняков: пусть внешний разрыв будет для каждого из вас призывом к внутреннему освобождению! Он призывает их стряхнуть с себя дилетантизм, заставляющий их проходить, как во сне, мимо событий, определяющихся в духовном мире, как на сцене истории. В течение весны 1913 года, в момент, когда Общество "освобождается от цепей, ставших непереносимыми", он надеется, что свободное общество... "будет материальным отблеском освобождения, ставшего необходимым для умов, так как без этого внутреннего освобождения личности душа не найдет новых путей ко Христу."90

Он берет на себя то, что является противоречивым в подобном положении, и доверяет будущему возможность смягчить это противоречие, постоянно продолжая сам работать над его разрешением. Может быть, он не сумел бы так твердо очертить противоположности между общественной областью и индивидуальной свободой, если бы он постоянно не видел, как его собственному пути угрожали трудности, вызванные необходимостью индивидуальной свободы, с одной стороны, и дисциплины в группе, с другой. Он сам разрывался между этими противоположными тенденциями. На практике эта напряженность порой казалась непреодолимой. После многих изнурительных усилий для сближения в некоей форме социальной общности существ, которых выделял их духовный рок, он поставит на карту свои последние силы, как мы это увидим, чтобы разрешить в своей личности это страшное противоречие. Его смерть не заставит себя ждать.

* * *

Мы уже говорили, что не пишем здесь апологии основателя Ордена, а пробуем обрисовать положение исключительного значения в современной истории духа человеческого, значения, которое должно было бы быть ясным для всех. Мы решаемся поэтому описать это явление во всех его фазах, не исключая и тех случаев, которые, казалось бы, окончились неудачей. Эти случаи иногда являются самыми поучительными.

Например, в годы, предшествующие разрыву, Рудольф Штайнер спрашивал себя, какую форму единения предложить тем, кого привлекало его учение? Он хотел оградить их одновременно и от фанатизма, этого выкупа за сентиментальную привязанность к идеям, превосходящим наше понимание, и от абстракции или других плодов избытка интеллектуализма. Между этими двумя опасными крайностями он усматривал возможность найти равновесие в искусстве и поощрял все виды художественной деятельности.

Дисциплина, накладываемая искусством, не является общественным ограничением, а технической необходимостью, которой люда свободно подчиняются. Искусство должно было стать желанным противовесом неизбежному формализму, возникающему в закрытом обществе.

Мы уже видели роль, которую сыграли художественные мастерские в подготовке конгресса 1907 года: живопись, скульптура, музыка, рецитация, драматургия, все содействовало тому, чтобы влить в чувственные формы жизнь духа.

Отсюда возник дух энтузиазма, охвативший этот род коллективного творчества и обновивший взаимоотношения между членами. В 1909 году было повторено представление "Элевзинских мистерий" Шюре. Другая пьеса Шюре "Дети Люцифера", переведенная Марией Сивере и ритмизированная Штайнером, была поставлена в Мюнхене. Благоприятное влияние этих больших летних фестивалей чувствовалось в Немецкой секции в течение целого года; все, что было артистического и активного среди ее членов, группировалось под режиссурой Рудольфа Штайнера. Сам он видел здесь возможность возрождения театрального искусства, приближения его к его божественному источнику - Глаголу.

В 1910 году он начал еще более тесно связывать эту артистическую жизнь с духовным учением. Он сам создал текст "Розенкрейцеровской драмы". "Он сказал нам с улыбкой, что собирается претворить сказку Гете о "Зеленой Змее и Прекрасной Лилии" в серию имажинативных образов, приспособленных к постановке на сцене" (Мария Штайнер).

Во время своего только что совершенного путешествия по Италии он очень живо почувствовал магическое дыхание тех форм, в которых воплотилась красота. Он хотел эту красоту, которую Гете вложил в образы своей сказки, вывить из глубин, ее порождающих, слить ее с пластическими возможностями сцены, услышать, как совершенный, всеобъемлющий глагол рождается между всеми действующими лицами, каждый из которых следует своим путем.

В августе 1910 года вокруг этой первой "драмы" создается удивительная общность между членами. Мы будем говорить позднее о "Вратах Посвящения", но заметим здесь, какую надежду связать общество воедино могло подать такое бескорыстное слияние, объединяющее в священном энтузиазме исполнителей и зрителей.

Эта творческая сила продолжает утверждаться в создании местных центров деятельности Общества. Каждый год возникал новый очаг. Планы разрабатывались совместно, а затем их реализация разделялась между всеми. Открытие нового Очага являлось поводом подлинного духовного праздника. Была дана возможность воплотить учение в формах, фигурах красках, декорациях. Уже намечались контуры новой архитектуры. В Штутгарте речь шла о здании, внутренние формы которого предвосхищали будущий стиль Гетеанума. Штутгарт всегда являлся для Штайнера благодарной почвой для практических реализаций, что особенно подтвердилось в момент социальных попыток.

Эти создания искусства не только объединяли в общем порыве членов общества, но и препятствовали тому, чтобы учение в них приняло сухой и абстрактный характер.

"В той мере, в которой ваша Духовная Наука прибегает к интеллекту, к схемам, к техническим терминам, особенно при объяснении человеческого существа, она суха, как скелет... ничего не могу себе представить более жестокого, чем объяснять человеческую природу, раскладывая ее на семь элементов на черной доске, в то время, как тот, кто это говорит, и те, кто его окружают, закладывают в своем существе самые грандиозные тайны жизни. Но это так, и это необходимо осознать. Все объяснить... такова задача нашей эпохи; но как мы выйдем из этого противоречия: рассекать на части Вселенную, чтобы потом обобщить это необозримое произведение искусства в нескольких абстракциях, пусть даже теософских?".

Когда была почувствована "величайшая боль" от разъятия интеллектуальным анализом Вселенной, этого высочайшего единства, художественный опыт, пережитый совместно, принес с собой веяние воскресения, и возникли новые замыслы общественной жизни. Не наступило ли время оформить их?

Летом 1911 года была создана в Мюнхене вторая драма-мистерия. А в следующем декабре Штайнер обращается к группе членов Общества, чтобы отыскать вместе с ними "общественную форму, позволяющую продолжить совершенно определенное духовное течение, а именно - Розенкрейцеровское"⁸⁴.

Подобный род общества, покоящийся на кооптации, будет носить простое имя "бунда" (союз, лига). Достижение подобной цели требует строгих условий. Готов ли каждый возвысить свою человечность до уровня сверхличного? В Бунде не будет какой-либо особо почетной должности...

"... для того, чтобы с деятельностью не связывалось ничего, кроме чувств долга, ничего, потакающего самолюбию и тщеславию. Только интересы духа будут приниматься во внимание"⁷.

Попытка, которую предпримут, будет покоиться только на непосредственном обязательстве личности перед миром духовным, единственным содержащим положительные реальности.

Кто станет членом этого нового союза? Тот, кто свободно отдаст свои силы на служение этим положительным реальностям.

"Смогут считать себя участвующими те, кто в полной свободе примут свою часть работы, которая прежде всего - внутренняя... Такое объединение является первой попыткой; только испытание жизнью подтвердит его возможность"⁷.

То, что Бунд будет иметь жизнь общественную, обусловит отказ от прежних принципов тайных обществ. Нужно будет найти новые общественные формы, пригодные для веющего духа, ибо дух не останавливается там или здесь, а дышит, где хочет.

"Уже грешат против этого духа, говоря: "Вот что мы основываем! В тот момент, когда это будет сказано, мы докажем, что ничего не поняли, и сами себя выключим. Нужно оставить поле деятельности свободным для сверхчувственной активности... Все должно оставаться подвижным, текущим, и нельзя сказать заранее, что именно получится; все будет зависеть не от теперешних слов, а от действий, которые будут совершаться... Почва, на которую мы действительно можем опираться, - это духовный момент, который проходит"⁷.

Этот момент - торжественный призыв - значительный и серьезный. Если окажется группа людей, достаточно очищенных от всякого эгоизма, воля духовных миров пойдет им навстречу и им будут доверены задачи будущего.

"Призыв прозвучал. Будут ждать - пробудится ли эхо... Подобные призывы делаются три раза. Когда третий прозвучит напрасно, он надолго возвращается в духовные сферы. Уже один раз призыв прозвучал, не пробудив эха. Теперь он раздался во второй раз. Каждый раз, когда он звучит напрасно, все суровее становятся условия впоследствии"⁷.

Неосомненна преемственная связь этих слов с "Химическим браком" Христиана Розенкрейца, Розенкрейцерским произведением XVI века, чьи отклики оживают в сказке Гете и появляются переложеными в Драмах-Мистериях. Среди других черт в них отмечается, что участники сами определяют своим поведением место, которое они занимают в

церемониале. Они не "назначаются". Что же касается самого Рудольфа Штайнера, он не выполняет какой-либо функции, а заявляет, что во всем этом он только "толкователь принципов, являющихся исключительно принципами мира духовного"⁹¹.

Призыв прозвучал. Но древний змий тщеславия всегда находит даже в самом лучшем дереве дупло, где ему укрыться. Когда организм зависит от абсолютной зрелости всех его членов, - нестойкость одного - вызывает падение целого... Попытку пришлось оставить.

Было бы ошибкой, однако, считать это полным провалом. "Бунд", Общество "Мастерство и Искусство" - "сорвавшиеся попытки", но благодаря им в эти декабрьские дни 1911 года у очень многих утвердилось убеждение в том, что искусство является самым подходящим путем для проникновения духа. Благодаря им также возникла ассоциация с вполне определенными целями - "Иоганнесбауферейн", - которая искала возможности построить здание, могущее послужить театром для постановок "Мистерий". Пока еще не знали, где и как оно будет воздвигнуто, но его уже окрестили в память одного из главных лиц драм-Мистерий именем Иоганнеса.

Итак, неудача была лишь частичной. Она могла опечалить, но не парализовать того, кто всегда был готов "все основывать на духовном моменте, который проходит". "Весной 1912 года, следовавшей за попыткой организации Бунда, Рудольф Штайнер говорил так, как "если бы нечто кончилось, а нечто начиналось вновь"⁹².

Другие ответы также были даны на торжественный призыв "воплотить в сознательное деяние людей намерения богов"⁷. Один из этих ответов был принесен в третьей Мистерии: "Страж Порога", где человек, Иоганнес, находясь между двумя братствами, старым и новым, переходит из одного в другое.

Осенью 1912 года последний раз ставился вопрос: следует ли сохранить форму общества, преследуемую призраками доктринерского духа и фетишизма, всегда в какой-то мере присущими групповым душам? Почему бы не распустить просто на просто Немецкую секцию? "Мы могли бы это сделать, - скажет он четыре года спустя, - Несколько преданных друзей в каждом городе было бы достаточно, чтобы свободно организовать чтение лекций". Может быть, этим можно было бы избежать злостной клеветы, изобретаемой прежними членами Теософского общества против "инакомыслящих"? В 1913 году было уже поздно. Момент прошел. Экс-Теософское общество успело уже круто измениться. Оно уже существовало со своей структурой, своим президиумом, со своими ответвлениями, своим Бюллетенем и своими общими собраниями, длящимися по несколько дней, которые создают среди своих членов, прибывающих это всюду, то опьяняющее слияние, являющееся одной из тайн жизни многочисленных немецких обществ, в теплой атмосфере которых исчезает дух личности с его перегородками.

Итак, не будет уничтожено то, что уже существует, но будет сделана попытка изменить его изнутри, тем более, что собрания и конгрессы будут подходящими случаями, чтобы влить новое вино в старые меха статусов и распорядков дня.

К тому же, Общество дает возможность передавать учение постепенно. А такая постепенность сделалась необходимостью с того момента, когда сообщение, углубляясь, не может быть передаваемо без подготовки, не предупрежденной аудитории. Роль общества - отбирать, распределять, словом, выполнять необходимую работу "подметальщика порога храма".

Почему же, если это общество, несмотря на все свои несовершенства и тернии, может стать почвой, необходимой для посева почему Рудольф Штайнер слагает свои обязанности генерального секретаря и не возглавляет Правления, избранного учредительным собранием в феврале 1913 года? Потому что он хочет перед лицом общества, являющегося требованием человечества, предстать только как Учитель. Идя навстречу друг другу, они, может быть, смогут облегчить взаимные задачи. Учитель ответственен за свое учение только перед духовными силами.

Перед людьми он свободен и не должен быть назначенным ими. Он является началом духовным по отношению к началу мирскому. Что же касается общества, то оно управляет передаваемыми ему богатствами. Оно следит за тем, чтобы они не были использованы во зло. Оно наблюдает за записями слов Учителя. По отношению к неуловимой творческой силе духа оно остается решением компромиссным, чем-то вроде узды, и имеет характер более статический, чем само движение антропософии. Это последнее перелетается в большей или меньшей мере за его рамки, но пока будет жить Учитель, движение и Общество будут находить в нем точку своего слияния. Они будут совпадать почти десять лет, пока взлет духа не превысит пределов общества, формы которого постареют и потребуют многочисленных обновлений. Из этого последуют мучительные кризисы, приводящие к предельным жертвам, дабы снова вдохнуть дух в застывающие формы. Трагедия последних лет жизни Рудольфа Штайнера делается вполне понятной только в перспективе 1913 года.

В то время лишь очень немногие улавливали в настоящем зреющее будущее. Великая жажда заставляет членов Общества принимать благие дары духовного учения, просить советов для их личного развития, улавливать веяние проносающегося духа - все то, чему помогает сама форма общества. Нужно, чтобы время и события, происшедшие с тех пор, отступили, чтобы понять, оценить, какие перспективы открывались перед взором того, кто, одинокий, как Моисей на Синае, принял на себя перед духовным миром задачу спуститься к антропософскому обществу для передачи ему послания духа.

XXIII. ПОСЛАННИК ДУХА

"Зачем мы учим? Потому что произойдут события., которые смогут быть поняты человечеством, только если оно будет к ним подготовлено".

Рудольф Штайнер (27. 01. 1910)

"Послание духа было людям принесено..."

Рудольф Штайнер (24. 12. 1923)

Антропософское общество было основано за восемнадцать месяцев до начала первой мировой войны. "Эта война нашла нас неготовыми", скажет Рудольф Штайнер в 1917 году. Но когда читаешь, отрешившись от современности наших дней, лекции 1912 и до 1914 года, ясно, что он, по крайней мере, видел подступающий ужасный кризис, и что он делал все, особенно с весны 1912 года, для того, 17-гобы народы могли терпеть и понимать друг друга. Он говорит под давлением того, что он видит за кулисами истории и что отражается в событиях. Это придает его сообщениям характер поручения, которое он уполномочен выполнить. Он учит людей, чтобы пробудить их внимание к создававшемуся положению, к тому, что он называет "урочным часом мира". Антропософия должна заставить людей осознать подготавливающиеся столкновения. Испытание сломит только тех, кто не способен будет понять его смысла.

Все ли темы, им затронутые, продиктованы текущими событиями, или они представляют собой развитие методически задуманного плана? Поисков истоков его инспирации являются исключительно важными для того, чтобы понять природу и

размеры его посланничества. Это сводится к тому, чтобы спросить себя, в какой мере он развивает свои собственные идеи и в какой мере он передает послание, ему порученное?

Конечно, в нем можно угадать мыслителя, развивающего свои идеи в строгой последовательности. Конечно, в нем можно также найти великого педагога, применяющего учение для воспитания известной группы людей, для расширения их мышления и формирования характеров. Во всем этом он следует методическому плану истинного воспитателя людей. Он скажет, например, позднее, что можно обнаружить известные периоды в темах, затрагиваемых его учением:

"Первый период состоял в оправдании Антропософии перед современной научной мыслью. Второй период (1907-1914), главным образом, обращался к воспитанию склонностей души, обращая всю совокупность их к искусству"⁹³.

Третий период, после войны, имел бы целью одухотворить научную мысль, чтобы сделать плодотворными ее применения, благими практические результаты. Но мы сильно просчитаемся, если остановимся только на этом аспекте методического плана. Та или иная необходимость не раз заставляла его выбирать темы, которых он касался. Многочисленные факты и тексты подтверждают это.

Говорит ли он как мыслитель, как ясновидящий, как глава определенной группировки? Одно неотделимо от другого. Сама природа его послания требовала от посланника, чтобы он прошел через опыт мыслителя, учителя, руководителя. В его лекциях философ, ясновидящий, воспитатель подают руку друг другу.

Мыслитель аргументирует. Он формулирует возражения, которые затем опровергает, позволяя самым упорным противникам признать, что наука о рае возможна. Ясновидящий сообщает и учит о реальностях духа. Даваемые им описания сами пробуждают дремлющие органы сознания тех, кто его слушает. Когда его однажды спросили: какая польза в том, что вы нам описываете духовные явления, которых мы не-способны проконтролировать? - он ответил: Во-первых, если вы еще не ясновидящие, вы можете стать ими, вы "слепые, которых можно оперировать", так как каждое человеческое существо носит в себе в зачаточном состоянии органы, которые дали бы ему сверхчувственные восприятия, если бы были активны. Слушать точные описания того мира, который лишь смутно провидят, вот что лучше всего может разбудить эти органы, находящиеся в летаргии. Кроме того, если вы серьезно предпримете методическое развитие, то эти описания не помешают вашему пробуждению, как раз наоборот, вы заранее ознакомите ваше сознание с тем новым опытом, с которым оно должно будет столкнуться. Понять проявление сверхчувственных сил, структуру духовного мира необходимо для правильной подготовки.

Так будущий космонавт проходит на земле подготовку, приспособляясь к условиям высших слоев атмосферы. Современная культура привела нас в варварское состояние по отношению к духовному миру. Какое количество утонченных умов, которые устыдились бы не быть в курсе последних научных открытий, сохраняют о "потустороннем" совершенно архаические представления о рае или аде, как они изображались на средневековых миниатюрах! Но духовный мир обладает строением, которое современный ум способен расшифровать, если он приобретет жизненную подвижность и гибкость. Описание духовных миров, которые вы здесь слышите, пробуждает в вас пережитое вами до рождения и, если вы обратитесь к вашей мысли и вашему суждению, то услышанное не принудит вас к вере, но позволит вам свободно понять то, что вы подавили в себе при вашем воплощении.

В своем учении Рудольф Штайнер следовал известной последовательности и постепенности. Он хотел, чтобы его ученики делали подлинные успехи в учении. Например, в Хринологии:

"Мы начали с Евангелия от Иоанна и от него перешли к другим Евангелиям. Каждое изучение приводило к открытию новых истин. Расширение Общества имело источником тот факт, что его духовное содержание не переставало внутренне продвигаться"⁹³.

В Учителе бодрствовал Водитель душ, учивший для того, чтобы отвечать на вопросы, определенно выраженные в судьбах тех мужчин и женщин, которые его окружали.

"Если существуют два рода сочинений - открытых и закрытых - то на это есть уважительная причина. Работы, предназначенные для всех, это результат того, что вырабатывалось, выковывалось во мне самом. Закрытые лекции - это группа, это общество, которое вырабатывалось, выковывалось. Я улавливал вибрации душ членов, и содержание лекции определялось тем, что я воспринимал, погружаясь в души"⁶.

В этом случае не так важна сама тема лекции, как та сила, с которой сообщаемое должно проникнуть в аудиторию, и позади различных затронутых тем всегда четко проступает объединяющее направление, несущее ответ на мучительные вопросы о смысле жизни. Эти слушатели, собравшиеся вокруг, не сделали бы первого шага, чтобы прийти его слушать, если бы в глубине их существа не проснулось бы, иногда под влиянием жесткого удара великое скрытое беспокойство. Откуда зло? Почему смерть? В какой игре принимаем мы участие, где наша борьба и наши страдания являются козырями?

Он открывал божественный план, отвечая на эту тревогу не проповедями, а действительными фактами.

Земная эволюция, объясняет он, это только проекция эволюции в области духа. Ее история отражает последовательные творения вступавших одна за другой в эволюцию небесных иерархий. Под этим божественным водительством человечество проходило через свое детство, преодолевало кризисы роста. Сейчас оно в расцвете своей юности, лицом к лицу с проблемой "Я".

Откуда зло? Самая возможность кризисов указывает на то, что не только "нормальные" иерархии вмешивались в созидание земного человека. В мировом порядке возникло нарушение, своего рода заболевание в космосе. Одни космические сущности задержались в условиях существования, уже пройденных другими, и таким образом возникли препятствия в ходе течения эволюции. "Зло рождается из добра, которое оказалось не на своем месте".

Уже Боссюэ говорил, что ошибка рождается из истины, которой злоупотребляют. Люцифер, ложный "носитель света", и темный Ариман не сумели или не захотели включиться во всемирный план но самим сопротивлением, которое они внесли в мир, они придали высшую ценность усилиям человека, идущего к божественному через препятствия. Итак, Люцифер, Ариман стали в неизмеримой сложности мироздания необходимыми для того, чтобы человек обрел свою свободную волю. Они заставили его осознать себя, почувствовать себя захваченными борьбой добра и зла. Их миссией было ввести в эволюцию опасность беспорядка, риск случайности. От человека зависело овладение свободой, которое стало возможным, и применение ее не для бунта, но для выравнивания искаженного пути эволюции. Более того, вклад человека обогащает Вселенную, вводя в нее источник свободной, сознательной воли, которая может быть создана только в недрах ошибок и риска. В "поединке Бога и дьявола", - дерзновенном символе борьбы в душе человека добра и зла - человек, свободный в своем выборе, в конце концов способствовал победе Бога.

Люцифер: "Я буду бороться!"

Бенедиктус: "Богам служу борьбою".

(Р. Штайнер. Третья Мистерия, 3-я картина).

Даже сами люциферические и ариманические сущности могут надеяться на возвращение в мировую гармонию через освобождающее действие человека.

Изучение священных текстов древней мудрости подтверждало это учение. Для Рудольфа Штайнера представлялось чрезвычайно важным, чтобы люди умели читать эти тексты духовно в эпоху, когда давящие материалистические толкования заставляли потерять их смысл даже в теологических кругах. Новый свет, пробивающийся благодаря

целустремленному духовному исследованию, должен был помочь снова найти глубокий смысл этих Писаний, утраченный верующими сегодняшнего дня.

Тогда открылись бы неограниченные перспективы этих древних откровений. Во всем разнообразии форм и цивилизаций прочитывалось бы единство направления. Например, в них была бы найдена весть о приближении космического Христа к Земле.

Современная критика удивляется, когда она открывает в древних мифологиях отрывки, которые, по-видимому приходится толковать как пророчества о пришествии Христа. Весть о рождении Девой Младенца, Который должен спасти мир, находится, однако, в эпосах столь различных, как эпос ацтеков и древних финнов*./До сих пор не было найдено никаких доказательств, что это является позднейшими вставками. Та же весть появляется в текстах./

Не вызывающих споров, в Четвертой эклоге Вергилия, или у друидов, посвятивших алтарь "Virgo paritura" (Деве, Которая родит)*. Многочисленные народы ожидали пришествия Христа. Об этом еще знали в средние века, когда помещали греческих Сивилл рядом с израильскими пророками. "Teste David cum Sibylla"*** - сближение, странное величие которого было отражено Микельанджело в его фресках Сикстинской капеллы. /*Склеп Шартрского собора./*** "... по Давиду и Сибилле" - из католического песнопения "Dies irae". (Прим. переводчика)/

Каждая эпоха, говорит Рудольф Штайнер, читает священные тексты новыми глазами. Наша эпоха может найти в них то, что в них заложено для нашего века. Современный человек считает себя одиноким и замкнутым в своем сознании, как никогда. Он один берет на себя ответственность за свои поступки, хорошие или дурные. Но Христос пришел для всех времен, для всех исторических периодов, для всех стран мира. В нашу эпоху стало возможным новое приближение ко Христу. Если человеческое сознание расширится и откроется всемирной эфирной жизни, оно встретит в ней Христа как космический принцип эволюции.

Если же оно сосредоточится на самом себе и на своей судьбе, оно также откроет Христа, Христа, принимающего на Себя избыток виновности и греха, который не может быть искуплен отдельными личностями. Когда в момент смерти душа поставлена перед ретроспективной картиной земной жизни, которую она покинула, Христос предстает ей и судит ее. На порталах соборов уже были в прежние времена скульптуры, изображавшие Его взвешивающим души. В действительности Христос их встречает, отсеивая и воскрешая в душах то, что может быть спасено для личного продвижения, все более включающегося в мировой порядок.

* * *

Рудольф Штайнер соединял, таким образом, тему Христа с состоянием души после смерти, тем более часто, чем ближе подходила минута, когда должна была разразиться война. Тысячами, а затем и миллионами, должны были люди переходить порог, отделяющий живых от мертвых.

"Если я могу об этом говорить, сказал он, - то это именно потому, что в течение этого лета и этой осени мне выпала задача приложить новый метод духовного исследования именно в области жизни после смерти". 94

Среди слушателей, сидевших вокруг него тесными рядами и пришедших с востока или севера, с запада или юга Европы, как и многие другие должны будут предпринять в близком будущем великое планетарное странствие, уже вписанное в их судьбы. Сколько других почерпнут единственную поддержку в своих утратах, вспоминая, каким образом связи между душами изменяются, но переживают смерть. В их ушах еще будут звучать вдохновенные слова, описывающие постепенное освобождение из земных условий, медленное претворение всего того, что было эгоцентрично и что теперь делается всемирным, расширение духа, растущего из сферы в сферу, отбрасывание последних оболочек, когда обнаженная душа достигает точки своего зенита и воспринимает там поднимающийся из глубин в новых звучаниях призыв Земли, который заставляет возникнуть будущее.

Аудитория видела в эти минуты, как взор Рудольфа Штайнера переходил за пределы, и следила, затаив дыхание, за переживаниями человеческого сознания, погруженного в исследование глубин духа.

"Урочный час мира" не был тогда некой абстракцией или необычайным откровением. Учитель прочел в судьбах этих душ то, что должен был им дать, и то, как он должен был это им дать.

Подобные лекции были больше, чем просто лекции. Слушатели чувствовали себя на "пиру", говоря словами Платона, где они получали пищу, которой алкали и ждали. Устное учение, надо сказать, ближе всего подходит к культу, требующему общности тех, к кому оно обращается. В нашу эпоху появляется своего рода переход от личных указаний древних оккультистов к банальным интеллектуальным лекциям, которыми столь богаты наши дни. Некогда оккультные истины передавались устно и под печатью тайны некоторым избранным ученикам, нередко даже избирался один единственный приемник. Штайнер отнесся с доверием к современному человеку. Он считал его способным постичь эти истины, если стремление его было искренним и не ограниченным шорами.

И также другой переход: в древнем посвящении учитель передавал ученику карты некой инвеституры и те силы, которыми он сам обладал. Тогда слово служило передатчиком духовных сил. Что осталось от всего этого у современного лектора, читающего заранее подготовленный текст неизвестной ему публике? Посвященный же знал, какое совершается деяние, когда он воздействовал словом, в определенном месте, в определенный час, на определенных людей. Рудольф Штайнер всегда явно учитывал как тех, кто его слушал, так и город, в котором он говорил. Например, многие из его больших Евангельских циклов были даны в Швейцарии. Благовествование грядущего Христа, скрытые подробности о рождении двух младенцев Иисусов, юность, подготовка вплоть до Крещения.

Все то, что было названо Пятым Евангелием, было впервые открыто слушателям в Скандинавии, прежде чем в немецких группах. Не преувеличивая значения этих указаний, можно все же увидеть в выборе том намерение достичь через присутствующих людей духовной ауры местности, ее гения и передать ему послание, отвечающее его природе.

Он сам сказал, что он никогда не говорил иначе, как имея за каждым словом внутреннее переживание того, что он описывал, и тех, кому он это описывал. Из этого можно понять, почему, когда он читал многочисленные лекции на одну и ту же тему в разных городах, он никогда не повторялся. Не могло быть и речи, чтобы он говорил по памяти. Всякий раз он давал воскреснуть внутреннему переживанию и воссоздал необходимые слова для его передачи. Конечно, в циклах его лекций находишь повторения, рассказы о тех же событиях, но сравнивая их, замечаешь по многим оттенкам, что эти описания были каждый раз найдены заново в условиях каждой отдельной аудитории.

По этой же причине его устный стиль так сильно отличался от письменного. Последний, насыщенный, довольно трудный, и становится, особенно к концу, более сжатым и даже лаконичным. Отмечаешь много латинизмов в его выражениях, как и в синтаксисе. Например, он не всегда соблюдает знаменитое отнесение причастия прошедшего времени на конец фразы. В правописании он часто применяет латинское С* вместо немецкого К. /*Произносимое в начале немецких слов перед гласными А, О и Я как К. (Прим. перев.)./

Когда он говорит, начало его лекций достаточно загружено аргументацией, он как бы расчищает поле, затем мысль становится менее доказательной, более духовидческой. Она усиливается, отдает себя веянию духа, увлекающего предложение через поток вводных слов, кружащихся, как перышки, в вихре инспирации, в полном смысле этого слова. В

конце преобладает высокий речевой стиль, не ораторский, не напыщенный, но столь могучий словесный порыв, что его еще можно почувствовать даже в напечатанных с тех пор текстах, даже в переводах.

И однако ему часто не хватало слов для передачи всех оттенков видения. Он говорил об этой бедности современных языков, беспомощных перед богатством духа. Иногда сообщаемые откровения приходилось откладывать на более позднее время, идея не могла приземлиться за отсутствием нужных слов. Вот, например, как он признается в этом в момент открытия Гетеанума в 1920 году:

"Язык не обладает нужными терминами для того, что должно быть высказано".

Существовал ли способ, чтобы устранить эту несостоятельность современных языков? Почему бы не попробовать прибегнуть к выражению сценическому, жесту, к выразительности и пластичности актерских образов, к музыке, к цвету, чтобы усилить воздействие слова и дополнить его?

Попытка была сделана. Ее результатом явились Драмы-Мистерии.

XXIV. ДРАМЫ-МИСТЕРИИ В МЮНХЕНЕ

*Созерцай в образе, который станет Знанием, благодаря силе видения.
Созерцай мыслесущество, Которые облакаются в пространственную
форму, отражающую То, что живет в мышлении человека.
Бенедиктус - Капезиусу, Третья Мистерия., 6-я картина "Театр мира"*

Для чего самые высокие знания, если они остаются абстрактными? Оторванные от жизни, они хотят вернуться к жизни. Великие истины не укладываются в разумное понимание, они ищут возможности стать ощутимыми. Они требуют от человека, чтобы он создавал для них космос звуков, красок, форм, красоты, в которых они отражаются.

Если в своем "Фаусте" Гете вынес на сцену тайну искупления через любовь, то это потому, что одно только поэтическое воплощение не могло ее сделать зримой для всех. Если Рихард Вагнер построил в Байрейте подмостки для своей музыки, то это потому, что он хотел поднять ее до откровения. Все великие эпохи цивилизации вдохновлялись своим театром. "Театр, - писал Эдуард Шюре, - будет зеркалом лучшей жизни, воспитателем народа, посвящающим, который поведет человека через дебри жизни и миражи мечтаний до вершин самых великих истин... Театр будущего будет храмом Идеи, пылающим очагом души сознающей, свободной и творческой".

Эти пламенные слова предисловия к "Детям Люцифера" были переведены Марией Сиверс, которая, наверно, читала их с энтузиазмом Рудольфу Штайнеру. Они, наверно, вдохновляли многие беседы в Барре. Шюре разделял энтузиазм Вагнера в начале его творчества. Их соединяла привязанность, основанная на взаимном восхищении. Столь высокое представление о театре было свойственно им обоим, и понадобилась, ни более ни менее, как война (1870 года) для того, чтобы молодой Шюре устоял против волшебника Байрейта и отказался разбить свой шатер подле него, став его либреттистом. Разрыв был болезненным, и прошли годы, прежде чем Шюре попытался создать, одинокий и непонятый в своей стране, свой собственный "Театр Души".

Утешение пришло, когда Мария Сиверс перевела его первую драму и заинтересовала ею Рудольфа Штайнера, прочитав ему последнюю фразу предисловия Шюре к своим драмам: "... Создав свое произведение руками одинокого мастера, я кладу его, как первый камень на пути к будущему храму..."

В своем доме в Барре Шюре описал Рудольфу Штайнеру атмосферу Байрейта и они отправились вместе на фестиваль 1906 года. Впоследствии Рудольф Штайнер не раз возвращался в Байрейт.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ МАСТЕРСКИЕ

С момента представления "Элевсинских мистерий" на конгрессе 1907 года, и до 1909 года, когда на сцене были поставлены "Дети Люцифера", деятельность художественных мастерских все возрастала. В живописи искали возможности создать островки вдохновения среди искусства или банально-общепринятого или грубо реалистического. В драматургии Мария Сиверс, следуя своему подлинному призванию, пыталась вновь открыть всю силу слова там, где она еще жила в примитивной форме, т.е. в великих эпических поэмах, сказаниях, священных текстах.

Эти художественные очаги были открыты по вечерам бесплатно для всех тех, кто, окончив свою работу, стремился заполнить пустоту дня. Туда приходили служащие, иногда рабочие. Артисты встречали их. Несколько репродукций картин великих мастеров на стенах, немного символической живописи, хорошей музыки, декламации составляло программу. По воскресеньям рассказывали легенды детям.

Энтузиазма было много, но поиски не всегда бывали успешными. Тогда спрашивали совета "Доктора". Он приходил и старался объяснить, что символизм является прямым отрицанием искусства. Высоких тем не существует для бедных средств выражения. Для того, чтобы дух мог проявить себя, надо искать красоту в самой форме. Одно вдохновение, как бы прекрасно оно ни было, ничего не открывает, если оно калечит форму. Передавать живописью идеи или перекладывать их на музыку не значит быть художником.

"Когда видишь всю эту символику и дешевую аллегорию, есть от чего прийти в отчаяние. В великие художественные эпохи не занимались символизмом, а искали в художественных формах продолжения того, что живет в природе". 95

Члены общества сами не всегда понимали, чего хотел "Доктор", но он объяснял, поддерживал призвания, указывал перспективы. Дело не в том, чтобы считать искусство предлогом для выражения своих личных идей, а в том, чтобы служить ему самоотверженно. Он показывал им, что подлинный художник пользуется своим темпераментом только для того, чтобы вывить из вещей дух, тайно в них сокрытый. Вот что составляет подлинное величие искусства.

Мюнхен все более делался артистическим центром движения. Город имел, - как любили это повторять за Рудольфом Штайнером, - "благоприятную артистическую карму". Город искусства и музеев, концертов и фестивалей, гармоничный в своих пропорциях, освеженный своими садами, в обрамлении вечных снегов, царственно украшенный архитектурными дарами своих королей, и особенно последнего из них, Людвига II, покровителя Вагнера, Мюнхен с его интернациональной колонией музыкантов, художников, писателей, казалось, прежде всего мог стать местом, где новые поиски истоков искусства могли ужиться лучше всего. Кроме того, мюнхенская группа имела во главе двух известных художниц - графиню Калькрейт и Софию Штинде. Обе они отдали свой талант, свой ум, свои средства, свою преданность на службу новому импульсу, одушевлявшему Общество.

ЛЕТНИЕ ПРАЗДНЕСТВА

В августе 1909 года началась постановка первой драмы "Театра Души" "Дети Люцифера". Приехал Шюре. Его произведение положило, таким образом, начало всем будущим представлениям. Начал устанавливаться известный годичный ритм, придававший летним съездам ту духовную атмосферу, которая окутывала античные празднования, установленные в те периоды годичного цикла Земли, когда она особенно соединяется с небом.

Эти представления как по своему содержанию, так и по сценическим средствам отмечают собой стремление приблизиться к источнику инспирации, который как раз, начиная с 1909 года, выявляет перемены, происходящие в духовных мирах. Контуры нового соотношения между человеком и духом вырисовываются все яснее. Для нового мирового часа, который пробил, нужны новые способы выражения.

Именно тогда из глубин учения поднимаются видения, отражающие духовную историю человечества. Гете отразил их в своей Сказке, а сам он в значительной мере почерпнул их в Розенкрейцерской традиции, с которой был связан.

С 1889 года эти образы были для Рудольфа Штайнера во многих случаях пробным камнем для определения той дозы эзотеризма, которую способно было воспринять сознание его современников. Но он дал этим образам созреть в глубине своей души. "Если бы я сам, - говорил он в октябре 1910 года, после первого представления "Врата Посвящения", - не осознавал, что в этой Розенкрейцерской мистерии находится подлинное выражение организма, прошедшего через три семилетних этапа, я бы не смел даже говорить об этом". 96 Благодаря этой зрелости, законы жизни, ее развития, ее кульминации и ее перемены, все это выражено в композиции мистерии. Душа является ареной, где сталкиваются силы Вселенной. Говорит действительно Вселенная, но говорит через личности. Древние мистерии также вызывали эти силы Вселенной, которые в те времена носили имена богов. В Элевсисе изображали под чертами Деметры истории плодородия Земли. В Египте фараон каждый год воплощал драму Озириса, умирающего и воскресающего, как зерно, возрождающееся из почвы. Христианские мистерии средних веков повторяли события священной истории.

Теперь надо было поставить личность в центр действия. Современный герой открывает, из чего соткана его "карма". Затем он освободится от этой кармы, научившись смотреть ей в лицо и найдя ее истоки во Вселенной. Тогда человек, обретая сознание, будет иметь право в свою очередь говорить с богами. И Рудольф Штайнер характеризовал цель, преследуемую Бенедиктусом и его учениками, когда он говорил: "Деяние человека, пронизанное теплом любви и светом мудрости, придает смысл всей Вселенной".

Земля есть место, предуготованное для мистерии современного человека, говорил Штайнер в декабре 1911 года.

"Рассматривайте "Врата Посвящения" не как дидактическое произведение, а как описание подготовительных этапов к посвящению человеческой личности". 97

Для этого посвящения ученик не получает поддержки от какого-либо культа или ритуала, или какой-либо магической операции. Он буквально поставлен перед самим собой.

"Ты сохранил, мой сын, свою личность, когда силы горня и власти духовные исполнили тебя ужасом" ("Врата Посвящения", стих 1575 и след.).

Ученик видит, как перед ним возникают духовные существа, действия которых постоянно проникают поле его сознания, но которые не могут быть поняты интеллектуальным анализом самого себя: боги и полубоги, духи стихий и создания, порожденные им самим. Ученик, стремящийся к познанию себя самого, видит их действующими на сцене, слышит их беседы между собой и обращения к нему самому. Он принимает их сначала за создания своей фантазии, но по мере своего продвижения он сознает, что до сего момента он сам был только временным соединением сил, рожденных вне его. Он застает в своей собственной душе реальности, одаренные объективным существованием в космосе. И тогда он приводится к тому, что разрушает стеклянную перегородку, которая держала его в плену у самого себя, в "околдовывающей игре личного существа". (Слова другой Филии Иоганнесу в Мистериях).

Рудольф Штайнер прибегал, таким образом, к сценическому действию, необходимому для картин, которые должны увлечь зрителя в самую глубину души представляемой на сцене личности. Эти картины являются уроками объективности для тех, кто стремится к познанию себя самого. Мы предполагаем, что мы думаем, любим, действуем сами по себе, и бедность нашей внутренней жизни заставляет нас называть просто "способностями" силы, разыгрывающиеся в нашей душе; какое абстрактное представление!

Укрепляясь, эта душа видит, как мысль, чувство, воля разъединяются, как каждая становится самостоятельной и связанной с определенной функцией Вселенной. Успехи современной психологии позволяют гораздо лучше понимать теперь, чем в 1910 году, то, что открывается душе, которую разъял какой-либо удар и обнаружил сверхъестественных существ, ее заполняющих. В древних мистериях эта фауна бродила на свободе под именем фурий, эринний; заключенная же в современной душе, но не опознанная, она ведет нас в ту же дикую жизнь по своим законам. И законы эти - не те, что царят в области, освещенной светом сознания.

Одним из интересных аспектов этих мистерий, написанных в 1910-1913 годах, является это перенесение на сцену обитателей подсознания. Мы еще далеко не исчерпали психологических глубин, содержащихся например, во взаимоотношениях Иоганнеса со своим двойником или с "духом его молодости", который ведет вне его теньную жизнь, поскольку не искуплена прошлая вина.

Целый ряд сценических проблем возникал во время репетиций. Как представить сверхчувственных существ, как охарактеризовать их в игре, костюмах, чтобы выделить их среди личностей, которых встречаешь в повседневной жизни, в наших мастерских или конторах?

За исключением Марии Сиверс, всем актерам приходилось преодолевать с невероятным трудом актерские привычки и искажающие штампы. Но эта перековка их личностей, вплоть до походки и манеры говорить, отвечала глубокой внутренней потребности обновления.

Мистерии поддерживали и направляли развитие художественной стороны учения, так же, как и желание учителя дать своим ученикам систему самой жизни, некий ее стиль. Этим путем они научились, как может современный человек, осознав то, что живет в его слове и в его членах, сделать себя способным совершать свои собственные мистерии. И действительно, в мюнхенских представлениях родилось два новых вида искусства, служащих до сего дня тысячам людей во многих странах, ставших обязательными в большом количестве школ, как средство для перевоспитания многих неполноценных детей. Новое искусство слова, или пластика слова, и новое искусство движения - зрительная.

Можно еще и сегодня почувствовать, вслушиваясь в слова этих Драм-мистерий, как их произносят актеры сегодняшнего Гетеанума, каким источником инспирации* могла быть для Рудольфа Штайнера сила звучания произнесенного слова. /*Франц. слово Inspiration может быть также переведено как "вдохновение", (прим, перев.)./ Он применял это звучание для усиления драматических положений, и делается понятным то, что он говорил о некоторых фразах:

"Невозможно было бы изменить их звучание, так как определенные силы космоса были включены вплоть до самих звуков."

Актер, которому предстояло их произносить, прежде всего должен был обратиться к поэтическому элементу языка, к его звучанию, к его ритму. Он должен был научиться формировать каждую согласную, найти для каждой гласной правильную исходную точку. Тогда, как чистое добавление к значению и ценности самого произнесенного звука, выделялся интеллектуальный смысл.

"Седьмая картина моей первой драмы ("Вы, мои сестры, которые так часто бывали моими помощницами...") не была построена мыслью, а была услышана такой, какова она есть. Это не были идеи - а только слова, и на бумагу ложились слова, услышанные в духе. Это был опыт словесной музыки, самого глагола, не идеи".

Что же касается движений, которые должны были исполнять некоторые существа, как, например, духи стихий, они могли родиться не из мимики, которая была бы слишком интеллектуальной, не из танца, выражающего психологические положения. Их источников искали в ритмах и звуках слова. Вся техника исполнителя заключалась в том, чтобы дать пройти через себя динамизму и пластике языка. Ограниченные сначала этой скромной ролью, которая появилась, к тому же, только в третьей мистерии, "Страж Порога", первые жесты эвритмии должны были стать в течение последующих годов подлинной художественной техникой.

Репетиции "Врат Посвящения" в 1910 году начались даже прежде, чем Рудольф Штайнер успел закончить свою рукопись. Днем он работал над постановкой, ночью дописывал последние страницы. Он приходил утром на репетиции с листками в руках и раздавал их участникам спектакля, которые должны были быстро запечатлеть текст в памяти. Эти слова уже давно жили в его собственной душе, ему оставалось только их услышать. Когда появился первый печатный текст, то с удивлением на титульном листе, ниже заглавия, прочли вместо имени автора - слова: "через Рудольфа Штайнера". Три следующие драмы уже вышли с обычным указанием автора - "Рудольф Штайнер".

Эти предуготованные слова, эти звукосочетания, "поволенные Богами", были к тому же получены труппой исполнителей, не менее исключительной. Только их встреча сделала возможным чудо этих необычных представлений. В обычной жизни исполнители были столь же далеки друг от друга, как могут быть далеки государственный советник от педагога, врач от учителя гимнастики и тому подобное. Все вместе, они составляли группу, более спаянную, чем если бы она состояла из профессиональных актеров. Освобожденные для выполнения своей роли от всех личных забот, они сливались с этой ролью настолько, что долго спустя личность, взятая на себя в драме, заслоняла обычную. Это бывает с большими актерами, когда они олицетворяют собой фигуру столь жизненно, что обе личности, его самого и вымышленная, сливаются в одну в воображении зрителя. Коклен, например, стал "Сирано", и Ростан написал ему посвящение: "Я хотел посвятить эту работу Сирано, но так как эта душа перешла в Вас, Коклен, я и посвящаю ее Вам".

Штайнер мог бы сказать то же об исполнителях своих героев, и прежде всего о той, что воплощала Марию - о Марии Сивере. Долго еще, если вы бывали в Дорнахе и встречали на склонах холма, увенчанного Гётеанумом, одного из актеров, каждый год игравшего ту же роль в мистериях, и вы спрашивали: "кто это?", вам отвечали: "это Фаликс" или: "это Теодора".

Правда, уже более полувека, как мистерии идут в Дорнахе, и подобное отождествление могло произойти с течением времени, но тогда, в Мюнхене, метаморфоза происходила меньше чем за пятнадцать дней, почти мгновенно, с удивительной легкостью.

"Доктор" бывал повсюду, находил решения для всего, давал указания директорам, устанавливавшим в большом городском зернохранилище свои километры холстов и свои щетки и кисти. Музыканты получали от него мотивы для оркестровки. В мастерских, где писали, лепили, шили, вышивали, столярничали, репетировали, он брал в руки карандаш, кисть, молоток, поправлял драпировку костюма, интонацию реплики. Все напряженно старались понять его намерения, так как каждое из них, успешно реализованное, поражало своей жизненностью и подлинностью. Он давал каждому войти в дух его роли, сыграв ее раз перед ним с таким реализмом, который раз и навсегда определял ее основное зерно. Еще сегодня большинство жестов, и даже интонаций, которые кажутся личной особенностью актера, идут от этого творчества Рудольфа Штайнера на сцене в Мюнхене, переданного с силой, до сих пор еще не иссякшей.

В те минуты, когда он так играл для исполнителя какую-либо Деталь его роли, чувствовалось "ваяние духа". В персонаж воплощалась духовная реальность, и потому присутствовавших так потрясало это творчество. Этот жест, эта интонация были "истинны", Другими они быть не могли.

Но можно представить себе, что эта "подлинность", приводящая на сцену таких существ, как Люцифер или Ариман, была способна пригвоздить на месте исполнителя, и он спрашивал себя, хватит ли у него сил принять на себя подобную роль. В таких случаях Рудольф Штайнер подбодрял: необходимо было, чтобы эти вещи были показаны, даже если их еще понимали несовершенно. Духовный мир хотел этого и помогал этому. Без этого вмешательства чудо не было бы возможным. Он сам сообщал в мае 1914 года членам Общества в Париже, какую помощь он получил из других миров.

Это еще лучше объясняет глубокое воздействие, которое Мистерии произвели на членов.

После этих дней августа 1910 года, каждый год новая драма все дальше раскрывала задачи современного посвящения. В 1911 году были даны две первых, в 1912 году было три драмы, в 1913 - четыре. Две первые имели целью "соединить любовь и мудрость, дабы деяние было благо". Третья связывала современную деятельность с традиционными течениями, которые ее подготовили. Четвертая вводила действие в практику жизни. Что должна была принести пятая?

До того, как она должна была быть написана, вспыхнула война 1914 года. Последней драмой, поставленной в Мюнхене, была, следовательно, четвертая, конец которой производил особенно сильное впечатление. Тогда как три первые кончались, подобно симфонии, величественной сценой, где собравшиеся участники держали совет, оценивая пройденный путь, четвертая драма оставляла зрителя с видением человека, водителя душ, учителя душ, учителя, более чем одинокого, совершенно отъединенного, который противостоял тому, что нес с собой сумрачный Ариман, "затемняющий мудрость, чтобы разлить мрак хаоса..."

Вечером 24 августа 1913 года, после этой последней картины толпа расходилась в таком молчании, что даже машинисты сцены были поражены. Эти мужчины и женщины, возвращавшиеся в шумный и перегретый тяжелым летним вечером город, увидели раскрывшиеся перед ними врата, замкнутые со времен древности. Перед их глазами развернулась "мистерия". Они находились в состоянии сознания того, кто только что принял участие в историческом событии. Они видели предстоящими друг другу на сцене тех противников, которые поистине борются и сталкиваются каждую секунду в глубинах души. Они только что погрузили свой взор в бездны и обнаружили истоки тех мрачных сил, которые ошеломляют, взрываясь в непостижимой ненависти или в необъяснимой панике.

Через год в том же самом Мюнхене, изнывающим в жаре первых дней августа 1914 года, среди неописуемого беспорядка, разразилось объявление войны. Иностранцы устремлялись на вокзалы, чтобы добраться с последними поездами до границ. Война выходила на первый план истории. Сдерживать далее разногласия государств было невозможно. Представление мистерий, которое поставило бы на сцене пятую драму, было отложено.

XXV. "IOHANNES BAU"* (ИОХАННЕС-БАУ - ИОАННОВО ЗДАНИЕ)

"Становится необходимым для человечества, чтобы проявления духа проникли в чувственную жизнь". "Пробуждение душ".

Гилариус, карт. 1.
*"Давление ваших сфер, нагруженных землей,
 жестко сокращает мое космическое поле".*
 Бенедиктус, карт. 5. Там же.

/*Слово "Bau" должно было бы быть переведено как "здание", постройка, строение и т. п. "Но ни одно из этих слов не передает его звуковой силы; она настолько захватывающая, что мы предпочли сохранить здесь немецкое слово Bau, которым долгое время обозначали Дорнахское здание./

Мысль когда-нибудь сыграть Мистерии в месте, специально им посвященном, появилась, как мы видели, уже с момента представления "Врат Посвящения". На собрании в октябре 1910 года Рудольф Штайнер на ней не задержался. Должен ли он был "загружать" силу ясновидения тяжестью земного существования? ("Пробуждение душ").

И все же сами духовные условия указывали на необходимость придать "Розенкрейцеровскому христианству" тот художественный и даже социальный характер, который казался таким странным теософским кругам. Очевидно, новое духовное содержание искало и подходящей для него видимой формы, которая соответствовала бы ему, как скорлупа ореха - ядру. К тому же, строительство являлось неизбежным завершением духовного откровения, осознанием духа вплоть до материи для того, чтобы испустить ее. Рудольф Штайнер, хорошо зная, какое сопротивление возникает в таких случаях, попытался, как мы знаем, создать в противовес узел испытанных сил. В желаемой форме он этого не достиг, но толчок был дан. В 1911 году, 12 сентября, поддержанный энтузиазмом всех членов Общества, был создан "Иоганнесбауферейн" ("Союз Иоаннова здания"), имевший целью изучение возможности возведения постройки.

Фестиваль в августе 1912 года только укрепил этот проект. "Страж Порога" возбудил в душах крайнее напряжение. В этой мистерии, можно сказать, ученики современного посвящения исторически приходят занять место, оставленное прежними братствами. В сердце тысячелетних традиций вводится новый элемент - "ищущий связи с земными судьбами", - Иоханнес - тот, кто избран для осуществления этой связи, связи значения непереоценимого, "между указаниями, идущими из духовного мира и земными деяниями. От этого будет зависеть вся судьба человечества", - и выразить это новое проявление духа перед своими современниками Иоханнес должен был, в конце концов, именно в формах искусства.

Было решено возвести здание в Мюнхене. Приобретенный участок был достаточен для того, чтобы вокруг главного здания расположить жилища и мастерские для членов. В этом первом проекте еще нет речи о монументальной архитектуре.

"Я предвидел вначале лишь внутреннюю архитектуру. Снаружи был бы виден только зеленеющий пригорок, по которому даже можно было бы ходить, - и только проникая под этот холм, нашли бы архитектурные формы. Это, конечно, было неосуществимо... Затем стали искать иного решения: построить здание в центре участка и окружить его высокими домами, чтобы не добиваться эффектов внешней архитектуры". 98

Все это имело смысл, пока дело шло о постройке в городе, очень ревниво относящемся к своему собственному стилю. Не хотелось ни принимать мюнхенский стиль, ни идти против него.

Макет должен был быть представлен на обсуждение комиссии по городскому благоустройству. Начались переговоры. Тем временем продолжался бесконечный цикл Штайнеровских передвижений по Европе. Одна из дорог привела к будущему.

В конце сентября 1912 года Рудольф Штайнер только что закончил в Базеле цикл лекций на тему Евангелия от Марка. Он был сильно утомлен. Ему был необходим отдых, прежде чем вновь отправиться в путь, туда, где его ждали: в Италию, в Австрию, затем в Берлин и Гамбург...

В нескольких километрах от Базеля, на холме Дорнаха, примыкавшем к последним отрогам Швейцарской Юры, его базельские друзья владеют загородной дачей, которую они предоставили Рудольфу Штайнеру и небольшой группе его близких, никогда его не покидавших и составлявших активное ядро общества.

Это был очаровательный уголок. И однако, первая ночь, проведенная там "Доктором", вызвала у него пророческое потрясение. Ощутил ли он холод души, попавшей в сети судьбы? Смутился ли его дух тяжестью земли, которая должна была пристать к его ногам? Открыл ли ему тайны будущего этот холм, которому суждено было стать впоследствии его Голгофой, или, по крайней мере, его Гефсиманией? Как бы то ни было, на другое утро друзья были поражены его потрясенным видом.

Остаток времени, наоборот, прошел вполне счастливо. Работа прерывалась прогулками. Рудольф Штайнер, который очень любил ходьбу, пересек своим упругим шагом плодородный край, где луга густой травы сменялись фруктовыми садами и отягощенными плодами виноградниками, спускавшимися по мягкому склону, лесистая вершина которого превышала тысячу метров. Он видел у своих ног извивы реки Бирзы. Справа в легком тумане он различал город Базель, огни которого загорались к вечеру. Налево - нагромождение гор с мягкими и округлыми очертаниями. За рекой долина простиралась до близлежащего Эльзаса. В ясную погоду можно было различить линию Вогезов, за которую заходило солнце. В часы заката октябрьское солнце заливало пурпуром развалины "бургов" на вершинах холмов, покрасневшую листву вишневых деревьев, тяжелые синие грозди винограда, сбор которых заканчивался. Из монастыря в долине поднимались босоногие капуцины, чтобы собирать между виноградными лозами огромных улиток. Как полон силы был этот край, и в то же время как мягок в осеннем покое земли, исполнившей все свои обещания.

Позади деревушки Арлесгейм, которая примыкает к холму Дорнаха, Рудольф Штайнер дошел до тенистой ложбины, в которую попадали через проход в скалах. Одна из них, как говорит легенда, чудесным образом сокрыла святую Одиллию от преследований ее отца. Пещеры, окружающие романтическое озеро, с доисторических времен служили убежищем многим божьим людям, ищущим одиночества. В конце концов, на скале основали обитель. Этот уголок хранил свое очарование, о котором хорошо говорит надпись, которую еще можно было разобрать на камне: O, soea beatitudo, o, beata solitudo (O, единственное блаженство, o, блаженное одиночество!).

Поблизости от своей виллы семья Гр. приобрела большой участок земли, составляющей между двумя ложбинами великолепную возвышенность, покрытую вишневыми деревьями и виноградниками. "Что вы собираетесь с этим делать? - спросил Доктор, - Ну, пусть будущее нам покажет, зачем мы приобрели эту землю, - ответил ?р., а жена его добавила: - Мы бы хотели построить там что-либо, что послужило бы нашему движению. - Дорнах находится в кантоне Солёр, и никакой закон не ограничивает и не определяет здесь архитектуру построек" - заметил ее муж.

Разговор на этом закончился.

Но несколько месяцев спустя, к концу февраля 1913 года, "Доктор" был в Карлсруэ. Его приезжали слушать из многих мест, например, присутствовали из Базеля г-жа ?р., из Мюнхена архитектор Ш. и доктор П. Эти последние привезли с собой, наконец, ответ Мюнхенской комиссии. Он был отрицательным. Проект не отвечал стилю города.

"Вот видите, они нас не хотят!" - сказал Рудольф Штайнер, и повернувшись к г-же ?р., заметил: "Я думаю, что в конце концов мы будем строить у вас. Мы просто теряем время!" Ш. хотел сделать еще одну попытку договориться с комиссией, и "Доктор" ему и е препятствует, но внутренне он, по-видимому, решил, и, когда месяц спустя прекращаются переговоры с Мюнхеном, архитектор Ш. отправляется в Дорнах устанавливать планировку здания.

В мае 1913 года Штайнер возвращается на Дорнахский холм. Вновь вступает он на эту крепкую землю. Своими быстрыми шагами он очерчивает круг и набрасывает первые основы плана. Здесь будет дорога, там - дом. Мюнхенский макет надо полностью переделать. Речь идет уже не о создании места, в котором одна лишь внутренняя отделка будет открыта избранным, нашедшем путь в храм.

"Когда необходимость потребовала строительства в Дорнахе, на холме, который виден издали в округе, то стало необходимым и то, чтобы внутренняя архитектура нашла свое продолжение в архитектуре, видимой снаружи". 98

С тех пор, как было вначале только простое желание усилить мистическую жизнь, выразив ее в искусстве, и до того, как возникло то, что в конце концов вылилось в бетонированную крепость второго Гетеанума, судьба человечества сдвинулась. Она требует того, чтобы импульс "эзотерический" принял сегодня форму видимую всеми, "экзотерическую".

Для начала надо подумать, как приспособиться к контурам пейзажа, к буйной растительности богатой почвы, которая здесь - наливает плоды, там - взращивает сочную траву. Надо предусмотреть колонию людей, которая разобьет свои шатры на холме, где сейчас виднеются только скромные и редкие жилища крестьян. Здесь надо было мыслить не только как вдохновенный художник, но и как носитель цивилизации; то есть надо было создать помимо центрального здания и условия для существования вокруг него тех, кто - служа прежде всего Богу - будут трудиться на строительстве.

С этой минуты, в добавление к изнуряющей смене путешествий, лекций, посетителей, с которыми надо говорить, рукописей, которые нужно закончить, всякий раз, когда это только возможно, Штайнер работает над макетами. Он делает их два. Один для внешней части, который остается в Дорнахе. Второй - для внутренней, который был выставлен на фестивале в августе 1913 года в Мюнхене, в то лето, когда было поставлено "Пробуждение душ".

Эта мистерия, как мы видели отмечает поворотную точку в развитии Общества, и это можно понять, исходя из тех проблем, с которыми сталкивается сам Рудольф Штайнер вследствие принятых на себя задач. Между третьей и четвертой мистериями Мюнхенский проект превратился в Дорнахский. Ответственность значительно возросла.

1913 год для Штайнера полон предчувствий. С тех пор, как он решил строиться, встреча с "Ариманом" вышла на передний план. В "Пробуждении душ" она принимает трагически-пророческий характер. Каждый из учеников в этой драме занимает позицию, противопоставляющую духовный мир миру современной техники. Предвидится поражение "мистиков":

"Всякая земная деятельность отняла бы у меня силы видения, пробуждающиеся во мне". (Капезиус, стих 479). С другой стороны и поражение чистых техников: "Духовный мир затемняет взгляд на чувственную реальность... Предприятие обречено заранее..." (Начальник бюро, стих 196 и 264). И все же, как лейтмотив, повторяется слово, не являющееся указанием, но порождающее силы:

"То, что должно быть, - сбудется", (стих 320). Что же должно было сбыться?

В Дорнахе вырыт котлован и проложены дороги. Краеугольный камень будет заложен в землю 20 сентября 1913 года. Это дает повод к церемонии, имеющей более высокое значение, чем ее непосредственный смысл. Всего около 40 членов Общества собралось вокруг Рудольфа Штайнера, но через них он обращается ко всем: "... чтобы укрепить подлинные основы дела и утвердить в них присутствие Сущности-Антропософии...". 99

Физическому, материальному спуску камня в подземные области должен соответствовать тем больший подъем духа. Половина седьмого вечера, час, когда Меркурий входит в созвездие Весов. Уже темно. Вместо факелов зажигают только что вытасканные виноградные колья, брошенные неподалеку. "Стихии точно сговорились, - пишет Мария Сиверс, - порывы ветра, потоки дождя, ноги вязнущие в глинистой почве. Факелы, освещавшие углубление, куда должны были опустить камень, бросали пригоршни искр. Эта неожиданная атмосфера придавала всей сцене глубокую суровость и впечатление подавляющей величественности. Рудольф Штайнер говорил голосом, перекрывающим стихии. Он звучал так, словно сама судьба говорила через него".

Он торжественно открывает это освящение, призывая небесные иерархии "защитить и направить дело, которое будет совершаться сообщая". Эти слова через головы слушателей обращались к божественным духам, к Троице. С этого возвышения взор свободно охватывал все четыре стороны света: север, юг, восток, запад. Он избрал эту минуту, чтобы доверить человечеству одну из величайших истин, скрытую до сего времени. Затем он обращался к духам стихий, к духам Земли, воды, воздуха и огня, а потом снова к человечеству, представленному этой небольшой молчаливой группой людей, потрясенных силой и значением его слов. Затем ко всему человечеству обращается он, чувствуя себя окруженный им:

"Если мы слышим зов человечества к духу и хотим воздвигнуть Бау, где прозвучит его откровение, тогда в этот вечер мы совершенно понимаем друг друга".

"Ведомые Кармой, мы стоим на месте, где проходили могучие духовные течения. Почувствуем же в себе в этот вечер значительность этой минуты".

Он говорит о камне, который будет заложен, "как о символе человеческой души, посвящающей себя предпринятому делу". Затем камень предается самой плотной из стихий - земле, - "в которую была погружена наша душа для того, чтобы выполнить в течение земной эволюции то, что является миссией Земли".

Краеугольный "камень" на самом деле представлял собой два медных додекаэдра, спянных друг с другом одной гранью и соответствующих двум куполам, которые должны были возвышаться, один над сценой, другой над зрительным залом. Этот камень был положен точно под тем местом, где должна будет возвышаться кафедра оратора, откуда будет звучать слово. Точно в этом месте пересекались оси здания. Он был положен так, что большой додекаэдр был повернут к востоку, а меньший - к западу, тогда как большой купол, наоборот, возвышался на западе, а меньший на востоке.

Два дня спустя, говоря в Базеле о том деянии, что было совершено на холме в канун осеннего равноденствия, он сказал: "Эта церемония вписана в миссию Земли". 100 Она означает, что будет сделана попытка принести ответ на всемирный зов, исходящий ныне от всего человечества, к полному обновлению жизни духа: "Человеческая душа кричит в своих глубинах". Была сделана попытка, чтобы она услышала в нашу эпоху послание Слова, проходящее через века. Ибо мы больше не христиане, мы живем во лжи, и когда в наши дни к человеческой душе прикасаются силы духовной природы, то это - силы демонические.

"Этот камень, который для нас есть символ знания, любви и мужественной силы, для наших противников неизбежно станет камнем преткновения и гнева... Для нас он начало действий, которые мы хотим предпринять ради истины, для распространения этой истины. Мы еще только в начале наших трудностей; будем же продвигаться со всей серьезностью и достоинством, твердо веря в победу духа. Это то, что я увидел среди разъяренных стихий, перед лицом неба, запечатлевая душам присутствующих друзей эту серьезность, это достоинство, чтобы мы никогда не могли забыть этой минуты".

Он назвал позднее "одним из самых возвышенных моментов, которые ему было дано познать", тот, когда ему было позволено сказать некие слова об остававшейся скрытой стороне христианства.

"Я не только знаю, я абсолютно уверен, со всей той уверенностью, которую можно в подобных случаях иметь, что эти слова были услышаны в божественных высотах Сущностью, носящей дух Христа, Сущностью, Которая собирает всех людей, соединяя их в единую гармонию". 101

Этот краеугольный камень лежит и поныне в недрах холма, на том месте, где он был заложен 20-го сентября 1913 года, после захода солнца.

* * *

Но приходит зима и неизбежные в подобном предприятии неполадки. Нарастают задержки. Когда Рудольф Штайнер посещает стройку, он тревожится. Налицо и потеря времени, и промахи, и небрежность. Он сожалеет об этом, но добавляет: "Я не могу делать замечаний людям и в то же время быть их эзотерическим учителем".

Денежные заботы тоже нарастают. Первые пожертвования истощились. Нехватка материальных средств вызывает задержки. "Доктор" озабочен. Как-то слышали, как он сказал: "Надо бы, чтобы все было закончено к 1-му августа 1914 года". Когда об этом узнают в Обществе, возобновляется общий подъем, как внутренний, так и; внешний. Будет ли духовный импульс достаточно сильным, чтобы выступить против материальных сопротивлений, победить их и заставить служить духовной цели? Сколько перемен за один год! Необходимость формировать души повлекла за собой неизбежность создать для них новые способы выражения. А вследствие этого возникла борьба с миром, воздвигающим тяжелую массу препятствий. Силой вещей сталкиваются с подрядчиками, фабрикантами, ремесленниками, которые ничего не понимают в метаморфозах форм, так же как не имеют представления о законах кармы кантональная администрация, нотариусы, составляющие акты, или налоговые инспектора, регистрирующие декларации.

Однако Рудольф Штайнер и духовная семья, его окружающая, твердо решили не давать затянуть себя формам изжитого прошлого. Все должно быть продумано на уровне духа, открывающего людям двадцатого века - как форма составления договора, так и форма оконной рамы. Возражение "это так не делается" ничего не доказывает, - наоборот. Начинается решительная борьба за то, чтобы "это делалось именно так". Но приходится платить за нежелание идти проторенными путями.

"Если бы нам запретили строиться, и нам действительно пришлось бы тайком собираться в подвалах, тогда мы осознали бы еще лучше, что отличает импульсы нашей Духовной Науки от призрачных пережитков, которые еще влачатся на поверхности". 102

Войти в формы настоящего, не имея возможности что-либо в них изменить, это значило бы: "духовно пребывать в катакомбах".

В разных городах, где он дает свое учение весной 1914 года, он указывает, каким противовесом может служить для Европы, "чреватой злокачественными опухолями", такое место, где стараются влить новый дух в новые формы. Члены Общества следят с энтузиазмом за работами стройки. Все те, кто свободен распоряжаться собой, хотя бы принять в ней участие. Кто может, строит себе жилище, другие снимают чердаки у крестьян. Создается временная столовая, вырастают, как цветы весной, различные бараки, внося в пейзаж фантазию и живопись. На самой строительной площадке, рядом с Бау, воздвигаются столярная, мастерская витражей, котельная. Для каждой постройки "Доктор" находит архитектурный стиль, отвечающий ее назначению. Он хочет затем найти гармонический план для всего ансамбля, открывающий с первого взгляда, как каждое здание связано с целым.

"Нужно забыть то, что создает не однообразие, а единство, организм. Конечно, нужна известная смелость. Мир будет смеяться? Ну что ж, пусть смеется! Если не предпринимать ничего, что спорило бы с прошлым, эволюция будет стоять на месте". 103

Особенно важно, чтобы стиль и техника отражали духовный мир, как это было со стилем соборов в средние века. Когда в 1914 году Штайнер читал лекции в Париже, Эдуард Шюре отвез его посмотреть собор в Шартре.

Это подало повод для одной сцены, о которой Шюре рассказывал с большим волнением. "Рудольф Штайнер долго стоял молча в правом трансепте собора, я понимал, что взор его погружен далеко за пределы видимого в общении с духом, осенявшим эти места. Когда мы наконец вышли, он стал говорить мне об Иоанновом христианстве и о Логосе, затем, - тут я не смог достаточно уловить связь, - о двух течениях мысли, исходящих одно от Платона, другое от Аристотеля. Пока он говорил, удивительное сияние его взора еще сохраняло отблеск духовного видения". /"Трансепт - поперечный неф готического собора, (прим. пер.)

Он должен был по возвращении из Шартра начать в Дорнахе свои высказывания о новом стиле архитектуры.

Но где найти практически время, чтобы стать архитектором всего этого холма? Каждый тербил его, чтобы получить свой план, свой макет.

"Не следует ставить частные интересы выше бескорыстной преданности делу". 103

Наконец, 1 апреля 1914 года деревянная основа завершена. По обычаю, на вершину здания водружается зеленая ель. Внизу все фруктовые деревья в цвету. Деревянное покрытие куполов отликает блеском на солнце. Скоро серебристые сланцы Норвегии придут их укрыть. Они также, подобно рыбьей чешуе, блестят при дневном свете. Вся масса дерева для скульптуры цоколей и архитравов уже на месте. 65 000 кубических метров пространства открыты для желающих, начиная с живописцев, которые устанавливают свои мастерские в полуподвалах, до скромных растиральщиков растительных красок, добываемых из лепестков цветов, от скульпторов и до подмастеров, обтесывающих древесные массы.

Какие разнообразные работники! И однако художник, покинувший свою студию в Вене или Мюнхене, так же как и служащий, проводящий свой отпуск стуча молотком, одинаково преданы общей работе, рожденной их общими усилиями. Эта работа должна открыть для всех видение мира, может быть и для них самих еще не вполне ясно усвоенное. Книги и даже лекции могут быть трудными для понимания, тогда как эти формы будут говорить; они станут зеркалом мира невыразимых истин.

"Счастливые, полные уверенности помощники прибыли со всех сторон". 104 Как молод был мир, молодо само Движение, молоды мужчины, излучавшие силу и радость этой весной 1914 года, молоды женщины, забиравшиеся в белых блузах на леса, дающие доступ к куполам.

Мастерская витражей была открыта в июне, и работа началась на больших цветных стеклах, присылаемых от Баккара. К этому же времени Штайнер начал собирать членов в большой столярной по воскресеньям, а когда это бывало возможным, и на неделе, по вечерам, после рабочего дня. Он говорил им о поисках нового стиля. Днем без усталости он посещал мастерские, моделировал формы, набрасывал эскизы. Члены прибывали все в большем количестве, чтобы принять участие в работе. Вот набросок того периода Аси Тургенева, одной из первых художниц резьбы по дереву.

"Доктор начал первый, мы стояли кругом. Стоя на двух ящиках, с молотком и резцом в руках, он проводил борозды, снимая с массивного дерева длинную стружку, близко склоняясь к своей работе, точно наблюдая за тем, что происходило в его руках, точно прислушиваясь к дереву. Несколько часов подряд он работал так: спокойно, не отрываясь, мотив открывая капители. Мы уставали стоять, приходили, уходили, он всегда был на своем месте, и теперь форма начинала проявляться... На другой день после такого урока все набросилось на работу с молотками в руках. Но до чего же дерево было твердое! Через полчаса кисти немели, а результат был не больше, чем мышка погрызла дерево...

В столярной царствовала скульпторша в короткой куртке и высоких сапогах. С метром в руках она управляла группой итальянских рабочих, соединявших и склеивавших пласти дерева для создания массы будущей статуи, которая должна быть 9 метров высоты. Рудольф Штайнер подходил и давал нам советы: "В правой руке сила. Важно уравновесить то и другое... Посмотрите на поверхность цветка. Он лучше всего умеет моделировать формы, - поэтому невозможно изваять цветок... Проникайте сознательно чувством в движение поверхностей. В поверхности есть душа... Не намечайте заранее,

где образуется линия пересечения между двумя поверхностями, подождите с любопытством, чтобы они встретились... Почему вы обязательно добиваетесь форм симметричных? Даже нос ваш несимметричен. И посмотрите на завитки, образующиеся в волосах! В них выражается жизнь, идущая изнутри". И он переходил от группы к группе, ободряя, посмеиваясь. Но взор его делался все озабоченней. Сколько еще работы! Вся скульптура фасадов, над окнами и порталами...". 105

"Иоганнес Бау" ставил совершенно новые технические задачи, которых нельзя было решить в один день. Нет, здание не будет готово к 1-му августа.

Было решено снять театр в Мюнхене для августовского фестиваля, где должна была быть поставлена пятая драма. Текст еще не был написан. Как и предыдущие, он должен был тогда быть написан на бумаге, когда артисты протянут руку, чтобы получить свою роль.

Почему же, можно было спросить, почему Рудольф Штайнер, если он предвидел войну, почему он дал объявить фестиваль в августе месяце? Потому что он не применял своего ясновидения для своих личных целей, даже когда дело шло об Антропософском обществе. Он не пользовался им для того, чтобы оказывать давление на судьбу. В час, когда говорила судьба, он соблюдал самое глубокое молчание.

В дни, непосредственно предшествующие объявлению войны, и когда слово "война" было у всех на устах, он молчал и подчинялся установленной программе. Один из членов Общества, имевший дом в Байрейте и давно желавший, чтобы Рудольф Штайнер присутствовал на представлении "Парсифаля", достал места в театр. Рудольф Штайнер только что вернулся из Швеции, где он читал лекции, но в четверг 30 июля он отправился в Байрейт с Марией Сивере и с доктором Гр.

Вот они в Нюрнберге, где надо пересесть на другой поезд. На станции полно слухов, поезда забиты мобилизованными молодыми людьми. В Байрейте даже театр охвачен лихорадкой. В пятницу, 31-го, при поднятии занавеса объявляют, что так как главный исполнитель призван в армию, его с места заменит швейцарский те. нор. В каждом антракте передают все новые известия, как верные, так и ложные. Жорес убит! Париж охвачен пламенем! И т.д. "Доктор" не говорит ни слова. Друзья его совещаются. Из соседней казармы в душную ночь доносятся речи офицеров и "ура" солдат. Решено добраться до границ, так как мадемуазель Сиверс - русская и ее положение рискованно*. Едут целую ночь до Штуттгарта. Нет больше поездов на Базель! Наконец, после блужданий среди обезумевшей толпы, удалось найти поезд на Констанц. /*В это время появилась необходимость брака Рудольфа Штайнера и Марии Сиверс. Он был заключен в Дорнахе 15 декабря 1914 года. Этот брак давал Марии Сиверс австрийское подданство, и это позволяло ей передвигаться по Германии, куда ее призывали административные дела Общества./

На границе швейцарские таможенники спрашивают: "Ваши паспорта?". Ни у кого их нет. "Откуда вы?" - "Из Байрейта". "Что в ваших чемоданах?" - Доктор Гр. Вместо слова "одежда" пользуется швейцарским выражением "костюмы". Таможенник принимает их за актеров: "А, артисты, проходите!". Они покидают Германию.

Тем, кто пришел их встретить в Дорнахе, Доктор только сказал: "Можно подумать, что этой ночью Европа сошла с ума". Теперь члены Общества понимают, почему Бау должен был быть закончен до 1-го августа. Он был бы открыт в мирное время, в присутствии членов, съехавшихся со всех концов Европы.

"Таково было наше намерение. В действительности же, вместо слова, наши друзья, заполнившие Бау, услышали голос пушек, гремевших в долине Эльзаса. И вместо духовного света они увидели пламя взорванного форта. Вот звуки и свет, бросаемые на нас сегодняшними событиями" 106.

XXVI. АВГУСТ 1914 ГОДА

Так и было. Европа сошла с ума. На вершине благоденствия, не прерываемого никакими войнами в течение полу столетия, имея слишком много хлеба и вина, полные сундуки золота и в избытке кровь, готовую пролиться, и полные казармы солдат, безумная Европа ревела от восторга, вскрывая разбухший нарыв своего благополучия. Национальные страсти были в этот момент на вершине популярности, мобилизация совершилась в шумной патриотической лихорадке. К границам шли поезда, набитые новобранцами, которые, еще не защищенные ни танками, ни самолетами, горланили, мчась с запада на восток: "На Берлин!" - и с востока на запад - "На Париж!". Под раскаленным солнцем военная авантюра была взрывом сил молодежи, зажатой в душной, полной ненависти атмосфере. Все представлялось славной войной - "свежей и радостной", которая, конечно, продлится одну какую-нибудь кампанию. В августе сняли урожай, к осени все будет закончено...

Надо было охранять членов Общества от этой экзальтации, принимавшей подчас очень грубые формы, от этого опьянения, в котором тонуло сознание личности. Надо было прежде всего сохранить эту молодую колонию Дорнаха, едва успевшую родиться, но уже собравшую представителей семнадцати различных национальностей, многие из которых уже боролись друг против друга на полях сражений. Надо сначала сосредоточить свою работу на этом кусочке уцелевшей земли, островке, окруженном пламенем, но еще защищенном от насилия.

"По крайней мере станем между собою образцом братства. Как бы ни была слаба здесь наша деятельность, она может стать силой... Многое изменится в мире и люди будут больше всего нуждаться в новых мыслях. Мы спасем наш Бау, если сохраним в сердце мир, любовь и гармонию, если отложим в сторону всякий личный элемент. Останемся здесь за работой, чтобы, когда вернется мир, наша миссия могла бы быть выполнена". 107

На швейцарскую почву, словно чудом была перенесена артистическая деятельность Общества. Силой вещей, Дорнах становился административным центром, так как при объявлении войны Мария Сиверс из-за своего тогдашнего русского подданства должна была отойти от управления делами в Берлине. А подлинный центр организации был там, где была она. Кроме того, Общество должно было сохранить свой интернациональный характер. Осев в Швейцарии, оно его действительно сохраняло. Глубокая духовная связь существовала к тому же в течение долгих лет между Учителем и швейцарскими группировками. Эта связь покоилась не только на обстоятельствах настоящего времени, но проходила через века вплоть до подлинных кармических узлов в духовном прошлом: Европы. Штайнер намекнул на это в тот торжественный момент, когда был заложен краеугольный камень: "Приведенные кармой на место, где проходили важные духовные течения человеческой истории..."

Эта страна, в которой современное материалистическое понимание вещей видело только "перекрещение европейских дорог", в действительности являлась перекрещением дорог духовных, и антропософские группировки, объединенные кругом Штайнера, создали благоприятную почву для христианского эзотеризма. Он смог говорить в первый раз о жизни Христиана Розенкрейца в 1911 году в Невжателе, затем в Сентгалле в 1912, Розенкрейцеровский импульс, "соединения с материей для ее искупления", воплощается в современной форме в попытке одухотворить через красоту формы твердую материю дерева и даже бетона. Некий рок находил свое свершение. Рудольф Штайнер его искал, но он сам утверждал себя. Может быть, предчувствием того, что должно было когда-то исполниться, явился ответ Марии Сиверс в Берлине в 1905 году молодой голландской докторше (Ите Вегман), желавшей открыть лечебный кабинет в духовно-активном городе: "Устройтесь в Швейцарии, там обоснуется в конце концов наше движение". 108

Война, причина всех этих перемен, имела еще одно последствие: прекращение работы эзотерической школы. В Швейцарии, так же, как и в воюющих странах, в военное время не должно было происходить каких бы то ни было собраний, имеющих секретный характер. Скрытность могла бы показаться подозрительной и возбудить нежелательные последствия.

Таким образом, первое августа 1914 года послужило причиной поворота в антропософской деятельности и способствовало проявлению внутреннего во внешних формах. Этот поворот уже начался, когда прибегли к артистическому, художественному выражению. Но теперь, вместо того, чтобы свободным взлетом, он был пронизан тревогой, связан со страданием народов, с неуверенностью, с неизвестностью.

Велико потрясение душ в воюющих странах. "Доктора" требуют в Мюнхене, в Штуттгарте, и особенно в Берлине, где необходимо заняться некоторыми организационными делами. Он уезжает один. Он не может отложить свой отъезд, так как настойчивый призыв направлен к нему человеком, который в течение более десяти лет был исполнен к нему доверием и привязанностью, а теперь является ни много, ни мало, как начальником главного штаба немецких западных армий: маршалом Х. фон Мольтке. Короткое свидание между ними произошло в Кобленце, в Ставке, 27 августа, а так как французская пресса имела случай упомянуть о нем, его нельзя здесь оставить в тени. События подошли к кануну битвы на Марне.

Никто не знает о внутренней трагедии Генералиссимуса, кроме его жены, которой он пишет каждый день. Это она по его просьбе обращается к Рудольфу Штайнеру, сообщив ему, что вот уже месяц, как ее муж ищет возможности повидаться с ним. "Я рад, что ты говорила со Штайнером, - писал ей фон Мольтке еще 21 июля, - это такая моральная поддержка - иметь возможность говорить с ним. Я буду счастлив видеть его в августе в Берлине, если бы он туда приехал". 109

То, что не получилось в Берлине, состоялось в Кобленце по настоянию жены маршала, знающей, что "моральная поддержка" более чем когда-либо необходима из-за давления, которому подвергался главнокомандующий. Мольтке черпает в покое возбудных мыслей силу сносить невыносимое положение, в котором он находится. "Я счастлив быть здесь в изоляции, - пишет он своей жене 29 августа, - а не быть при дворе. То, что я услышал бы там, могло бы сделать меня больным. Прискорбно видеть, что наш высокий и могущественный государь не подозревает ни в коей мере серьезности положения. Проявляется какая-то экзальтация, приводящая меня в ужас...". И 2-го сентября: 4 Кайзер вернулся сегодня с фронта весьма возбужденным. В Австрии плохо. Армия не продвигается". 7-го сентября, в канун битвы на Марне, он пишет: "Сегодня судьба скажет свое решение, со вчерашнего дня вся немецкая армия от Парижа до верховий Эльзаса столкнулась с врагом. Если бы ради победы я должен был бы отдать свою жизнь, я сделал бы это с бесконечной радостью по примеру тысяч наших братьев, дерущихся сегодня, и тысяч других, уже павших. Какие потоки крови пролиты, в какое неопишемое отчаяние повергнуты бесчисленные неповинные люди, дома и фермы которых подверглись огню и разрушению! Я иногда дрожу при этой мысли! Мне кажется, что я ответствен за все эти ужасы, и однако иначе я поступить не мог". Элиза фон Мольтке, опубликовавшая эти письма после смерти своего мужа, писала: "Я хотела защитить того, на кого словесно или письменно все время намекали, как на "слабого", "неспособного" Мольтке, который "не оказался на высоте своей задачи". И она открывает то, чего не знали, чего не могли знать: "В самый канун войны, когда вся власть была, казалось в его руках, уничтожались планы мобилизации, которые он сам создавал ценой усилий многих лет". Но надо слышать самого Мольтке, говорящего о своей тайной трагедии военного.

"12-го августа 1914 года, общая мобилизация уже началась. Я был во дворце с Его Величеством, Канцлером Рейха, военным министром и некоторыми другими особами. В течение этой сцены я впал в состояние, близкое к отчаянию, видя, что дипломатические действия угрожали задержать нашу мобилизацию, создавая таким образом самые пагубные следствия для наступающей войны... В эту минуту Кайзер, не спрашивая меня, повернулся к своему дежурному адъютанту и отдал ему приказ позвонить по телефону 16 дивизий и все приостановить... Я думал, что сердце мое разорвется. Мы рисковали расстроить весь порядок мобилизации. Что это означает, может понять только тот, кто знает всю сложность операции, отработанной до самых мелких деталей. Когда время отхода каждого поезда установлено с точностью до одной минуты, всякое изменение не может не иметь пагубных последствий... Меня отпустили. Я не стану описывать то, что я переживал, вернувшись домой. Я был уничтожен и плакал от отчаяния. Когда мне подали телеграмму для 16 дивизии, подтверждающую приказ, отданный по телефону, я бросил перо на стол, сказав, что я подписывать не буду. Я не мог поставить свою подпись, в первый раз с момента начала мобилизации, под приказом, отменяющим эту мобилизацию, то есть все то, что было систематически подготовлено. Армия увидела бы в этом признак полной нерешительности. "Делайте, что хотите, с телеграммой, я подписывать ее не стану". Я оставался бездейственным в своей комнате до 11 часов вечера, когда меня снова вызвали во дворец. Кайзер принял меня в своей спальне. Он поднялся с постели, накинул халат и протянул мне депешу от английского короля. Георг 5-й заявлял, что он ничего не знает об гарантии Англии, которая должна была помешать Франции войти в войну... Кайзер, очень возбужденный, сказал мне: "Теперь можете делать, что хотите".

Таков был мой первый опыт в этой войне. Впечатление, которое этот инцидент произвел на меня, уже никогда не стерлось. Что-то во мне сломалось. Мое доверие было подорвано".

Его вторым опытом, еще более горестным, была битва при Марне, когда, 9 сентября, Кайзер, раздраженный прорывом французов, передал внезапно, в самый разгар маневрирования, главнокомандование Фалькенгайну, через голову Мольтке, которого он отправил в Бельгию.

Нести на себе всю тяжесть главнокомандования, подвергаясь в любую минуту риску отстранения и противодействия изнутри, таково было положение Мольтке, когда его посетил Рудольф Штайнер.

"Между нами не поднималось вопросов о военном положении, а исключительно о том, что касалось внутренней жизни маршала, заявил позднее Рудольф Штайнер корреспонденту газеты "Матэн", задавшему ему вопрос об этом интервью, - что же касается Вильгельма 2-го, то я видел его только издали, раз в театре, раз на параде, я никогда не имел с ним дела". 110

Рудольф Штайнер держался вдалеке от политики. Его задача была не здесь. Когда в 1919 году он войдет в контакт с общественной жизнью, дело будет идти о социальной реформе. В августе 1914 года он является врачом душ, с которым Мольтке советовался о внутренней силе, позволяющей человеку нести тяжесть своей судьбы.

Группы, которые Штайнер посещает, в тревоге, и многие уже в трауре. Он поддерживает мужество, напоминая, что подлинное богатство народа это вера в его дух. Состояние войны вызывает психоз, от которого может освободиться тот, кто способен слиться с душой своего народа там, где она пребывает в действительности. Не следует опускаться ниже этого уровня, иначе эту душу утрачивают.

Для германского народа это уровень, которого достигли великие идеалисты: Фихте, Гегель. Подлинные победы - это победы духа.

В Мюнхене он дает и комментирует в сентябре текст своих "Медитаций во время войны". Дыхание всего человечества проходит через эти слова. Через головы присутствующих он обращается ко всему человечеству. Для него каждый народ имеет вдохновительницу ("Ты, душа моего уголка земли..."), которая есть духовная реальность, "звучащая в хоре душ народов", посылающая свет эпохи человеческому существу, согласно его принять. Ибо всякий человек причастен двоякому. Он слит с историей своей эпохи столь же, сколь и со своим народом. В сущности, душа его народа приводит его к духу эпохи. В этом духе все души народов обладают единым гением.

Он знает, что то, что он спрашивает от людей, - трудно. Он знаком с силой националистических страстей, так как сталкивался с ними в Австрии в дни своей юности. Они были тогда доведены до накала, что приходилось для сохранения собственного равновесия быть скорее наблюдателем, чем действующим лицом. "По этой причине я не чувствую себя лично связанным с какой-либо страной. Это факт. Отнеситесь к этому, как хотите. Карма осудила меня на отсутствие корней, что связано с неким магическим элементом, который некоторым трудно понять. Можно лучше овладеть проблемой национальности, если вырастешь в краю, где она доходит до неистовства. Здесь абстрактность, внесенная принципом национальностью в нашу современность, становится яснее, чем если живешь в стране, где проблема растворяется благодаря однородности населения". 111

Он объясняет, что не был воспитан в культе какого-либо народа, и особенно немецкого. "Жизнь и ее контрасты учат объективности". Он не решился бы на описания народов Европы и положения, созданного войной, которые он дает, если бы не верил в возможность быть объективным. Он приводит классические примеры объективности: Гете, говорящего окружающим, которые не хотели признавать величие Наполеона: "Он слишком велик для вас"; объективность Гегеля, который писал свою "Феноменологию духа" в то время, как наполеоновские пушки заставляли содрогаться Иену. Он прервал работу, чтобы посмотреть в окошко на кортеж Императора, и заявил, что "восхитительно увидеть душу мира, проезжающую верхом".

В Дорнахе, куда возвращается Штайнер, ряды маленькой колонии редуют по мере того, как ее члены призываются под знамена или отзываются своими консультациями. Иногда возникают сомнения: "Что я должен делать?" - спрашивают у него. Он отвечает четко: "Исполняйте ваш долг". Долг перед Кесарем.

Работы значительно замедляются. Средств не хватает. Рабочей силы мало. Остаются только "нейтральные" и женщины. Но ничто не может поколебать моральной силы этого духовного ядра.

"От Идеи, руководившей нами, зависело спасение человечества. Оно зависит не от теории о духовном, но от прямого общения, подлинного единения между душами и духовными мирами... Вот что оправдывает наше присутствие здесь, - это то, что есть точка на земле, где люди свободно развивают духовную жизнь, только под давлением их свободной воли" 107.

Весь швейцарский народ, охваченный страхом и жалостью перед трагедией битв, введущих на границе Швейцарии, горячо отдается своей роли Доброго Самарянина Европы. Земля Швейцарии, позволяющая столь многим мужчинам и женщинам разных национальностей быть братски едиными в делах помощи, является убежищем человеческой солидарности. Во время всех военных действий дети воюющих сторон находят приют в Дорнахе, там же даются представления группам интернированных. Ухаживающим за ранеными Рудольф Штайнер дает указания; внутренние силы, верно направленные, помогают процессам заживления, если они способны соединиться с исцеляющей силой Христа, заключенной в каждом человеке.

Дорнах должен стать местом в Европе, где будут продолжать созидать среди всеобщего разрушения. Все останутся на работе не вопреки событиям, а по причине их.

XXVII. МАСТЕР СВЕРШЕНИЯ

"С одной стороны, я смотрю с большой скромностью на то, что делается здесь. Но с другой стороны, я думаю, что через довольно долгое время, когда нас здесь уже не будет, то, что представляет собой этот Бау, то, что он вводит в жизнь, начинается, - будет плодотворным". 98

"Если бы тот, кто это сделал, посмотрел бы на Св. Петра в Риме!" - сказал кто-то в округе, видя поднимающиеся купола.

"Он его видел, голубчик, и не раз, и он его находил прекрасным и грандиозным, и все-таки он создал именно эти купола, ибо купола Св. Петра созданы для созерцания, а эти для того, чтобы быть внутренне прочувствованными".

Все, что было дано в течение этих лет в форме знания, теперь подымалось из земли, говорило чувствам, вписывалось зримо в пространство на языке форм.

"Архитектурой устанавливалось новое соотношение между человеком и духом". 112

Вечером в столовой, ставшей более просторной после ухода многих, Рудольф Штайнер часто собирал тех, кто днем работал над Бау, и комментировал великие стили прошлого. Стиль отражает душу эпохи. Можно было бы расшифровать историю человеческого духа, следуя за эволюцией стиля. Он им описывал египетскую пирамиду, расширяющуюся к земле, в эпоху, когда вечная мудрость изливалась на человечество. Греческий храм выражал равновесие между тем, что поднималось с земли к небу в устремлении колонн, и тем, что опускалось с неба в треугольнике фронтона, опиравшемся на колонны. Из их встречи рождалась форма капители и метопа. Но Греция не смогла передать это совершенство равновесия более грубым народам северо-запада, и от них появилась романская базилика и готический собор. Последний выражает с большой чистотой тягу воплощенной души, устремляющей к небу его стрельчатые своды, и полет остерверхих крыш подобен рукам, сложенным на молитву.

Разговаривая, он набрасывал мелом на черной доске иллюстрации эволюции стилей. Заметьте, - говорил он, - как изменились соотношения души и божественности. Грек еще видит божественное в природе, во всем, что его окружает. Храм - это только жилище Бога, дом Его. Он невелик по размерам, и кроме жрецов и жриц, люди входить не должны. В то время как для христианина Бога надо искать не столько в природе, сколько в культе, совершаемом для общины. Внутренность храма это корабль, вмещающий в себя молящуюся толпу, на которую изливается божественная благодать.

Затем он объяснял, какая руководящая идея вдохновила создание Бау. Он почерпнул ее из того же духовного источника, что и все антропософское учение.

Он не пытался создавать символов и очень хотел, чтобы люди отдавали себе в этом отчет, чтобы они не пытались, изучая его макеты, добавлять к формам интеллектуальный смысл, вместо того, чтобы без предвзятых идей позволить этим формам говорить собственным языком. Может быть, сразу этот язык мог показаться странным из-за своей новизны и ранил взгляд, привыкший к формам прошлого, но скоро он становится близким, так как он рождался из тех же сил, которые создают организм. Понимание этого языка открывало частично силы, нас строящие. "Эти формы ничего мне не говорят" - заметил ему один скульптор. "И однако они живут в вас каждую ночь", - ответил он. Предметы его видения, эти формы являлись документальными свидетелями, а не абстракциями.

Для него идеи антропософии не являются только идеями. Это существа, существа живые, подвижные. Разве они не могут, вместо того, чтобы только выражаться в понятиях, говорить также и в формах?

"Не старайтесь добавлять интеллектуальный смысл к тому, что вы здесь видите и что хочет быть прочувствовано. Не мешайте воздействию на вас, не спрашивайте себя перед каждой линией, которая вас удивляет: что она хочет сказать? Она ничего не хочет сказать кроме того, что она есть. Это не символ недостижимой истины. Это истина, ставшая формой".

Но для того, чтобы прочувствовать эти формы так, чтобы принять их как самоочевидные, нужно было обладать тем сверхчувственным восприятием, которым обладал один лишь Рудольф Штайнер. Все это здание было результатом его ясновидческой интуиции, начиная с общего плана и кончая любой дверной ручкой, и для него одного оно не родилось из абстракции. Ему пришлось признать, что добрая воля членов вначале не была достаточной для постижения Бау. Эта недостаточность не один раз вызывала непонимание и задержку. Не всегда понимали, чего он хотел, и все приходилось

начинать сначала. Тогда он часто сам принимался за работу. Этот Бау не должен был быть произведением благочестия и веры, но документом духовной истины, художественным свидетельством подлинного и современного проявления духа.

Многие эпизоды, пережитые свидетелями той эпохи, показывают ясно, что за ним пламенно следовали, что выполняли как можно лучше все то, что он описывал, не достигая, однако, видения того, что он видел, не чувствуя себя еще свободными творцами. Во всяком случае, предупреждением не искать "объяснения, причины и замысла" он передал импульс, давший свои плоды. И хотя этого и пришлось подождать, после него появилось поколение художников, нашедших возможность снять преграду интеллектуализма с прямого переживания духа в цвете, форме, звуке, жесте.

Вот пример. В начале не удавалось правильно передавать рельефные формы капителей. Когда тонкая скульптурная работа была закончена, из внутреннего зала убрали леса. Это было в Иоаннов день 1914 года. Яркий свет лета вливался потоками и заставил зазвучать всю эту массу дерева на вершинах колонн. Тысячи ударов резца сделали текучими эти как бы растительные формы. Впечатление было захватывающим.

"Заходящее солнце бросало горячий блеск, в котором оттенки дерева пели", - рассказывает очевидец. - "Затем наступили сумерки. Вдруг послышались шаги. Кто-то зажег электрический свет, который сразу вырвал архитектурные формы из мрака. Это был Рудольф Штайнер. Я хотела уйти, чтобы не мешать ему. Но он начал сам: "Нужно будет опять все это изменить, в этом еще нет жизни". Он долго смотрел формы и сказал: "Все надо переработать". Глаза его были полны грусти. Каким одиноком должен был он себя чувствовать! Никто из нас не имел внутреннего чувства этих форм. Когда леса снова воздвигли, работа возобновилась".

Но то, что заняло бы всего несколько недель, должно было занять года, так как тем временем вспыхнула война.

Для художников-профессионалов, предложивших свою помощь, трудность заключалась в том, чтобы преодолеть условные привычки. Наброски, эскизы Доктора ставили их перед лицом подлинного, но во время исполнения все загрузилось банальной красотой, и произведение теряло удивительный оттенок зримой истины. Художники понимали это сами. Они охотно смывали свои создания и протягивали ему кисть. Таким образом, он был вынужден, от темы к теме, переделывать всю живопись малого купола. Но он вкладывал в это столько деликатности, смешанной с тонким юмором, такое уважение к произведениям других, что никто не чувствовал себя умаленным, наоборот, были счастливы учиться у такого мастера. Одному художнику, который жаловался на то, что он не был на высоте своей задачи, он сказал, что работать для Бау означало одновременно и учиться работать, так как для всех задача была абсолютно новой. "Да и никогда не бываешь на высоте своей задачи, а поднимаешься вместе с ней", - говорил он.

В своем видении Рудольф Штайнер был уверен, и не сомневался, что придет день, когда люди его поймут. Это позволяло ему продолжать рисовать, лепить и писать формы, реальные пока для него одного, и умолять, чтобы их не принимали за символы. К тому же, все его окружавшие жили в таком приподнятом творческом состоянии духа, что там, где еще полностью не прочувствовали необходимость какой-либо формы, уже предчувствовали сообщение с ней. Не достигая еще ее созерцания, улавливали столь сильное ее отражение в нем самом, в царственной уверенности его жеста, покорявшего материю, в его словах, в его взгляде, вплоть до его походки, твердой и окрыленной одновременно, в этом постоянном присутствии духа, из которого рождались решения, словом, в излучении его гения, столь явном, что нельзя было не приписывать только себе, только своей собственной ограниченности тот факт, что не всегда понималось то, что он хотел.

Он стимулировал таким образом своих учеников не застыть ни в каком догматизме, а завоевывать художественный опыт, ища его в истоках духа, как он делал это сам, интенсивной активностью души. Ибо, как всегда, у него, мыслитель, борец строил мост, чтобы вдохновение могло перейти бездну, отделявшую чувственное от сверхчувственного, индивидуальное сознание от космического, одним словом, человека от Бога. Без этого энергичного и неустанного овладения формами они не могли бы воплотиться в материи. Мгновенная вспышка, относящаяся к периоду, когда он расписывал малый купол и работал над скульптурной группой, позволяет уловить, какова была интенсивность этой подготовки.

В записной книжке он отмечает: "О, Вы, Вы, силы духовные, дозвоьте, чтобы освобожденный от моего физического тела, я был сознательным в мире света и мог бы наблюдать свое собственное тело света! Сделайте так, чтобы власть сил Аримана не отяжелела бы меня настолько, чтобы сделать невозможным созерцание того, что происходит в этом теле света, которое есть мое тело!". 113

Все, кто работал в Гетеануме, могли изучать большой макет, сделанный им из пластилина, и видеть развитие этих "идей, ставших формами". Проникали вовнутрь макета и оказывались в пространстве, созданном двумя примыкающими друг к другу куполами, из которых один был больше другого. Внутренний свод каждого был покрыт белым составом, где цветные волны уже указывали на то, что он будет расписан. Каждое из этих полушарий покоилось на архитравах, тогда как с пола вздымались колонны, капители которых соединялись с архитравами. Каждая колонна, пятиугольная в разрезе, имела свой особый характер, отражавшийся внизу в форме ее цоколя и наверху - в форме капители и архитрава.

Если встать там, где должна была быть глубина зала, направо я налево виден был полукруг, образованный из семи этих колонн, делавшихся выше по мере приближения к сцене, благодаря наклону пола. Впереди более мягкий склон спускался из глубины сцены к рампе. Шесть колонн справа и шесть колонн слева поддерживали малый купол, который тоже должен был быть расписан красками, намеченными широкими волнами. В глубине сцены, в месте "схождения всех взглядов" должна быть помещена скульптура резного дерева в одиннадцать метров высотой. Рудольф Штайнер должен был резать ее сам. Ее темой был Христос, представитель человечества, между двумя противоборствующими силами, Люцифера и Аримана, Христос, выступающий между двумя противниками и повергающий их жестом своих рук.

Будучи выражением сил, которые в природе создавали организмы, сам Бау имел органический план постройки. Он развивался не схематично, а с самоочевидностью, столь же естественной, как растение развивается в своих листьях, бутонах, цветах и плодах. Каждый проем, каждый стул получал свою особую форму в зависимости от места, занимаемого им в целом, "... так же, как мочка уха имеет для каждого индивидуума форму, вполне соответствующую совокупности всего тела".

Таким образом, план архитектора являлся для строения тем же, чем план структуры для живого организма. Он обеспечивал связь между отдельными частями и возможность перехода от одной к другой путем гармонических метаморфоз. Этот стиль, которым воспользовались позднее, окрестив его аэродинамическим, дал также начало тому, что называют "стилем органическим". Штайнер объяснял: "Какой материал должен был я выбрать, чтобы допустить эту гибкую эволюцию форм? Материал, уже смягченный жизнью - дерево. Когда работаешь с деревом, приходишь к форме совсем иным путем, чем когда применяешь минеральное тело - камень или мрамор. Чувствуешь, как форма выступает изнутри, работа заключается в снятии того, что ее скрывает. Когда работаешь над неживым веществом, чувствуешь, наоборот, что форма накладывается на поверхность, вместо того, чтобы углублять, надо добавлять". 114 Стены, полы, колонны, кресла, вся внутренняя и наружная часть Бау была как бы огромным кораблем из дерева, покоящимся на бетонном цоколе. Деревянные стены служили не для того, чтобы отделить от внешнего мира, а наоборот, чтобы продлить в пластике наружу звучание Глагола.

Колонны были главным внутренним украшением, каждая была сделана из соответствующей ей древесной породы. Так, с каждой стороны, начиная из глубины зала, находились бук, ясень, черешня, дуб, вяз, клен и береза. Каждая из этих пород

растет под влиянием одной из планет: Сатурна, Солнца, Луны, Марса, Меркурия, Юпитера, Венеры. Простые вначале мотивы цоколей и капителей изменялись для каждой колонны, переходили во все возрастающей сложности до четвертой, чтобы вновь вернуться к простоте в седьмой, которая была бы как бы завершением единства.

Работа медленно продвигалась, ставя по пути все новые задачи художественной техники. Каждый раз, когда давалось практическое решение, добавлялось и объяснение во время вечерних лекций. После резца скульптора, Штайнер сам принялся за роспись малого купола, чувственно выявлявшую духовное переживание цвета. Он говорил: "Цвета, это смешение тени и света. Смотря по тому, что сильнее, свет или тень, цвета пассивны или активны. Не следует произвольно навязывать им темы, чуждые их природе. Это их дело - выявить мотив. И еще - избегайте также абстрактных построений, ибо это - отрицание самого искусства, враг искусства. Почувствуйте, что хочет сказать непосредственный язык цвета". 115

Для того, чтобы усилить этот язык, не следовало прибегать к густым краскам, цветной пасте, наоборот, надо было, насколько это возможно, освободить цвет от его физической опоры. Для того, чтобы обрести этот эффект прозрачности, Рудольф Штайнер подготовлял большие деревянные панно, которые покрывались белым составом из смолы и казеина, на этом матовом фоне писали растительными красками, очень тонкими, потребовавшими многих поисков. Высушенные лепестки цветов, главным образом розы в ее различных оттенках окраски растирались ручным способом и обрабатывались особыми приемами, которые в последующие годы привели к созданию специального института для приготовления растительных красок - "Антеа". Эти краски, разведенные чистой водой, быстро накладывались на чуть влажное панно. Они не перекрывали друг друга, а переходили, таяли одна в другой. В цветными витражами очень легким слоем ярого воска, целлюлозы и смолы, что сохраняло их чисто цветочную свежесть. Видимый снизу, потолок куполов казался сделанным из цветных волн, переливающихся в пространстве. После первого впечатления света и легкости начинали различать в большом куполе мотивы, связанные с духом древних цивилизаций, через которые прошло человечество, тогда как более глубокие тона и более концентрированные мотивы малого купола исходили от изображения Христа, в глубине разделяющего свет (Люцифер) от тьмы (Ариман) и представляли будущие периоды эволюции. Именно это изображение Христа дало повод для одной из тех переделок, которыми Рудольф Штайнер возвышал Бау от уровня произведения искусства до уровня свидетельства о духе. Художник, которому было поручено выполнение, создал образ Христа большой красоты, но вполне традиционного. Рудольф Штайнер хотел изменить выражение лица и в конце концов переписал все своей рукой.

Эти изменения делались всегда с полного согласия авторов, которые сами сознавали исключительную ценность подобных поисков. Они обращались к самым истокам художественного творчества.

Другой пример этого осознания силы цвета через искусство выразался в витражах. Большая зала должна была быть освещена в глубине огромным красным витражом, а с двух сторон цветными витражами, для которых Рудольф Штайнер нашел новую технику. Он хотел избежать слишком четкого рисунка, появляющегося на обычных витражах из-за того, что каждую фигурку окружает свинцовый ободок. Витраж должен был служить для проявления возможностей самого света. Штайнер хотел, чтобы сам свет создавал рисунок. Для этого он заказал у Баккара для каждого проема плиты стекла, однообразно окрашенного в общей толще. Рисунок достигался при более или менее глубоко удалении слоев стекла резьбо-прокатными роликами, что давало градации света и глубины, недостижимые в обычных стеклах.

Для производства этих витражей, что было делом трудным и тонким, как можно себе представить, недалеко от Бау построили маленькое здание, формы которого и до сих пор еще очаровывают посетителей. Прорези его окон точно соответствовали окнам Бау. Законченный витраж оставалось только перенести и водрузить на свое место. Всего было создано девять окон, образующих триптихи, то есть двадцать семь различного цвета витражей.

XXVIII. "ДОМ СЛОВА"

*"Ибо Слово здесь, как царственная
кровь, Бегущая соискал высокого начала,
Чтоб каждый корень напоить...
Жан-Клон Ренар: "Заклинание вод"*

Не было больше и речи о том, чтобы в скорости открыть Здание в Дорнахе для представления Мистерий, но раз судьба тех, кто был здесь соединен, позволяла готовить будущее, театральная техника также должна была совершенствоваться, быть приспособленной к своей цели.

Когда слово прозвучит со сцены Бау, это будет последним актом долгой подготовки. Бау был создан ради слова, слова откровения духа в человеке.

"Когда именно человек сверхфизический выражает себя через физического человека? Тогда, когда он запечатлевает в слове то, что живет в его душе, когда он говорит! Слово открывает через человека тайны мироздания. Глагол, слово, становящееся плотью в человеке - это дух, глаголющий его устами". 91

Вначале, однако, говорили не мистерии. Они уже были поставлены в Мюнхене. Сейчас другой проект требовал долгой подготовки. Проект, захватывающий по многим причинам. Поставить целиком на сцене главный шедевр Гете - "Фауста".

Центральный персонаж "Фауста" представляет собой по преимуществу человеческое существо, вечно стремящееся к знанию и действию, проходящее через весь опыт физического, стихийного и астрального мира, преследуемое потребностью обладать наконец тем абсолютным - будь ли оно истиной, красотой или могуществом - к которому его влечет. Обрести абсолютное, объять его, тогда жизнь будет иметь смысл. До этого момента Фауст не знает покоя. Его жажда высшего достижения, его поиски наивысшего помогают ему непрерывно выскальзывать из сетей Мефистофеля, думающего его удержать. От небес к аду и от ада к небесам, Фауст всегда для него неуловим, и в последней сцене первая любовь его, Маргарита, кающаяся, увлекает к сфере блаженных бессмертную сущность своего возлюбленного.

Бау являлся даром всему человечеству. Если широкая публика не могла еще понять Мистерий, созданных прежде всего для членов Общества, можно было показать ей одиссею человека - Фауста - и сверхъестественные переживания, через которые он проходил.

Со времени Гете многих режиссеров соблазняла мысль поставить на сцене эту монументальную драму, но все отступали перед трудностями, технически непреодолимыми. Неравенство двух частей произведения, длина его (когда теперь дают "Фауста" в Дорнахе, это занимает не менее шести дней), сцены загадочные, чтобы не сказать непонятные, бесперывное вмешательство во второй части персонажей мифологических без малейшего указания на способ их сценического изображения, появление фантастической фауны в классической Вальпургиевой ночи: грифоны и пигмеи, сфинксы и дактили, сирены и тритоны. Всех этих проблем не существовало для ясновидящего, способного уверенно, как по образцам, описывать созданий того мира стихий, который был доступен созерцающему взору древних греков.

Эта постановка, выходящая на сцену столько сверхъестественных элементов, стала к тому же возможной благодаря привлечению новой формы искусства, с каждым днем выходящей из небытия, а именно, эвритмии.

Если в живопись и архитектуру Рудольф Штайнер вносил новые элементы, то в эвритмии приходилось создавать все заново. Действительно, в том, что называют обычно "танцем", нельзя увидеть, даже измененным, продолжение того священного характера, которым он некогда обладал в древних Мистериях. Танец был самым благородным из искусств, но здесь связь с традицией прервалась тысячелетия назад. Надо было восходить к истоку человеческого жеста, а это совпадает с началом мира.

Первоначальное движение Рудольф Штайнер воспринимал как пульсацию Глагола, пронзающую человеческое тело. В этой пульсации "Начала" проявляется Логос. После лекции о вступлении Евангелия от Иоанна в 1908 году, он уже сказал одной слушательнице: "А вы могли бы протанцевать это?" - указав таким образом на возможность найти связь между человеческим жестом и Словом, которое было в начале.

В то время его не поняли. Но немного позднее случилось так, что одна молодая девушка, чувствуя в себе призвание к "искусству движения", попросила его советов, применила их и развила указания, которые он мог тогда ей дать, о связи между словом и жестом. Мария Сиверс скоро поняла все значение этих занятий, она поддержала это начинание и окрестила зарождающееся искусство Эвритмией. Затем, в новых условиях войны и изоляции Дорнаха, она сумела собрать наиболее одаренных, наиболее преданных этому возникающему искусству, предугадывая его будущий расцвет. Она также предугадала, что Эвритмия станет необходимым элементом будущих сценических представлений, и посвятила себя, как она умела это делать, ее становлению и разработке.

В столойной воздвигли широкую эстраду, и создался обычай приходиться каждое воскресенье, после обеда, за час до начала лекции Доктора, чтобы присутствовать при программе, еще очень примитивной, но которая все время совершенствовалась. Моднo ли было предположить уже тогда, что без заметных перерывов, эвритмия, пройдя через все испытания своего роста, станет искусством признанным и распространенным, как ныне, по всему миру? Рудольф Штайнер очень быстро реагировал, когда атмосфера представлений рисковала стать слишком "возвышенной" и уподобиться некоему мистическому волхвованию. Он вводил тогда здоровую разрядку смеха, например, он просил, чтобы последняя часть программы посвящалась юморескам. В комических костюмах, для которых он указывал форму и цвета, эвритмисты с блеском выполняли юмористические стихи. И Доктор бывал счастлив, когда зрители, хохоча до слез, заставляли повторять номера по два, а то и по три раза.

Он никогда не забывал, что вся эта деятельность должна была способствовать внутреннему пробуждению каждого из участников. Существа, окружавшие его, должны были продвигаться в своем развитии. Искусство, в конце концов, являлось только средством к этому. Итак, он никогда не пользовался отдельными людьми, а искал для каждого возможность гармонически сочетать его личное развитие с тем, что казалось ему желательным для эволюции всей группы. Он выражал это, говоря: "Нужно, чтобы вам стало безразлично, будет ли сделано вами, или кем-либо другим, то, что должно быть сделано, лишь бы оно было выполнено".

Он предлагал иногда людям задачи, трудные для выполнения, ради которых приходилось превозмогать себя. Например, сначала музыкальная эвритмия включала для выражения интервалов некие подпрыгивания в лежачем положении*, которые заставляли исполнительниц чувствовать, что они представляют собой смехотворное зрелище. Он, казалось, не замечал этого, но если одна из них умела внести в этот жест необходимую грацию, сделав его приемлемым, он ее дружески благодарил, так как она принесла свою долю в выявление того, в чем он указал подлинные элементы, ожидая, что каждый поработает над их освоением.

Эту благодарность, которую он испытывал ко всем, кто принимал его дары и умел вложить в них достаточно своей человечности, чтобы сделать их применимыми, находишь во всех "общениях", из которых в изобилии рождались открытия, новая техника, изобретения и т.д. /* "Saut de cerpe" - "прыжок, который делает паяц, лежа на брюхе или спине" (Прим. перев.)

"Благодарю вас", - говорил он Лори, девушке, которая развила первые указания на соотношения слов и жеста, - "Благодарю вас за то, что вы приняли дар Эвритмии".

"Благодарю вас", - говорил он Жюлю Зауервейну и Жоржу Адамсу, которые служили ему переводчиками на его лекциях и таким образом непосредственно входили в развитие его творческой мысли. "Благодарю вас", - говорил он тем, кто приходил, полный вопросов, решение которых зрело в нем, и кто присутствовал при том, как дух врывается в материю. Все они позволяли ему давать... Он благодарил этих просителей, потому что он ждал их как знака, что времена созрели для принятия даров...

Он благодарил богов за встречу с ними, так же, как и они чувствовали безграничную благодарность за то, что он открывал им смысл их собственных жизней. Только этот обмен, только это человеческое тепло позволили обращаться в движении потоку крови, столь крепкому, что разрыв физических связей не мог его остановить.

Все, что им давалось, особенно в практической сфере, всегда обращалось конкретно к тем, которые искали что-либо получить. Зачем сеятелю полный мешок семян, если перед ним нет раскрытой борозды? Но когда семя можно было бросить в раскрывшийся ум или дух, он благодарил богов и людей.

Поэтому так часто, когда у него был избыток ответов, для принятия которых было бы достаточно лишь некоторой к тому готовности, он делал попытки выявить тех, кто мог бы задать вопрос. С удивительным присутствием духа, встретив их неожиданно, он мог сразу, в упор, затронуть тему, которая заставила их оторопеть. Это было легкое зондирование. Но если реакции не происходило, ни сразу, ни по размышлению, значит почва не была готова, возможность была упущена. Если же эта чуть предугаданная душа реагировала, если она осознавала, что приоткрылась ее судьба, - дар мог быть сделан, - и благодарностью был исполнен - он.

В основе его значительных осуществлений всегда оказывается "человеческая возможность", чья-либо просьба, поиски группы друзей, ищущих ключ к проблеме и не находящих его, и вдруг решающих: "Пойдем, спросим Доктора".

Если исключить один из этих полюсов, между которыми вспыхивает искра, можно было бы дать этой жизни произвольное толкование, совершенно искажающее ее смысл. Его можно было бы счесть гением, хоть и универсальным, но разбросанным, поочередно пробуящим себя то в драматическом искусстве и режиссуре, то в архитектуре, то в философии, то вдруг возглавляющим социальную реформу, то становящимся религиозным вдохновителем, создающим здесь - искусство движения, там - сельскохозяйственную систему, открывающим безразлично школу или банк. Это было бы жизнью какого-нибудь Калиостро, а не "человека" прежде всего, человека, который получил дисциплиной духа и овладением мыслью право черпать у истоков вдохновения, согласно потребности человечества, ибо его дело есть именно своего рода ответ на общее положение людей начала XX века, а не просто выявление личности, путем даже и гениальной.

Так же обстоит дело с эвритмией. Искусство эвритмии, открывающее в жесте и положениях человеческого тела сверхчувственную жизнь, заложенную в звуки речи от начала времен, отвечает настоятельной потребности нашего времени: освободить слово от интеллектуальной перегрузки, вернуть ему его древнее могущество.

Когда мы говорим, мы даем смысл звукам языка, и кончаем тем, что видим только смысл, забывая о роли звука. Смысл пожирает звук, а однако, изначально звук содержал смысл. Сила звука дает словам их "ауру", но все меньше и меньше обращают внимание на звуковую вибрацию, производимую словом. Его отбрасывают, как шелуху, чтобы схватить налету интеллектуальный смысл. Язык усыхает и передает одни только абстракции. Слова больше не "истины". Их подменяют

соединения заглавных букв, обрубки сокращений, сигли.*/ *Сигли (Sigles) - Начальные буквы, заменяющие слово или группу слов. Прим. перев./

Дом Слова должен был служить истине той связи, которая существует между человеком и языком, удержать его от соскальзывания в абстракцию. В эвритмии каждая гласная, каждая согласная изучались в чистоте, в своем психическом, органическом звучании. Пережив ее, таким образом, внутренне, эвритмист связывал услышанный звук с жестом, становившимся видимым его отражением.

Благодаря драмам-мистериям в Мюнхене, члены общества познакомились с эвритмией и поняли, что дело идет о возрождении слова в наши дни. Конечно, с того времени ввержение языка в абстракцию стало подобным лавине, но усилия Штайнера вновь найти силу Слова не были напрасны, и эвритмия не перестает вызывать безграничную преданность у тех, кто ею занимается.

* * *

Голос, который в течение более десяти лет передавал звучание речи эвритмистам, работающим на сцене, принадлежал Марии Штайнер. Голос мощный, располагавший почти бесконечной клавиатурой оттенков и модуляций. Это был его технический аспект, но за слышимыми звуками было многое другое. Эвритмист чувствовал, что этот голос его увлекал за собой, как бы образуя в пространстве формы, с которыми ему только оставалось соединиться. Таково было воздействие этого "искусства слова" или "пластики языка" (Sprachgestaltung) которыми пока владела только Мария Штайнер. Это искусство требовало от рецитатора, чтобы он отдавал себя с чистотой и преданностью высказываемому слову, дабы почувствовать в себе объективную силу его звучания, его тонических акцентов, его внутреннего жеста, его окраски, его ауры. Постоянное наблюдение за собой было необходимо, чтобы дать звуку его объективную ценность, не управляя им эгоистически, не подчиняя его намерениям, ему чуждым. Велика была, однако, и награда рецитатора, когда он, произнося звуки, расколдовывал могущество образов, содержащихся в них. Какое откровение о вещах, о которых еще удавалось высказать их глубинную сущность "правильными" словесными соответствиями. Например, слова обыденные, как "очарование", "голова", "жизнь", "любовь", "смерть" и т.д. Становились откровением смысла, который они передавали.

Когда Мария Штайнер рецитировала, она могла вполне отдаваться могуществу слов и в то же время владеть их малейшими оттенками. Без этой веры в свое искусство, без этой полной отдачи она не смогла бы дать Рудольфу Штайнеру возможности обречь в человеческие слова некоторые духовные истины, обычно не поддающиеся высказыванию. Для того, чтобы уплотнить некоторые нематериальные образы, он все чаще прибегал не к пластическим искусствам, слишком статичным, не к музыке, которая слишком быстро поглощается подсознательными глубинами, а к звукам речи. Для этого он сначала усилил эту речь до поэзии, и от поэзии до того, что именуют "мантрой". Мантра в индусском понимании, это слово, насыщенное такой концентрацией силы, что когда оно звучит, оно может привести в движение силы жизни, заставляющие ее возникать или исчезать. Мантра существует, чтобы вибрировать. Она могла воскреснуть под воздействием Рудольфа Штайнера только потому, что для ее высказывания оказались, начиная с его собственного, подготовленные органы речи. Во все время его учительства, и особенно с момента активного воспитания душ, образования эзотерических школ и представления мистерий, благодаря медитативным формулам (Sprüche), составленным и произносимым в форме мантр, Рудольф Штайнер вернул слову его древнюю духовную роль, которую признавали некогда за ним религиозные культы, не понимавшие ныне его смысла, и во всяком случае, утратившие его применение.

Таким образом, из года в год, образовывалась в Дорнахе Школа Слова, основанная на опыте того, что слово содержит в себе свою духовность, оно содержит свою истину.

Труппа эвритмистов росла. Она совершенствовалась. Более насыщенные программы перестали быть только прелюдиями к лекциям и занимали вторую половину дня в воскресенье. Представления стали доступны: приглашенным, людям из деревень. Затем Доктор посоветовал предпосылать им короткое введение, чтобы объяснить, какой реальности для человека отвечало это новое искусство, которое вначале смущало слушателей. К тому времени Столярную освободили от машин, эстрада превратилась в сцену, имевшую рампу и верхнее освещение. В этом временном помещении зачиналось новое искусство.

Место, которое заняла эвритмия в инсценировке "Фауста", так же, как воскресные выступления, помогли ей стать сценическим искусством. Вначале она была скорее добавлением к духовной науке, дополнительным упражнением во владении собой, способом осознать ритмы тела, этого микрокосмоса, и привести в гармонию душу с ее физической основой. Закончив рабочий день, старые и молодые, все вместе участвовали в упражнениях по эвритмии, которые организовывались в мастерских, просто потому, что эти ритмы, согласованные с ритмами небесных тел, были им полезны. Затем из этой первоначальной эвритмии, годной для всех, стали рождаться разнообразные применения, смотря по возникавшей надобности. Во-первых, сценическое искусство, которое требовало особых способностей и призвания, затем к эвритмии слова скоро присоединилась эвритмия музыкальная, позднее, с зарождением школ, от главного ствола отделилась большая ветвь педагогической эвритмии, так же, как создание клиник породило лечебную эвритмию, применяемую для лечения больных или их реадaptации в жизни.

Однако, если мы будем следить за развитием движения, подобного эвритмии, столь распространенной в наши дни и столь разветвленной, мы рискуем не идти по следам жизни Рудольфа Штайнера, а только по следам его дела. На каждом шагу нам приходится бороться с этим искушением, чтобы не отвлечься от самого Доктора. Ибо он проходит, как сеятель, бросающий семена, и позади него видишь, как. Всходит семя и наступает пора жатвы, но надо отказаться от этого зрелища, отказаться от этого описания, чтобы следовать за его шагом, не нарушая его ритма. Во всяком случае, счастливым жребием эвритмии, посеянной на "доброй почве" Дорнаха, было то, что она "принесла плод во сто крат".

Другое семя, брошенное в ту же почву, также возросло древом с тысячами ветвей. Это "Рождественские миракли". Страны Европы, где зародились эти наивные "Представления об Адаме и Еве", эти "Чудеса Рождества", эти "Волхвы", их позабыли. Но старые тексты сохранились, и в них грандиозная простота библейских слов перемешивается с деревенскими сценами, сохранившими привкус крестьянской жизни и крестьянской веры. Рудольф Штайнер знал эти тексты еще со своего венского периода, так как его учитель литературы Карл Юлиус Шроер их собирал - большей частью в Венгрии - в то время, когда о них уже начали забывать. Рудольф Штайнер слышал, с каким уважением говорили старые крестьяне об этих представлениях. Некоторые из них еще принимали в них участие. Тогда в деревне, если кому-нибудь давалась роль в миракле, считали за честь вести жизнь чистую, не пить, например, спиртного, и никто бы не уступил другому свою очередь покачать колыбельку Божественного Младенца.

Вот о чем рассказывал с юмором Рудольф Штайнер маленькой колонии в Дорнахе, единственной, может быть, в этой воюющей Европе еще способной понять прелесть этих представлений и набожно воскресить их из прошлого. Их давали на Рождество, и на весь год в узах, соединявших между собой членов Дорнаха, сохранялось то душевное тепло, символом которого являлось пламя свечей, зажигаемых в Рождественскую полночь. Хотя Столярная и вместила от пятисот до шестисот человек, но наполненная ароматом свежей ели, она на это время приобретала живительную атмосферу братской интимности.

Одному из лучших музыкантов среди обосновавшихся в Дорнахе, Доктор поручил воскресить наивные, ритмические напевы, которые запевали участники "мираклей", проходя по несколько раз по рядам зрителей. Затем каждую роль Штайнер мимировал, характеризовал, читал с чистым крестьянским акцентом диалектов, которые он слышал в своем детстве. Так был воссоздан стиль народных представлений в том виде, как его переняли в наши дни многие труппы. Если этот стиль смог стать "классическим", то это от того, что каждая деталь почерпнута из источника безискусственной и правдивой набожности, некогда вдохновлявшей крестьянские души. Это дуновение подлинной свежести всегда сопровождало представления где бы они ни давались: в "Очагах" или приютах, школах или больницах. Но среди сегодняшних зрителей кто еще знает, что этот благодетельный дар пришел к нам из юности Рудольфа Штайнера?

Рассказывая об этих "мираклях", мы, может быть, создаем впечатление, что Дорнах во время войны был чем-то вроде обители, где нашла себе приют колония людей, желающая остаться "над схваткой"? В действительности же члены, которые, по милости судьбы, имели возможность жить в Дорнахе в течение более или менее долгого времени, отнюдь не рассматривали этот отрог Базельской Юры как мирный оазис. Среди занятого остервенелым самоуничтожением мира их притягивала творческая деятельность, способная созидать формы будущего. Они чувствовали именно здесь, более чем где бы то ни было, каким ужасным бедствиям подвергалась Европа. Противоречие между прошлым, которое рушилось, и зачатками будущего, которые здесь возвращали, было потрясающим. Сама местность способствовала этому контрасту. Соседний Базель, не был ли он на самой границе Франции и Германии? С террасы Бау, взгляд, брошенный из главного входа, повернутого к западу, не упирался ли он в стену Вогезов, за которыми разыгрывались самые кровопролитные битвы? Как было не чувствовать трагического контраста между одухотворенными формами этих сверкающих, как драгоценности, своими гранями поверхностей дерева, этим зданием, дышащим силой и мягкостью в лучах заката, - и войной, рокочущей на вершинах Гартманвейлеркопфа, за которыми скрывался каждый вечер багровый диск солнца? Как было не чувствовать интенсивно этого контраста во время лекции в Страстную Пятницу 1915 года, например, когда слова Рудольфа Штайнера списывали смерть Христа, кажущуюся победу тьмы над светом, в то время, как пушки Эдзаса сопровождали его речь своими приглушенными раскатами?

Все силы устремлялись тогда к восстановлению мира, рушащегося со всех сторон. Говорили себе: - Надо, чтобы среди борьбы и страданий укрепилось ядро, чтобы извлечь из могилы новую жизнь и наметить основы для лучшей культуры, когда для этого настанет время.

Через два дня наступившая Пасха принесла с собой ту поднимающую дух сцену, в которой песнопения и колокола, возвестив о Воскресении, спасали Фауста от кубка с ядом. Эта сцена, оставшаяся и сейчас одной из самых прекрасных в представлении "Фауста" в Дорнахе, производила глубокое впечатление даже в скромной Столярной. Эвритмия, искусство слова, пение, благородство костюмов, красота драпировок, все заставляло предчувствовать, что великое сценическое искусство скоро будет поставлено на службу возрождения театра, который будет говорить людям языком духа.

Бау будет Домом Слова. Могущество Глагола воплотится в нем, станет видимым для глаз и ушей плоти, и люди найдут в этом живую связь с истиной.

Сила слова действительно воплотилась в нем, в формах, которые должны были дематериализоваться лишь в огне.

XXIX. ОТ ИОАННОВА ЗДАНИЯ К ГЕТЕАНУМУ

"Взгляды Гете на природу не остаются, как камни в желудке. Они способны к развитию. Исходя из природы, они могут привести к явлениям душевным, хотя сам Гете и не обосновал науки о духе. Он, по крайней мере, оставил теорию метаморфозы, которую достаточно развить, чтобы достичь опытов душевных и духовных".

Рудольф Штайнер, 18. X. 1917 г.

Европа увязала в войне. Чем дальше она тянулась, тем безвозвратнее исчезал в вечности известный жизненный уклад.

В Дорнахе Рудольф Штайнер создает макеты, модели для живописцев, формы для эвритмистов, решает технические проблемы, вызванные множеством нововведений. По вечерам он учит, открывает широкие перспективы на историю, на искусство и возможности его обновления. Он постоянно в курсе всего, что делается, пишется или говорится в мире. Книготорговцы в Базеле часто видят, как его рука уверенно протягивается к свежей брошюре или книге, которые познакомят его с изменениями мирового общественного мнения.

Он часто отзывается на призывы групп в Германии, где затянувшаяся война умножает страдания. Он старается ободрить и, главное, дать понять, что совершается. Он клеймит паралич мысли. Из-за него насилие одерживает верх в мире. Люди даже неспособны видеть, что слово "свобода", которым потрясают, как знаменем, вокруг которого дерутся, совершенно противоположно истинной свободе.¹¹⁶ Царящее положение заставляет его снова подчеркивать значение мысли, "так как ошибочные поступки порождаются именно ошибочными мыслями".¹¹⁷ Он борется с самым корнем зла: с ложью. Например, он устанавливает истину о причинах войны.

Можно заметить, что он сильно настаивает на этой важной теме, и видеть в этом его ответ на отравление умов, вызванное неистовой военной пропагандой.

До объявления войны он еще мог направлять своих учеников на пути, иные из которых были теперь резко оборваны, так как они не переносили этой отравленной атмосферы. Это относилось к эзотерическому полюсу его миссий: необходимость закрыть эзотерическую школу, прекращение представлений Мистерий именно тогда, когда Бау мог бы дать им усиленное звучание, и, наконец, прекращение изложения оккультной истории христианства, начатой в день закладки краеугольного камня Иоханнес-Бау.

В эти военные годы он борется против всего, что имеет тенденцию разделять людей на группы, кланы, секты и партии.

Древняя мудрость была скрытой, доступной немногим, сейчас ей надо дать воздуха, сделать ее достижимой для всех людей без исключения. Он набрасывает основы познания, одновременно духовного и физического, о человеческом существе, вплоть до его формы и органических функций. Необходимо показать, что вызывает болезнь и что излечивает как живые существа, так и землю, и социальный организм. Нужно описать человеческую природу так, чтобы современная мысль могла обнаружить присутствие духа в органах чувств, в жизненных функциях. Надо, чтобы во всем этом разум любого нормального индивидуума мог найти то, что ему нужно.

Позднее, конечно, сможет вновь образоваться эзотерический кружок, как это будет иметь место после поворота на Рождестве 1924 года, но он будет гораздо менее замкнутым и будет включен в общую структуру учения, даваемого в Свободном Университете Духовной науки.

Что же касается Мистерий, то они на долгие годы останутся за кулисами, в то время как "Фауст" выйдет на первый план. Действительно, сцена в Бау была открыта не так, как предполагалось: Бенедиктусом и его учениками: Иоганнесом, имя которого приводило на память особый путь христианского эзотеризма, путь св. Иоанна, Марией, Капезиусом, Штрадером... а человеком, бродившим по всей земле, личностью всемирно известной, представителем ищущего человечества: Иоганнес уступил место Фаусту, Иоганнес-Бау - Гетеануму, эзотеризм - экзотеризму. Это новое имя: "Гетеанум" несло в себе целую программу.

"Я хотел бы, говорил Рудольф Штайнер об этом в Базеле 18 октября 1917 года, - назвать этот Бау Гётеанумом. Ибо то, что я хочу дать под именем антропософии, не исходит из пустых мечтаний или произвольных домыслов, но из здоровых и прочных устоев, на которых также покоились представления Гете".

Эти "здоровые и прочные устои" являются устоями мысли и искусства, взаимно друг друга оплодотворяющими.

Что же касалось откровений мистерий Христовых, то когда к ним вернулись, они были сделаны доступными всем, а не только группе, "ведомой кармой".

Вновь возвращались к задаче "оправдания духа перед мыслью любого человека доброй воли". Это была цель написания "Философии свободы", и она всегда оставалась основной целью.

Мы уже много раз отмечали, что исключительность характера Рудольфа Штайнера рождается из встречи в нем в равной мере тех способностей, природа и происхождение которых столь различны, что обычно они исключают друг друга: духовного откровения и сознательной мысли. Между ними - глубокие переживания сердца, позволившие ему открыть Христа, создают необходимое восполнение и равновесие.

Сознательная работа мысли всегда рассматривалась им как особенность его миссии, даже когда обстоятельства, казалось, отдаляли его от нее. Например, когда преобладали откровения. Он заставлял себя тогда медленно приводить эти молнии духовного озарения к тому, чтобы они стали возможными объектами знания для всех, и давал им время, необходимое, чтобы вылезть для высказывания на общепонятном языке. Можно рассматривать как "эзотерическое" то, что еще не приняло форму концепции.

Он никогда не терял из виду этой цели: формулировать науку о духе таким образом, чтобы она могла со всей точностью включиться в совокупность человеческих знаний. Он знал, что он добьется этого, что его откровения смогут со временем стать не чем-то принятым на веру, но предстанут, как геометрическая аксиома, на путях, дарующих свободу. Он победит материалистическую мысль ее собственным оружием, вступив "в шкуру дракона".

На этом нужно настаивать, так как это дает ключ ко всей деятельности Штайнера и позволяет оценить размах ее практических применений. Если во все времена были люди, как и он, осененные благодатью, то Рудольф Штайнер первый выковал оружие сознательного восприятия духа, завоевания сверхчувственной реальности, которую предчувствовали, но которая до него оставалась недоступной обычному мышлению.

Выбор имени Гете был удачен для того, чтобы осенить встречу этих двух полюсов: неизреченности откровения и сознательной его передачи. Искусство являлось проводником между идеей и откровением. И Гете также знал. В нем художник преобладал над мыслителем. Живо чувствуя язык формы, он был приведен им к идее. "Он, - говорил Штайнер, - ввел в познание свою духовную деятельность художника. Он искал путь, ведущий от художника к познающему, и он нашел его!"

* * *

Зададим себе теперь следующий вопрос: война нарушила ли чем-нибудь план учения Штайнера? - В основном нет; но придав его делу более экзотерический характер, она ускорила его развитие, ускорила поворот.

Начало этому дает он сам, выводом на передний план полюс сознания. Это период, когда он еще имеет время, чтобы писать, составлять дидактические части своего учения. Устанавливая, аргумент за аргументом, методические основы науки о духе, он может показаться сухим. По существу, он намеренно связывает себя с силами, которые производят в мозгу омертвляющее действие. Мысль осознается человеком, когда она отражается, отбрасывается на экран нервного вещества, и это отражение мысли, позволяющее заметить ее деятельность, вызывает в организме уничтожение нервных клеток. Мыслительная деятельность разрушает нервные клетки, и человек нормально осознает эту деятельность, только потому, что он связан с телом, подверженным смерти. До тех пор, пока он не умеет мыслить вне связи с этим смертельным процессом, он должен рассматривать свои интеллектуальные функции как приводящие его только к силам смерти во вселенной. Существо духовное не знает этой интеллектуальной мысли - оно созерцает; но человек существует на земле, чтобы пережить опыт тела. Если он проходит через этот опыт, сохраняя в себе животворную силу духа, он может победить смерть.

Если бы Штайнер, укрепленный этим, давно им освоенным опытом, не направил бы своих изысканий в то время на восстановительное и разрушительное действие психических сил в организме, он никогда бы не смог в нужный момент заложить основания для медицины, социологии, сельского хозяйства и, наконец, педагогики, обновленных и пригодных для человека сегодняшнего дня. Судьба пожелала, чтобы он выявил сущность этих важных знаний в атмосфере страдания и смерти, порожденных войной. 117

Он подготавливал таким образом третий период своей деятельности - практическую реализацию духовной науки. Ибо рано или поздно истинные духовные знания облекаются в плоть.

Дать проникнуть импульсу духа в практическую деятельность было к тому же золотым правилом древних Розенкрейцеров. Судьба Штайнера была такова, что это должно было произойти в тот момент истории человечества, когда война обнажила, особенно в Средней Европе, нездоровое социальное устройство, которое не удавалось больше скрывать, вследствие военных поражений. Для стран, где оружие победило бы, этот порядок вещей оставался бы прикрытым и расплата за него отложенной.

Если встать на эту точку зрения, то три первых года войны встает для Штайнера как годы напряженной бдительности. Никто об этом не знал, кроме него самого. Он постоянно старался привести своих учеников к осознанию социальной действительности. Так как, в конце концов, социальная жизнь является жизнью, управляющей судьбами общими для всей нации и каждое человеческое существо должно чувствовать себя за нее ответственным. Для сознательного "Я" не существует рая в одиночестве.

После семилетнего перерыва он снова берется за изучение внешних чувств и находит новую терминологию, отбросив теософическую. Он описывает широкий регистр 12 чувств внешнего и внутреннего восприятия, связывая человека с душевной жизнью и даже с "Я" другого человека, что приводит также к новому пониманию социальных отношений. При этом освещается контраст между этой деятельностью органов чувств и природой воли, коренящейся в двигательной системе. Ритм кровообращения и дыхания устанавливает равновесие между нервной и двигательной системами.

Позднее он говорил, что никогда не была бы создана Вальдорфская школа, не были бы заложены основы новой педагогики, если бы не этот подход к природе человека, над которым он работал со времени "Окультистской физиологии" (1909), но который только теперь вылился в общедоступные формы.

И однако, эти взгляды, положившие начало для столь многих практических применений, не вызвали сенсации среди членов Общества. Слишком велики были потребности души, чтобы были замечены потребности духа.

По этой причине многочисленные лекции, которые Штайнер читает, переходя от одной группы к другой, продолжают отвечать на вопросы о жизни после смерти, об изменениях связей между теми, кто уходит, и теми, кто остается, о невидимых общениях, обеспечивающих единение живых и мертвых. Вспомним, что он с детства обладал способностью связи с душами после их смерти. Часто он имел случай давать доказательства участия, которое он принимал в изменениях души, освободившейся от тела и проходящей через опыт посмертной жизни. Когда в своих лекциях ему приходится говорить об этом, он делает это чаще всего так, как если бы он находился в присутствии Христа. К тому же, именно в эти годы он работает, когда бывает в Дорнахе, над большой скульптурной группой из дерева, которая должна будет занять в Бау место, куда будут устремляться все взгляды.

Эта скульптурная группа всецело плод его духовных поисков. Он вылепил макет, соответствующий его видению Христа, явленного духу ваше время. Фигура Его огромна. Левая рука поднята вверх, правая опущена к земле. Подобно фигурам на носу корабля, рассекающим сопротивляющиеся волны, Христос прокладывает Свой путь среди противодействия. И чудо совершается. Одно Его присутствие делает бессильными и разделяет противников. С вершины слева, дух гордыни и иллюзии, Люцифер, внушающий человеку сверхмерность, падает низверженный, в то время как дух отрицания и земной тяжести, который затягивает человека в материю, Ариман, запутывается в своих собственных корнях. Пространство, отведенное каждому из них, оставляет свободным центральное место для Христа, и с Ним для каждого человека, нашедшего свое равновесие между ангелом и зверем. Снова человек оказывается здесь между противоположными силами, обретая в этом равновесии свою свободу.

В Дорнахе вечерние лекции чаще всего затрагивают то, что можно было бы назвать окультистской историей человечества. Они приносят основание для объективного суждения о социальном положении, находящемся в состоянии брожения. Они открывают за внешним фасадом наличие внутренних течений, в действительности управляющих миром и ведущих во мраке смертельные схватки. Перечитывая эти лекции и имея время проверить основательность приводимых в них фактов, бываешь потрясен баснословной эрудицией, которую они предполагают у автора. Нет ни одной эпохи, ни одной культуры, античной или современной, которая не была бы знакомой автору вплоть до деталей, казалось бы, известных только самым большим специалистам. Профессиональный историк, окруженный штатом секретарей и богатейшей документацией, должен был бы проводить за работой все свои дни, чтобы подготовить подобное изложение, в то время как Штайнер делает это, выйдя из вагона или после изнурительного, заполненного до краев рабочего дня.

Точный биограф, как бы мало он ни был склонен верить в чудеса, при возможности естественного объяснения, все же будет вынужден признать, что здесь дело не в обычной эрудиции, а в действительной способности "читать" во всемирной хронике, о которой уже говорилось выше. Во всяком случае верен факт, что историю следовало бы переписать заново в соответствии с этим данными. В ней открылось бы то, что теперь еще неизвестно. Например, связи, поддерживаемые в течение веков между Востоком и Западом, благодаря некоторым или неизвестным, или непонятным течениям. Из многих фактов можно будет извлечь убеждение, что современную эпоху можно понять только при подобном всеобъемлющем интуитивном взгляде на прошлое цивилизации, взгляде, которым обладали очень немногие умы.

* * *

Из какого бы источника исследования ни черпал Рудольф Штайнер, чтобы понять смысл событий, свидетелем которых он являлся, - результат всегда один: все, что существует, утверждает себя игрой противоречий, противоположностей, между которыми колеблется жизнь, находя сама свое непрерывное течение в этом постоянном колебании от полюса к полюсу.

Тройственную структуру человеческой жизни на земле, вот что являют его поиски. Его открытие в том, что он находит и в наше время эту основную истину: жизнь колеблется между двумя противоположными полюсами и вводит между ними третий элемент, устанавливающий равновесие.

Тройственная структура физического и душевного организма, тройственно проявление его функций.

Он пришел к этому утверждению не вследствие теории, но путем интуиции (интуитивного созерцания), созревшей в нем даже раньше, чем он встретился с научными концепциями Гете, хотя понятие о метаморфозе и укрепило ее. Более тридцати лет, - говорил он, - в периоде подспудного созревания вырабатывалось это видение тройственной структуры всего живого. Оно появляется вновь, одновременно увиденное и продуманное, в особых обстоятельствах, вызванных войной и зарождающимся хаосом, чтобы внести новые перспективы для реконструкции разрушающегося мира.

Заметим, что если Штайнер и получал порой свободные дары с небес, то концепция тройственной структуры является завершением работы, в которую были вложены все его способности. Она охватывает все области его поисков от самых высоких изысканий о начале мира и трех "Логосах", и до свершений художника, архитектора, живописца, скульптора, позволяющих ему ощутить вплоть до физической деятельности своих активных рук игру все тех же полярностей и уравновешиваний.

Но, может быть, нужно было потрясение для того, чтобы силы, притекающие из художественных творений, осознали бы сами себя и привели бы к завершению зреющие идеи. Таким потрясением явилась для него война, и страдания народов, и его беспокойство перед смутными очертаниями грядущих событий. Совокупность этих переживаний влилась в идею тройственной структуры, которая под именем трехчленности станет центральным узлом всех конкретных применений Антропософии, обеспечивая единение между самыми различными областями и заставляя человеческое существо, какова бы ни была его профессия или социальное положение, заново продумать себя во всей своей целостности.

XXX. РАСПАД 1917 ГОДА И ДУХОВНОЕ РЕШЕНИЕ

"До тех пор, пока философы не станут до главы городов, и те, кого зовут сегодня правителями, не станут подлинными философами, до тех пор не прекратятся страдания горожан".
Платон, "Республика"

В 1917 году в ходе войны наступил поворот. Вначале верили в короткую кампанию, затем увидели, что война "молниеносная" превратилась в войну позиционную. Пришлось вырыть траншеи, и солдаты под покрывавшей их грязью превратились в "poilu", в "Tommy" в "felolgrau".* /*Прозвища военного времени для французских, английских и германских солдат/ Жажда наживы подтачивала мораль народов. Сжимались тиски вокруг держав центральной Европы. Но главным было то, что конфликт принимал интернациональный характер. Вначале он касался лишь Европы. Расхлебывали старые споры и ссоры, которые всегда существовали среди драчливых членов европейской семьи. Но теперь, казалось, происходило нечто иное. Новые элементы входили в игру. Конфликт переходил в область идей. Представления о праве, о справедливости и свобода начали становиться оружием более угрожающим, чем батальоны. Если они и не были первопричиной столкновения, то должны были сдавать большое влияние на его исход. Некая эра завершилась. Отныне на планете уже не будет ни одного конфликта, в который не вмешалось бы интернациональное право и мировое общественное мнение.

В начале 1917 года Вильсон, только что переизбранный президентом Соединенных Штатов произнес в Конгрессе сенсационную речь о свободе права народов располагать собой и сформулировал программу будущего правосудия. На этом этапе исход борьбы еще не был ясен, но Германия, измученная, разочарованная, голодающая из-за блокады, только что сделала союзникам мирные предложения "без условий и санкций": пусть каждый вернется к status quo ante* восстановит свое положение и зализывает свои раны. Союзники могли бы просто ответить: "Мы победим, потому что мы сильнее", но они предпочли позволить Вильсону перенести довод о праве сильного на идеологическую почву права, маскируя вес численного превосходства предложением справедливости освобождения угнетенных народов, и объявить войну державам центральной Европы 2-го апреля. /*Прежнему положению (Прим. перев.)/

Великое смятение отметило эту весну 1917 года. Русская империя распалась и залилась кровью. Чтобы ускорить ее конец, германский генералиссимус Людендорф, считая себя новым Макиавелли, позволил вождям большевистского движения, осевшим в Швейцарии, пересечь Германию в запломбированных вагонах и вернуться в Россию. Там они сыграли роль сверхускоряющего вируса. Солдаты на фронте поддались опьянению свободы. Все цепи спадали, как с пленных, так и с властей всех рангов. Создались советы солдатских депутатов, готовке брататься со всем миром.

Переговоры о перемирии, спешно начатые в Брест-Литовске, затянулись на месяца, давая создаться на востоке Европы неопишуемому хаосу, в то время как на Западе армии "права и справедливости" твердо намеревались силой оружия обуздать царство грубой силы, и военной победой положить навсегда конец войне! После этого все пришло бы в порядок. Вильсоновская тактика решать конфликт силой, но под видом права, начинала входить в порядок вещей.

* * *

Что же делает, что думает Рудольф Штайнер?

В этом 1917 году ему исполнилось 56 лет, и он входит в Юпитерскую фазу своей жизни, в фазу главных свершений.

Его друзья задают ему вопросы. Они знают, что он по крайней мере имеет возможность ясно видеть то, что скрыто за официальными утверждениями, (в то время еще не были знакомы с промыванием мозгов, а только с простым набиванием черепных коробок). Они особенно хорошо знают, что его диагноз может быть поставлен только основываясь на совершенно бескорыстном видении человеческих интересов.

Тогда он дает серию указаний, позволяющих приобрести здоровое суждение об исторических положениях прошлого и настоящего. Когда его спрашивали: что делать?, он отвечал: "Я даю вам возможность ясно видеть; ваше дело - исходя из этого - действовать. От вас зависит, станет ли действительностью то, что я открываю вам".

Но чем дальше идет время, тем яснее улавливается за словами его собственная тревога. В Дорнахе, после вечерних лекций, он часто подсаживается к тем, которые, как он чувствует, способны воспринять больше других, добавляет новые детали, дает понять свою собственную тревогу; нигде не появляется личности, одаренной творческим воображением, способным подсказать выход из положения, за которое будут расплываться все народы. Нигде нет печати духа. Вместо этого затягивается сеть абстракций. Они, как кажется, нашли в Вудро Вильсоне своего самого типичного глашатая.

Не под влиянием войны, а под влиянием опасности, угрожающей человеческому духу, еще летом 1913 года, когда профессор Вильсон был в первый раз избран на пост президента Соединенных Штатов, Штайнер ссылаясь на него как на характерный пример мысли, чуждой действительности, напичканной великими принципами, не имеющими оснований в реальном, мысли, являющейся подлинным продуктом догматического интеллектуализма, которым дышали в университетской атмосфере того времени. "Вильсон против Гете". Застывшая абстракция против движения жизни, вот что почувствовал Штайнер уже в тот период, и сейчас его охватывает тревога, когда он видит, как эти теории оказывают влияние на события. Он предвидел то, что гораздо позднее стало называться "холодной войной", то есть расчетом, скрытым за туманом фразеологии. Он предвидел психологическое оружие, моральную деградацию, манипуляции с нервной системой, позволяющие власть имущим целиком и полностью создавать общественное мнение. Вскоре действительно был изобретен метод анкет-вопросников, статистические обследования, выдвигавшие в качестве общественного мнения тысячи отражений заранее внушенного образа.

Для Штайнера телеуправляемое таким образом человечество было ведомо к худшему виду материализма, даже не способному отличить дух от подделок. Он предвидел установление царства организованной лжи, которая больше не вызывает у своих жертв никакой реакции, потому что их чувство правды заранее анестезировано. Предвиденное им с тех пор настолько разрослось, что говоривший об этом пророчески с 1917 года мог спросить себя, - будет ли он понят. Доза каждодневно принимаемого яда стала так велика, что ее перестают замечать.

Призраки, которых Рудольф Штайнер видел тогда поднимающимися из бездны, казались ему тем более угрожающими, что они возникали не из человеческих страстей или вырастающих инстинктов, а из вмешательства сверхчеловеческих сил зла. Он считал, что война должна была бы завершиться в 1917 году, и если этого не произошло, то, значит, она сошла с пути, начертанного "вышшими богами", и управление ею оказалось в руках "богов низших". Этому именно нарушению он и старался противостоять. "Война становится адским расчетом". Она превышает инстинкт воюющих народов. Это великая агрессия сил Аримана против естественного развития человека, чтобы отвлечь его от его истинного призвания - свободной духовной деятельности.

Когда невыразимая печаль овладевала ясновидящим перед тем, что должно было обрушиться на все человечество вследствие изменения хода этой войны, он уже готов был сам вступить в борьбу, если это нужно, зная, однако, насколько политика может оказаться опасной для миссии того, кто имеет единственной целью царство духа, и какие своры могут быть спущены на него.

* * *

Среди членов Антропософского общества было двое, положение которых давало им свободный доступ к руководителям центральных империй. В Берлине граф Лерхенфельд был одним из представителей правительства Баварии; в Австрии граф Польцер-Ходитц был родным братом шефа кабинета императора Карла. Инициатива пришла от Лерхенфельда. Его воспоминания, которые были опубликованы, хорошо передают смятение, охватившее официальные сферы летом 1917 года.

"Это невыносимо. Каждый хочет командовать: имперский кабинет, кабинет Канцлера, Министерства, Главный штаб... "Приказы, контрприказы". Наше посольство похоже на вольер. Министры, парламентарии, дипломаты, все ссорятся у дверных ручек. Думать? Некогда. Идеи? Ни следа... Я белее чем подавлен, я почти в отчаянии. Что еще может выйти из-под жерновов, которые медленно, но верно перемалывают нашу судьбу? Великая идея? Но где она? Конечно же, не у тех, кто до сих пор вмешивался в ход событий; и не у меня. Здесь, в Берлине, никто не видит дальше вчерашнего дня. Есть только один, который знает... Для меня это ясно. Единственный, видение которого безусловно, и к нему я и обратился в эти дни с вопросом, палящим мне сердце.

Я отправился к Рудольфу Штайнеру, который был проездом в Берлине. Я описал ему положение, как я его видел, и сказал ему также то, что открывал мой собственный опыт об ошибках в нашей политике. Он выслушал меня внимательно, только изредка прерывая каким-либо вопросом, уточнением. Мы уговорились встретиться завтра, во второй половине дня, для более исчерпывающего разговора, в течение которого он описал мне кратко то, что назвал позднее "трехчленностью социального организма". Но эта идея - сказал он - должна быть разработана детально, чтобы ее поняли все и применили на практике".

Началась работа, к которой присоединился Польцер-Ходитц, занявшая несколько недель. Пришлось углубиться отдельно в каждый раздел социальной жизни, чтобы найти для него затем точное место во всей организации, потому что для Штайнера проблема войны была неотделима от проблемы социальной. Их нужно было ставить обе вместе, и вместе решать, если хотели применять глубоко-действующие средства. В противном случае, на расшатанной социальной почве, войны будут множиться, как ядовитые грибы.

У Рудольфа Штайнера не было никаких иллюзий относительно приема, который получают его идеи у государственных людей, взращенных в политическом серале, да к тому же и перегруженных, а вскоре захлестнутых стремительными событиями. Он все же решил испробовать последний шанс, имевшийся у средней Европы для того, чтобы подать свой голос и предложить положительное решение для исхода войны. А те, кому первым были доверены его мысли, уповающие на силу идеи, вдохновленные ежедневной совместной работой, которая позволила им увидеть новые перспективы, позволяющие избежать катастроф, передали "Меморандум" Штайнера некоторым ответственным "главам". Но "главы", может быть, несколько сильно сказано, ибо, как писал один из них, создавалось впечатление, что было много плеч, но не было голов. Напрасно искали кого-либо, кто мог дать союзникам выслушать "Ответ Средней Европы". Нигде не нашли человека, способного предложить народам, в ответ на Вильсоновские абстракции, инициативу, созданную чистейшим европейским умом, прямое выражение идеала: "найти равновесие между Востоком и Западом, не давал себя подавить ни тому, ни другому". Эти пророческие слова были сказаны 10 июня 1915 года. Потомство сможет отметить ими главу, посвященную Европе XX столетия.

Поражение, не только военное, но даже и экономическое, конечно, ставило под угрозу равновесие Средней Европы. Однако, если бы предложенная перестройка социального порядка была бы начата, не произошло бы тех разрушений, которое повлекли за собою на долгое время потерю мирового равновесия.

Кроме того, возможность начать пересмотр условий современного общества во имя народа Гете являлась грандиозной инициативой в глазах тех, кто ее поддерживал. Они видели в ней искупление перенесенных страданий. Народы, победившие силой, бывают увлечены материальной стороной своей победы, но побежденные народы Средней Европы предлагали миру решение духовное: план общества, объединенного целью достичь новой моральной структуры, в которой было бы место и для человеческой индивидуальности.

* * *

Меморандум не был прочтен или был прочтен слишком поздно. В марте 1918 года Кульман имел его в своем портфеле во время Брест-Литовских переговоров, но не воспользовался им. Император австрийский получил его только накануне своего отречения. Что же касается принца Макса Баденского, то встреча между ним и Рудольфом Штайнером казалась несколько обнадеживающей. Но когда принц стал сам канцлером Рейха, это уже было за несколько недель до сдачи Германии. Везде назревал мятеж и веяло катастрофой. Желая избежать худшего, Людендорф потребовал от Канцлера, чтобы он просил перемирия и подчинился условиям мира Вильсона и его программе. Ганс Кюн говорит: Штайнер ожидал от нового Канцлера, что он уже в своей первой речи решился бы на провозглашение идеи Трехчленности, как доказательства полного поворота германского народа и его воли к миру.

Получилось обратное: подчинение Вильсоновской идеологии и отсюда полная потеря для Средней Европы возможности внести "духовное решение".

С этой минуты Рудольф Штайнер знал, что в проигрыше будет вся Европа. Ее духовный потенциал, ее культура, ее свобода личности, ее чувство меры человечности... Дух Европы жил в сообществе стран, необходимых друг другу даже в самой своей разности как необходимы друг другу равные части одного и того же организма. Штайнер знал, что без центра, прочно внедренного в это сообщество влияние Соединенных Штатов на Западе и влияние России на Востоке усилят давление материализма без должного противовеса и введут без достаточного сопротивления приемы обесценивания, ставящие преграды как между человеком и природой, так и между людьми.

Провал Меморандума его не удивил. Он его предвидел. Для того, чтобы его принять, читавшим его надо было бы разделять его видение истории. Разрыв между этим видением и их образом мышления был слишком велик.

"Мы встречались с самыми разнообразными реакциями (пишет Лерхенфельд). Рядом с теми, кто просто вежливо ступевывался, мы находили у большого числа понимание той или иной детали, но никогда всей идеи в целом и ее возможности повлиять на текущие события. Казалось, им не хватало некоего органа, чтобы понять то, что еще никогда не представлялось их уму и не являлось частью привычно обращающихся представлений... Они были так поглощены деталями, что не были способны увидеть главное".

Штайнер вспоминал, с юмором о некоторых возражениях, которые делались ему во время беседы государственными людьми с высоты их политического опыта. Одним из решающих аргументов, например, было: "Но принятие ваших идей вызвало бы отречение Кайзера!". На что Штайнер отвечал спокойно: "Ну, что ж, если это необходимо..." - ответ, который сильно шокировал собеседника, неспособного предвидеть то, что уже назревало. Ибо несколько месяцев спустя Кайзер действительно отрекся, но не во имя великой идеи.

На что же можно было вообще надеяться? Чтобы какой-либо министр рискнул развить в значительной речи программу Трехчленности, чтобы эта речь вызвала ответное эхо у воюющих сторон, чтобы некоторые редкие личности, особенно

отзывчивые на все то, что касается освобождения человеческой личности, откликнулись, даже, может быть, наладили бы связи между собой? Конечно, идея начала бы тогда по крайней мере пускать ростки, но произошло не это. Ни один министр не хватился за нее, ни один трибун не ратовал за нее. "Все боялись, - говорил Лерхенфельд, - боялись потопить себя". Теперь, когда чуда не произошло, стало ясно, что идея трехчленности не будет введена в действие декретом, а войдет только как созревший плод умонастроений, когда она вживется в достаточное число умов и сердец.

Когда читаешь мемуары Лерхенфельда и Польцер-Ходитца, удивляешься, что в том состоянии, в котором находилась Германия, обезумевшая перед надвигающимся поражением, они могли верить тому, что кто-либо подвергнет серьезному рассмотрению идею Трехчленности. Да и что могли сделать люди, стоявшие тогда у власти? Предложить союзникам формирование экономических объединений для распределения товаров? Оставить школы на попечение различных исповеданий, представляющих духовную жизнь? Сразу прекратить государственный контроль над распределением недостаточного продовольствия?

Долгосрочные решения, указываемые Меморандумом, неизмеримо превышали проблемы насущного дня, исчерпывающиеся вопросом: где найти людей и пушек, чтобы не опустить рук перед врагом? Неужели могли верить, что Германия или Австрия предложили бы союзникам вместе с "миром без условий и санкций" гениальную идею сесть за стол и сообща обсудить возможности полной перестройки социальной жизни? Для этого надо было бы согласиться с предпосылкой, что война действительно явилась результатом неравноценности социальных условий. И, как писал позднее в своих воспоминаниях бывший шеф кабинета императора: "Надо было бы сначала, чтобы все народы были в этом убеждены". Следовательно, надо было прежде всего убедить большинство граждан в правильности идеи Трехчленности". 118 В действительности же дело обстояло далеко не так.

Кроме того, Трехчленность стала бы возможной только при условии падения Рейха и потери доверия к колоссальной империи, к... ее милитаризму. Зерно могло взойти только на расчищенной почве. Такое положение создалось в Центральной Европе два года спустя, в настоящий же момент все попытки к "духовному решению" были бы оценены как нереальные. Надо было дождаться, чтобы произошло неизбежное. Может быть тогда рычаги управления попали бы в руки людей, обладающих творческой мыслью.

Главная забота в эти последние месяцы войны состояла в том, чтобы дать понять как можно большему числу слушателей значение троичного равновесия и того, как оно обеспечивает независимость жизни духа. Ничто так хорошо не показывает цели, преследуемой Рудольфом Штайнером, и богатства его возможностей, как перечень тем, выбираемых им тогда для своих лекций. Вот, например, темы осени 1917 года: Октябрь: Разрыв между жизнью идей и жизнью моральной. - Необходимость придать моральную основу социальной жизни. - Иллюзии, преобладающие в современном хаосе. - Связи души со вселенной, с одной стороны, и с телом с другой стороны, и их изменения. - Мир идей и царство стихий. - Что такое "общественная мысль?" - Изменения, происшедшие в человеке со времени греческой эпохи. - Кто был Лютер? - Испытание огнем в древности. - Воспитание и карма. - Мысли абстрактные и мысли живые. - Что умерло в науке, искусстве и социальной жизни. - Материалистический оборот, принятый мыслью в XIX веке. - Победа Михаила над силами Аримана. - Как победа Михаила в 1879 году низринула в человека ариманические силы. - Внутреннее сосредоточение психических сил человека. - Люцифер и Ягве. - Наследственность и индивидуальность. - Победа Михаила делает возможным непосредственное переживание духа. - Как Архангелы и Ангелы ведут человечество в послеплатантические эпохи.

Перед этим постоянным и мощным потоком идей, столь существенных и новых, что каждая требует от слушателя полного пересмотра всех им приобретенных ранее представлений, его слушатели теряли дыхание. Так, выходя с одной особенно насыщенной лекцией, Эдуард Шюре сознался своему другу: "Я остался на пол дороге. Если губку до отказа напоить водой, то весь океан сможет пройти над ней, а она не воспримет больше ни капли.

Но сам "океан"? Он что чувствовал, когда видел, что самые близкие не могли следовать за ним туда, куда направлял его рок?"

XXXI. БОРЬБА ЗА ТРЕХЧЛЕННОСТЬ

"Если Трехчленность не принесет сейчас здорового и длительного решения социальной проблемы, война возобновится, и на этот раз в еще более жестоких формах."

Рудольф Штайнер, 1918 г.

Зимой 1918-19 года два человека часто присутствовали на лекциях в Дорнахе. Один из Цюриха, другой из Штутгарта. Швейцарец Роман Боос, шваб - Эмиль Мольт. Социальные проблемы были для обоих тем, что Рудольф Штайнер называл "делом сердца", а для Эмиля Мольт еще и профессиональной насущной заботой, так как он был директором, завода, занимавшего сотни рабочих. Он описывал Рудольф Штайнеру положение, в котором находилась германская промышленность, расшатанная анархической демобилизацией и инфляцией, описывал трудности руководителей, которые должны были внезапно перевести производство танков на производство грузовиков, тракторов, а из пришибленных солдат снова сделать хороших рабочих.

Он говорил также, что, по его мнению, в Рютемберге имела почва, на которой могла бы взойти Трехчленность, если бы она была правильно понята как хозяевами, так и рабочими. В Штутгарте только что произошли беспорядки. Главари стачек пытались помериться силой с предпринимателями. В январе 1919 года они организовали забастовку в крупных фирмах Даймлера, Боша. Забастовщики требовали создания Совета рабочих. Владельцы предусматривали участие рабочих в прибылях, но не могли оговориться о их применении. При возникающих затруднениях люди будут готовы прислушаться к любым предложениям. Сам Эмиль Мольт готов был проделывать на своем предприятии социальный опыт, требующийся обстановкой момента. К тому же, в Вюртемберге некоторые промышленники были членами Антропософского общества. Они явились бы первой опорой для создания тех "ассоциаций", которые, согласно учению о Трехчленности, должны построить экономическую жизнь.

Со своей стороны, юрист Боос уверял, что идея Трехчленности, если высказать ее в Цюрихе, нашла бы отклик. Во все время военных действий Цюрих был местом контакта для представителей воюющих стран. Быть услышанными в интернациональных кругах Цюриха значило завоевать себе всемирную платформу. Надо было рискнуть, схватить подходящий исторический момент. Раз не нашлось в Германии "главы", согласной слушать, может быть на этом "скрещении европейских путей" встретится нужный собеседник.

Колебания Рудольфа Штайнера показывают, что он считал попытку весьма сомнительной. Безусловно, прежде чем дать свой ответ, он учел размеры жертвы. Но также нет сомнения, что он не признал за собой права сказать "нет" на эту

обращенную к нему просьбу, отказать помочь в бедствии, которое ему описывали. Будет ли он беречь свои силы и ответит ли им, что решения, предлагаемые духом, не должны быть скомпрометированы тем, что станут достоянием улицы "Если сила, которой обладаю, может стать благодетельной, ее должно приманить для осуществления добра".

Итак, он согласился взять на себя риск и поставил следующие условия: "Для германского народа, у которого поражение уничтожило значительный слой материальных богатств, собранных в эпоху Вильгельма, он напишет Воззвание*. Если это обращение соберет среди представителей равных слоев общества сотню подписей, это будет знаком того, что можно начать действовать. Тогда это обращение будет передано прессе для увеличения числа подписавшихся и установления первых подступов. Самый последний рабочий самой маленькой фабрики в Вюртемберге сможет добавить свой вклад, заявив свою готовность применить идею на деле. /*"Воззвание к немецкому народу и к культурному миру"./

Что же касается Швейцарии, то здесь первым делом надо поколебать спокойствие народа, только по слухам знакомого с великими военными бедствиями. Ибо если бы именно здесь почва оказалась благоприятной, для свободного принятия этих идей, Швейцария могла бы стать началом возрождения Европы, благодаря своему географическому положению.

"Перед этой страной, хотя и небольшой, открывается огромная перспектива". 119

Как следствие цюрихских лекций, решено собрать основное их содержание в брошюру для широкого распространения. Она появится одновременно в Дорнахе, Штутгарте и Вене. Эта брошюра, 8000 экземпляров которой находят быстрое распространение, вскоре же переводится на большинство европейских языков. 120 И вот, из Германии приходят сведения, что Обращение собирает множество подписей (среди них - Германа Гесса) и что вся пресса перепечатывает его.

В Штутгарте создается активное ядро. Установлены важные контакты, объявлены митинги с присутствием Штайнера. Его ждут. За ним едут. Он в Штутгарте 20 апреля 1919 года. Шаг сделан. Открыта кампания за Трехчленность.

Она начата как народное движение. Не только свою идею, но и свое существо вкладывает в нее Рудольф Штайнер. Он верит напрямую высказыванию свободных людей.

Каковы были его шансы на успех? Это была эпоха, когда великие лидеры социализма Курт Эйзнер, Вальтер Ратенау - взрывали почву до основания и разрушали все поколебленные остатки давящего социального порядка. Тех, кто их слушал, угнетало не только вечное притеснение класса пролетариев, но и национальное поражение. Курт Эйзнер обладал непосредственным волнующим красноречием, зажигавшим рабочие массы и молодежь. Он как раз и приехал из Мюнхена по приглашению студентов университета прочесть лекцию в Базеле 10 февраля 1919 года. Он задал им следующие вопросы: "Почему человек уже своим рождением обречен быть всегда побежденным в борьбе классов? Бедные не хотели войны. Раз всем нам дают право умереть или быть убитыми, почему же не распределить поровну и права на жизнь?" (К. Э. "Социализм и молодежь").

И он обращался к силам, дремлющим в массах, к этой молодой крови, к способности осуществлять великие дела.

Даже не разделяя взглядов социалистов, можно было почувствовать, что это веяние социального идеализма овладело массами. Эта готовность принять великую идею чувствовалась также в Штутгарте, и вначале она послужила идее Трехчленности.

Первая публичная лекция Штайнера 22 апреля вызвала колоссальный энтузиазм. Все казалось возможным, чувствовали себя накануне решающих событий. Организуются собрания с Советами рабочих, протекающее в обстановке еще невиданного доверия. Говорит человек с человеком. Рабочие просят Штайнера высказывать свои идеи вечером в их погребках. В этой прокопченной, но теплой атмосфере он говорит с ними простыми прямыми словами. Тронутые сердцем рабочие в свою очередь открываются без принуждения.

Но политические вожаки настораживаются. У них есть на то свои причины. Ведь Рудольф Штайнер непоколебим в одном: "все должно происходить свободно, вне политических партий". Они же - посланники и глашатаи партий.

Что же до хозяев, то они в начале увлечены проектом независимого экономического порядка. Они приветствуют возможность ослабить жестокий государственный нажим, давление которого они особенно испытали во время войны. Однако они не могут мыслить экономической жизни, полностью свободной от обязательств относительно государства.

Налаживаются контакты с государственными людьми. Для них Трехчленность означает умаление власти. Как посмотрели бы они на то, чтобы дать добровольно промышленности, торговле ту экономическую свободу, которую предусматривает Трехчленность? Экономическая жизнь не имеет сил взять эту свободу, а государство не имеет мужества ее отдать.

Перед первым порывом двери распахнулась. Но сопротивление также уже организуется.

Крайние правые обвиняют Трехчленность в антигерманизме, т.е. в антинационализме. Главари левых, обеспокоенные растущей популярностью Рудольфа Штайнера у рабочих, взывают к партийной дисциплине и в конце концов накладывают вето на посещение собраний, где он должен выступать.

Между этими двумя крайностями мечется группа колеблющихся политических деятелей, заинтересованных, но соперничающих друг с другом и не могущих преодолеть себя ради общего дела.

После трех месяцев огромных усилий приходится констатировать, что двери затворяются и возможности тают. К тому же меняется общее положение. Оно вызывает меньше беспокойства. Займы долларов приостановили стремительный рост инфляции, появляется временная стабилизация, уменьшающая кричащую нищету, увеличивающая спрос на рабочие руки, ослабляющая напряжение. Те, кто более всего горел желанием глубоких социальных реформ, начинают задавать себе вопрос, не является ли нарушение установившихся привычек известным риском. Население Германии более всего жаждет уверенности в завтрашнем дне.

Вокруг Рудольфа Штайнера, однако, сильно разрослось первоначальное ядро. Некоторые рабочие даже вошли в антропософское движение. Но большинство, это молодежь, которую привлекает социальный импульс и обновляющее идеи, которые им открываются. Призывы к германскому и швейцарскому народу заделали их за живое в этот послевоенный период, когда они судили поколение своих отцов и сбрасывали целиком на прошлое ответственность за ошибки, за которые теперь им приходилось расплачиваться. Призыв все поставить под вопрос, касалось, отвечал их возмущению.

Возникает необходимость отступить на более укрепленные позиции. Молодежь, примкнувшая к движению, будет воспитана первоначальными его зачинщиками, проявившими к тому же сверхчеловеческие усилия в первые месяцы. Они не могут оставаться бесконечно на посту. Должна быть создана новая группа. Нужно укрепить для будущего идею Трехчленности, глубже погрузив ее корни в материнскую почву - Антропософии. Только исходя из нее, или приходя к ней, можно полностью понять идею Трехчленности. То, чем она является в действительности, есть не что иное, как осознание на социальном плане свободной жизни духа в человеке.

Естественно, что отступление должно произойти, опираясь на план культурный, на жизнь духа. Здесь имеется возможность практических реализаций. И, кроме того, начинать надо с начала. Надо дать людям воспитание, которое делает из них здоровых и уравновешенных членов общества. Вот уже несколько месяцев, как Мольт думает о создании единой школы. "Создадим школы, - говорил он, - где все дети будут получать равное образование, независимо от их социальной среды". Из этой идеи, новой в то время, вышла Единая Школа, ныне нашедшая распространение.

Пришло время действия для Эмиля Мольта. Он создал рабочих своей Вальдорфской папиросной фабрики. Они хорошо знали Рудольфа Штайнера. В известные дни недели они приходили часом раньше на фабрику для свободной встречи с ним. Идея Трехчленности была им близка. Они знали, что первым следствием автономной организации духовной культуры будет создание этих единых школ, открытых всем, детям директоров и детям рабочих. Это новшество не казалось им

революционным. Они были готовы признать его, особенно если Рудольф Штайнер установит программу школьных занятий. Их согласие является подлинным социальным началом Вальдорфской школы. Если бы они не захотели этого, - должен был сказать позднее Рудольф Штайнер, - школа не была бы основана.

Но как обеспечить финансовую независимость школы? Здесь действия Мольта оказались решающими. По примеру происшедших тогда социальных реформ, он предложил рабочим участие в прибылях и подал им мысль использовать эти средства на материальное обеспечение Школы. За это дети их получили бы образование в этой школе бесплатно.

Все ученики будут проходить одну и ту же программу, основанную на главнейших потребностях человеческого существа и его будущего. Педагогические методы будут помогать расцвету чувства, воли, мышления таким образом, чтобы личность каждого ребенка могла найти свое равновесие на всю жизнь.

Искусство пропитает собой все дисциплины. Будет обращено внимание на развитие ремесленных технических навыков, которые формируют характер, чему государство не отвело места в своих школах, не видя в этом для себя выгоды. Из Школы будут выходить люди, которые позднее обратятся к профессиям интеллектуальным, производственным или связанным с искусством, смотря по способностям каждого, а не под давлением экономических возможностей.

Не зависящие от государства, эти школы будут получать средства к существованию от прибылей экономических организаций, что не могло бы сделать их зависимыми. По возможности образование продлится до уровня вступительных университетских экзаменов.

Вальдорфская школа, будучи открытой для всех, сможет принять не только детей с фабрики, но и других, которые будут принимать участие в расходах. Действительно, если в начале Школа насчитывала несколько сотен учеников, то вскоре их число превысило тысячу.

Когда необходимые здания были приобретены, открытие назначили на сентябрь 1919 года. Будущие учителя, созданные Рудольфом Штайнером, были с ним с 20 августа по 6 сентября. Эти 15 дней были целиком посвящены семинару, заложившему основы того, что сегодня называют Штайнеровской педагогией.¹²¹ Она основывалась на знаниях, уже глубоко проработанных слушателями. Антропософия создавала у них общность взглядов, тем более необходимую, что они все, и мужчины, и женщины, были людьми с очень различной подготовкой. Они были избраны для этой работы больше по тому, что они представляли из себя, чем по тому, чем они занимались.

В ответ на призыв каждый из них покинул свою профессию, подобно ап. Петру, "оставив свои сети". Каждый с чувством великой ответственности готовился к встрече с классом, ему предназначенным. Они понимали, что подобная встреча имеет большое значение для учителя, который будет вести учеников до конца их занятий. От него в большой степени будет зависеть развитие целой группы человеческих существ. Было от чего быть охваченным энтузиазмом, но также и страхом. Но руководитель был рядом.

Рудольф Штайнер не довольствовался тем, что читал им лекции всякий раз, как он бывал в Штутгарте. Он заходил в классы, присаживался на парты к ученикам, а в случае надобности, и к учителям. Школа стала его постоянной работой. Он говорил школьникам, что ежедневно думал о каждом из них, и в этом невозможно усомниться, когда оглянувшись назад, понимаешь, какая сила должна была быть вложена в эту первую школу для того, чтобы она смогла устоять против тяжелых ударов судьбы (нацизм, бомбардировки) и чтобы из нее выросло столько школ, распространявших в мире лучи Штайнеровской педагогики.

Когда он раздумывал об этом маленьком зачатке, возникшем на пути к Трехчленности, предчувствовал ли он, что из него начнется возрождение педагогики, которое в течение нашего века приобретет большую известность, чем сама Трехчленность? Частичное приложение этой великой идеи, школа, насадила метод воспитания, признанный ныне даже в официальных сферах. Она явилась прототипом Единой школы, ввела принцип учителя, связанного со своими учениками в течение нескольких лет, внесла много других новшеств.

* * *

Это обращение к деятельности духовно-культурной сферы, кроме создания школы, принимает и другие формы, особенно в Дорнахе. Мы еще к ним вернемся, но сначала посмотрим, каким образом в Штутгарте Штайнер вторично вдохновляет движение Трехчленности, группируя вокруг себя новую когорту молодежи, возникшую в первом периоде борьбы. В этих группах Трехчленность изучается во всех ее практических применениях. Делаются доклады, применимые для самых различных кругов, и затрагиваются проблемы, стоящие в то время перед Германией. Вся эта энергичная деятельность, словесная и письменная, привлекает к движению симпатии, но порождает также и противников. Этот постоянный поток новых идей, без конца опровергающий поверхностные поправки, которыми терпеливо занимаются политические деятели, начинает раздражать. Тем не менее, промышленники, являющиеся друзьями и сторонниками Штайнера, берутся за инициативу экономического порядка. Они хотят дать практический пример применения Трехчленности, хотя бы и в небольших рамках. Если примкнет достаточное количество предприятий, быть может цепь Ассоциаций, основа всей экономической системы, разрастется и увлечет за собой на здоровый путь часть производства. Прибыли соединенных предприятий (за вычетом нормальных процентов капиталовложений), вместо того, чтобы идти владельцам или на увеличение капитала предприятий, пойдут на расходы по научным изысканиям, на институты, лаборатории, школы, в общем, на деятельность культурного порядка. Эта культурная деятельность должна будет окупить себя в той или иной форме, улучшая методы работы и увеличивая достижения. Таким окольным путем она вернет экономическим организациям истраченные прибыли.

Рассчитывали, что большое количество владельцев поймет выгоду такого кругооборота и согласится включить в него свои предприятия. Но число их оказалось недостаточным, фирмы, соединившиеся в акцио-нерное общество "Футурум", не смогли покрыть расходы на культу-ный сектор. Пришлось урезать планы, начиная с 1922 года, и два года спустя попытку пришлось прекратить. Были вынуждены искать других возможностей для поддержания основных мероприятий культурного порядка: школ, лабораторий, исследовательских институтов. Идею Ассоциаций пришлось отложить на проблематичное будущее, она не нашла при своем зарождении должного отклика.

Но можно ли этому удивляться? Так часто получается с новыми идеями.

Сегодня мы являемся свидетелями того, что через пятьдесят лет эта идея настойчиво возвращается, но не предложенная одним человеком, а вызванная силой вещей. Жизнь предприятия требует воспитания своего персонала, и оно посвящает добрую часть своих прибылей для постоянного образования тех, от кого оно ждет лучшей производительности.

В течение 1921 года собрания, конгрессы, лекции, митинги привлекают все более многочисленную публику. В 1922 году агентство по устройству концертов предлагает организовать по всей Германии турне лекций, которым Рудольф Штайнер дает общий заголовок: "Антропософия и познание духа". Залы переполнены. "Антропософия теперь заняла место в общественной жизни. Она растет с каждым днем. Движение расширяется... С ним начинают считаться. Оно принимает участие во всем, что связано с культурной жизнью..."⁹⁸

Но некоторые оппозиционные силы настроены все более и более подозрительно к этому расширению влияния Антропософии. Организуются отряды в среде, которая вскоре станет очагом нацизма. Их практика включает насилие. Их эмблема: свастика.

Один из активных сторонников Трехчленности рассказывает в своих воспоминаниях, что как-то, в начале 1920 года некоторые из членов были с Рудольфом Штайнером, когда заговорили о свастике, символе "Народного движения" в Германии. Рудольф Штайнер стал очень серьезным и заговорил об этом знаке как о расистском символе, происходящем из Средней Азии. Он добавил: "Будьте уверены, что те, кто сейчас вводят его в Европу, знают, что делают: этот знак действителен." Через несколько недель, 13 марта 1920 года, держа в руках газету, объявляющую о путче в Берлине, он сказал, что опасается, как бы теперь в Германии не началась эра преступлений... 71

Факты подтвердили его опасения. 2 февраля 1919 года убивают Курта Эйзнера, а 24 июня 1924 приходит очередь Вальтера Ратенау. Отряды нового движения со свирепой решимостью были готовы применять насилие против всякой идеологии, способной освободить население, которое они хотели поработить. По адресу Штайнера раздавались угрозы. Его друзья были на страже вокруг него во время лекций. Тем не менее, они не смогли предотвратить попытки убийства на публичном собрании в Мюнхене. Через два дня едва удалось избежать второго покушения в Эльберфельде. Агентство предупредило, что в этих условиях оно снимает с себя всякую ответственность за организацию лекций. Турне пришлось прекратить.

В июле 1922 года "Союз Трехчленности" стал "Союзом свободной жизни духа". Решительно переходили на почву культурной деятельности. В 1923 году был закрыт последний пережиток экономического опыта "Грядущий день". Что же касается журнала "Трехчленность социального организма", то он меняет свое название на "Антропософию". /"Издательство в Штутгарте./

Можно ли подвести итог этим кампаниям? Следует ли говорить с провале социальной Трехчленности?

Принимая во внимание надежды, возникшие при начале движения, внешне это неудача. И, однако, не лишено значения то, что в Германии, побежденной оружием, могла на минуту просиять надежда, что Идея может иметь большую власть, чем грубая сила: "Идея победит".

Народ Гете предложил миру перспективу социального оздоровления. Он заставлял, по крайней мере, эту жестокую войну послужить общему прогрессу. Чтобы в этом успеть, надо было, однако, чтобы перспективы немедленно стали реальностью. Лерхенфельд говорил, что, например, немецкая делегация в Версале уже должна была бы появиться в виде трех вполне определенных групп: юристы, экономисты, представители культурной жизни.

Нетрудно улыбаться тогдашним переоценкам действительности и говорить, что неудачу легко было предвидеть. Но надо вспомнить о совершенно хаотическом положении, о разваливающемся старом порядке вещей, с одной стороны, и с другой о почве, готовой, как никогда к приятию новых идей. Почему не взошел посев? "Трагедия Рудольфа Штайнера, - писал Лейнгас, - в том, что он не встретил в решительные минуты ни достаточного понимания у своих современников, ни достаточной поддержки у своих сотрудников".

Тем не менее, остается тот факт, что благодаря движению Трехчленности, к Рудольфу Штайнеру пришла новая волна последователей, принесшая с собой новый элемент в Антропософское общество. Они не прошли путей эзотеризма, но пережили драму своей эпохи, драму своего поколения. Правда, задача иногда превышала их возможности. Когда они излагали столь насыщенную содержанием идею Трехчленности, многие большие слова звучали как пустые, многие, не подтвержденные основаниями утверждения вредили идее. Казалось бы, возникает вопрос - почему Рудольф Штайнер оказывал так много доверия такому отсутствию опытности... Один из его новообращенных как-то задал ему сам этот вопрос и получил ответ: "В глазах мира духовного энтузиазм может заменить зрелость".

Эти слова оправданы, если представить силу "священного огня", но приходится также признать, что этот огонь все же не имел силы зажечь аудиторию, слишком привязанную к прошлому, чтобы все поставить под вопрос, не будучи абсолютно принужденной к этому внешними обстоятельствами.

Во всяком случае, зерно в землю брошено; не как теория, но как зародыш жизни, как предпосылка долгого процесса вызревания. Человечество уже полвека захвачено этим процессом. Нужно, чтобы социальная сознательность проснулась еще у очень многих. Это дается лишь опытом. В 1919 году это внутреннее сознание жило только в самом Штайнере. Народы должны были научиться думать истинно, решиться на "Новую жизнь", убедиться, что общество людей найдет свое равновесие, только отражая равновесие Вселенной, которое тройственно.

Некоторые читатели могут поднять здесь вопрос: так ли уж нова эта идея Трехчленности? Разве не ее находишь, например, у Сент-Ив д'Альвейдра под именем "синархии"?

Совершенно верно, что те, кто углублялись в тайны человеческой природы, и в частности французские оккультисты XIX века, видели в тройственной социальной структуре единственную верную проекцию тройственного равновесия, являвшегося самой основой конституции человека, как тело, душа и дух. Они, однако, ограничились логическими представлениями о существовании подобной тройственности. Они не смогли вдохнуть в нее достаточно жизни, чтобы внедрить ее в историю человечества, тогда как Рудольф Штайнер обладал поразительным чувством "решительных поворотов", и его смелость в свершениях, как мы могли заметить это во многих эпизодах его жизни, заставляла его принимать решение, действовать. Это чувство историчности не покинуло его и в 1918 году. Толчок был дан в тот единственный момент, когда идея могла быть услышана; ни раньше, ни позже она бы не дошла до восприятия людей. Хотя ее пришлось изъять из плана осуществления, чтобы вернуться к ней лишь много позднее и после "многих крушений и страданий", она, тем не менее, вошла в течение человеческой эволюции и не перестает появляться то там, то здесь в течение последних пятидесяти лет".

Кроме того, эта первая историческая попытка оставила по себе много плодотворных следов. То, что было создано в период ее практических применений, как-то педагогическое движение, издательства, публикующие журналы и книги, "Велледа" и ее фармацевтические лаборатории, научно-исследовательские институты, все это получило такой сильный толчок при своем рождении, что продолжает расти, расширяться, процветать, создавая все новые ответвления далеко за пределами Германии и даже Европы.

Однажды в частном разговоре Мария Штайнер сообщила нам: "Я была в отчаянии, видя, как он бросает безудержно все свои силы во время этих бесконечных поездок по Германии ради Трехчленности, в то время как он так был нужен нам в Дорнахе. Ему казалось, что ставка была слишком велика, чтобы не потребовать любой жертвы, включая и самую жизнь. Он не думал, что Антропософия может пострадать от этого, наоборот, он считал, что благодаря этому она встанет во весь свой рост. Поэтому он больно пережил необходимость прекратить движение, и сказал мне тогда: "Люди рано или поздно придут, к Трехчленности... Но это будет уже только после многих крушений, многих страданий".

XXXII. ДОМ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

"Мы не рассматриваем Бау как

центр какого-либо общества, а как нечто, касающееся всего человечества".

Р. Штайнер, 25. 4. 1921 г.
"Наука будет религиозной, а религия научной".
 Жозеф да Мест

Штутгарт - Дорнах... В этих двух очагах, между которыми разделял свою деятельность Рудольф Штайнер в послевоенном периоде, аудитории были столь же различны, как и условия жизни в Германии, стоящей перед своими развалинами, и в Швейцарии, не потерявшей ни единой черепицы со своих крыш.

Конечно, колония Дорнаха всем сердцем следила за перипетиями борьбы за Трехчленность. Но это было скорее сердце Доброго Самаритянина, чем социолога, ибо она состояла в большинстве своем из людей, жизнь которых мало способствовала развитию их социального сознания, так что они не особенно понимали необходимости реформ и то, зачем появилась Трехчленность среди душ, еще не вполне пришедших в себя от впечатления, что они "не от мира сего".

Нужно было действительно иметь великое доверие к Учителю, чтобы принять такое нарушение своих чистых воледелений к духовным откровениям. Они страдали от того, что он подвергал себя нападениям и противодействию на митингах или в прокуренных погребках. Но он им говорил: "Вы спите... Вы просыпаете социальные проблемы, которые сейчас выходят на свет и которые, если не найти для них решения, скоро увлекут человечество на роковой путь." (1919).

Мужественнее всех превозмогала себя Мария Штайнер. Она выступовала эвритмию и готовила турне с представлениями, часто даваемыми в тех городах Швейцарии и Германии, куда был приглашен читать лекции Рудольф Штайнер. В таких случаях он сам в нескольких словах предвещал представление.

Необычность этих "танцев", исполняемых первоначально в длинных белых туниках, этих жестов, чистых, не сопровождаемых мимикой и кокетством, выявлявших только звуковую линию позы или мелодии, вызывала "отклики разнообразие", несмотря на вводные объяснения. Шок был очень силен для публики, привыкшей к совсем иного рода выступлениям, и между сторонниками и противниками вспыхивали ссоры. Организовывались враждебные выходы, которые спешили использовать враги Антропософии. Иногда приходилось опускать железный занавес, иногда же спокойствие и выдержка эвритмистов на сцене в конце концов вызывали уважение, тишину и, наконец, - овацию. Тогда группа гордо возвращалась в Дорнах, подобно юным рыцарям, поразившим Дракона.* /¹Большое число воспоминаний об этих героических временах было написано пережившими их эвритмистками. Можно указать среди них: Marie Saritch. "Marie Steiner von Sivers", AM. Dubach - Dornath. Erinnerungden, Hona Schubert. Erinnerungen, A. Tourguenieff. Erinnerungen, M. Voloschine. "Die gr'ne Schiauge"./

Стройка подвигалась медленно, не хватало денег. И однако, в общем разладе, охватившем Среднюю Европу, Гетеанум делался насущной необходимостью. Это было время всяческих передвижений. Перемещались целые этнические группы. Они эмигрировали из Средней Европы в Соединенные Штаты, после более или менее долгого транзита во Францию или Англию. Несколько израильских колоний отправлялись в Палестину, но чаще всего течение направлялось с Востока на Запад. Начался "крестный путь переменных лиц", вырывая людей с корнем, предоставляя их капризам судьбы, разрушая тысячелетние основы, порождая ту "бездородность", ту бездомность, которая, если она не является испытанием посвящения, открывающим имманентность "Я", - возвращает индивидуальность в толщу массы.

Гетеанум мог быть воспринят как Ноев Ковчег. Пришло, к тому же, время слить новых пришельцев с той частью последователей, которые пережили с Рудольфом Штайнером всю историю движения, теософический эпизод, "Мистерии", зарождение Иоганнес-Бау.

Как было провести слияние между средой утонченной, в большинстве художественной и женской, нашедшей убежище в Дорнахе, - и форумом будущих трибунов, готовых все пустить в ход, чтобы ввести Антропософию в практическую жизнь? Уже группировки в Германии проявили некоторую сдержанность, не торопясь открывать свои недра этим юным героям Трехчленности, чья неосторожность подвергала членов агрессивным нападкам, к которым они не были подготовлены. Произойдет ли слияние в Дорнахе?

Такое деликатное задание мог выполнить удачно только сам Штайнер, так как то, что казалось противоречивым в этих разнородных группах, находило примирение в нем самом. Каждый чувствовал, что Штайнер его понимает. Каждый находил свое оправдание в том, что он сказал здесь или там. Но на практике, к несчастью, получалось так, что сказанное толковалось по-разному, и отсюда возникала напряженность. Все эти противоречия подали тогда на него. Он был в центре и он должен был или одобрять или порицать. Ни того ни другого он делать не мог. Не был ли он духовным Учителем, проникавшим в смысл судьбы каждого и помогавшим каждому осознать самому свою собственную силу к исправлению?

Одно время он пробовал поддерживать существование двух параллельных Обществ и самому осуществлять связь между старыми и новыми антропософами. Но он отказался от этого разделения, считая его "аномалией, противной духу Антропософии". Ему удалось убедить членов принять более примиряющее решение, сделав Гетеанум настолько открытым, чтобы каждый мог чувствовать себя в нем принимающим на равных правах участие в "свободной жизни духа" (Freies Geistesleben).

Эта жизнь духа разве не имела для всех одного общего содержания? Не являлось ли самым главным интересом каждого человеческого существа понять смысл своей собственной судьбы в этом мире, судьбы своей планеты, космоса, частью которого он является, узнать, что есть в нем вечного и отличного от переходящего, узнать прошлое своей души до ее рождения и какая будущая жизнь ждет ее после смерти, какое место занимает человек среди тех царств, что ниже его, - животного, растительного, минерального, - и тех, что возвышаются над ним, - Ангелов, Архангелов, Начал, этих старших, предшествующих ему в эволюции? Не являются ли все люди равными и братьями перед лицом такого знания, ведущего их к Единому Отцу, в Котором они - одно? Разобобщенные в телах, дающих им специфические черты, если они вспомнят об этом первоначальном единстве, они могут согласиться стать друг для друга скорее необходимым дополнением, чем причиной раздора. Гетеанум был налицо, чтобы привести к гармонии все краски. В нем они только выиграли бы от своих контрастов. Те, кто приближались к духу путем искусства, становились необходимы для тех, кто подходил к нему через общественную деятельность или же через работу мысли.

Лучшей возможностью гармонизировать эти различные пути была принятая тогда и, к счастью, сохранившаяся до наших дней - форма конгрессов, в программе которых чередовались лекции и спектакли, извлекающая из основной темы симфонию звучаний, сливающихся друг с другом.

Первый имел место в 1920 году, в незаконченном еще Гетеануме, но Рудольф Штайнер настоял на том, чтобы именно Бау принял и послужил обрамлением для встречи старых и новых членов.

Этих последних было приглашено большое число. Перед ними стояла конкретная проблема выбора профессии. Как найти способ избежать внедрения в механизм, унижающий вас в собственных глазах? И эта проблема не должна была

заслонять проблему еще более насущную: как получить общее образование, которое сделало бы из вас существо полностью человеческое. Иначе говоря: как дать своей профессией смысл для своей жизни?

Штайнер склонялся с особой охотой к проблемам этой молодежи, так как он их давно ждал. С начала века, - сказал он на Рождестве 1923 года, - у него была уверенность, что люди, родившиеся после начала этого века, принесшего конец темного периода, "несли в себе признаки перемен, происшедших в духовном направлении человечества". Поэтому все похожее на рутину их отталкивает. Они старались снести барьеры, скинуть шоры, и слушали с энтузиазмом Рудольфа Штайнера, говорившего им: мир должен быть переделан сверху донизу. Его надо перестраивать с самого основания.

"Я никогда не видел ничего иного, вписанного в подсознание юных, кроме того, что мир должен быть перестроен до основания...". 122

Среди этой молодежи было много студентов университета, спрашивающих себя, каковы будут данные духовной науки, по сравнению с той официальной наукой, которую им преподавали. Когда они встречались со Штайнером в Штутгарте, они высказывали ему свои затруднения. И снова, тот факт, что в задаваемых ему вопросах выражались современные поиски человеческого духа, давал ему ожидаемую возможность дать давно созревшие ответы.

Таким образом получилось, что уже в течение нескольких месяцев "научные курсы" объединяли аудиторию, которая приходила слушать лекции, читавшиеся Рудольфом Штайнером о Свете, Теплоте, Астрономии. Так в Антропософию вливалось течение, до сих пор в ней четко не выраженное, - течение научное. Когда Штайнер увидел этих приходящих к нему студентов и молодых ученых, он был обрадован.

"Их приход изменит курс нашего общества, он приносит гарантию плодотворности нашего движения в будущем". 123

Он сопоставлял для них научные и антропософские методы наблюдения феноменов. Он показывал, например, каким образом математика, будучи продлена, естественным образом может привести к первоначальным формам сверхчувственного знания: к мысли "имагинативной", как этот первый этап порождает с внутренней необходимостью последующие этапы, такие как "инспиративное" знание и знание "интуитивное". Он, таким образом, основал свой собственный метод духовного исследования, которое, в состоянии непрерывного сознания, исходит из мысли "вне тела" и постоянной прогрессией достигает подлинного существования чистого духа.

Он показал также, что все экспериментальные науки могут, таким образом, служить точкой отправления для достижения реальности, заключенной в явлениях физического мира. Духовная наука продолжает ту, которую человек построил на свидетельстве своих пяти чувств и на заключениях, основанных на них. Эта строгая непрерывность сознания дает право действительно называть духовной наукой то что заставляет отодвинуть границы познаваемого за пределы чувственного мира.

Дать понять себя в этом главнейшем пункте, преследуемом им внутренне в течение тридцати лет, имело для Штайнера огромное значение.

Не только иные, чем он, из числа его слушателей смогут тогда направиться на тот же путь и включить этот метод сверхчувственного исследования в духовную сокровищницу человечества, но и все его учение займет в принципе все место как продолжение прочих наук. Оно не будет больше казаться непосвященным свалившимся с неба откровением, которому можно "верить" или нет. Его слушатели будут совершенно свободны сказать себе внутренне: описание, которое мне дано, о состояниях моей души во сне или после смерти, например, или о связи божественных Иерархий с небесными телами, или еще о том, что относится к прошлому и будущему нашей планеты, все это и многое другое, это нечто, чем я сам по себе еще не обладаю, но чего я могу постараться достичь в свою очередь.

В этом оправдании духовного познания перед аудиторией, воспитанной на университетских дисциплинах, Штайнер видел социальное требование современности. Быть наконец понятым в этом пункте и иметь в нем последователей служило ему подтверждением того, что истины, называемые "окультными" не должны больше оставаться уделом эзотеризма.

Он никогда не терял этого из вида, даже когда сам создавал для эзотерической жизни внутри Общества квази ритуальные формы.

С другой стороны, борьба за Трехчленность достаточно доказала, что для распространения идеи большая численность играет немаловажную роль. Новые условия, не требовали ли обращения к большому числу людей? Может быть, широко открыть двери Свободного университета Духовной науки, где снова встретились бы искатели новой науки, например, старшие ученики, вышедшие из Вальдорфской школы? Разве они обязаны отправляться на традиционные факультеты, чтобы завершить свое образование? Они уже делились своими сомнениями с Рудольфом Штайнером. Неужели им нужно будет отказаться от антропософского воспитания, чтобы победить конкуренцию и "создать себе положение"? Или возможно было бы предвидеть существование университета, независимого от государства?

Итак, программа первого курса, имевшего место в Гетеануме в сентябре 1920 года, была задумана в самом "эзотерическом" широко-открытом духе. Были приглашены 30 лекторов. От этих людей практики ожидали, чтобы они показали, опираясь на свой опыт, что пришло время перейти за условные границы, чтобы ответить на требования нового сознания.

Для этого открытия прибыли представители из многих стран, еще недавно воевавших друг с другом, люди самых разнообразных специальностей и профессий: инженеры, предприниматели, коммерсанты. Неожиданно этот Конгресс принимал символический характер.

"Культура не находит своего духа, если она ищет его вдали от всякой материальности. Она должна найти силу влить этот дух в každодневную материальную жизнь, в сложный мир машин, в коммерческую жизнь". 124

Первые слова, прозвучавшие в этом Доме Слова, были посвящены тройственной социальной структуре. Они призывали к примирению науки, искусства и религии.

Перспектива была грандиозной, но надо признаться, что результаты были довольно разочаровывающими. За некоторыми немногими исключениями, эти "специалисты", которым дано было слово в надежде услышать, что они нашли бы точку отправления в своем профессиональном опыте, "чтобы направиться к духовным реальностям, скрытым в жизненных явлениях", были слишком неподготовлены и перепевали на разные лады все те же абстрактные положения и шли по проторенным дорожкам рутинного мышления, через которые как раз и надо было перешагнуть. Они не уловили, что всякая рутина в стенах Бау была абсолютно несозвучна ни с его внешними формами, ни с создавшим его вдохновением. Чтобы говорить в Гетеануме, надо было обладать опытом живой мысли, практически освоить то "творческое воображение", которое жило в формах капителей и архитравов. Терпеливое воспитание, неусыпное руководство будут, казалось, еще долго необходимы, чтобы подготовить таких ораторов, укрепить их мысль, поддержать их на неизбитых путях.

Но это разочарование не поколебало доверия Рудольфе Штайнера к возможности обновить знания методами Антропософии.

И действительно, появлялась индивидуальная инициатива, рождались импровизированные лаборатории, ограниченные скудостью материальных средств, но применяющие на практике драгоценные указания Рудольфа Штайнера. Он советовал действовать следующим образом: заняться определенной проблемой, о которой что-либо знаешь, научиться обдумать ее во всех ее аспектах, в особенности входя мыслью до действия духа, проявлениями которого являются эти аспекты, и только когда не могли уже дальше продвигаться в этом направлении, обращаться к нему. Так работал Ваксмут, чтобы вновь проделать опыты Гете со светом, и так же начинал и Пфейфер. Это - молодой физик, прибывший в Дорнах без гроша

в кармане, но с твердым намерением изучить Антропософию, продолжая в то же время свои научные занятия в университете в Базеле получил, чтобы заработать на хлеб, должность машиниста-электрика на спектаклях эвритмии. Он добился установки аппаратуры для проведения опытов в одном из незанятых полуподвальных помещений, так как хотел найти сверхчувствительный реактив, воспринимающий формообразующее действие эфирных сил. Он видел в этих эфирных агентах наиважнейших посредников между духом, создающим форму, и материей, ее получающей. Если бы он мог выяснить соотношение, существующее между изменениями эфирного и изменениями, которые являются их результатами в субстанциях, он думал, что нашел бы ключ ко многим жизненным явлениям.

Когда он решился заговорить со Штайнером об этих своих поисках, то тот ответил: "Кристаллизация является наилучшим реактивом". Пфейфер оттолкнулся от этого простого указания, чтобы разработать то, что стало "методом чувствительных кристаллизаций", с тех пор нашедшим свое применение в общей биологии, медицине, сельском хозяйстве (инициативы подобного рода дали толчок исследованиям, проложившим свой путь в некоторые научные институты, где делались открытия, применяемые ныне в сельском хозяйстве, в медицине и фармакологии).

Этот Конгресс Духовной науки попытался в трехнедельный срок положить основания союза "между Наукой, Искусством и Религией".

"Мы хотим, чтобы эти три силы, исходящие из духовных источников, проявились бы творческим образом: искусство, которое снова найдет силу созерцания, наука о сверхчужденном, которая возродит дух и душу в религии, направление которой согласуется с этим искусством и этой наукой". 124

И в речи на закрытии он возвращается к этой триаде сил.

"То, что мы пытаемся реализовать здесь (в этом Доме Человечества, как он его назвал), станет совершенным только если те, кто видели, слушали и поняли, вернуться в мир, чтобы работать каждый на том месте, которое он занимает. Тогда только сможет подняться величавое строение жизни духа, искусства и социального действия, строение, в котором мы все настоятельно нуждаемся сегодня для излечения человечества".

Когда Штайнер говорит об объединении этих трех видов деятельности человека в Университете Духовной науки, он всегда упоминает науку, видя в ней результат познающей мысли, искусство, в котором присутствует чувство, но можно удивиться тому, что третий род деятельности порой меняет свое название. То это религия, то социальная деятельность, как мы только что это видели.

Почему эти два термина сменяют друг друга в его лекциях 1920-1923 годов? Как объяснить себе, почему он набирает то один, то другой? И какой смысл придает он слову Религия? Не странно ли, что он помещает ее рядом с наукой и искусством, тогда как в действительности он не предоставил места религии, как таковой, в деятельности Гетеанума? Что именно имеет он в виду, когда включает религию в свое миро воззрение?

Мы помним, что ребенком он был менее привлечен религией, обряды которой протекали на его глазах, чем жизнью идей, которую он внутренне созерцал. Позднее он увидел в формах религиозной жизни, его окружавшей, остатки прошедшей связи между божеством и человеком, и он стремится преобразовать эту прошлую связь в прямое общение души с первоначалом мира.

Он был, однако, слишком большим знатоком человеческой души, чтобы не признавать разнообразия путей, ведущих ее к осознанию духа во Вселенной. Эти пути суть: развитие мысли, приводящее к истине через сопричастность к реальности, - чувство, получающее откровение красоты, открытой в мире, и, наконец, воля. Эту последнюю он возвысил до области ясного сознания и признал в ней силу, одновременно и самую древнюю, - ту, что связывает всех людей с изначальным Отцом, - и наиболее насыщенную будущим, - как объединяющую всех в общем "деле", и, в конце концов, связывающую всех в устремлении к единому всеобщему благу. Связать (religare)* людей с Богом путем религии и связать их между собой путем общественных связей - это было двумя выражениями одного и того же побуждения. Оно утверждалось в его деле с того момента, когда он подошел к третьему этапу своей миссии, после того, как он заложил основы учения и вдохновил художественные импульсы Бау. /*religare - связывать - латинский корень слова "религия". (Прим. перев.)/

Теперь, с добавлением третьей створки триптиха, свершение появлялось как бы увенчанным и оконченным. Пришло время восполнить распавшееся единство, поставив рядом с наукой и искусством то, что он называл попеременно то религией, то социальной деятельностью.

А между тем, именно в ходе этого третьего этапа против него должна была восстать самая слепая ненависть и для него готовились самые тяжкие испытания.

Он дает очень широкое значение слову "религия", характеризуя то, что излучается из "человека религиозного", живущего в каждом из нас, какую бы форму он ни принимал. Тем не менее, слово "религия" имеет и другой смысл, более узкий, но более общепринятый, обозначающий установления вероисповеданий. Церкви, имеющие целью поддерживать избирательно одну из форм связи души с Богом. Связанные с развитием человека на земле, эти установления испытывают от этого колебания, они появляются и исчезают, они могут приходиться в упадок, но когда они имеют на это силу, они ищут обновления, приобщаясь к истокам духа.

Именно момент такого перелома и необходимости такого обновления переживали те несколько человек, которые обратились к Штайнеру в то время, и среди них, в особенности, одна личность, встречавшаяся уже с ним в Берлине в годы войны. Известный пастор, проповедник при императорском дворе, а главное, личность цельная, для которой духовный мир был реальностью, а не теологической абстракцией, Риттельмейер, искал у Антропософии того, чего ему еще не хватало, чтобы углубить свой опыт переживания реальности духа, и особенно Христа. Он получил тогда от Рудольфе Штайнера то, что дало ему силу, необходимую, чтобы перейти за грани застывшего религиозного исповедания.

Он имел с ним многочисленные беседы, выяснял с ним вопросы, которые необходимо было предусмотреть для религиозного обновления, которое ему предстояло осуществить, так как среди студентов, окружавших Штайнера, находилась группа молодых протестантских теологов, привлеченных Антропософией. Они находили в ней то, чего не хватало в их церквях, - прямое соприкосновение с духовной действительностью. Они решили объединиться в общину религиозного обновления и просила Риттельмейера взять на себя руководство ею.

Обстановку, определившую, таким образом, зарождение этого религиозного движения, нелегко понять, и она дала повод для многих недоразумений. Как далеко зашло участие Штайнера в этом религиозном обновлении? Какова роль советника, вдохновителя? Можно ли сказать, что для него самого движения вполне достаточно было бы его учения, без личного участия в движении Обновления? Это было бы неточно, так как рядом с учением, он сам лично вдохновлял это движение, давая указания для исполнения обрядов, для слов и жестов ритуала. По этому вопросу возникло много разногласий, длящихся еще и до сих пор. Сам Штайнер старался по мере своих сил рассеять двусмысленность этого слова "религиозный", но когда слушаешь его, создается впечатление, что он хотел бы, чтобы его понимали за пределами слова, так как словами невозможно было уяснить ситуацию, которая по существу была ясна только духу, то есть тому, кто переживал не земную, а духовную сущность Антропософии. Понятно, что в том смысле, в котором Штайнер говорил о "религиозной" силе Антропософии, он имел в виду то моральное и социальное излучение, которое неотделимо от глубоко пережитых духовных истин.

Для него было чрезвычайно важно, чтобы современный человек научился усилить три основные силы своей души, включая и волевую душу, религиозную в своей сущности, но которая должна уравниваться двумя другими душами.

Без этого уравнивания, предоставленная сама себе, эта волевая душа создает в своих глубинах слепую веру, фанатизм. Воля должна быть просветлена мыслью, вдохновлена любовью к красоте.

В старину можно было только верить в реальность духа, который был объектом веры. Ныне духовный опыт должен стать результатом усиленной внутренней деятельности. Должно признать, однако, что идя по линии наименьшего сопротивления, весьма многие предпочитают просто верить и не брать на себя труда еще и думать. Такие души избегают одинокого усилия личного сознания и предпочитают "всеобщие верования".

Когда Риттельмейер просил совета для установления нового культа, он хорошо понимал этот риск. Он сам сказал Рудольфу Штайнеру: "Не боитесь ли Вы, что этот культ может стать наивысшей опасностью для будущности Антропософского общества из-за той общности, которую культ создает между людьми?" Он хотел сказать этим, что индивидуальному усилию познания люди могли бы предпочесть общую веру и помощь священника и таинств.

Опасался ли этого и Рудольф Штайнер? Он, видимо, не верил в эту опасность до тех пор, пока она не проявилась. Он доверял. Нет, антропософ не тот, кто ищет личной поддержки в культе, в чувстве объединяющего тепла, богослужения и обрядов. Он знает, что задача его совсем иная. В богослужении он мог бы участвовать, только занимая место священнослужителя, чтобы "помочь душам, нуждающимся в поддержке". И он был поражен, видя многих членов Общества, принимающих участие в обновленном церковном богослужении. Значит, они и принадлежат именно к тем душам, которые "нуждаются в поддержке" и боятся творческой деятельности духа? Сохраняя глубокое уважение к завоеваниям духа, они не принимают в них деятельного участия. Отсюда проистекали многие противоречия в их поведении.

Группа теологов, собравшаяся вокруг Риттельмейера, образовала новое "духовенство" в точном смысле этого слова, ядро того, что стало "христианской общиной". Рудольф Штайнер ответил на их вопросы несколькими циклами "Лекций для теологов".

Только тот смог бы удивляться необыкновенному духовному воздействию, которое он производил на этих священников, кто не видел его в моменты передачи того, что должно было быть передано "через него". Он бывал тогда облечен сверхъестественным величием, в том смысле, что он говорил и действовал, возвышаясь над пределами своего существа, хотя его физический облик всегда оставался при этом чрезвычайно простым. Те, кто присутствовал при этих сообщениях, сознавали "присутствие духа", наполнявшее их чувством священного преклонения. Это слово не слишком сильно.

Когда читаешь в истории древних народов, что священный трепет охватывал тогдашних людей, когда они находились в присутствии своих первосвященников, своих иерофантов, тех, "чьими устами глаголет Господь", можно понять чувство, которое при некоторых обстоятельствах мог вызвать Рудольф Штайнер у тех, кто переживал подобные минуты. Психологи смогли бы применить самые утонченные анализы для объяснения подобного "явления". Дело в том, что они не были участниками подобного события. Иначе они знали бы: такой факт анализу не поддается.

Подобные касания духа могли подвергать свидетелей тяжелым испытаниям. Он это знал и потому избегал их суровым контролем. У лиц, легко возбудимых и поддающихся внушениям это действительно могло вызвать безудержное обожание, которое в конце концов приносило величайший вред как ему самому, так и Обществу в целом. Избавлять себя от подобного рода чрезмерного поклонения ему было труднее, чем переносить враждебность. Однако он сумел этого добиться, поддерживаемый в этом той, что была с ним рядом, как образец владения собой и уравновешенности. Когда он делался объектом того, что могло напоминать культ, он обращался в мрамор, он "исчезал".

Итак, встреча с Риттельмейером и обращение к нему молодых теологов явились поводом, "кармическим знаком" к тому, чтобы Штайнер согласился дать эти "религиозные" откровения. Он не мог помешать тому, что они привели к некоторому смешению со специфически антропософскими методами. Но можно думать, что эти противоречия были менее серьезными для его духа, чем для обычных смертных, видящих вздымающиеся горы там, где с высшей точки зрения едва бывает заметна небольшая возвышенность.

Можно догадаться, что Рудольф Штайнер, хотя и огорчаясь смущению у некоторых членов Общества, должен был быть благодарен Риттельмейеру, давшему ему своими просьбами возможность передать высочайшие реальности духа, которых он бы не дал по собственному почину - ибо это не было его путем, - но которые вдохновили культ и литургию. Несколько раз он мог почувствовать, как его самого увлекает разрастание его дела, но он умел каждый раз оставаться хозяином положения, освобождаясь от того, что не было его истинным путем, прямым и единственным. Например, когда он отказался от председательства в обществе "Футурум", рожденном Трехчленностью, написав в своем заявлении: "Это отвлечет меня от моего истинного пути"; или, когда четко отделил движение Религиозного обновления от Антропософии, хотя вначале он и объединял их под одной крышей.

Среди циклов, читаемых теологам, одним из наиболее значительных был курс в сентябре 1922 года, действительно прочитанный в Гетеануме, к тому же параллельно с первой "Французской неделей". В результате этого курса должен был воспоследовать церемониал культа и посвящение в священники. Он был отмечен одной деталью, на которую вначале не обратили внимания, но которая впоследствии оказалась весьма значительной.

Группа теологов собиралась с Рудольфом Штайнером в маленьком зале в южном крыле Гетеанума, называемом "белым залом" из-за цвета деревянной облицовки его стен, белой, как полированная слоновая кость. Эта зала служила для эвритмии и для небольших собраний. Расположенная под крышей, она освещалась большим фонарем в потолке. Для этой лекции под этим фонарем поставили нечто вроде алтаря, который должен был служить для демонстрации культа. Действительно, Риттельмейер должен был в первый раз служить, и Рудольф Штайнер находился рядом, чтобы дать ему последние указания.

Случилось так, что в предыдущие дни сильная буря повредила стекла фонаря и что рабочие, которые должны были его чинить, поднялись на крышу как раз в то время, когда происходила церемония. Они видели, как Риттельмейер совершал "священнодействие человека" под руководством Рудольфа Штайнера. Они рассказали про эту сцену, глубоко их поразившую, в соседней деревне, где уже зрело "священное негодование", особенно в церковном приходе, против неортодоксального духовного движения.

Нужно быть наивным, чтобы верить, что огонь религиозных войн окончательно угас в XX веке. Он всегда тлеет, готовый вспыхнуть при первом поводе. Что в Гетеануме ставят "Фауста", что там "танцуют", что там чему-то учат студентов, уже было весьма подозрительно. Но что на этот раз касаются священной области религии, что там происходит какие-то богослужения, которые, раз они не контролируются Церковью, могут быть только кощунственными, это возжигало священную войну и требовало кары. Струна, зазвучавшая здесь, была именно той религиозной струной, которая тем более действительна в темных глубинах воли, что свет мысли не проникает туда и что слепая вера переходит там в фанатизм.

С этого дня проповеди в местной церкви стали более неистовыми, и у некоторых правоверных зародились темные планы. Три месяца спустя между стенками этой Белой залы и деревянной основой куполов будет тайно зажжен "огонь возмездия".

Три месяца спустя, в декабре 1922 года, успело, однако, проясниться отношение к движению религиозного обновления. Оно начало свое независимое существование в местах, приспособленных для выполнения его богослужения. Со своей стороны Рудольф Штайнер обрел свободу по отношению к этому движению, не переставая, однако, отвечать на внутренние потребности, возникавшие в развитии, которые привели его, как мы видели, к включению в свою собственную миссию, в течение этой третьей фазы, элементов одновременно социальных и религиозных.

К тому же, - поводы к вмешательству были даны: для социальной области послевоенным положением в Европе и призывом штуртгартских промышленников, а для религиозной - просьбой о помощи в Религиозном обновлении.* /¹⁵ Поэтому поводу интересно отметить, что вначале Рудольф Штайнер предполагал, что даваемые им импульсы послужат при посредстве Риттельмейера для введения некоторых изменений во всю протестантскую церковь. Но впоследствии Риттельмейер, убедившись в невозможности быть услышанным, отказался от этой всеобщей обновительной акции и предпочел основать собственную церковь, которая будет применять без компромиссов условия обновления как в концепциях, так и в богослужении./

От социального импульса осталась новая педагогика. От религиозного - процесс, подобный отцеживанию раствора. С одной стороны, выделилась организация, обладающая собственной структурой, совершенно независимая. С другой - могучий поток духовных откровений, лишенный формальности, пронизывающий все Учение и дающий ему завершение. Так можно почувствовать то насыщение в религиозностью", которое в течение этой третьей фазы проявилось во всей деятельности, включая медицину и лаборатории. Эта религиозность проистекала, с одной стороны, из первоначальных источников духа, и с другой, из все более углубляющегося знания человеческой природы, субстанций и сил, ее составляющих.

Человек сознательный, ставший: творцом своей собственной свободы, стал призван исполнить роль, ранее выпадавшую священнику, и чувствовать себя лично ответственным перед Вселенной, через которую он слышит, как говорят с ним Боги.

Некогда светила говорили с людьми,

Что они умолкли, было судьбой мира.

Их молчание может отягощать человека на земле.

Но в этом молчании зреет

То, что люди смогут сами сказать светилам.¹²⁵ Так же, как он внес социальную деятельность в "Дом Человечества", Штайнер принес Науке и Искусству насыщенность религиозностью, соединяющую их в главнейших основах жизни. В цитированных выше словах можно почувствовать это дыхание всемирности. Они послужили как бы эпиграфом к циклу лекций, прочитанных в Гетеануме в последние дни 1922 года, во время зимнего солнцестояния. 31 декабря последняя лекция закончилась словами:

"Человек изменяет Вселенную, исходя из собственного духа. Он включает во Вселенную часть своего собственного духа, возвышая свою мысль до имажинации, инспирации, интуиции, совершая таким образом причастие человека к Духу. Он должен это осознать... То, что иначе оставалось бы знанием отвлеченным, становится тогда единением со Вселенной через чувство и волю. Вселенная становится обителью Бога, а человек, осознающий то, что живет в его чувстве и воле, становится приносителем жертвы, и та основная связь, которую он имеет со Вселенной, возвышается от уровня познания до уровня культа, служения космического, служения всемирного".

Эти слова раздались в ночь святого Сильвестра, в новогоднюю ночь. Они наполнили души слушателей, которые только что их восприняли, когда они покидали с чувством сожаления большую залу Гетеанума.

XXXIII. ИСПЫТАНИЕ ОГНЕМ

*Так ли не могли вы и один час
бодрствовать со Мной?*

Евангелие от Матфея, 26, 40.

В эпопее величие героя измеряется уровнем испытаний, им преодолеваемых, тем сопротивлением, которое он им оказывает. Чем сильнее он делается, тем жестче испытания, но тем выше он восходит, пока он не минует их. Тогда кажется, что они его победили, тогда как он их перерос.

* * *

Новогодняя ночь была светлой и холодной. Накануне выпал снег, и пейзаж блистал, как елочное украшение. Последние группы расходились после лекции, обмениваясь добрыми пожеланиями, когда ночные сторожа проиграли сигнал на рожке, означавший: огонь в Гетеануме.

Где?! Все огни сразу зажглись! В последний раз можно было увидеть Большую Залу, только что покинутую, ее расписанные купола, ее витражи, ее звучные архитравы, ее высокие колонны с разными цоколями, только что установленный большой орган, всю эту гармонию, которая должна погибнуть и скоро будет обладать лишь сверхчувственной жизнью. Но уже отовсюду раздавался треск. Приходилось отступить перед неизбежным. Огонь был заложен в балки, соединявшиеся со всем остовом. Электрический свет погас и вся окрестность осветилась пламенем, превращая колонны в факелы и трубы органа в потоки раскаленных красок. В полночь, когда со всех сторон звонили колокола, провожая, по швейцарскому обычаю, Старый год, оба купола рухнули в океане огня.

Бессильные перед таким пожаром, присутствующие смотрели без единого слова, почти что и не веря тому, что видели, на уничтожение творения, совершенно единственного, никакое подобие которого никогда не даст больше миру того, чем было оно. Лишенные огнем своей материальности, пропорции, красота и тайны, вписанные в дерево исчезали, возвращенные своей сверхчувственной природе. Уцелела только большая деревянная скульптура Христа. Она еще не была закончена и ее еще не перенесли из той мастерской снаружи здания, где Штайнер над ней работал, на центральное место, которое она должна была занять под малым куполом.

* * *

Встает вопрос, который ставился, конечно, и тогда: разве нельзя было воспользоваться даром ясновидения, чтобы предвидеть судьбу, грозящую Гетеануму, и, следовательно, предотвратить ее? Но ответ был: если усилить свои духовные способности, чтобы поставить их на службу человечеству, расширяя необходимые для него знания, надо отказаться от применения этих способностей для раскрытия чего-либо личного, к себе относящегося. Подобное применение изменило бы эти способности, затмило бы их прозрачность, необходимую для отражения истины. Дело также не в том, чтобы сделать душу чувствительной ко всем душевным влияниям, ее окружающим, а в том, чтобы быть способным по своей воле направлять эту особую силу духовного исследования на то, что соответствует искомому.

Сколько возникало и других вопросов! Перед бешенством, которое возбуждало у некоторых экстремистов существование в Европе центра для свободной жизни духа было ли благоразумно продолжать действовать, не принимая во внимание сил зла? Конгрессы, собрания, общественные призывы не возбуждают ли сил ненависти, всегда считающих непереносимым вызовом деятельность, направленную в сторону любви и истины? Если читатель сомневается в этом, пусть он перечитает поразительный разговор Великого Инквизитора с Иисусом в "Братьях Карамазовых" Достоевского.

Не является ли долгом дать отпор, атаковать в свою очередь, защищаться? - Нет, это значило бы забыть, что возмездие не принадлежит человеку. Когда выяснилось, что пожар был действительно преднамеренным поджогом, Общество даже не подало в суд. Поджигатель погиб, задохнувшись в разожженном им пламени, он был единственной человеческой жертвой, и когда его останки предавали земле, Штайнер сам был среди провожавших, ибо, если он и пережил минуту отчаяния, как свидетельствует об этом Альберт Штеффен, то горечи он не знал. Все, что имело отношение к преступной стороне пожара, было, по его просьбе, окружено полным молчанием, и мало кто оказался в курсе событий, которые могли бы породить непредвиденное возбуждение. Смятение умов только сыграло бы на руку противникам.

Всякие поиски сенсаций, всякая попытка что-либо драматизировать были преодолены в Обществе. У всех был на глазах пример Рудольфа Штайнера. Все, что он делал и говорил, не выражало ни возмущения, ни злобы, но только трагический смысл судьбы и жалость к тем, "кто не ведают, что творят". Не было внесено даже никаких изменений в программу собраний, кроме того, что на другой день после пожара местом сбора стала столовая и что у многих были покрасневшие глаза. Однако, осталось прямое свидетельство того, что он пережил в ту ночь: он набрасывал иногда в своих записных книжках схему следующей лекции, допускал запись как бы вскриков своего сердца, тем более драгоценных, что набрасывал их для самого себя, часто в форме поэтической. Вот что записал он в эти темные дни:

Мысли сплетались одна с другой,
Создавая в радости и душевной щедрости
То, что чувствовалось в проявившихся формах,
В инспирации, воплощенной искусством.
Дашь ли ты волю страданию,
В которое погрузила нас судьба?
Чувства сгорели в пламени,
Кончена радость творчества,
Глаза глядят лишь на развалины. 126

Мы видим: это не жалоба, а пронизанное болью понимание тех страшных ударов, которые силы мрака могут нанести тем, кто захочет заставить их отступить перед новым светом и творческой радостью духа. Вероятно, уже думая об этих враждебных силах, набросал он несколько лет перед тем следующие строки:

Что за дело вашим обманам и вашим мертвенным ликам
До того подвига, что я должен совершить,
Раз этого хотят от меня духовные силы?
Я стану врагом собственной души моей,
Принуждая себя к могучей мысли,
Побеждающей робкое сердце.

Ибо она моя истинная опора - если я этого пожелаю.¹²⁶ И все-таки было нечто непонятное в фантастической ненависти противников. Вся европейская пресса сообщила о пожаре, происшедшем в канун Нового года в Дорнахе. В Швейцарии и в Германии сообщение сопровождалось комментариями. В большинстве случаев недоумевали, но некоторое выражали открытое удовлетворение...

По прошествии долгого времени, когда спрашиваешь себя о причинах подобной ненависти, начинаешь понимать, что это нечто вроде паники, вызываемой существом, слишком выходящим за рамки обычного. Такой личности ставят в вину даже ее достоинства, когда они переходят за обычную черту. Какое количество хороших умов восстало против простой возможности существования такого синтеза знаний, одновременно естественных и сверхъестественных, из которых постоянно могло исходить вдохновенное созидание. Они предпочли находить дешевые объяснения на уровне магии и шарлатанства.

Мужество, с которым он превозмогал испытание, делало его еще более тревожащим. Он сказал рабочим: "Ничто не заставит меня свернуть с моего пути, что бы ни случилось".¹²⁷ Мы еще посмотрим!"

* * *

Что касается Общества, то оно должно было извлечь свой урок из происшедшего. Не должно ли оно было в чем-нибудь упрекнуть себя? Было ли оно достаточно бдительным?

Несчастье всегда выявляет некую дисгармонию, если отказываются бороться с мраком. Но следует спросить себя - не по причине ли слабости света?

И начинается проверка совести. 1922 год ознаменовался большим расширением, но расширение может означать, и распыление. Несогласованность между членами Общества не всегда преодолевалась, каждый шел своим путем. "Стали терять из виду друг друга, какая-то бюрократия угрожает заменить собой братские узы".¹²⁸ Не умели "пробудиться для "Я" ближнего".¹²⁹ Начинаются сдвиги в активности членов. Одни, опьяняясь деятельностью - совершают ошибки в суждениях и тем причиняют вред всему Обществу, другие гордо замыкаются в своем превосходстве... воображаемом. Здесь не способны разрушить абстракцию, чтобы дать жизнь мысли, там задерживаются на наивной сентиментальности, принимая ее за духовность.

Но есть и нечто более серьезное. Целая пустыня отделяет духовные истины, которые он передает, от тех, кто их слушает, не делая их своим внутренним опытом. Здесь коренятся все ошибки. Не развивают духовных сил, которые хотя бы частично позволяли принимать участие в сверхчувственных знаниях. А без этого живого участия эти истины падают на дно души, как догматы. Живые слова, выхваченные у Духа, становятся неподвижными камнями в головах или фетишизмом в сердцах. Украшают себя услышанным, чтобы считать себя выше, чем на самом деле. И вся эта плохо переваренная пища, которой кичатся, больше всего вредит Антропософии во внешнем мире. Вместо того, чтобы ее усваивать, - ею отравляются.

Каждый раз, когда он говорит с членами в начале 1923 года, он повторяет описания того, чего требует обновленная мысль и обновленная воля. Он так хорошо видит, что изменение должно произойти в самом корне личности!

Преобразитесь! - говорит он им, - переходите от рутинного сознания к иному, более бдительному. Без этого ваши поиски не приведут вас к духовному продвижению.

"Говорить об Антропософии не значит говорить о вещах, которые нигде больше не обсуждаются, это значит иметь к жизни отношение, которого нигде больше нет. Вот этой перемены не произошло. Открывают книгу по антропософии, как любую другую книгу. Именно это должно измениться. Иначе Антропософское общество послужит только для того, чтобы исказить Антропософию в глазах всего мира". 130

И он продолжает: "Взгляните на научное направление... Оно должно было бы найти точки соприкосновения с самыми последними данными официальной науки. Я дал указания, взяв за исходную точку именно тот рубеж, где остановилась современная физика; этим внешняя наука не отрицалась, а, наоборот, утверждалась".

Вместо того, чтобы установить эти точки соприкосновения, антропософская интеллигенция теряла время в бесплодной полемике и мало обоснованных нападках на официальную науку.

Но все же, отмечая эти недостатки и неуспехи, особенно в области науки, надо признать, что основы, заложенные в течение двух первых этапов учения, удалось применить.

"Например, невозможно было бы создать педагогику Вальдорфской школы, основанную на человеческом существе и его природе, как вечной, так и преходящей, если бы не иметь позади себя два первых фазиса антропософского движения "(Id.).

Но он добавляет с законной озабоченностью: "Достаточно ли отдает себе Антропософское общество отчет в этом продвижении... И он спрашивает себя: Антропософское общество - не наносит ли оно ущерб Антропософии? Даже до тяжкого испытания огнем, он уже выражал некоторое беспокойство: все увеличивалось расстояние между духовным направлением Антропософии и тем способом, каким Общество "велю" этот импульс. Он указывал на опасность, сожалея о том, что не считались с его предупреждениями.

"Я пережил невыразимые страдания, - говорил он тогда, - когда должен был констатировать, что третья фаза антропософского движения не продвигалась как должно бы, потому что было слишком много идей и слишком мало энергичной воли".

Пожар явился драматическим указанием на то, что что-то должно было измениться. Вопрос, заданный в 1911 году, снова поднимался на поверхность: "Надо ли во что бы то ни стало сохранить форму Общества, или же дать полную свободу Идею искать какой-либо другой способ представить Антропософию в мире?". 131

Если существующее Общество действительно больше не носит в себе Идею, то его надо распустить - или переделать...

Но Общество не переделывается извне. Члены его, они - "переделаются" ли? Осознают ли они положение?

"Вся тяжесть Антропософской деятельности падает в настоящее время на мою душу... Если не будет сделано усилие, необходимое, чтобы развеять недоразумения, ну что ж, мои милые друзья, тогда мы не сможем идти дальше.

После происшедшего пожара снова взяться за работу можно лишь если Антропософское общество окрепнет изнутри, если оно избавится от ошибок, затрагивающих его жизненный нерв".

Эти суровые слова, направленные к самым глубоким основам позиции членов Общества, были живо восприняты. И диалог между Учителем и учениками начинает углубляться. Они сознают, что Гетеанум является необходимостью для жизни духа в нашу эпоху. К тому же они испытывают в нем глубокую потребность. Тот, который от них отнят, был для них, в мире их ранящем, благостным убежищем, единственным местом, где каждый мог свободно чувствовать себя гармонично слитым с тем, что жило в его самом глубоком существе, и вместе с тем же быть одиноким. То, что подобное убежище существует на земле, дает им истинную родину, и в тех, кого они там встречают, они видят и братьев. Гетеанум должен возродиться.

Все признают, что возрождение Гетеанума потребует от Общества нового вдохновения, может быть, они не сознаются себе в том, что это вдохновение они главным образом готовились получить; так как даже при наличии доброй воли нельзя слишком скоро изменить свою природу... Расстояние между дающим и получающими не определяется только "доброй волей". Невозможно изменить разрыв между сознанием, расширенным за пределы всякой меры, и слабой способностью к усвоению среднего слушателя. Между ними остается пустое место, тот "вакуум", заполнить который Учитель не может иначе, как только своей верой в человечество, своей добротой.

Этой веры ничто не могло поколебать, и доброта его победила скептицизм. Может быть, именно тогда, когда взятая на себя ноша была наиболее тяжелой, эта любовь, к человеческому проявилась с наибольшей силой и все победила. Конечно, он не забывает, как велика пассивность членов Общества, и что большинство из них ожидают, чтобы дышать, двух рук, которые держали бы им голову над водой. Но раз они просили помощи, можно ли было им в ней отказать?

Были и другие последователи, которые сумели извлечь плоды из пережитых испытаний. В их рядах поднялись люди действия. Они уже создали точки воздействия, где антропософский импульс проникает в повседневную реальность. Это врачи, воспитатели, люди науки, писатели, художники, социологи и даже несколько земледельцев... К доброй воле присоединяются и специальные знания.

Они - разбросанные элементы этого Университета Духовной науки, который остается только возобновить. Ему необходимо только согласовать все свои ответвления с основным стволом "чистой Антропософии". Ему угрожает одно - утратить свое единство. Гетеанум являлся свидетельством этого единства, местом избранным. Он символизировал примирение Искусства, Науки и Религии. На нем покоилась надежда, что в современной Европе может существовать "центр Мистерий". Гетеанум должен быть вновь отстроен!

* * *

Он должен быть отстроен... Но Бау не создают дважды...

После войны, после этого схождения во ад, мир уже не тот, что был. Изменилось и Общество. Все условия жизни изменились. Бау был расцветанием. Новое видение мира, нашло себе в нем орган художественного выражения. Через него Антропософия стала осязаема. Она вышла навстречу людям, как художник приносит в дар свое творение, чтобы стало видимо творческое начало, в нем обитающее. Бау дышал доверием в своих формах, в своем языке, в своей миссии.

То, что воздвигнут теперь, будет исходить из твердой воли к сопротивлению силам зла; воздвигнут крепость духа в мире, отрицающем дух, противопоставит преследованиям неборимую силу свободного человека, утверждающую себя перед глупостью и жестокостью.

Да, все изменилось, вплоть до денежного вопроса. Для Бау члены собирали средства в едином порыве, все взносы, крупные или мелкие, были свободным даром. После пожара страховые общества должны были выплатить убытки, но эти суммы, выданные не добровольно, несли с собой холод и принуждение. Они ничего не давали для морального значения здания. Его можно возместить только вкладом сильной моральной решимости - заново воздвигнуть Центр Духовной жизни.

* * *

Когда решение было бесповоротно принято, и в июле делегаты всех национальных групп, собравшись в Дорнахе, дают Рудольфу Штайнеру "все полномочия" для начала строительства, дело идет для него не больше, не меньше, как о том, чтобы вдохнуть новую душу в Общество, и затем воплотить эту душу - в камни нового Гетеанума. Он должен, так сказать, создать два макета, один для Общества, другой - для здания.

Исходя из одного и того же импульса, они станут отражениями друг друга, один приведет на Рождестве к перестройке Общества, второй - к материальному воссозданию Гетеанума.

XXXIV. НОВЫЙ КРАЕУГОЛЬНЫЙ КАМЕНЬ

*"Трудно быть антропософом!
Еще труднее им не быть..."*
Альберт Штеффен

"Духовный макет" требовал, чтобы его основание было скреплено союзом Науки, Искусства и Религии. Это соединение может с первого взгляда показаться абстрактным представлением, годным для философов-идеалистов: Истина, Красота, добро... Для Рудольфа Штайнера это было первым опытом, который надо было конкретно реализовать в "Центре мистерий". Духовное возрождение Общества должно было доказать, что этот опыт, пережитый человеческим сознанием, являлся первым условием жизни Антропософии. Мы это видели в XXXII главе.

Такое видение различных сторон человеческой деятельности в их совокупности повторяет видение социальной Трехчленности. Каждый индивидуум, соединяющий в себе сознание гражданина, потребителя-производителя и свободного человека, становится живой клеткой, восстанавливающей организм Общества.

* * *

В течение 1923 года Учение расширяется в трех направлениях, находя все новые области применения.

Искусство: художникам, живописцам, скульпторам, архитекторам открываются новые тайны - о природе красок и форм, музыкантам - о природе звуков и интервалов, эвритмистам и рецитаторам - о пластике языка и его возникновении в космосе. И в особенности каждое искусство доводится до его эзотерического источника.

Но особо надо отметить импульс, который получает научное исследование.

Наука также имеет своей конечной целью - дойти до сущности законов, ею наблюдаемых. Она идет от фактов - к их причинам, к их происхождению. В прежние времена научные исследования проводились в "лабораториях-молельнях". Исследователь проникал в тайны природы "творимой", только проникнув в тайны природы "творящей". Древние еще имели всеохватывающий взгляд на космические действия, влияющие на земные явления. Ныне этот всеобъемлющий взгляд утрачен и заменен вызывающей тревогой узкой специализацией исследователей.

Утрата этого взгляда особенно чувствительна и опасна в области, являющейся одновременно наукой и искусством: в медицине.

Поэтому неудивительно, что призыв о помощи с этой стороны делался все настоятельней.

Давно уже врачи просили у Рудольфа Штайнера советов и указаний относительно методов лечения, ими применяемых, о связи болезней с космическими ритмами, о воздействии субстанций, применяемых в их различных состояниях и т.д. Недавно молодые студенты явились к нему целой группой. "То, что вы ищите, - сказал он им, - является очеловечиванием медицины" (М. ван Девентер). И он собирал их время от времени, чтобы научить их, как "расширить искусство врачевания". Но практическое применение методов лечения вызвало необходимость в клинике. Кое-какие попытки в этом направлении были уже сделаны. Удалось их реализовать доктору Ите Вегман. В 1921 году она открыла вблизи Дорнаха клинику, сначала скромную, но в которой Рудольф Штайнер мог часто бывать. Вскоре к ней присоединились и другие врачи. Студенты поступали на Базельский факультет (где когда-то учил Парацельс), чтобы быть недалеко. Деятельность развивалась. Вскоре встал вопрос о приготовлении лекарств, состав которых указывал Штайнер, в зависимости от воздействия веществ, их связей с органами тела и болезненными процессами, требующими излечения. Появились лаборатории.

Штайнер указал пути обновления богослужения, для излечения "душ, ищущих поддержки"; чтобы помочь "телам, идущим исцеления", он давал основы для нового понимания болезней и соответствующего лечения. Он, таким образом, предоставил в распоряжение врачей знания, которые он получил в течение долгих лет, исследуя сверхчувственные воздействия, порождающие органические явления. Затем делом лечащего врача являлось применить эти данные в согласии с его личным опытом и болезнями, которые он лечил.

Конечно, жизнь организма всегда входила в поле исследования Рудольфа Штайнера, но открытия, которые он делает во время этих "Курсов для врачей", указывают на то, что сила видения, которую он обращает на обнаружение духа, присутствующего в материи, усиливается. Он следует за этим воздействием до самых плотных состояний, что дает ему ключ изменения субстанций. Возможно также, что исследования, которые он направляет на явления, относящиеся к болезням, обогащаются тем фактом, что он, перешагнув за 60-летний возраст, отмечает высвобождение своих собственных жизненных сил. Освобожденные от органического воздействия, они могут быть использованы для духовного восприятия. Он сам давал примеры органических нарушений, природу которых он должен был изучить на себе, чтобы найти для них соответствующее лечение (например, *infludo*). Его органы становились для него отражением мира.

Во всяком случае, результаты его сверхчувственных восприятий свидетельствуют о видении более точном, более детализированном, формирующих эфирных сил, субстанций в их различных состояниях на земле, под землей, в атмосфере, духовной деятельности в элементах твердых, жидких, газообразных и тепловых. Он описывает, как силы жизни и смерти совмещаются в органических явлениях, в царствах природы. Он учит читать формы, выявляющие эти действия. Всеобъемлющим образом он указывает на тесную связь царств природы с человеком, а этого последнего с жизнью космоса.

Один голландский врач, который должен был в 1923 году основать в Гааге клинику имени Рудольфа Штайнера, описал, какие вдохновляющие перспективы открывались врачам, которым снова отводилась роль мудрецов, принадлежавшая им в древности.

Врач, помимо остального, становился советчиком для тех, кто должен был обеспечить детям их органическое равновесие. Например, в школе врач работает в тесной связи с учителями и может указать им, как помочь одному ученику избежать слишком больших трудностей приспособления к новым условиям, другому, как справиться с кризисом

перутомления. Доктор Зелльманс любил цитировать одну из фраз Рудольфа Штайнера, которая в нескольких словах выражает в себе все современное положение вещей, все несомые им нарушения и те лекарства, которые могли бы помочь.

"По существу, социальный вопрос есть вопрос воспитания, а воспитание, по существу, есть вопрос медицины, но при условии, что медицина вдохновляется духовным знанием".

* * *

Что же касается третьей створки триптиха, которая углубляет сознание "религиозного человека", дремлющего в каждом из нас, "створки" чистой Антропософии, она достигает с момента этого поворота еще невиданной значительности и поражает не только силой "духа", в ней веющей, и красотой формы, но и насыщенностью своего содержания, его сверхчувственным реализмом. Он свидетельствует о высокой степени ясности видения того, кто стал способен к столь полному единению с Существами, с которых он затем снимает завесу. Ибо человеческое существо описывается не только по отношению к космосу, к ритму древнему, годовому, к ритму времен года, но оно включается и в мир небесных иерархий, несущих атрибуты недосягаемой божественности.

Человек является творением необозримого прошлого, точкой, конечно, мельчайшей, в бесконечной вселенной, но точкой сознательного света. Творческие лучи Божественных существ сходятся к этому очагу. Единство, которое существовало первоначально между богами и человеком, позволяет ему вспомнить о них, пройдя через страдание отторжения от них, и вновь обрести возможность свободно познавать и любить их. Его структура, одновременно единая и тройственная, является их отображением, их иероглифом. Свершение их деяний во времени постепенно пробуждает зародыши, имеющиеся в нем, как и во всей живой Вселенной, членом которой он является.

Космический Христос - сердце этой симфонии. Вокруг Него проходит волна времени в круговом движении Архаев, управляющих сменой эпох. Штайнер возвращает им имена, данные им великими библейскими пророками, так: как их достоинство живет в этих именах. Самого великого из них провидцы народа Израильского называли Михаилом - Отблеском Божиим. Начиная с последней трети XIX века и еще на несколько веков, Михаил является "Водителем эпохи", и когда возвращается "эпоха Михаила", свет, совсем особый блеск, озаряет мышление человека. В предыдущую эпоху влияния Михаила родилась философия. Греческие мыслители первые отразили в себе мир идей, мир космической мудрости. В нашем веке эта мудрость индивидуализируется, соединяясь с иными силами, силами личного сознания и воли, для которой пришло время проявиться. Воздействие Михаила пронизывает сферы духа и души и достигает тела. В самом земном организме имеется отвечающий этому элемент - железо.

При наступлении осени, метеорическое железо, падающее дождем на землю - один из следов этого воздействия, о котором знали в прежние времена те, кто установили празднование дня Св. Михаила на 29 сентября. Но та субстанция, в которой железо, как физическое вещество, соединяется магическим образом с духом, - это кровь человеческая, где оно является в то же время органическим носителем волевых сил.

День Св. Михаила 1923 года является одновременно и завершением, и провозвестником новых судеб. Завершение? - Общество, которому Рудольф Штайнер в октябре 1902 года согласился передавать свое учение в Берлине, существует 21 год. Оно достигло в некотором роде совершеннолетия. Оно обрамляет Учение и в то же время дает место для нового импульса, который мощно вывигает смысл эпохи Михаила и важность переживания такой эпохи.

Рудольфу Штайнеру останется еще ровно двенадцать месяцев активности на физическом плане, чтобы запечатлеть этот импульс вновь организованному Обществу, которое он учредит на Рождестве. Духовный макет, им созданный, включает мир невидимый и видимый. Предвечный Христос проходит через века и обращается к людям сегодняшнего времени через Посланника, "идущего впереди Него", предвозвестника света, Михаила. Положено начало нового соотношения Бога и человека. В свете подобных представлений в Дорнахе готовится пережить момент исторический.

Указания, непосредственно предшествующие Рождеству, возрождают из прошлого древние Центры Мистерий тех времен, которые еще не покоились на сознании каждой отдельной личности, как это должно будет иметь место в Мистериях будущего. Прошедшее ярко освещается для того, чтобы слушатели могли лучше прочувствовать поступательное развитие. На фоне Мистерий древности дается тот путь, который откроется к Мистериям Михаила, к Мистериям, уже указывающим на будущее. Для того, чтобы к ним подойти, не надо бояться иметь под ногами твердую почву, в которой накапливалось прошлое, земной упор, минеральные пласты.

Даже не из камня, а из железобетона будет построен будущий Гетеанум. Место свершения Мистерий человека будущего даже не будет воздвигнуто из природных материалов, как, дерево, а из того, что техника создает из обломков, отбросов, ибо пришло время человеку исходить из "ничего", из того, что наиболее мертво, наиболее убито. Он не находит больше Бога в природе и заявляет: "Бог умер". Пусть же он прибегает к собственной силе творчества.

"Прими в себя мысль Михаила, Победителя сил дракона-Аримана, мысль, дающую тебе власть приобрести уже тут, на земле, познание Духа, чтобы ты мог победить силы смерти". 132

Именно в пустоте своего ничто обретет человек свое самое значительное открытие: присутствие Духа в себе. Если он пробудится к жизни Духа, он найдет в себе силы Воскресения.

Этот беглый взгляд, брошенный на то, что передавалось в конце 1923 года, едва может дать смутное представление о глубине принесенных откровений об условиях жизни на земле, о несчастьях человека, но также и о грандиозных перспективах одухотворения, которые предвещает "мировой час".

Описать это, расходящееся одновременно во всех направлениях излучение - невозможно, - поэтому приходится прибегнуть к последовательности различных точек зрения, понимая, однако, насколько подобное одностороннее описание может быть искажающим. Попытаемся, однако, проследить за рядом решений, принятых Рудольфом Штайнером в конце 1923 и начало 1924 годов.

В течение недель, предшествующих Рождественскому собранию, он часто собирает к себе тех, кто ближе всего связан с его делом, связаны настолько, что сами стали руководителями. Они будут ответственны перед Обществом за деятельность, которую они уже направляют. Они будут центральным ядром организма, так как надо, чтобы центр был сильным, если хотят избежать подводных камней предшествующих лет. Гармония, в которой работа некогда велась, была нарушена ударами извне. Члены Общества - разбрасывались в усилиях противоречивых, не поддающихся контролю и вызывающих большую критику и множество враждебных реакций.

"Под тем предлогом, что меня следует щадить, мне сообщали о неосторожно осуществленных инициативах только тогда, когда они уже вызвали отпор и полемику, которые предотвратить было уже слишком поздно". 133

Чтобы исправить это положение, от центра должно исходить признанное влияние по всем направлениям, вплоть до периферии. Так удалось бы избежать многих неуместных предприятий, кончившихся провалом, и которые приходилось ликвидировать не без урона.

Появляется план этого нового духовного здания: Антропософское общество будет открыто любому лицу доброй воли, принимающему его основные положения. Его теперешняя деятельность будет распределяться по соответствующим

секциям: Литературная секция под руководством Альберта Штеффена, секция Искусства, обнимающая эвритмию, театр и музыку, под эгидой Марии Штайнер, Медицинская секция, имеющая во главе Иту Вегман, Секция естественных наук (куда в будущем должно будет включиться и сельское хозяйство), доверенная Г. Ваксмуту, Секция Математики и астрономии, порученная Е. Вреде*. Что же касается центральной части, которая дополняла пять секций, объединивших науку и искусство, части чистой Антропософии, то Рудольф Штайнер принял руководство ею на себя. С ней было связано все, что имеет отношение к формированию человеческого существа, следовательно, и искусство воспитания.

Сказанное выше по поводу "Христианской общины" делает понятной причину того, что Секции Теологической или религиозной создано не было. Религиозное движение, в сущности говоря, имеет другое назначение, другую "карму", идет иным путем, чем Свободный Университет Духовной Науки.

Главы Секций составляли в то же время Правление Общества, председателем которого был Рудольф Штайнер.

В этом решении взять на себя председательство в новом обществе нужно видеть признак решающего поворота. Может быть, это станет более ясным из последующих страниц. Пока что сам Штайнер представляет этот факт как радикальную перемену и предсказывает, что пока еще нельзя оценить всех его последствий. Комментируя его в первый раз, он говорит следующее:

Со времени Собрания на Рождество 1923 г. развитие Общества, естественно, внесло в эти секции некоторые изменения, на которых мы не имеем возможности останавливаться в этой биографии.

"Надо, чтобы Общество нашло совершенно иной стиль представлять миру Антропософию. Это одна из причин, по которой я взял на себя председательство. Я смогу лучше указывать, каким я хочу, чтобы стало Общество, представляющее Антропософию. В 1912-1913 годах казалось предпочтительнее, чтобы я не был председателем, а только учителем, но мало помалу выяснилась невозможность такого положения, так как импульсы, которые я хотел реализовать, постоянно душились Обществом, особенно с 1918 года". 134

Он предусматривает, помимо Общества, широко открытого для тех, кто ищет Учения и работы в Секциях, эзотерическую организацию, которая будет исходить непосредственно от него самого. Эта Высшая школа Духовной науки должна "будет давать то, что не дается больше нигде, то, что вводит человеческое существо в духовный мир"(Jd.).

* * *

В столовую собирается теперь тесная толпа членов Общества. Прибывают отовсюду, очень издалека, на это Рождественское собрание. Они снова встречаются в серьезной, счастливой атмосфере, появляются, полные доверия и ожидания того, что будет им дано... и то, что им дается, это "краеугольный камень, положенный в души", который также часто называют основной медитацией.

Эту медитацию составляют три стиха, по двадцать одной строке каждая, и в этом чисто словесном построении в сжатом виде дана сущность человека, его начало, его настоящее и его назначение.

Каждый может ее применять как личное упражнение, и тем не менее, это - художественное произведение, которое касается совокупности всех членов, а через них - каждого современного человека, который с ним ознакомится и его воспримет. Его содержание дает предстать в едином видении все сущее: - Вселенную Отца, Космос Сына, Мир Духа. Оно пробуждает отклик этого в плоти, душе и духе человека. Что же до его движения, оно обнаруживает в нем мысль, когда она разгадывает то, что в трех строфах перекликается, противостоит друг другу или друг друга дополняет.

И, наконец, исключительная строфа бросает луч света на этот триптих, луч света Рождественского, Солнца Христа, которое воплощается и начинает сиять с земли в начале нашей эры, на рубеже веков, так же, как и в микрокосмическом масштабе, на каждом Рождестве, на каждом повороте года.

Когда в медитации мысль слабеет и вопрошает себя, ритмы и могущество языка вводят ее в смысл слов, ибо эти строфы снова находят творческую силу глагола. Единство восстанавливается снова между словом и реальностью духа.

На этом новом "краеугольном камне", заложенном таким образом в души, могут быть основаны "курсы" Высшей Школы Духовной науки. Первый курс будет проведен в течение 1924 года.

Что же до тех членов, которые присутствуют, они чувствуют себя соучастниками большого события. Голос и интонации, пробуждающие могущество слов, верность жестов, их подчеркивающих, все принимает характер откровений, которые в их глазах вырастают до явления исторического. Откуда рождается сознание, что ты присутствуешь при историческом факте, если не от того, что ты слышишь его отзвук в ходе и изменении событий? Это и можно было ощутить в те моменты, когда присутствовали при принятии решения такого рода: здесь и сейчас нечто должно быть открыто. Тогда знали, что отсюда последует воздействие на жизнь человека на земле. Какое? Где и когда? Этого не знали, но видели рождающуюся в настоящую минуту ситуацию историческую.

Это и вызывало в аудитории ту волну "священного благоговения", о которой мы уже говорили. На память тогда приходили два стиха из "Мистерий":

"Здесь слова суть деяния,
И другие деяния должны за ними последовать"
(Стих 1076, 3-я Мистерия).

Его стены резного дерева не были придуманы: для защиты в нем пребывающих, а наоборот, чтобы позволить идее расцвести изнутри наружу. Рожденный любовью, теплом души, излучением духа, первый Бау, был посланием, выражающим себя в формах и красках. Этому движению из центра наружу соответствовало теперь обратное. Человеческая воля осуществляла давление, пришедшее от внешнего, чтобы защитить центр, сделать его сильным и сопротивляющимся.

Для Общества, как и для Гетеанума, призыв "укрепить" означал, что из усиления духа проистекает вещественность материи. Новый Гетеанум должен был быть воздвигнут на холме, как творение общей воли, как крепость, как "бург". В то же время он являлся поводом для создания новых форм, указывающих тенденции архитектуры будущего, применяющей возможности современной техники. Гетевский принцип метаморфозы форм проявится в вариациях центрального мотива: пятиугольника, фигуры, характеризующей человека.

"Глиняный макет" был сделан в последующие недели, кроме задней части восточной стороны, которая не была еще найдена, когда Рудольф Штайнер умер. Благодаря ему, импульс сознательной воли становился видимым в материале, который одновременно и наиболее тверд, и наиболее покорен формам, которые в нем запечатлеваются, - в бетоне.

Вначале Штайнеру было очень трудно перейти от стиля, осязаемого в дереве, к стилю, отвечающему бетону. Но он дал себя вдохновить окружающим пейзажем, с которым он сблизился за десять лет. Лепились новые формы, более родственные горам Юры и формам известняка, чем в первом Бау. Они были также ближе к современной психике. Но если первый Гетеанум был менее творением своей местности и эпохи, он обладал неоспоримым излучением всемирности. Если он менее опустился на землю, чем второй, если он менее сливался с гористым рельефом пейзажа, то его купола были

более родственны небу. Они, казалось, воспроизводили нежные формы клубящихся пурпуровых облаков, приносящих в дар вечернему солнцу свою движущуюся феерию. С террасы были часто видны формирующиеся в небе и сливающиеся купола, воспроизводящие на западном горизонте эфирный Гетеанум.

XXXV. ИМПУЛЬС МИХАИЛА

"В течение XX века, первого, который протекает после окончания Кали-Юги, человечество окажется либо перед могилой всякой культуры, либо на заре времен, которые увидят, как люди, включившись в битву Михаила, соединят в своем сердце разум и духовность и дадут, таким образом, восторжествовать импульсу Михаила".

< 24 VII. 19. Арнхейм, Штайнер Рудольф >

Чего же он ожидал от импульса, вложенного им на Рождестве в Общество? Он ожидал от него иной общности, чем та, которая существовала до сих пор. Обычное связующее начало порождает формы, которым угрожает инертность и рутина. Подобная связь больше недостаточна. Должна быть сделана попытка осуществить новое единение между людьми. Каждый член Общества должен достичь состояния творчества, присущего ему лично, но и могущего быть переданным другим. Он желал единения и он надеется на единение между людьми, свободно извлекающими свои побуждения из духа. Если бы такой пример был дан миру, последний смог бы тогда "включить принцип посвящения в число принципов культуры". 135

"Совершенно невозможно выразить в нескольких словах полноту и силу, с которыми он возвращается к этому Рождественскому импульсу в течение последующих месяцев. Выявить их основные черты было бы скорее делом живописца! Тогда на самом вершине картины увидели бы свет "Духовных сил", направляющих судьбы Антропософии через волнующиеся земные глубины. Это сверхизобилие света было бы собрано в центре тем, кто на эти дары отвечает торжественно нерушимым обетом и берет на себя ответственность донести эту весть вплоть до внешних форм Общества". 136 Можно было бы различить выходящими из тени тех, кого он сам приглашает принять свою часть той ответственности, которую он принимает, и наконец, распределенными в различных оттенках тех, кто слышит призыв с высот к возрождению, вдохновляемому Духом Эпохи - Михаилом.

Принимая на себя управление земными формами Импульса, Рудольф Штайнер знал, что подвергается риску. Он говорил об этом неоднократно в течение лета 1924 года, особенно в мае, в Париже: "То, что я взял управление внешними делами Общества, могло бы иметь последствием уменьшение эзотерических Духовных Сущностей, которое затруднило бы для нас распространение Антропософии, по мере того, как внешние дела захватывали бы меня. Сегодня я могу отдать себе отчет, что ничего такого не произошло: наоборот, с Рождественского собрания импульс, долженствующий спуститься из мира Духа, чтобы движение пошло по правильному пути, еще усилился". 137

И немного позднее в Голландии: "Эти духовные силы изливают сегодня еще больше благодати и благодеяний в то, что проходит через Антропософское движение". 138

С этими-то духовными силами, на представителя которых для настоящего времени - Михаила, Духа Эпохи, он указывал, - Рудольф Штайнер связан своим обетом. К этой связи причастны и те, кто признают себя учениками Школы Михаила, составляя, таким образом, самым этим признанием эзотерическую группу Высшей Духовной науки, созданной, "чтобы усилить прилив духовности". Она есть прямое выражение Божественных сил, вдохновение которых чувствуется даже в словесном покрове, в котором выражаются истины Духа, в том, что индусская духовность называет "Мантрами".

Рудольф Штайнер живет только для передачи Обществу, и через него миру, этого потока духовности, принимаемого им. Его активность подобна чуду, как и размеры его деятельности. Он находится в состоянии постоянного творчества. Рассказ не может передать всех результатов этой активности, уровни которой меняются все время, изменяя перспективы. Нет возможности дать последовательный отчет об этом непрерывном творчестве, и приходится ограничиться всего несколькими аспектами.

В Швейцарии и Германии, повсюду, куда зовут его последователи, в Англии, Франции, Голландии, Чехословакии он каждый раз воссоздает событие, имевшее место на повороте 1923-24 годов.

Он посещает страны, где только что основались национальные секции.

Дух Антропософии, вливавшийся хаотически в движение, не имеющее определенных контуров, теперь внедряется в организацию Общества, - говорит он, - и этим оно обновляется. Оно больше не довольствуется только распространением Учения. Оно прямо отражает духовную силу, проникающую в человечество на повороте его истории. И все его поведение должно вдохновляться этим.

Он проводит сам с членами Общества в Дорнахе "Курс Антропософии" 139, указывая на изменения, которые должны быть внесены в способ изложения основных положений: они должны стать более насыщенными и более упорядоченными.

Можно заметить, что различие между его устным и письменным стилем еще усилилось. Когда он говорит, речь его делается свободнее и вдохновенней. Периоды усложняются. Синтаксис не успевает следовать за ними. Он превзойден, он остается позади...

Фраза же продолжается и достигает цели. Полет речи побеждает конструкцию. Письменный же стиль, наоборот, делается все более сжатым, достигая лапидарности. Он никогда еще не давал тем в столь сжатой форме, в столь отточенных определениях. "Антропософия это путь познания, который хочет вести дух в человеке к Духу во Вселенной". "Первый курс Духовной Науки" является наилучшим примером его устного стиля, а "Руководящие положения" - письменного. Разницу эту можно объяснить. Когда он говорит, он видит. Видящий затмевает мыслителя. Когда он пишет, он шлифует алмаз.

Не перестаешь удивляться, наблюдая, с какой уверенностью он отвечает с места на проблемы, которые ставятся ему людьми и событиями. Мы уже видели, например, что педагогика Вальдорфской школы была установлена в дни, предшествующие открытию школы. То, что нормально было бы результатом целой жизни изучения и разработки, дается им сразу, с полнотой и насыщенностью, которую последователи углубленные исследования могли только подтвердить. В этой душе, универсальность которой непостижима, идеи подобны живым зародышам, которых поддерживает постоянный поток духовной жизни. Эти зародыши раскрываются, благодаря встречам, приносимым жизнью. Идея раскрывается в действии,

при наличии условий, необходимых для ее "активизации", можно отметить, что ответ дается тем скорее, чем дольше и ненарушимее был период вызревания в глубинах. Реализация молниеносна, но ей предшествовало долгое терпеливое выжидание.

Если представить себе, что подобная душа несла в себе зародыши решений для всех мучительных проблем нашего хаотического XX века, можно сказать, что из этого источника можно было почерпнуть гораздо больше плодотворных данных для гораздо большего количества областей, чем те, о которых его спрашивали. Он сам говорил, что он мог бы дать еще многое, но не было достаточно ушей, достаточно готовых к тому, чтобы это слышать. К этой уверенной инспирации нужно действительно добавить только то, что можно было бы назвать "гороскопом" дела, требующего реализации, то есть космическое влияние теперешнего "мирового часа". Это также можно было бы назвать участием небес.

В течение нескольких месяцев он дает 12 методических курсов по самым различным дисциплинам, которые он иногда обновляет до основания. Он собирает и углубляет указания, уже данные им при случаях частных консультаций, и обогащает их совершенно новыми точками зрения. К этому бьющему ключом источнику собираются по очереди в эти несколько месяцев 1924 года врачи (в январе, в апреле и в августе, музыканты и эвритмисты (курс музыкальной эвритмии в феврале и курс эвритмии слова в июне), педагоги (в апреле в Берне, в июле в Голландии, в августе в Англии), земледельцы (в июне в Кобервице, откуда вышел биодинамический метод в сельском хозяйстве). Он возвращается в Дорнах в июне, чтобы дать еще курс лечебной педагогики (из которого исходят сегодня многочисленные институты перевоспитания). В сентябре он дает каждый день параллельно: курс теологам и курс пасторальной медицины, объединяющий теологов и врачей, и большой курс с демонстрациями для рецитаторов и художников слова. Этот курс драматического искусства стал основой театрального искусства в Гетеануме.

Эти курсы он сам считал посевом, "семенами будущего".

К этому множеству специализированных циклов добавляются лекции, регулярно читаемые несколько раз в неделю в Дорнахе, утренние беседы с рабочими на строительстве нового Гетеанума и теперь еще и все, что касается управления Обществом, столь значительным и деятельным, как Антропософское, не говоря уже о хлопотах и заботах, связанных со стройкой здания. Так как еще находятся противники этого восстановления, под тем предлогом, что оно "профанирует" историческое место Швейцарии (место битвы 1469 года), он должен защищаться, убеждать, и получить, наконец, официальное разрешение на постройку только уже на смертном одре.

Новый духовный поток должен проникать повсюду, в том числе и в задачи, связанные с управлением Обществом. Он устанавливает для каждого члена личную карточку, образец которой рисует сам, и лично каждую подписывает, затем, чтобы хоть на момент подписи по своей воле установить контакт с каждым из 12000 членов, входивших тогда в Антропософское общество. Никакой бюрократичности! Повсюду реальность, человеческие контакты, связи, полные доверия. Создан еженедельный бюллетень для всех членов, чтобы установить для них связи и информацию. Этот бюллетень, приложение к журналу "Гетеанум" ("Das Goetheanum"), который выходит под редакцией А. Штеффена, печатает каждую неделю "Письмо к членам", написанное Рудольфом Штайнером, и должен отражать то, что происходит в Обществе. За "Письмами" вскоре последуют "Руководящие положения", и он будет продолжать их составление до последнего вздоха.

Одновременно во всех направлениях несет он: свое неизменное, никогда не слабеющее излучение.

Он переходит от одной задачи к другой, подвижимый не знающей отдыха активностью. Одно дорнахского дня в "спокойный" период, то есть без переездов или конгресса, было бы достаточно, чтобы свалить самых выносливых. День часто начинался беседой с рабочими на стройке Гетеанума. Затем шли переговоры, касающиеся исследований, ведущихся в различных лабораториях или мастерских, репетиции эвритмии, посещения Клиники и прочие проблемы или консультации, вплоть до вечерней лекции. Среди всего этого он набрасывает модели для художников, рисует "формы" для эвритмистов, и, когда есть возможность, работает над деревянной скульптурой. И подлинная его работа начиналась по окончании лекции, после десяти часов вечера: духовная концентрация над новыми областями исследований, ответы, которые нужно найти для вопросов, поставленных прошедшим днем. Часто, когда к нему обращались с вопросами личного или делового характера, он отвечал: "Я дам вам ответ завтра".

Можно было заметить, однако, что в последние годы ответы становились все чаще мгновенными, как будто ясновидческие способности не нуждались больше в усилении этой ночной работой, чтобы постоянно воспринимать реальности духа. Это постоянное "присутствие духа" стало его естественным состоянием, без затемнений, без того, чтобы требования его телесной оболочки чинили ему препятствия. Были ли ему еще знакомы состояния "сумеречные"? Спал ли он еще? Едва ли. Стали замечать, что в последнее время постель его оставалась нетронутой в течение нескольких ночей. Конечно, он уже с давних пор обладал способностью давать "отдых" организму, не прибегая к ослаблению сознания. Он сам дал описание способов мышления, не вызывающих разрушения нервных клеток. Тем, кто мог бы принять эти указания за теорию, он приносил теперь доказательства практического осуществления.

Сверхъестественное стало для него естественным, и именно это дает понять, что жизнь, которую он вел и которая была бы "беспокойной" для другого, переносилась им всегда с легкостью и полным самообладанием.

В минуту отдыха, за столом, во время эвритмической репетиции он был естественен, полон юмора, любил цитировать остроумные замечания или анекдоты. Он снимал натянутость с окружающих, так как догадывался о том напряжении, которое могли испытывать люди, живя рядом с ним. Мария Штайнер сознавалась, что находясь рядом с ним, было трудно обладать всей необходимой способностью к восприятию. "Хотелось бы иметь больше времени, чтобы усвоить все это богатство"⁹².

Что же, вело его этим все ускоряющимся темпом и все с большей уверенностью от созидания к созиданию? Можно, без сомнения, ответить так, как он часто давал это понять: - сознание, что нельзя было терять ни минуты, ввиду положения, в котором находится человечество, И здесь также слова наиболее близкого свидетеля, Марии Штайнер, являются подтверждением: - "Когда решались просить его побережь себя и делай немного меньше, - говорила она, - это вызывало неудовольствие..." - "Делать меньше? - отвечал он, - Но нужно было бы делать раза в четыре больше!"

Откуда же эта почти непереносимая печаль, которую иногда удается уловить в его взоре? Это не отчаяние, ничего личного, не подавленность, это грусть, глубина которой достигает каких-то космических размеров и позволяет с ужасом предполагать угрозы, которые он видит на горизонте для своего, еще не законченного дела. "Но, - говорит Мария Штайнер, - его не решались расспрашивать, и каждый снова брался за свое дело". Погружал ли он свой взор в предстоящую борьбу, борьбу, которую он олицетворял в образе Михаила, борющегося с драконом? Без сомнения, но то, что усиливало патетику неизвестности исхода этой битвы, была его собственная борьба, которую он вел, чтобы поддерживать свою физическую сопротивляемость, уже сильно подорванную. Он стал прозрачным. Он с такой энергией стремился превозмочь свою слабость, что загруженность его не только не уменьшалась, но с каждым днем росла. Никто не мог полностью выдержать весь день рядом с ним. Люди сменялись. И не то, чтобы он спешил. Он спокойно выполнял одно дело вслед за другим, и если кто-нибудь обращался к нему, то казалось, что в эту минуту он не занят ничем иным, как только тем, чтобы углубиться в проблему, которую ему предлагали.

Откуда же эта "горькая боль", в которой он признавался себе, как бы вполголоса, записывая эти слова, столь потрясающе-простые:

Я хотел бы зажечь всех людей
 Духом Космоса,
 Чтобы они стали пламенам и из своего существа
 Взвивали бы огонь.
 Другие, они хотели бы утопить пламень
 В водах Вселенной,
 Чтобы, каждое существо распадалось,
 Погрязало в себе самом.
 О, радость, если человеческое пламя пробудится
 Там, где оно еще спит!
 О, горькая боль, если человеческое существо
 Будет в цепях, порываясь вперед!
 (найдено после его смерти в одной из его записных книжек). 126

За этими словами чувствуется тревога о том, что он не сможет выполнить "ненарушимое обязательство, которое он торжественно принял", беря на себя свою миссию. В течение последних месяцев он вынужден констатировать, что члены Общества не следуют за ним, как он надеялся. В тех нескольких словах, которые предшествуют, и завершают указания членам Общества, часто слышится горечь. Он хотел бы увлечь достаточно большое число мужчин и женщин, обновленных настолько, чтобы ход эволюции мог в них выровняться. Но приходится признать, что члены не могут следовать за ним... Дух не господствует в тех, кто окружает его. Несмотря на величайшую добрую волю, ничто не изменилось в их поведении. Каждый продолжает продвигаться, как может, стараясь подняться до максимума своих возможностей, один - проблесками ясновидения, другой - беспредельной преданностью, третий - своей энергией искателя новых путей, иные - силой своего энтузиазма...

Но каждая личная судьба ставит свои пределы, вызывает трения. Это результаты давнего прошлого, "кармы", накопленной в течение нескольких жизней. Те, что встретились теперь в Антропософии, пришли с разных сторон, иногда даже бывших враждебными друг другу. Отсюда они сохранили склонность к противоборству, которая затемняет им взоры, мешает найти свое подлинное место. Отсюда, - как и раньше, - переоценка себя, недоверчивая критика других, та же трата сил и времени, те же помехи для веяния Духа. И толпа наиболее слабых со страстью умножает все эти искажения - как и прежде.

Неужели ничего так и не изменилось под влиянием Рождественского импульса? Импульса, от которого зависит, будет ли послание Михаила услышано или потеряно в суете века, поглощено водами пассивности, принято "держа руки в карманах"? Члены Общества, добавляют ли и они тяжесть своей духовной инертности к препятствиям, которые враги, - а уж они-то, настойчиво ставят Делу? Но слов, которые он им говорит, недостаточно. Нужно открыть этим душам истины, которые их преобразуют, возвысят над вопросами личными, на которые тратится драгоценное время. Он тогда открывает им "Карму" Общества. Уже до и после Рождества он значительно раздвинул горизонты. На фоне великих цивилизаций он с силой воскресил древние Мистерии, позволяющие оценить значение Центра Мистерий в нашу эпоху. Конечно, слова его повторяли, но последовало ли внутреннее переживание? Отдавали ли себе отчет в том, что:

"Антропософия на земле есть проекция Духа, действие которого реально, что означает, что она была подготовлена в духовных мирах так же, как подготавливается все, что впоследствии воплощается в земных явлениях". 138

Способности, которые в Антропософии соединяются - видение и мышление - некогда культивировались вдали одна от другой, и даже вдохновляли философские системы, жестоко друг с другом сражавшиеся. Сегодня они должны встретиться и взаимно оплодотворить друг друга в мистериях современного человека. Именно это слияние придает динамизм антропософскому синтезу.

Разные религиозные ордена, основанные в Средние века, также воплощали различные состояния человеческих душ. Эти души притекают ныне в Антропософию, принося на землю отдаленное эхо некогда противоборствующих кармических положений, которые должны теперь разрешиться в общем деянии, так как всех этих соединенных сил едва хватит, чтобы рассеять мрак, угрожающий будущему человечества.

* * *

Еще до начала войны Драмы-Мистерии побуждали искать в прошлых жизнях истоки современных кармических положений. Ретроспективные видения, ведущие к Средним векам во второй драме, к Древнему Египту в четвертой, поставили перед глазами членов Общества кармические сплетения, переходящие из жизни в жизнь. Откровение 1924 года изобилует уточнениями о ходе истории, которые можно проверить, открывают перспективы, стимулирующие дух. Слушателей ведут к выходу за узкий горизонт жизни, обусловленной сложностями сегодняшнего дня, чтобы наблюдать в духовном мире, как каждое темное деяние подготавливается в зависимости от тех, что ему предшествовали. Если бы каждый лучше видел, как личности накладывают на человечество посредством последующих жизней тот импульс, который движет его от эпохи к эпохе, может быть, он нашел бы энергию начать "решительный переворот", который в старину называли "обращением". В 81 лекции, прочитанных о карме, Штайнер не побоялся дать примеры последовательных воплощений личностей, игравших достаточно известную роль в истории, чтобы можно было оценить их поступки как объяснение того, как действует Карма. Он предложил членам эти примеры как "практические упражнения для исследования, сознательного и объективного". Ибо с тех пор, что он соединил в себе духовное руководство и управление делами временными, его задача не только учить, но и воспитывать членов. Если каждый преодолет свою сегодняшнюю субъективность и достигнет глубокого понимания законов Кармы, то некий прогресс будет осуществлен. Многие разногласия не будут больше поводом для личной борьбы, а станут стимулами для общего приближения к истинам, которых старается достигнуть каждый. Карма Общества от этого просветлеет и будет облегчена.

Эти столь своевременные объяснения были даны как раз перед ударом, который потряс все Общество и каждого члена в самой глубине его сердца и стал для всех суровым испытанием. Действительно, эта серия лекций будет прервана болезнью Рудольфа Штайнера. Последняя лекция будет и его прощанием с членами Общества. Объяснения, которые он дал о кармических узлах, сложившихся между отдельными индивидуальностями, и духовным течением, подобным Антропософии, одни позволяют догадываться о том, что произошло, когда на Рождественском собрании он, вместе с председателем, "взял на себя Карму Общества".

Какое значение вложить в это выражение? До какого предела простирается переплетение ответственности, которую он возложил на себя?

Общество не только собрание членов, его составляющих. "Высшие силы" должны были бы найти в нем избранный орган для проявления их теперешнего действия, действия, направленного против супостата, стремящегося закрыть для человека

вход "в Царствие Небесное". В Обществе сталкиваются силы сверхчеловеческие, и ставкой в этой борьбе между светом и тьмой является сознание человека, сознание добра и зла, правильного и неправильного, истинного и ложного, сознание столь жизненно важное, но и столь хрупкое, столь существенное, но и столь угрожаемое, которое должно быть пробуждено, укреплено и спасено для будущего всей эволюции. Судьба этого будущего решается в этом веке. Антропософия тесно связана с Кармой человечества, с решительным поворотом его судеб, и нельзя удивляться, что тот, кто делается ее провозвестником, становится мишенью врага. Когда он должен вырывать у духа те зерна, те семена, которые от него ждут, которых он не успеет увидеть возросшими, но которые должны быть даны пока он еще в силах это сделать, преграды будут ставиться на его пути, и он должен вести борьбу, тайну которой он не открывает. Он никому не сообщает о своих ночах "в Гефсиманском саду", но когда он приоткрывает некоторые стороны этой борьбы - явление редкое, и тем более для нас драгоценное, - то, что он говорит об этом, позволяет догадываться, как далеко эта борьба оставляет за собой вое внешние трудности. Можно привести, например, то, что он сказал однажды о такой проблеме: иметь видение духовной истины и не иметь слов для ее высказывания:

"Великие вопросы, касающиеся жизни, были видимы в глубине сферы Михаила. Но - дается урок: великое расстояние отделяет вопрос, который осознаешь в своем сердце, от слов, которыми можно о нем сказать... Эти вопросы, о которых я говорю, продолжали жить в моей душе и так вошли в XX век. Даже в недрах Антропософского движения еще многие вещи должны были оставаться несомыми в душе. В их числе были, главным образом, те истины, которые касались исторических событий. Всего лишь несколько месяцев назад я получил возможность говорить о них. Вот почему я смог свободно говорить о некоторых нитях следующих друг за другом жизней, и еще буду о них говорить, ибо эти вещи являются частью Мистерии Михаила, открывающейся в настоящее время... С Рождественского собрания я могу открывать вещи не новые (в оккультизме нельзя передавать на завтра то, что узнал сегодня), но вещи, которых до сих пор демоны (противники Михаила) не давали мне открывать"⁹⁵.

Теперь делается понятным, что решение передать людям некоторые сведения, нужные им для того, чтобы они знали, как вести себя, включило его в битву, "нести Карму" которую он взял на себя.

Ита Вегман позднее вспоминала несколько слов, проливающих свет на это положение. Он оказал: "Если импульс Михаила не будет принят, будут действовать демоны, противники Михаила". - "Что же из того последует?" - "Тогда должна будет исполниться Карма" - ответил он.

Когда доходишь до 1924 года в жизни Рудольфа Штайнера, останавливаешься, как на пороге некой тайны, тайны, которая прояснится только неполно и постепенно. Вот несколько намеков, позволяющих к ней приблизиться.

1924 год, - как, впрочем, и 1923, - начинается с прямо нанесенного ему удара. Первого января 1923 года пылал Гетеанум. Годом позднее, день в день, Рудольфа Штайнера внезапно поражает болезнь, которую ничто не сможет победить, ни гигантская власть его над собой, ни самый квалифицированный уход и лечение.

Конечно, потеря Гетеанума уже нанесла удар его жизненным силам, уже увеличила разрыв между душой и телом, но не было ничего похожего на тот удар, который Мария Штайнер сравнивает с ударом кинжала. Это произошло после полудня, в день Нового Года. Собрание только что закончилось. Перед разездом члены собрались в Столярной на дружественный "раут". Предлагались чашки чая и легкое печенье. Ему также предложили. Он выпил чай, проглотил кусочек и вдруг почувствовал резкое недомогание. Он счел себя отравленным, но с тех пор любая принимаемая им пища производила на него действие яда, хотя ничто не могло доказать наличия отравления. Как бы то ни было, с этого дня всякая пища вызывала страдания и он питался все меньше и меньше. Совершенно невозможно понять, как при этих условиях он может еще вести в течение девяти месяцев ту жизнь, которую никто не мог выдержать с ним рядом. С каждым днем он становился все прозрачнее. Казалось, он тащил свое тело за собой на ниточке. Но когда он брал слово, это был другой человек. Он излучал такую интенсивную жизнь, что невозможно было верить, что он серьезно болен. Утомлен, да; но серьезно болен? Эта мысль не приходила по-настоящему в голову. С ним привлекли к чуду. Все верили.

Тем более велико было потрясение, когда 25 сентября члены, пришедшие вечером на лекцию, увидели закрытую дверь и прочли объявление, что в этот день лекция не состоится.

До Михайлова дня он сопротивлялся развитию болезни, пожиравшей его внутренности. 28 сентября он в последний раз открывал духовные глубины Антропософии, но вскоре был вынужден остановиться. Он сошел с эстрады и покинул в молчании зал, провожаемый взглядами членов, которые все встали и со сжавшимся сердцем слушали удалявшиеся шаги того, кого им больше не суждено было увидеть живым.

XXXVI. ЧТОБЫ ВСЕ ИСПОЛНИЛОСЬ...

"Когда из глубин души исходит дух, который обращается к Мировой Сущности..."

Р. Штайнер: "Календарь души".

Строфа на 30 марта.

С этих пор он больше не покинет мастерской, смежной со Столярной, где он работал над большой деревянной группой, еще не законченной, представляющей Христа между Люцифером и Ариманом. Она у него перед глазами. Он остается в сердце всей работы. Свет падает сверху на кровать, которую тут поставили и которая скоро оказывается заваленной бумагами, книгами, оттисками Курса по медицине, который он пишет совместно с доктором Итой Вегман.¹⁴⁰ Эта последняя, с помощью доктора Нолля, ухаживает за ним, облегчает его страдания. Из Столярной доносится шум машин, идет работа над новой постройкой. Он принимает немногих посетителей для краткой беседы, слушает чтение писем, диктует ответы и, главное, продолжает писать для Бюллетеня членов Общества и для журнала "Гетеанум".

Для последнего он начал прошлой весной автобиографический рассказ об обстоятельствах своей жизни, по просьбе тех, кто настаивал, чтобы он опроверг точными фактами клеветнические инсинуации, распространенные его преследователями. К моменту его смерти, этот рассказ дошел до его встречи с Теософическим Обществом.⁶

В "Бюллетене" появляются каждую неделю "Письма" и "Руководящие положения". Их целью является побудить членов Общества сосредоточиться на Учении, возобновить в свете импульса, полученного на Рождество изучение и координацию всего, что разбросано в 6000 стенографированных лекций и в 20 изданных книгах. Сейчас - дело рабочих групп найти единство среди богатства текстов и обилия затронутых тем.

В начале он предполагал сам в лапидарном стиле выделить основные мотивы. Но очень скоро он уже работает не над систематизацией уже им данного, а зажигает новые очаги света. Он продолжает начатые им раньше изыскания об исторической Карме Антропософского движения, направляя их к тому, что он называет "Мистерией Михаила". По мере его продвижения, взор его все больше и больше освобождается от ограничений времени и пространства и широко охватывает прошлое и будущее "Михаэлической мысли". То, что он описывает, пророчески приложимо к условиям жизни, в которых

мы существуем сегодня. Он уже видит последствия ослабления связей между человеком и живой природой, захват Ариманом области мысли, исторические потрясения, вызываемые душой сознательной, борьбу Михаила за человеческую свободу; технократию, угрожающую эту свободу задуть. Чтобы спасти человечество от этих опасностей, он указывает на единственное средство: завоевать Науку о Духе, которая поднимается настолько же высоко в сверхчувственный мир, насколько техника нас увлекает вниз, в материю и под-материю.

"Научная эпоха, начинающаяся с середины XIX века, видит, как мыслительная деятельность человека опускается во все более низкие области природы, и даже проникает в под-природу (электричество, магнетизм, радиоактивность). Мир техники (машины и промышленность) сам порождает под-природу.

В противовес человек должен найти своими собственными силами знание Духа, которое поднимет его столь же высоко в сверхчувственно сколь низко он опускается технической деятельностью ниже уровня естественного. Этим он создает в себе самом силу не потонуть". 141

Эти слова были написаны за несколько дней до его смерти. Его взор еще находит силы проникнуть за темную завесу будущего. И все же, даже в эти минуты высших побед духа он вынужден отражать нападение врага, ставящего свою последнюю карту. Эту борьбу он ведет в тайниках своей души. О ней он не говорит и до самого конца отдает миру только положительные результаты своих побед, умалчивая, если позволено будет так сказать, о пролитой им крови. Но и здесь снова в записных книжках, найденных после его смерти, находим мы следы этой борьбы. В записи от ноября 1924 года несколько строчек стихотворения приподнимают край завесы над его молчаливыми битвами:

"Ты, маг и отрицатель всякой жизни, Ты прокрадываешься ночью И вливаешь по каплям враждебную силу В благородную мощь космического огня, В мудрое сплетение судеб, В вечное могущество Божественных Воль, Чтобы шире распространить демонический яд, Который терзает души, и ко мне Подползает, как змея". 126

О пережитом в эти свои "темные" ночи, действительно ли он никогда ничего не говорил? Все же - сказал. Но не личным признанием, а одной сценой в Драмах-Мистериях. В последней картине последней драмы, которая каждый год предстает перед тысячами зрителей в Гетеануме, разыгрывается подобный поединок. Более чем одинокий, отторженный от своих последователей, осаждаемый Ариманом, подвергнутый испытанию Бенедиктус освобождается от своего врага, когда узнает его, изобличает его, побеждает мыслью. Ариман тогда разоблачен, вынужден бежать.

"Пора мне уйти поскорей
Из поля его сознания.
Ибо как только его видение
Сможет продумать меня в моей истинной сути,
Тотчас же родится в его мысли
Часть силы, медленно меня уничтожающей.*
(Ариман, строфа 3130)
/*Последние строки Драмы-Мистерии "Пробуждение душ"./

Если сблизить этот конец "Мистерии" с последними предупреждениями, полученными от Рудольфа Штайнера, мы находим в нем ту же победу над силами тьмы и то же требование: нужно быть бдительными, мыслить ясно, и, как он писал после пожара, принудить себя к могуществу мысли.

* * *

Проходят недели. Пройден поворот года. Силы его все падают. Он почти не принимает больше пищи. Худоба его доходит до предела. Кажется, что он этого не замечает. Он продолжает быть в курсе всего: исследований в институтах, состояния больных в Клинике. Он пишет школьникам Вальдорфской школы, ему приносят последние издания. Мария Штайнер мужественно отправляется в поездку с эзритмистками, которая задерживает ее далеко от Дорнаха. Общество томится в ожидании новостей. Выздоровления его они ждут...

Как объяснить, что он также говорит о выздоровлении, тогда как клинические данные предвещают обратное? В его письмах к Марии Штайнер всегда возвращается лейтмотив выздоровления, которое позволит ему скоро вновь вернуться к работе.

Как это понять? Туманится ли его ясный взгляд, когда он обращает его на себя? Хочет ли он успокоить тех, кто его окружает, скрывая от них свою собственную тревогу? Ни то, ни другое предположение не кажется приемлемыми. Тогда почему же, до конца, он говорит о своем выздоровлении? Присутствие его духа абсолютно. До самых последних минут он дает указания во всех случаях, когда к нему обращаются, вплоть до лечения, которое следует применять к нему самому.

Как же разрешить эту загадку, если не принять, что слово "выздоровление" имеет для него уже иное значение, чем для нас? Если он чувствует себя на пути к выздоровлению, то не оттого ли, что преобразование уже началось и что он присутствует при высвобождении вечных сил обновления, подлинного исцеления? Его дух все менее зависит от перегоревшей телесной оболочки, которая не преграждает больше его собственного излучения.

Он не сказал ни единого слова о приближающейся смерти. Только потом уже заметили, что отдавая, как делал еженедельно, рукописные листы для журнала "Гетеанум", он не добавил обычного "Продолжение следует" к последним словам, которые были им написаны и которые должны были появиться уже после его смерти.

Но есть нечто еще более загадочное. В ночь с 29 на 30 марта, когда наступают последние часы и смерть стоит рядом, доктор Ита Вегман спрашивает его, имеет ли он какое-нибудь последнее поручение, хочет ли передать через нее какое-либо послание Обществу, он смотрит ей прямо в глаза, молчит и отворачивается... Все должно совершиться... Время для слов прошло. Пришло время молчания. Он его более не нарушит. Даже когда на заре она позовет остальных членов Форштанда (правления), находившихся в Дорнахе, чтобы они присутствовали при его последних минутах. Они собираются: Альберт Штеффен, Гюнтер Ваксмут, Элизабет Врееде. Они видят его погруженным в глубокое внутреннее созерцание, за которым он, видимо, следит с величайшим вниманием, его взор, устремленный прямо перед собой, погружен в иные миры. Слух его следит за иными звучаниями. Дыхание спокойно замедляется. И когда между этим сияющим духом и оставляемым телом расстояние делается столь велико, что нить готова оборваться, он скрещивает руки на груди и, с последним вздохом сам закрывает глаза. Исцеленный.

Хотел ли он своим молчанием возвысить тех, кто его окружал, до полноты ответственности перед задачами, которые потребуют уже, в свою очередь, от них зрелого мастерства? Столь часто "слова Доктора" бывали предложением для столь многих лозунгов, что он в решительный час предпочел просто дать вырасти самому будущему. Пришло время, чтобы фразы, которые пассивно превращают в готовые формулы, сменились молчанием, в котором вызревают свободные решения.

Во всяком случае, такой смысл мог быть придан величии этой сцены.

Это было в понедельник утром, в десять часов. В столярной рабочие остановили машины и бесшумно сложили инструменты. Снаружи долина, покрытая цветущими вишнями, была залита силами весны, но весны тихой и торжественной. В этом молчании вскоре начал образовываться длинный поток членов Общества, поднимавшихся по склону. В течение трех дней под сияющим апрельским небом, они приходили отовсюду. В медленном шествии они проходили в Мастерскую, и у подножия статуи Христа не могли оторваться от созерцания черт своего Учителя, излучавших свет Воскресения.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1. ХРОНОЛОГИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ

- 1861 - рождение 25 февраля, в Кральевич (Австро-Венгрия).
- 1879 - поступление в высшую техническую школу в Вене.
- 1890 - назначение сотрудником гетевских архивов в Веймаре.
- 1897 - отъезд из Веймара в Берлин, главный редактор "литературного журнала".
- 1902 - основание немецкой секции теософского общества, назначение ГЕНЕРАЛЬНЫМ СЕКРЕТАРЕМ.
- 1907 - конгресс в Мюнхене пребывание в Барре.
- 1908 - первое представление в Мюнхене мистерии "врата посвящения".
- 1909 - первое представление в Мюнхене мистерии "испытание души".
- 1910 - первое представление в Мюнхене мистерий "страж по рога".
- 1911 - первое представление в Мюнхене мистерии "пробуждение душ".
- 1913 - (в феврале) основание антропософского общества, учителем которого он является.
- 1913 - (20 сентября) В Дорнахе заложен краеугольный камень первого Гетеанума.
- 1919 - борьба за трехчленность и создание вальдорфской школы.
- 1920 - первый конгресс, имевший место в первом Гетеануме.
- 1923 - пожар первого Гетеанума 31 декабря.
- 1924 - рождественское собрание. Рудольф Штайнер берет на себя председательство в антропософском обществе.
- 1925 - смерть в Дорнахе 30 марта.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2. ПО ПОВОДУ РУКОПИСЕЙ БАРРА

В 1906 году Рудольф Штайнер посетил в Париже Эдуарда Шюре. Эту встречу Шюре описал в своем предисловии к книге "L'Esoterisme chretien".

В сентябре 1907 года он пригласил Рудольфа Штайнера и Марию Сиверс провести несколько дней в его доме в Эльзасе, в Барре. Шюре только что закончил перевод "Le mystere chretien et les mysteres antiques" и хотел получить некоторые сведения для задуманного им предисловия к книге. Он обратился к Рудольфу Штайнеру с просьбой сообщить ему некоторые детали, касающиеся его личности, а также осветить свое отношение к различным вопросам. По вечерам Шюре задавал вопросы своему гостю, а тот ночью составлял письменные ответы, которые он наутро отдавал Шюре.

Было три серии этих рукописных листов.

Первая, касающаяся его личного развития, вторая - о Христиане Розенкрейце, третья - о Теософском обществе.

Шюре тщательно хранил эти рукописи. Он мне показывал их, когда он поручил мне издать его заметки, сделанные им по-французски во время 18 лекций, прочитанных Штайнером в Париже с 25 мая по 15 июня 1906 года. Но он отложил публикацию листов рукописей Барра. Он только попросил своего душеприказчика, Альфонса Ру, передать их мне после его смерти, чтобы я распорядилась ими, в зависимости от обстоятельств.

Когда я получила эти рукописи в 1931 году, я сняла с них фотокопию, которую передала Марии Штайнер. Она обдумывала, как будет лучше их обнародовать и, в конце концов, зная, что я готовлю биографию Рудольфа Штайнера, остановилась на решении поместить отрывки из этих рукописей в качестве документации в мой рассказ. И действительно, эти отрывки, во французском переводе, были включены в первый том "Эпопеи". С тех пор немецкий текст был опубликован в Nachrichten der Rudolf Steiner Nachlass-Verwaltung, N213 Дорнах, Швейцария. Полный французский текст сейчас можно найти в ронетипированных тетрадах Антропософского общества (Французская секция). Париж, 1973.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. С. О. Прокофьев, "Рудольф Штайнер и краеугольные мистерии нашего времени" (Изд. "НОИ", 1992).
2. Анна Самвебер, "Из моей жизни. Воспоминания о Рудольфе Штайнере и Марии Штайнер фон Сиверс".
3. Р. Штайнер Календарь души. 1912г. Библ. 40.
4. Лекция 4 февр. 1913 год - "Briefe" I. Dornach, 1948.
5. Р. Штайнер "Испытание души" 1911, 5 карт. Рассказ фрау Бальде (дан в сокращении). Библ. 14.
6. Р. Штайнер "Мой жизненный путь". Библ. 28.
7. "Я посещал церковную службу, так как одно время - мальчиком - прислуживал в церкви. Но ни у одного из известных мне священнослужителей не было ни истинной веры, ни глубокой религиозности". Р. Штайнер. Рукопись из Барра, №1.
8. О смысле и значении слова Карма.
9. Письмо К. Barth к М-м Козак от 6. 08. 1827.
10. Лекция от 14 февраля 1913.
11. Р. Штайнер. Письмо от 13 января 1881 год - "Briefe" I. Dornach, 1948.
12. Письмо от 27 июня 1881 г. В письме указаны следующие адреса: в Вене, кафе Гринштейдд, Херренгассе; у его родных - Брюннам Гебирге, под Веной. Кафе Гринштейдль находилось недалеко от Церкви Августинцев. В нем было написано "Goethe's Weltansctmmg" ("Мировоззрение Гете").
13. Письмо от 22 ноября 1890г.
14. "Литературный журнал", 1897
15. Письмо от 1 сент. 1889 г. Ф. Леммермайеру.
16. Письмо от 23 янв. 1891г.
17. Письмо от марта 1891г.
18. Письмо от 9 авг. 1889 г.
19. Биографические летописи Гёте.
20. "Credo" изд. в "Briefe", I, Дорнах, 1948.

21. Р. Штайнер. Как достигнуть познаний высших миров?
22. Письмо от 30 ноября 1890г.
23. Письмо от 7 окт. 1891г.
24. Письмо к г-же Шпехт от 20 марта 1892 г. - См. также Лекцию от 19 февр. 1922 г., Дорнах.
25. Письмо к г-же Шпехт от 20 мая 1891 г.
26. Р. Штайнер. Предисловие к Естественнаучным трудам Гёте
27. Диссертация 1891 г. В дополненном виде издана в 1892 г. под заглавием: Р. Штайнер, Истина и наука. Пролог к "Философии свободы" М. "Дух. знание", 1913. Библ. 3.
28. Р. Штайнер, Философия свободы" Библ. 4.
29. "Weimarer Zeitung", 1922, Rollet.
30. Р. Штайнер, "Мировоззрение Гете", 1897. Предисловие. Библ. 2.
31. Лекция от 16 сент. 1924, Дорнах.
32. Письмо от 2 окт. 1902 г.
33. Лекция от 13 мая 1921, Дорнах.
34. Письмо от 21 марта 1894 г-же Шпехт.
35. Haeskel. Das Profistenreich. Leipzig, 1878.
36. Письмо от 21 марта 1894 г.
37. Лекция от 29 июня 1919 г, Дорнах.
38. "Литературный журнал", 22 янв. 1898.
39. Предисловие Э. Шюре к его переводу книги Р. Штайнера "Христианство как мистический факт" на французский язык.
40. R. Steiner. Haeskel und seine Gegner, 1900. (Геккель и его противники)
41. Лекция от 1 сент. 1921, Штутгарт.
42. Письмо от 23 дек. 1894 к г-же Шпехт.43."Так говорил Заратустра" ("Литературный журнал", 18 дек. 1900).
44. "Literaturischer Mercur", 1912, стр. 106. Статья о Ницше.
45. "Ницше - борец против своего времени", 1895.
46. "Врата посвящения", 2-я картина. ("Врата посвящения").
47. Лекции в Дорнахе от 27 окт. 1918 и 19 февр. 1922.
48. "Берлинский ежедневный листок", 1930, 21 августа, Фельетон за подписью Poritsky.
49. Воспоминания Вольдемара Сакса (W. Sachs), помещенные в "Anthroposophie", Stuttgart, 1930, 5 okt.
50. H. Lichtenberger. L'Alkmagne moderne.
51. Цикл лекций (История и условия антропософского движения в отношении к Антропософскому обществу) Dornach, 1923. библ. 258
52. Риттельмейер. Моя жизненная встреча с Р. Штайнером, Stutgart, 1928.
53. Лекция от 4 февр. 1913, Берлин.
54. Воспоминания Иоганны Мокке (J. Mucke) - "Гетеанум", 1925.
55. Письмо к Кирхбаху от 2 окт. 1902 г.
56. "Oer Vahan", Leipzig", 1902, т. 3, М9.
57. Письмо к Рихарду Шпехту от 18 окт. 1890.
58. Письмо от мая 1903 Матильде Шолль.
59. Лекция от 21 июля, Дорнах, 1922.
60. Kleeberg, L. Пути и слова. Basel, 1928.
61. Р. Штайнер, "Жизнь между смертью и новым рождением"
62. Р. Штайнер, "Психологические Афоризмы"
63. Р. Штайнер. Евангелие от Матфея.
64. П. Короз, Мистерия искупления тела, 1948.
65. Р. Штайнер. Сознание посвященного. Истинное и ошибочное в духовном исследовании. 11-12 авг. 1924, Токвей.
66. Р. Штайнер. Центры древних мистерий.
67. Журнал "Гетеанум" (Дорнах), авг. 1925.
68. Гёте И. В. Тайны. Пер. С. В. Шервинского. (Собр. Соч. в 13-ти томах, М. -Л., 1932, т. 2).
69. C. Schneider. E. Sch?re's Begegnungen mit R. Steiner. Basel. (К. Шнейдер. Встречи Эд. Шюре с Р. Штайнером. Базель)
70. А. Штеффен, Встречи с Рудольфом Штайнером, 1926.
71. Leinhas E. Aus der Arbeit mit Rudolf Steiner. Basel, 1950. "Из работы с Рудольфом Штайнером".
72. Strakosch, A. Lebensuge mit R. Steiner. Strassburg, Z?rich, 1947.
73. M. Steiner. - "Das Getheanum"1925, авг.
74. Р. Штайнер. "У врат теософии". 1 лекция. 1906. Библ. 9575.Эд. Шюре. Христианский эзотеризм, опыт психологической космогонии. 18 лекций Р. Штайнера, собранные Эд. Шюре. Изд. "Духовное знание", Париж.
76. Mauger, Th. Святая Одилия.
77. Г. Вакмут. Мистерия и дух, история человечества, 1928.
78. Duodat R?che. Le Catharisme. Toulouse, 1947.
79. Р. Штайнер. "Вселенная, земля и человек". 1908. Библ. 105.
80. Р. Штайнер. Загадки философии, 1914. Библ. 18.
81. Р. Штайнер. От Иисуса ко Христу, 1911. Библ. 131.
82. Г. Вакмут. Рождение науки духа...
83. Джозефина Рансом. Краткая история Теософского Общества Адьяр, 1938.
84. Матильда Шоль, № 1.
85. Письмо Э. Шюре Шарлю Блех от 1 марта 1913
86. Лекция от 13 февраля 1923. Штутгарт
87. Лекция от 16 апреля 1924, Берн
88. Лекция от 3 февр. 1913, Берлин
89. Лекция от 19 августа 1923, Пенменмаур
90. Стокгольм и Хельсинки, 1913
91. Лекция от 12-15 дек. 1911. Берлин
92. Предисловие Марии Штайнер к "Земной и Космический человек" 1912. Библ. 133
93. Steiner R. Geschichte und Bedingungen der antroposophischen Bewegung in Verhaultniss Zur anthrop. Gesellschaft - лекции 1923.
94. Лекция от 5 ноября 1912, Берлин.
95. "Rudolf Steiner und die Zivilisations aufgabe".
96. Лекция от I okt. 1910, Берлин

97. Рудольф Штайнер "Экскурс в Евангелие от Марка"
98. Рудольф Штайнер "Конструктивные мысли" (Aufbaugedanken)
99. Лекция от 21 сент. 1923, Дорнах
100. Лекция от 22 сент. 1913, Базель. См. также гл. 13 книги Е: Вреде, "Антропософия и астрономия"
101. Лекции от 19 сент. 1924, Дорнах
102. Лекция от 18 октября 1914, Дорнах
103. Лекция от 19 января 1914, Берлин
104. М. Штайнер. "Buhnenkunst", театр. 2
105. А. Тургенева. Воспоминания о Р. Штайнере, Штуттгарт, 1972
106. Лекция от 13 сент. 1914, Дорнах
107. Лекция от 13 авг. 1914, Дорнах
108. Воспоминания Иты Вегман
109. Хельмут фон Мольтке Воспоминания, письма, документ. Штутгарт, в 1922
110. Jules Sauerwein. (Le Metin), 1924
111. Steiner, R. Karma - Betrachtungen. Dornach, 19 сент. 1924
112. Пути к новому строительному стилю. Дорнах, 1914
113. Nachrichtenblatt, 1949, № 1, 2, 3. (Листовки)
114. Рудольф Штайнер "К обновлению архитектуры"(Уезз пи nouveau style ей architecture.)
115. Рудольф Штайнер "Природа цветов" (La nature des couleurs)
116. Лекция от 2 января 1916, Дорнах.
117. "Notwendigkeit und Freiheit im Weltgeschehen und im menschlichen Handeln" - "Gegenwartiges und Vergangenes im Menschengeschehen". Berlin, февраль 1916. (Необходимость и свобода в мировом событии и в человеческий Торгут - "Современное и прошедший в человеческом духе)
118. Гюнтер Ваксмут "Рождение науки духа" Waehsmuth, G. Geburt der Geisteswissenschaft.
119. Лекция от 14 апреля 1919 г. Дорнах.
120. Р. Штайнер "Суть социального вопроса", 1919 (Steiner, R. Die Kernpunkte der sozialen Frage, 1919.)
121. Р. Штайнер "Общая антропология как основа педагогики" 1919
122. Лекция от 20 июля 1924. Арнхейм
123. Лекция от 4 сент. 1921. Штутгарт
124. Р. Штайнер. Речь на открытии 26 сент. 1920. Дорнах
125. Лекция от 25 декабря 1922
126. Р. Штайнер. Изречения (Wahrpruchworte), Дорнах, 1969
127. Лекция для рабочих 5 января 1923, Дорнах
128. Лекция для рабочих 13 янв. 1923, Дорнах
129. Лекция для рабочих 21 февр. 1923, Дорнах
130. Лекция для рабочих 6 февр. 1923 г. Штутгарт
131. Лекция 27 февраля 1923. Штутгарт
132. Лекция от 30 января 1923, Штутгарт
133. R. Steiner. Les Fefes cardinales - Triades, t. VIII, №1, printemps, 1960
134. Лекция, январь 1924, Дорнах
135. Лекция 18 Июля 1924, Арнхейм
136. Лекция от 23 марта 1924, Париж
137. Р. Штайнер. Курс Антропософии (R. Steiner. Cours d'Anthroposophie Usq. Sauerwein)
138. Cf. "Die Konstitution der Allgemeinen Anthroposophischen gesellschaft 1924-1925". Dornach, 1966 (Структура Антропософского общества)
139. Лекция от 12 августа 1924, Торквей
140. R. Steiner und Dr. Ita Wegman. Erweiterung der Heilkunst (Основы развития врачебного искусства)
141. Р. Штайнер. Руководящие положения